Курт «Panzer» Майер

ОТКРОВЕНИЯ ТАНКОВОГО ГЕНЕРАЛА СС

Черная гвардия Гитлера

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Скандальные мемуары одного из самых известных командиров ваффен-СС, по своей популярности в войсках сравнимого лишь с Паулем Хауссером и Зеппом Дитрихом. Циничные откровения эсэсовского генерала, заслужившего почетное прозвище Panzermayer («Бронированный Майер»). Агрессивный, упорный, способный быстро ориентироваться в критических ситуациях, он по праву считался одним из лучших танковых командиров Второй Мировой. За успешные действия в 1941 году на Украине, в марте 43-го под Харьковом и в июле на Курской дуге Курт Майер был назначен на должность Divisionsfuhrer'a 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгенд», которую набирали из наиболее фанатичных представителей нацистской молодежи. Тридцатитрехлетний бригаденфюрер стал самым молодым дивизионным командиром Третьего Рейха. Осенью 44-го, тяжело раненный при прорыве из Фалезского котла, легендарный Panzermayer попал в плен.

Эта книга была написана сразу после освобождения из тюрьмы, где Майер отбывал срок за военные преступления. До самой смерти бывший генерал войск СС, переквалифицировавшийся в торговца пивом, пропагандировал миф о том, что эсэсовцы якобы «такие же солдаты, как все». Однако его собственная книга опровергает это, доказывая, что войска СС были гораздо более фанатичны и преданы нацистскому режиму, чем обычные солдаты Вермахта, до самого конца войны оставаясь черной гвардией Гитлера.

- Курт «Panzer» Майер
  -
  - Взгляд на войну одного из лучших немецких танкистов[2]
  - Польша
  - Из Праги на Западный фронт
  - Операция против Роттердама
  - Во Францию!
  - Создание разведывательного батальона в Метце
  - Балканы
  - В Грецию!
  - Переход через Пелопоннес
  - В сражениях против Советского Союза
  - Из Заселья на Херсон
  - От Днепра к Дону

    - Зимние сражения 1942/1943 г
    - Сражение за Харьков
    - Контрудар
    - 12-я Танковая дивизия СС
    - Вторжение
    - Последняя битва за Кан
    - От сдачи Кана до Фалезского котла
    - Дальнейшая судьба 12-й Танковой дивизии СС
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24

Курт «Panzer» Майер
Откровения танкового генерала СС

Во время службы на командных должностях в период войны мне не раз приходилось участвовать в боевых действиях во взаимодействии с частями Ваффен-СС. На них можно было положиться.

12-я танковая дивизия, о которой идет речь во второй части предлагаемой вниманию читателя книги, была подчинена мне в течение пяти нелегких недель в районе высадки армии вторжения союзных войск.[1] Командиром упомянутой дивизии был автор данной книги, генерал-майор Ваффен-СС Курт Майер. В конце войны мы вместе с ним провели долгие месяцы в лагере военнопленных в Энфилде (Англия).

В декабре 1945 года меня доставили в Аур их, где мне предстояло давать показания перед канадским военным трибуналом, рассматривавшим дело Курта Майера. Я был единственным из немецких военных, кому позволили выступить свидетелем его защиты. Кроме того, нескольким его боевым товарищам, включая и меня, было разрешено встретиться с генерал-майором Майером после объявления ему смертного приговора.

После того как смертный приговор был заменен пожизненным заключением, я по мере возможности общался с его супругой, а позже и с ним. Мы оставались друзьями до самой его безвременной кончины.

Таким образом, я знаю лично генерал-майора Курта Майера и имею представление о 12-й танковой дивизии СС, находившейся под его командованием. Я видел ее в лучшие дни, но больше в чрезвычайно сложные периоды.

Книга «Пехотинцы-гренадеры» повествует о сражениях частей Ваффен-СС в годы Второй мировой войны под командованием генерал-майора Майера, которого в войсках называли «Майер-танкист» («Panzermeyer»), на территории Польши, Франции, на Балканах, и в России, и в районе высадки англо-американцев. Храбрость, дружеская взаимопомощь, благородство и любовь к родине упомянутых в данной книге войсковых частей олицетворяют мужество, готовность к самопожертвованию и стойкость всех частей Ваффен-СС, как, впрочем, и германских вооруженных сил в целом. Эта книга была написана Куртом Майером сразу же после выхода на свободу после девяти лет заключения. Автор мемуаров поставил целью выступить в поддержку своих оставшихся в живых солдат, для которых он был и оставался отцом-командиром, и отдать дань уважения памяти всех павших в боях товарищей.

12-й танковой дивизии, которой посвящена часть этой книги, действовавшей на самых сложных участках фронта, ценою неисчислимых потерь в течение долгих десяти недель приходилось сдерживать натиск превосходящего по численности и материальной оснащенности противника — группы армий маршала Монтгомери. И всегда она совершала, казалось, невозможное. Проявленные ею стойкость и выдержка были бы немыслимы, если бы речь шла о слепом повиновении нижестоящего вышестоящему. Молодые солдаты дивизии благодаря образцовой боевой выучке и разумным требованиям командного состава были ориентированы на самостоятельность действий. За всем этим стояла любовь к родине.

Своими успехами 12-я танковая дивизия нередко была обязана личности ее 34-летнего командующего. Способность принимать единственно верные решения, острый ум и чутье позволяли ему оказываться в нужное время в нужном месте. Его воля и сила личного примера придавали силы солдатам, в том числе тем, кто не находился в его прямом подчинении, позволявшие им сдерживать противника и даже контратаковать его. Гибель своих солдат Курт Майер воспринимал как личную утрату.

Поведение Курта Майера на суде победителей в Аурихе в конце 1945 года, его хладнокровие и невозмутимость даже после объявления ему смертного приговора вполне сравнимы с его отвагой в боях. Следует отдать дань уважения мужеству и благородству канадского генерала, отказавшегося подписать смертный приговор Курту Майеру, что и обусловило вынесение ему наказания в виде пожизненного заключения. Заслуживает уважения и сам Курт Майер, не замаравший чести офицера ни в

камере смертников, ни в тюрьме среди преступников.

Нелегким бременем легла на его плечи забота о жене и пятерых детях, которые в течение всех девяти лет его пребывания в местах заключения получали от государства лишь мизерное вспомоществование.

Но ни в тюрьме, ни после освобождения Курт Майер не позволял чувству ненависти возобладать над разумом. С помощью старых друзей он сумел быстро влиться в новую жизнь. Несмотря на подорванное в тюрьмах и лагерях здоровье, последствия ранений, этот человек находил в себе силы проявлять заботу о вдовах и сиротах своих погибших товарищей, не забывая и об оставшихся в живых. Так увидела свет и эта книга, по этой же причине Курт Майер взял на себя нелегкую обязанность уполномоченного HIAG.

В рядах 36 дивизий Ваффен-СС сражались 900 000 солдат. 400 000 из них погибли в боях или пропали без вести. Из тех, кто остался в живых, каждый второй имел одно или несколько ранений. Эти цифры сами говорят за себя. Если прибавить к ним членов семей служащих частей Ваффен-СС, то речь идет о миллионах граждан Германии. Ни одно демократическое государство не может просто отвернуться от сотрудничества с таким количеством своих граждан без явного ущерба для себя, тем более тех, кто на деле доказал верность родине и готовность принести себя в жертву ради ее блага. И Карл Майер, будучи уполномоченным HIAG, руководствуясь именно любовью к родине и приобретенным в годы войны здравомыслием, призывал своих боевых товарищей к сознательному сотрудничеству с нашим демократическим государством. Он шел на это, хотя подход к бывшим солдатам Ваффен-СС в нашем государстве существенно отличался от такового к остальным участникам Второй мировой войны. Вдова Курта Майера и поныне не получает никакой пенсии — ни за мужа, ни за себя.

После 1945 года на Ваффен-СС обрушился целый водопад ненависти. И, надо сказать, многие обвинения, предъявляемые сегодня служащим этих воинских формирований германских вооруженных сил, не выдерживают объективной проверки на предвзятость. Не только зарубежье, но и часть населения Германии бросает в адрес Ваффен-СС упреки, ставит знак равенства между ними и структурами СД и общих СС. Именно ради восстановления исторической правды и написана данная книга. Опубликование ее, несомненно, будет способствовать формированию объективной исторической оценки сути и назначения этих войск. И еще одно: в книге без каких-либо искажений описываются дела солдат Ваффен-СС, и дети

погибших смогут прочесть об этом и гордиться храбростью своих отцов, их мужеством и стойкостью, любовью к родине и благородством. Кроме того, они узнают из нее об ужасах войны.

В лице генерал-майора Курта Майера немецкая армия потеряла образцового и знающего командира, верного солдата, проникнутого духом благородства и любовью к отчизне. Величие его как человека, проявленное и на суде, и в тюремных застенках, и после освобождения из заключения, ставит Курта Майера в пример немцам, ради которых он служил и сражался.

Генрих Эбербах, *генерал танковых войск в отставке.*

Взгляд на войну одного из лучших немецких танкистов [2]

Книга бывшего командира 12-й танковой дивизии СС «Гитлерюгент» Курта Майера «Гренадеры» (в русской версии — «Откровения танкового генерала СС») наделала много шуму сразу после выхода в 1957 году. По сути, это была первая попытка оправдания ветеранов боевых частей эсэсовцев. Сам автор несомненно был очень яркой и колоритной личностью — об этом можно судить даже по языку его произведения.

Неформатный офицер

Курт Майер прожил недолгую, но очень яркую жизнь. Родился будущий танкист в семье фабричного рабочего в 1910 году. Судя по тому, что он стал штурмовиком отрядов СА в 20 лет, за три года до прихода НСДАП к власти, а через год попал в личную охрану Гитлера, Майер был убежденным наци.

Во время войны автор сделал блестящую карьеру: если в Польше он был командиром противотанковой роты в чине

гаптштурмфюрера (соответствует капитану), то в 1944-м бригаденфюрер (генерал-майор) Майер ведет в бой танковую дивизию. Даже на фоне других представителей немецкой танковой школы он отличался решительными и быстрыми действиями с широким использованием танков, за что получил большую известность в войсках и прозвище «Panzermeyer». Любопытно, что его от остальных немецких офицеров, старавшихся в большинстве своем выглядеть «по уставу» даже в окопах, отличал крайне расхристанный вид.

О его характере красноречиво говорит его неординарное поведение. В 1936 году будущий генерал умудрился устроить драку во время попойки с соратниками из элитной бригады СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», что чуть не поставило крест на его карьере, — спасло вмешательство командира части, бывшего телохранителя Гитлера Зеппа Дитриха. В Греции при взятии перевала Клиссура Майер, когда его солдаты залегли под пулеметным огнем противника, поднимал их в атаку, кидая под ноги гранаты. «Шутка» удалась, стратегический объект был взят, и по итогам данной операции он первым из офицеров «Лейбштандарт» получил Рыцарский крест. В России у Майера были другие способы воздействия на подчиненных: при форсировании реки первый солдат, достигший берега, получал внеочередной отпуск домой.

Самый молодой дивизионный командир не только войск СС, но и всех немецких вооруженных сил, был несомненно смелым человеком, опытным и решительным офицером. Даже возглавляя дивизию, Майер постоянно попадал в передряги: обстрелы, бомбежки, перестрелки. Вокруг него гибли товарищи, но его судьба хранила. И даже будучи взятым в плен озверевшими от упорства немцев американцами, он умудрился выкрутиться. С него сорвали Рыцарский крест, жестоко избили прикладами, но командира СС (их зачастую расстреливали без суда) в нем не признали — помогла камуфляжная форма без знаков различия, сшитая из итальянской ткани, не похожая по расцветке на эсэсовскую.

В декабре 1945 года Курт Майер был приговорен к смертной казни канадским трибуналом за соучастие в убийстве пленных солдат этой страны. Однако в 1954 году бывшего военного преступника помиловали. На свободе он работал на пивоваренном заводе и параллельно был пресс-секретарем ХИАГ (Общество взаимопомощи бывших членов войск СС), отвергая критику, что организация представляет также такие одиозные соединения, как СС «Мертвая голова» и СД (служба безопасности). Любимое изречение Майера на эту тему было: «где начинается преступление, там прекращается товарищество». В ноябре 1961 года самый молодой командир дивизии в истории Германии умер от разрыва сердца, оставив жену и пятерых детей.

Восточный фронт

Курт Майер воевал в Голландии, Франции, Греции, России, затем снова во Франции, где был пленен. Причиной таких «путешествий» автор называет ущемление немцев условиями Версальского договора, унизившего Германию после Первой мировой войны. Не слишком ли увлеклись гордые тевтоны в реабилитации ущемленного самолюбия? Сухопутные силы воевали от полярных широт Норвегии до пустынь Северной Африки, а флот на юге и того дальше забрался — аж к Латинской Америке!

В качестве командира разведывательного танкового батальона бригады (позже доведенной до дивизии) «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» Майер три года воевал в России. Достаточно любопытно взглянуть на его видение ситуации. Из советских полководцев единственным, удостоившимся упоминания с положительной оценкой, стал Маршал Советского Союза Семен Буденный. Для нас, воспитанных в духе пренебрежения к данному персонажу, это покажется странным. Однако немцы справедливо считали Буденного родоначальником современной войны — ведь именно он создал Первую конную армию (никто в мире до него такие ударные формирования образовывать даже не пытался), которая первой в больших масштабах стала применять глубокие охваты, захождение в тыл…

Красноармейцы, по словам Майера, периодически совершают злодеяния в отношении пленных немцев: отрезают им половые органы, обливают раненых на стуже холодной водой, бросают связанных людей под гусеницы танков. Никто не спорит: стороны в той войне были обоюдно жестоки, доходило и до откровенно садистских преступлений. Но если в Красной армии такое поведение носило несистемный и эпизодический подход, то у немцев подобное отношение было поставлено, как говорится, на поток. И уж тем более в войсках СС — именно по этой причине «элитные» солдаты сплошь и рядом после пленения совершали «попытки к бегству», пресекавшиеся пулей.

Взять, например, совершенно людоедский приказ «О комиссарах», по которому немедленному расстрелу подвергались взятые в плен коммунисты и политработники. Он был обязателен не только для гитлеровских «гвардейцев», но и для обычного вермахта. Но «Panzermeyer» об этом даже не упоминает.

Зато сами красноармейцы в плен идут, по его словам, чуть ли не с удовольствием (такое действительно было на Западной Украине, да и то недолго, — пока «западенцы» не увидели, как с ними обращаются в лагерях). Только за первый год войны разведбат Майера, судя по приводимому им количеству людей и техники, пленил полноценные стрелковую и танковую дивизии противника. Это, конечно же, нонсенс. Во-первых, разведке, кроме языков, пленные не нужны, наоборот, они становятся обузой для выполнения непосредственных обязанностей. Во-вторых, если бы каждый немецкий батальон совершал такие эпические подвиги, к 1942 году в СССР попросту бы не осталось, кому и на чем воевать. Правда, таким самовосхвалением грешат ветераны всех стран. Так, например, почти у каждого советского танкиста есть на счету подбитая самоходная установка «Фердинанд», хотя за годы войны их было выпущено всего 90 штук.

Все оборонительные бои у «панцерного» Курта против Красной армии заканчиваются огромными потерями и тяжелыми поражениями для последней. Непонятно только, как постоянно «побеждающие» немцы к 1943 году откатились от Кавказа до Днепра. При этом из-за постоянной нехватки в подразделениях людей (а по сути — из-за больших потерь) командир жалуется на невыполнимость поставленных задач и дикое физическое и моральное перенапряжение личного состава.

Жалобы Майера на холод, снега и вьюги вызывают злорадство. Спрашивается, зачем вы поперлись в страну, где полгода зима, без теплых кальсон? Сидели бы дома, у теплого камина, пили шнапс.

«Подростковый» генерал

Летом 1943 года после окончания тридцатидневных курсов полковых командиров Курт Майер направлен в формируемую 12-ю дивизию СС «**Гитлерюгенд**» в качестве командира полка. Суть ее создания: назначить на командирские должности опытных фронтовиков-эсэсовцев, а личный состав набрать среди воспитанников одноименного молодежного движения, не достигших еще призывного возраста. Все патриотические «телеги» о рвущихся на фронт подростках на самом деле вскрывают проблему Германии того времени: потери на фронтах оказались настолько велики, что из взрослых «под ружье» ставить было некого. В СССР воевали тысячи мальчишек — прибавляли возраст в военкомате, были воспитанниками частей, юнгами, партизанами. Но до того, чтобы формировать из них подразделения (пусть не лгут создатели фильма «Сволочи») и уж тем более — целые дивизии — «сталинский режим» не додумался. Немцы в этом вопросе оказались «впереди планеты всей» — правда, не от хорошей жизни.

А ведь эти ребята были, по сути, будущим нации. В свои 17 лет воспитанники «**Гитлерюгента**» физически и интеллектуально ничем не уступали взрослым солдатам — настолько серьезно велась их подготовка. Но, прикрываясь лозунгами о решительной борьбе за выживание, из них — причем добровольцев — создали танковую дивизию, которая одной из первых приняла на себя высадку союзников в Нормандии. Через полгода из-за огромных потерь часть пришлось переформировывать. К концу войны из 21 300 человек личного состава, имевшихся в дивизии на декабрь 1943 года, в плен западным союзникам сдались оставшиеся в живых 455 солдат и офицеров и один танк.

Резюме

Мемуары Курта Майера стоят особняком от воспоминаний других немецких ветеранов. Во-первых, их отличает живой язык. Во-вторых, он был первым, кто попытался показать разницу между карательными частями и боевыми подразделениями СС. В-третьих, он успел побывать и в танковой башне, и за штабным столом дивизии, поэтому его взгляд на войну более широк. Ну а то, что он был врагом… По моему глубокому убеждению, даже противник имеет право поделиться своим видением произошедшего и сказать слово в свое оправдание.

Олег Шаргунов.

Польша

— Внимание! Танки, вперед!

До этого момента мы стояли замерев, не в силах оторвать взора от секундной стрелки часов. Сигнал получен, и все вокруг срывается с места — нас уже не удержать.

В робком свете занимающегося утра ревут танковые двигатели. Ускоряя темп, мы несемся к границе. Напряженно вглядываюсь вперед — в любой момент можно ждать смертоносного снаряда противника, пытающегося преградить нам путь на восток. И вот — у нас над головами раздается свист, шипение, завывание. Но опасность лишь подстегивает нас, придает нам силы и дальше нестись вперед, каждым нервом ощущая стремительный порыв. Мимо проносятся бойцы наших штурмовых групп, краем глаза замечаю, как они, подбежав к пограничным заграждениям, забрасывают их связками гранат. Пулеметный огонь прочесывает дорогу впереди, вспышки разрывов снарядов указывают нам цель атаки. Танки на полном ходу врываются в городок под названием Гола. Мост через реку Просну — уже подготовленный поляками к подрыву — захвачен нашей штурмовой группой целым и невредимым. Несколько минут, и населенный пункт в наших руках. Польские солдаты в панике выбегают из укрытий и траншей и, подняв руки вверх, направляются к нам. Наверняка даже не успев понять, что война для них окончилась, едва начавшись, заняв от силы десять минут.

Я стою над трупом польского офицера. Оборвавшая его жизнь пуля попала ему в шею. Из раны, пульсируя, сочится кровь. Да, это война! И вид погибшего со всей отчетливостью заставляет помнить о ее ужасах.

Но — не останавливаться! Дальше, дальше! Расщепленные взрывами упавшие деревья, окутанные дымом дома затрудняют продвижение, ухудшают видимость. Сгустившийся у земли туман смешивается с гарью.

Штаб полка меня не привлекает — я подкрадываюсь к окраине местечка Гола, а после этого бросаюсь вдогонку разведывательному дозору, следующему на БМР[3] Вообще-то у меня, как у командира истребительно-противотанковой роты, совершенно иные задачи. Но вероятность, что неприятель бросит в прорыв танки, мала, и поэтому мою роту разбивают на отдельные батальоны. Подобная практика никак меня не устраивает, и я решаю тайно следовать за танками. В танковых войсках я с 1934 года, я изучал танковое вооружение в Деберице/Эльсгрунде, позднее и в Вунсторфе/Цоссене, а теперь меня вдруг

взяли да перебросили в истребители танков, короче говоря, отстранили от дел.

Еще не успевает осесть висящая в воздухе пыль, как сразу же за Хрощчином обнаруживаю два наших тяжелых разведывательных бронеавтомобиля и взвод стрелков-мотоциклистов. БМР медленно вползают в туман. Видимость — хорошо если 300 метров. Внезапно тишину прорезает хлесткий выстрел польского противотанкового орудия. И сразу же начинает дымиться первая бронемашина. Ее гусеницы не успевают замереть, как поляки поджигают и вторую. Обе БМР застывают на месте примерно в 150 метрах от неприятельского орудия. Позиции, надо отдать должное полякам, замаскированы очень умело. Броню прошибает еще один снаряд, потом еще один. Пулеметная очередь заставляет нас залечь. Из-под брони доносятся стоны оказавшихся в ловушке солдат. Мы ничем не можем помочь и вынуждены смотреть на этот кошмар со стороны. С каждым прошивающим броню снарядом предсмертные вопли раненых товарищей становятся громче. Мы пытаемся добраться до танка, чтобы вытащить из зоны огня противотанковой пушки хотя бы успевших выбраться солдат. Но поляки не дают нам подойти к танку — враг ведет непрерывный пулеметный огонь. На наших глазах пули превращают в кровавое месиво сразу нескольких человек. Стоны уже едва слышны — я лежу на груде щебенки и оцепенело смотрю, как из щелей первого из подбитых танков струится кровь. Я не в силах шевельнуться, будто парализован. Мне до сих пор не довелось видеть ни одного из сражающихся поляков, а на моих глазах погибло несколько моих боевых товарищей.

Вдруг из тумана выныривает польская конница. Поляки несутся прямо на нас, невзирая на очередь, которую я даю по ним из автомата. Лишь когда в бой вступает взвод стрелков-мотоциклистов, когда удается подстрелить нескольких лошадей под всадниками, кавалеристы поворачивают и исчезают в тумане. Артиллерия ведет обстрел расположенной прямо перед нами высоты, а батальон мотопехоты атакует вражеские позиции. Молодые солдаты действуют как на полигоне, не страшась ни пулеметных очередей, ни артобстрела. Пространство на подходах к высоте простреливается, но и это не пугает бойцов, они наперекор всему неумолимо приближаются к противнику. С изумлением наблюдаю эту почти бесшумную атаку. С точностью управляемых механизмов гренадеры устремляются вперед. Поляки, не устояв перед их натиском, спешно покидают позиции. Наступление неукротимо продвигается вперед, ему не помеха ни попытки неприятеля оказать сопротивление, ни рельеф

местности. Каждый из этих прекрасно обученных солдат убежден в справедливом исходе этой войны и без раздумий готов пожертвовать собой ради восстановления законных прав нашего народа. Но, несмотря на воодушевление, поле битвы не оглашается победными криками. Не сомневающиеся в серьезности и правоте поставленной перед ними задачи молодые люди выполняют свой жертвенный долг. Для них война с Польшей — не захватническая кампания, а ответ на вопиющую несправедливость. С унижениями немецкого народа, санкционированными в Версале, должно быть покончено раз и навсегда. Польский коридор — невыносимое бремя, и оно должно быть сброшено. Воля — вот откуда они черпают силы и уверенность. Они не ландскнехты и не политические авантюристы, они готовы на жертвы ради будущего своего народа.

Эта молодежь — элита нации. Молодых людей отбирали из тысяч и тысяч добровольцев, чтобы потом четыре года они проходили боевую выучку. Полк «Лейбштандарт» к началу войны состоял из молодых людей 19 лет, а унтер-офицеры имели по 25 лет. И эти юноши, не заставшие политических передряг начала 30-х годов, пришедшихся на их школьные годы, на поиски идеалов, обретя эти идеалы, готовы были отдать за них жизнь. Как же они впоследствии поплатились за это! Жертвами какой низости стали! Каково отношение к ним даже сейчас! Но тогда, 1 сентября 1939 года, эти пехотинцы не могли предполагать, что настанет день, когда переполняемые ненавистью политики сделают их козлами отпущения, мальчиками для битья. Тогда они были солдатами, честно исполнявшими свой долг перед отечеством в духе унаследованных ими прусских военных традиций.

Около 10 утра городок Болеславец падет жертвой тяжелейших боев. Вражеская артиллерия не жалеет снарядов, обстреливая город, что оборачивается огромными потерями мирного населения. К вечеру мы уже у Верушова и планируем намеченное на утро следующего дня наступление. Полк наш подчинен 17-й пехотной дивизии, ему предстоит отбивать атаки кавалерийских бригад поляков на правом фланге.

Наступившая темнота скрадывает картину разрушений, но пейзаж после битвы освещен трепетным пламенем полыхающих вблизи пожарищ. Линия горизонта отмечена пылающими деревнями. Густой дым стелется над поверженной, изрытой воронками землей. Мы молча сидим у полуразрушенных каменных стен, пытаясь осмыслить ход событий первого фронтового дня. Вглядываясь в дотлевающие головешки, еще

совсем недавно бывшие крестьянским подворьем, мы слушаем историческую речь рейхсканцлера. Слова «Я предназначен, чтобы решить проблему Данцига, проблему Коридора, и чтобы обеспечить изменение во взаимоотношениях между Германией и Польшей, которая должна гарантировать мирное сосуществование» еще долго звучат у нас в ушах.

Полк «Лейбштандарт» сражается в составе 17-й пехотной дивизии на позициях у Варты и наступает в направлении Пабьянице. 7 сентября примерно в 10 часов утра мы с запада подходим к Пабьянице. Нам поставлена задача с юга локализовать вклинение противника на возвышенности Жгув—Воля—Ракова—Лодзь. В Пабьянице сосредоточены значительные силы противника, имеющие в своем распоряжении противотанковое оружие. Атака 1-го батальона 23-го танкового полка отбита поляками. Куда ни глянь — наши искореженные, обгоревшие танки, выведенные из строя огнем польских противотанковых ружей.

Полк «Лейбштандарт», получив задачу танкистов, сразу же переходит в атаку. 1-й и 2-й ротам удается прорваться в город, за ними следуют и танковые батальоны. Под натиском наших сил поляки вынуждены отступить к центру города. Но вскоре они контратакуют, причем стараясь ударить глубоко во фланг полка.

Подразделение средств тяги 2-го батальона 46-го артиллерийского полка из последних сил отбивает беспрерывный натиск польской пехоты. Фронт повсюду. Отступающие с запада польские части атакуют, невзирая на потери. Неожиданно центр схватки смещается к командному пункту полка «Лейбштандарт». Писари и водители сражаются не на жизнь, а на смерть. Поляки наступают через картофельное поле, почти сливаясь с ним: увядшая и засохшая картофельная ботва — прекрасное средство маскировки. Несмотря на все наши усилия, пехотинцам противника удается чуть ли не вплотную прорваться к командному пункту. Я вскакиваю и стоя начинаю без разбора палить по кучкам ботвы. Это единственная возможность выкурить оттуда поляков. Справа от меня боец 13-й роты, встав, будто в тире, ведет огонь по атакующим полякам. Но наша с ним «стрельба по движущимся мишеням» продолжается недолго. Внезапно я прихожу в себя уже на дне траншеи, последнее, что помню, — толчок в левое плечо: пуля угодила мне в предплечье, но кость не задета — пуля прошла по касательной. Что же касается солдата 13-й роты, ему повезло куда меньше — от попадания в шею он погиб на месте. С тех пор я уже больше не пытался в одиночку, да еще вытянувшись во весь рост, отбивать вражеские атаки.

И поляки, и немцы сражаются, не щадя себя. Лишь к концу дня натиск поляков ослабевает. Они сотнями сдаются и, подняв руки, маршируют в плен. Между тем 16-й армейский корпус ведет бои уже на подступах к Варшаве с защитниками польской столицы и с отступающими на восток частями. Командующий корпусом генерал Гепнер приветствует передовые части полка «Лейбштандарт» в Надажине. Теперь нас переподчиняют 4-й танковой дивизии.

Полку «Лейбштандарт» поставлена задача овладеть линией Капуты—Олтажев—Домамев с тем, чтобы отрезать пути отхода противнику, отступающему с запада со стороны Варшавы.

На марше 1-й батальон получает приказ повернуть на Олтажев. За стрелками-мотоциклистами и разведывательными бронеавтомобилями на грузовиках следует пехота. Вижу, как они исчезают в темноте.

Генерал Гепнер доверительно делится мнением о ходе боевых действий в Польше, предсказывая для 16-го армейского корпуса тяжелые бои. Он считает, что до сих пор остающиеся в районе Варшавы части поляков любыми средствами попытаются прорвать нашу заградительную линию. Уже через несколько километров становится ясно, что ночь готовит нам серьезные испытания. Для выхода на главную магистраль нам предстоит пробиваться через пригороды Варшавы. Со стороны Олтажева слышен шум боя. 1-й батальон, выйдя к путям отхода противника, вступил с ним в ожесточенную схватку. Дорога запружена колоннами техники, в течение ночи подвергшейся уничтожению. Сотни трупов лежат среди развалин. Повсюду на дороге обломки орудий, пулеметы, снаряды, ящики с патронами. Кровопролитный бой затихает лишь к утру. Обе стороны, обессиленные в схватке, дожидаются нового дня, с тем чтобы назавтра узнать оперативную обстановку.

С рассветом уточняются масштабы потерь. На прямой как стрела дороге уничтожены не только польские части, досталось и мирному населению, вклинившемуся в неразберихе в их колонны. Безжалостная мясорубка войны не щадит никого: ни людей, ни лошадей, ни матерей, ни детей. Дети, с плачем вцепляющиеся в неподвижные тела матерей, матери, безутешно рыдающие над трупами детей, выбирающиеся из-под развалин и молящие о пощаде раненые. Полевой лазарет переполнен — поляки и немцы вынуждены работать вместе, облегчая страдания раненых. Выстрелов больше не слышно. Здесь наступила передышка. Раненые, обреченно качая головой, утверждают, что отступают из-под самой Познани.

Именно в эту ночь нам впервые во всем ужасе раскрылась неприкрытая правда войны. Разница между военными и

штатскими исчезла — современные виды вооружений уничтожили ее. На «дороге смерти» Олтажева мне не встретилось улыбающихся солдат. На их лицах застыл ужас пережитого. Сентябрьское солнце с убийственной отчетливостью освещает обильно политую кровью дорогу, которая уже несколько дней спустя превратится в рассадник эпидемии. Около тысячи пленных срочно отправлены разбирать завалы, еще шестьсот человек посланы к неприятелю передать следующее: «Варшава пала!»

Выстрелом из противотанкового орудия подбит вражеский бронепоезд. Вагоны с боеприпасами с грохотом взлетают на воздух, полностью уничтожая бронированный состав. В течение следующих двух дней польские части безуспешно пытаются прорвать заградительные линии немцев, сформированные из частей и подразделений 2-го батальона 33-го пехотного полка, 2-го батальона 35-го танкового полка и полка «Лейбштандарт».

Безрезультатно прошу командующего о переводе меня на другой участок боевых действий. С меня хватит командовать ротой, которую повзводно растащили по всему полку. При любой возможности напоминаю командующему о том, что моя военная специальность — танкист и стрелок-мотоциклист, что на нынешней должности я чувствую себя просто лишним человеком. Но тщетно — я по-прежнему остаюсь в должности командира противотанкового подразделения.

В ночь с 12 на 13 сентября значительные силы поляков атакуют оборонительные позиции на участке 2-го батальона полка «Лейбштандарт», что создает прямую угрозу прорыва противника. На рассвете поступает донесение о том, что силы 6-й роты смяты неприятелем, а командир роты погиб. С этим офицером меня связывали давние отношения. С 1929 года мы служили в одной части. Донесение о прорыве поляков звучит в высшей степени неправдоподобно — мы отказываемся верить, что противнику удалось прорвать наши оборонительные позиции.

Мне поручено проверить достоверность полученных сведений. Вскочив на сиденье мотоцикла, я несусь в направлении Блонье. Оберштурмфюрер[4] Пфайфер, несколько лет спустя павший смертью храбрых, командуя ротой танков «Пантера», тоже садится на мотоцикл сопровождать меня. На предельной скорости мы мчимся по «дороге смерти», стремясь как можно быстрее преодолеть заваленный разлагающимися трупами людей и животных участок. От павших лошадей исходит невыносимый смрад.

Не доезжая нескольких сотен метров до Светице, я под мостом вдруг замечаю двоих польских военных и солдата нашей 6-й роты. Эта картина кажется мне странной, если не сказать

больше. Затормозив, я соскакиваю с мотоцикла и подбегаю к траншее, где расположилась эта непонятная группа. Уже у бруствера мне становится понятным странное поведение нашего солдата — поляки решили взять его в плен, этим и объясняется его испуганный вид. Черт возьми, и мне вновь везет! Пфайфер упредил поляка, собравшегося пальнуть в меня. Да, все верно, сообщает мне солдат, которого я вызволил из «польского плена», 6-я рота вынуждена была оставить позиции, а ее командир лежит в траншее в сотнях метрах отсюда. Мы с Пфайфером направляемся к Светице и вскоре находим нашего павшего товарища. Он погиб от выстрела в грудь. Зеппль Ланге был образцовым солдатом, вечная тебе память.

Прорвавшиеся силы врага в течение дня разгромлены — передний край обороны на прежнем месте.

Вместе с 4-й танковой дивизией полк «Лейбштандарт» переброшен для оперативного использования на участок реки Бзуры с задачей воспрепятствовать переправе через водный рубеж отступающих польских частей. Поляки продолжают яростные атаки, вновь и вновь доказывая, что умеют и воевать, и погибать, и было бы несправедливо обвинять их в трусости и малодушии. Бои у реки Бзуры отличаются невиданной ожесточенностью. Кровь лучших сынов Польши смешалась здесь с речной водой. Потери польской стороны колоссальны. Все их попытки прорвать нашу линию обороны наталкиваются на плотный огонь обороны.

К 18 сентября силы поляков надломлены, нас перебрасывают на участок наступления на крепость Модлин. В лесных массивах южнее Модлина происходят ожесточенные стычки с неприятелем. Наш 1-й батальон атакован превосходящими силами противника и взят в кольцо окружения.

В 7.00 утра 19 сентября генерал-лейтенант Рейнхардт отдает приказ о наступлении. 1-му батальону предстоит прорываться к Висле. В качестве сил поддержки наступления действует 2-й батальон 35-го танкового полка.

Песчаные дороги доставляют нам массу неприятностей — колесная техника с трудом преодолевает их. И здесь бои носят ожесточенный характер. Несмотря на безвыходность положения, поляки и не думают о капитуляции, сражаясь до последнего патрона.

В ходе наступления мы обнаруживаем оберштурмфюрера Брухмана и еще одного унтерфюрера[5] из 1-го батальона. Оба получили ранения во время пребывания в окружении и попали в плен, где поляки нанесли им серьезные увечья. Оберштурмфюрер Брухман командовал взводом в моей роте и за две недели до начала польской кампании женился.

Боям за овладение крепостью Модлин предшествовали артподготовка и бомбардировка с воздуха силами пикирующих бомбардировщиков «Ю-87». Нам впервые пришлось наблюдать опустошительное воздействие этого поистине устрашающего вида оружия, и мы никак не могли понять, как после их атак поляки были в состоянии продолжать сопротивление. Вопреки ожиданиям польские части в Модлине длительное время отбивали все наши атаки. Крепость пала лишь незадолго до завершения польской кампании.

25 сентября Адольф Гитлер выехал на фронт и в Гузове поздравил солдат и офицеров 15-й роты.

Танковые и моторизованные части дислоцированных в Модлине соединений сменили пехотные дивизии в связи с переброской подвижных сил для подготовки наступления на Варшаву.

Непосредственно перед наступлением были проведены бомбардировка города и артобстрел фортов и опорных пунктов неприятеля. Но самый мощный удар с воздуха был нанесен по польской столице лишь вечером 26 сентября. Поляки по-прежнему и не помышляли о том, чтобы сложить оружие, борьба велась до последней капли крови. В самой Варшаве сражалось до 120 тысяч солдат противника.

И только 27 сентября поляки были готовы сдать город. После полудня поступил приказ о прекращении огня по всему фронту. Польская кампания была победоносно завершена. 28 сентября верховным главнокомандующим 8-й польской армии и генерал-полковником Бласковицем был подписан акт о капитуляции. Мы с удивлением услышали о весьма смягченных условиях капитуляции. Офицерам разрешалось сохранить шпагу, а рядовой и сержантский состав уже в скором времени должен был быть освобожден из плена.

Уже 1 октября полк «Лейбштандарт» получил приказ о переброске на запад. Мы были твердо убеждены, что нам предстоит марш на Рейн. Однако мы ошибались. 4 октября мы прибыли в Прагу, где нам было позволено отдохнуть в течение нескольких дней в «золотом городе». Полк был встречен ликованием немецкого населения Праги, нас восторженно приветствовали тысячи людей во время въезда на площадь Венцельсплац[6] где имперский наместник барон фон Нейрат произнес речь в нашу честь.

По прибытии в Прагу я вновь обратился к командиру полка с просьбой о переводе меня в другую часть для использования согласно моей основной военной специальности. То, что мне приходилось делать в период польской кампании, ни в коей мере

не удовлетворяло меня и лишь усиливало мои опасения, что в дальнейшем ходе войны я так и останусь в должности командира истребительно-противотанковой роты. По-видимому, я все-таки сумел исчерпать терпение вышестоящего командира — уже в конце октября меня ставят командовать ротой стрелков-мотоциклистов, то есть авангарда полка «Лейбштандарт». И хотя упомянутый перевод по службе произошел по моей инициативе, это событие было сродни потрясению. Дело в том, что в 1936 году я лично создавал истребительно-противотанковую роту и чувствовал себя связанным с теми, кем командовал. К моей великой радости, мне разрешили взять с собой командира взвода и нескольких унтер-офицеров. Кроме того, мне оставили и моего преданного водителя.

Отныне я почувствовал себя в своей стихии. День за днем продолжалась боевая подготовка. Надо сказать, что мои подчиненные весьма ответственно и с пониманием подходили к ней, поддерживая меня во всем. Мой девиз: «Двигатель — наше самое надежное оружие» — был признан всеми, ему неукоснительно следовали бойцы вверенной мне роты. За считаные недели я завоевал доверие в новой роте и был уверен в каждом солдате, унтер-офицере и офицере. Мы напряженно следили за развитием событий на Западном фронте.

Из Праги на Западный фронт

«Блицкриг» в Польше пробудил в войсках надежду на то, что войну удастся прекратить политическими средствами и что удастся избежать кампании против стран Запада. Однако «грезы о мире» были довольно скоро и окончательно развеяны — октябрьские мирные инициативы рейхсканцлера Адольфа Гитлера были с возмущением отвергнуты западными державами. Отныне всем, кто носил военную форму, стало ясно, что решение может быть достигнуто исключительно военным путем. Вопрос «как?», то есть как заставить Запад пойти на уступки, занимал всех — от вчерашних новобранцев-рядовых до испытанных в боях старших офицеров. Все придерживались единого мнения о том, что увязание в обороне никак не будет способствовать военному решению конфликта. Точка зрения солдата такова: в случае невозможности достижения взаимопонимания политическими средствами в ход идут военные средства, а единственно верное из них одно — тщательно спланированное и подготовленное наступление.

В ноябре нашу часть перебросили в район Кобленца, подчинив генералу Гудериану. После обобщения накопленного в ходе польской кампании боевого опыта перед нами была поставлена другая задача. Все дни были заполнены напряженной боевой подготовкой — то командно-штабные учения, то маневры на местности. Меня до сих пор поражает вдохновение подчиненных мне бойцов и командиров. Ни насыщенная учебная программа, ни зимние холода не умерили их энтузиазма. Боевая подготовка осуществлялась под девизом: «Больше пота — меньше крови. Лучше 10 метров траншей, чем метр могилы».

Место дислокации моей роты — городок Бад-Эмс. Расквартирование — в пустующих домах. Местность как нельзя лучше подходит для интенсивной боевой подготовки. Каждый знает, что наша задача — переход через Арденны в составе танкового корпуса Гудериана, поэтому там нам придется столкнуться с передвижением по горным дорогам, ущельям — словом, в местности, весьма напоминающей Вестервальд, где мы в настоящее время находимся.

Гудериан вникает в жизнь каждой роты. Проводимые под его руководством командно-штабные учения, конечно же, весьма интересны, а его мнение во всех отношениях служит для нас директивой. Генерал утверждает: «Двигатель танка — такое же его оружие, как и пушка». Именно эта фраза старого волка-танкиста и определяет весь ход подготовки к неизбежным

сражениям на Западном фронте.

24 декабря 1939 года в Бад-Эмс приезжает Адольф Гитлер. Он выступает перед полком, говорит о высоком доверии, оказываемом нам, намекает на то, что в обозримом будущем нам предстоит участвовать в битвах на полях, где проливалась кровь наших отцов ради прочного мира в сильной Европе.

В феврале 1940 года нас включают в состав группы армий фон Бока и перебрасывают в прирейнскую область. Внезапная передислокация застает нас врасплох — мы с большей охотой оставались бы в подчинении Гудериана.

Переброска на Рейн означает для нас новый этап боевой подготовки. Теперь мы входим в состав 227-й пехотной дивизии, и нам как мобильной части поставлена задача осуществить прорыв укреплений на голландской границе с выходом на линию Эйселя.

Успешное выполнение боевой задачи немыслимо без мобильности войск — именно она залог успеха при овладении мостами через многочисленные каналы, и в первую очередь через Эйсель.

Мы непрерывно овладеваем приемами форсирования водных рубежей. За короткий период мы успеваем проиграть многочисленные варианты развития боевой обстановки и чувствуем, что готовы к выполнению поставленной командованием задачи.

Наше подразделение расквартировано в Зальцбергене, в просторном доме, принадлежащем пастору. Здесь я 1 мая познакомился с епископом графом фон Галеном, человеком известным. Именно ему суждено несколько лет спустя вступиться за меня на суде, обратив внимание судей именно на христианский аспект правосознания. Граф фон Гален, пользуясь случаем, благословил вверенную моему командованию роту.

С наступлением благоприятного сезона приближался и день начала операций. Вот уже много дней мы ждали условленного сигнала «Учись, Антон». 9 мая 1940 года упомянутый сигнал получен, и это означает для нас полную боевую готовность. В 2 часа 05 минут ночи мы получаем следующий сигнал — «Данциг». Это окончательный приказ о наступлении на приграничные укрепления голландцев.

Глубокой ночью покинув Зальцберген, мы в сосредоточенном молчании устремляемся в темноту. Местное население, стоя у обочин, провожает нас, желая удачи и скорого возвращения живыми.

К 4 часам утра подготовка к выступлению завершена. В последний раз перед схваткой я собираю своих мотопехотинцев,

чтобы еще раз напомнить каждому из командиров о стоящей перед ним боевой задаче. В предрассветной мгле дня 10 мая, которому суждено стать судьбоносным, я обещаю бойцам, что во главе каждой штурмовой группы будет следовать офицер и что нам сейчас предстоит на деле опробовать то, чему мы столько времени учились. На глазах у всего личного состава офицеры обмениваются рукопожатиями, закрепив, таким образом, мое обещание.

Ровно в 5 часов 30 минут получена команда начать наступление. Ударная группа нападает на полевой караул в местечке Де Поппе, пленив врасплох захваченных голландцев. Мост целым и невредимым попадает в наши руки — электропровода к взрывателям перерезаны бойцами штурмовой группы.

В небе над нашими головами стоит неумолчный гул — на запад устремляются эскадрильи бомбардировщиков «Ю-52». Наши боевые соратники из 22-й воздушно-десантной дивизии и 1-го воздушно-десантного полка перебрасываются в район высадки. На малых высотах ястребами проносятся истребители, атакуя обнаруженные цели.

Мы все в лихорадочном возбуждении. Едва вверх взлетает бревно шлагбаума, как мы едва ли не на ходу захватываем лежащий прямо за ним мост и словно гонщики устремляемся по асфальтированному шоссе дальше. Макс Вюнше, командир первого взвода, отдает приказ своим бойцам, увлекая вперед за собой штурмовую группу. Я двигаюсь за группой Вюнше, удивляясь, что голландцы даже не предпринимают попыток оказать вооруженное сопротивление. Продвижение на Олдензааль и Хенгело проходит чуть ли не на предельной скорости. Часть мостов попадает в наши руки с незначительными повреждениями, поэтому приходится следовать в объезд.

Без единого выстрела овладеваем городком Борнебрюк. Высыпавшие на улицу местные жители наблюдают за стремительным продвижением наших войск. Голландским саперам удается подорвать расположенный непосредственно на выезде из Борнебрюка мост через канал. Это первая попытка оказать нам сопротивление. В считаные минуты мы переправляемся через канал — в качестве плавсредств используются сорванные с сараев и амбаров ворота. Теперь все решает скорость. Бойцы на мотоциклах без колясок осуществляют преследование групп саперов неприятеля — нельзя дать им взорвать следующий мост. Оберштурмфюрер Краас, командир 2-го взвода, возглавляет операцию преследования голландских саперов. Между тем наведена временная переправа через канал,

достаточно прочная для проезда мотоциклов с коляской. К мотоциклам прицепляют противотанковые орудия. Гонка продолжается. Увы, но бронеавтомобили разведки приходится оставить — для осуществления прикрытия наших образцово действующих саперов. Последним еще предстоит перебросить через канал узкоколейку.

К сожалению, нам так и не удается обезвредить группу голландских взрывников, успевающих подорвать подготовленные к уничтожению мосты. Но это уже не помеха стремительному продвижению войск. Без особых задержек мы следуем в направлении Зволле.

Около 11 часов 30 минут наши передовые подразделения уже на окраинах Зволле — таким образом, мы успели примерно на 80 километров углубиться на территорию врага. Авангард (группа Ройсса) незаметно подкрадывается к железнодорожной насыпи южнее города, после чего, отсидевшись за подъемом дороги, пешим порядком продвигается вперед. И тут происходит то, чего никто не ожидал! На дорогу падают подпиленные кем-то роскошные каштановые деревья — проезд в город перекрыт. Но чего стоит подобная преграда без огневой поддержки! А ее нет. Севернее, в нескольких сотнях метров, мы различаем пулеметные и противотанковые доты, но - вот уж чудо так чудо, — расположившись прямо на крыше дотов, боевые расчеты принимают пищу, будто никакой войны нет. Засучив рукава гимнастерок, они наслаждаются майским солнышком. Ну разве усидишь в сыром бункере в такую погоду?

Завал из деревьев не позволяет нам в ходе операции врасплох захватить боевые расчеты бетонных бункеров. Мы открываем огонь по ничего не подозревающим боевым расчетам голландцев. Несколько минут спустя цепь бетонных укреплений обезврежена, что обеспечивает выход на открытую местность нашим пехотинцам.

Голландцы не успевают даже понять, что произошло, а наши солдаты уже у бункеров. Боевые расчеты разоружены. А вот с импровизированной баррикадой приходится повозиться. Бронетранспортерами оттаскивают деревья на обочину дороги. Я с нетерпением жду, пока все это кончится. Не дать врагу опомниться! Использовать фактор внезапности! Недолго думая, усаживаюсь в какую-то голландскую легковушку и в сопровождении оберштурмфюрера Вюнше и рядового Зееленвинтера еду в Зволле. Обершарфюрер[7] Эрих сопровождает нас к реквизированному для нужд войны автомобилю. Я собираюсь явиться к военному коменданту Зволле и убедить его прекратить сопротивление.

Солдаты-голландцы, стоя на дороге, изумленно смотрят на нас, когда мы зовем их и показываем на завал из деревьев. Побросав оружие, они направляются к поваленным деревьям. По мере того как мы углубляемся в город, меня охватывает недоброе предчувствие — хоть назад поворачивай. Но, как говорится, взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Стрельба у бункеров не перекинулась на город. Местные жители в испуге разбегаются, словно куры, над которыми кружит ястреб. Несмотря на отнюдь не безоблачную обстановку, реакция голландцев все же удивляет нас. Импозантное здание в центре города и то, что в дверях снуют люди в военной форме, заставляет войти внутрь и попытать счастья. Машина едва не переворачивается — я слишком резко тормознул. Мы молниеносно берем на прицел военных. Голландцы не в силах шевельнуться. Некий представительного вида пожилой господин в штатском отрекомендовывается «представителем королевы» и заявляет, что готов позаботиться о том, чтобы голландские войска в Зволле не оказывали нам сопротивления. И сдерживает слово: Зволле сдается без единого выстрела.

Мы вместе с пленными офицерами спешим к завалу из деревьев. Хотя Зволле наш, нам все же не удалось воспрепятствовать подрыву крупных мостов через Эйсель — оба моста взлетели на воздух еще в утренние часы.

Я едва не падаю в обморок, видя, как возле уже убранного завала мои люди вместе с местной молодежью вовсю катаются на карусели.

Между тем 3-й батальон сумел овладеть переправой через Эйсель в 800 метрах южнее разрушенного железнодорожного моста в Зутпене и сейчас наступает на Хооэн. Под командованием штурмбанфюрера[8] Трабандта к 14 часам деревня взята. В плен взято четверо офицеров и 200 человек рядового и сержантского состава полка жандармерии. Наши потери незначительны. Все поставленные полку задачи выполнены. Мы вышли к Эйселю, а на отдельных участках форсировали реку.

В моей штурмовой группе всего один раненый — рядовой Фляйшер у поваленных деревьев получил пулю в икроножную мышцу.

Ночью поступает распоряжение о выходе нашего полка из состава 227-й пехотной дивизии и переподчинении его 18-й армии. Командуюп];ий 227-й пехотной дивизией генерал-майор Циквольф благодарит личный состав полка за скорое и успешное наступление.

Оберштурмфюрер Краас особо отмечен генерал-майором и награжден Железным крестом 1-й степени. Краас со своим

усиленным взводом, преодолев Эйсель, сумел продвинуться на территорию врага на 60 километров, взяв в плен 7 офицеров и 120 человек рядового и сержантского состава.

Операция против Роттердама

После боевых действий на линии выхода к Эйселю полк получает задачу наступлением на Хертогенбосх выйти к Гертройденбергу и соединиться там с частями 9-й танковой дивизии. После перестрелок с голландской пехотой к вечеру 13 мая мы выходим к Гертройденбергу. Соединение с частями 9-й танковой дивизии осуществлено.

На следующее утро в 4.00 продолжаем продвижение по мосту через Маас в районе Моордейка. В результате смелой операции парашютистов мост захвачен нами в исправном состоянии.

По обеим сторонам дамбы моста на огромном, поросшем травой поле разбросаны парашюты. У бункеров виднеются трупы — несколько самых бесстрашных десантников погибли. Но и здесь фактор внезапности сыграл свою роль — противник был лишен возможности повредить этот важнейший мост. Путь к крепости Голландия свободен.

9-я танковая дивизия прорвалась к Роттердаму, соединившись с 11-м батальоном 16-го воздушно-десантного полка. Рота высадилась на гидросамолетах вблизи мостов и с ходу стала отражать непрерывные атаки голландцев.

Нашему полку поставлена следующая задача:

«Усиленная LSSAH во взаимодействии с 9-й танковой дивизией и следуя в тылу последней наступает на Роттердам или обходит Роттердам с целью деблокирования действующих в районе Дельфт/Роттердам парашютно-десантных частей и дальнейшего наступления на Гравенхаге (Гаагу)».

Полк разворачивается для наступления южнее Катендрехта. К 13 часам 30 минутам развертывание сил завершено.

Роттердам намечено атаковать после артподготовки и боевого применения бомбардировочной авиации (пикирующих бомбардировщиков) люфтваффе примерно в 14 часов 40 минут.

Мой передовой батальон, сумев пробиться к порту Роттердама, остановился у крупного голландского пассажирского судна. С 10 мая на корабле бушует пожар. Груз на борту: американские автомобили.

Около 14 часов сообщают, что с голландцами ведутся переговоры о капитуляции. Стороны: генерал Штудент, подполковник фон Холтиц из 22-й воздушно-десантной дивизии и полковник голландской армии Шарро. Генерал Штудент во время переговоров получает ранение в голову, и его в тяжелом состоянии увозят.

Согласие на капитуляцию должно быть одобрено и

подтверждено верховным командованием голландских войск.

В 15 часов 25 минут из штаба армейского корпуса поступает приказ: Роттердам штурмом не брать. Ожидается прибытие генерала Винкельмана, наделенного полномочиями верховного командования голландских войск. Стоя на мосту с группой офицеров, я наблюдаю, как на город волна за волной накатываются бомбардировщики «Хе-111». Зенитная артиллерия голландцев тут же открывает огонь по ним. Непродолжительное прекращение огня нарушено. Выстреливая красные ракеты, мы тщетно пытаемся обратить внимание пилотов на себя и предотвратить авианалет, до последней секунды надеясь, что нам это все же удастся. Но, как мы узнаем впоследствии, пилоты из-за дыма не заметили посланные нами ракеты. Над городом нависло облако черного дыма — последствия пожара на корабле. Под свист бомб мы поспешно покидаем мост и скрываемся в первом попавшемся подвальном помещении. Все! Теперь налет уже не предотвратить. Роттердам представляет собой сплошное море огня. Последняя бомба падает на город примерно в 15 часов 45 минут.

Мы в ужасе смотрим на бушующее пламя. Впервые в жизни мы воочию наблюдаем разрушительное воздействие авианалета. Перед нами сплошная стена огня — мы ломаем головы, как объехать ее, но поступивший приказ решает все за нас: моим передовым подразделениям предстоит соединиться с частями 22-й воздушно-десантной дивизии в районе Оверсхие.

Мы начинаем блуждать по непроезжим улицам города, пытаясь отыскать дорогу на Оверсхие. Закрыв лица повязками из подручных материалов, мы углубляемся в охваченный пожаром Роттердам. Мирное население устремляется в район порта, пытаясь спастись от огненной стихии.

Мои стрелки-мотоциклисты, как безумные, несутся по узким улицам города. Повсюду со звоном лопаются от жара стекла витрин. Охваченные огнем манекены представляют собой гротескное зрелище. По мере того как мы углубляемся в город, улицы пустеют, а вскоре становятся совершенно безлюдными — страшный пожар отпугнул всех.

Два разведывательных бронеавтомобиля пробираются сквозь густой дым — мы ориентируемся по их катафотам и стоп-сигналам. Только бы не авария — сейчас она равносильна гибели. Жар становится невыносимым. Миновав деловой квартал и выехав на усаженную деревьями улицу, я приказываю остановиться — необходимо дождаться стрелков-мотоциклистов. С почерневшими от копоти лицами, с подпаленными волосами, но довольно улыбающиеся, они нас нагоняют. Это последняя

группа, сумевшая прорваться через полыхающий, как свеча, город. Пути назад отрезаны, так что теперь вперед и только вперед!

Под прикрытием дамбы канала мы осторожно пробираемся к Оверсхие. И вдруг раздается пулеметный огонь. Мост через канал поднят — непреодолимое препятствие. Бойцы быстро взрывают подъемный механизм. Тяжелый танк, продавив мостик, медленно оседает в воду. Перед нами лежит дорога на север. Но на что похожа эта прямая как стрела дорога? На бетонных плитах крыло к крылу стоят самолеты, все они сожжены или изуродованы до неузнаваемости. Это транспортные машины 22-й воздушно-десантной дивизии, которые, не имея возможности приземлиться на предусмотренных планом операции аэродромах, вынуждены были сесть прямо на шоссе. И тут их обстреляла голландская артиллерия. Высадившиеся бойцы-десантники в течение трех дней отбивали атаки противника. Наиболее тяжелые бои разгорелись в Оверсхие. Мы продвигаемся по обеим сторонам дороги, невзирая на пулеметный и автоматный огонь. Тщетно ищем мы остатки 22-й воздушно-десантной дивизии. Кроме следов ожесточенной битвы да погибших товарищей, мы никого здесь не обнаруживаем.

Только когда мы начинаем продвижение на Дельфт, к нам подбегают с десяток солдат и лейтенант. Измученный офицер чуть ли не с объятиями бросается ко мне. Около 21 часа мы добираемся до Дельфта и соединяемся с окруженными там частями воздушно-десантной дивизии. 14 мая полк берет в плен 3536 голландских солдат и офицеров.

Разоружение голландских войск происходит 15 мая в Гааге и Схевенинге. Здесь полк пленяет еще 163 офицера и 7080 человек рядового и сержантского состава.

Овладение зданием военного министерства — заключительный аккорд. Для нас война в Голландии завершена.

Во Францию!

Через Арнем, Намюр полк направляется на север Франции и принимает первый бой с французами под Валансьеном.

Перед полком поставлена задача воспрепятствовать прорыву сил французов в южном направлении. Все попытки неприятеля прорваться разбиваются о мощный оборонительный огонь наших пехотинцев. Ширина развертывания полка по фронту составляет около 30 километров.

Скошенное поле у старой крепости Ле Кенуа производит необычное впечатление. Видно, что на нем еще несколько часов назад стояли лагерем несколько тысяч французских солдат. А сейчас на нем никого. Зато неисчислимое количество брошенных солдатских касок — они рядами выстроились вдоль поля, словно для последнего парада. Эти сложенные рядами каски — наглядный символ коллапса, небоеспособности французской армии, армии, лишенной боевого духа. В ней больше нет «солдат Вердена», она сражается без веры в победу и без ясной цели перед собой.

И сегодня французы в большой степени находятся под влиянием Первой мировой войны. Они свято верят в свою «линию Мажино», в неприступность самой мощной в мире линии укреплений. Но Франция располагает не только упомянутой «линией Мажино», французская армия в значительной степени превосходит нас и по числу танков. В общей сложности союзники имеют свыше 4800 танков. Им противостояли в начале войны всего 2200 машин, включая и разведывательные. Причину поражения французской армии в первую очередь следует искать в отживших свой век методах управления войсками.

24 мая полк «Лейбштандарт» переходит в подчинение группы фон Клейста и будет действовать в составе 1-й танковой дивизии. Еще несколько дней назад устремившиеся вперед танки группы фон Клейста вышли к полям Соммы, которые помнят сражения Первой мировой. Через Камбр, Перонн, Амьен и Аббевиль группа вышла к берегу канала, и ее 2-я танковая дивизия стоит на подступах к Булони. 1-я танковая дивизия на 24 мая располагалась у канала Аа под Олком, готовясь наступать на Дюнкерк. В рамках данной наступательной операции наш полк бросают на Ваттен в целях усиления наступательной мощи 1-й танковой дивизии.

В ходе ночного марша вывожу передовые подразделения к каналу и Ваттенбергу. Ваттенберг представляет собой возвышение около 72 метров, иными словами, господствующую

высоту, овладение которой позволит контролировать прилегающую равнинную местность. Упомянутая возвышенность лежит восточнее канала, мосты через который взорваны, а берег обороняют силы французов и англичан. Таким образом, сомнительно, что Ваттенберг удастся захватить с ходу в результате дерзкой операции. Здесь необходимо продуманное до мелочей наступление. И этой же ночью 3-й батальон выходит на исходные рубежи для предстоящей атаки.

Однако незадолго до начала наступления форсирование канала отменено — «приказ фюрера». Дескать, с Дюнкерком разберутся люфтваффе. Соответственно все наступательные операции танковой группы фон Клейста приостановлены. Мы в шоке — ведь в данный момент все наши части, сосредоточенные на западном берегу канала, как на ладони. Узнав о том, что Зепп Дитрих вопреки приказу фюрера все же решает атаковать Ваттенберг, мы невольно вздыхаем с облегчением. После эффективной артподготовки 10-й роте удается преодолеть водную преграду и ворваться в населенный пункт Ваттен восточнее канала. Продвижение вперед переправившихся подразделений существенно затрудняется сопротивлением французов и англичан. Лишь вмешательство 3-го батальона помогает нам овладеть возвышенностью.

На вершине возвышенности виднеются руины древнего замка — прекрасный наблюдательный пункт восточного участка местности. Мы стоим у этих развалин, как вдруг появляется генерал из 14-го армейского корпуса и требует от Зеппа Дитриха объяснений самоуправства командующего.

Тот спокойно отвечает: «Из Ваттенберга вся местность западнее канала полностью просматривается — мы перед ними, как на сцене. Поэтому я принял решение овладеть высотой». Генерал Гудериан полностью поддерживает Зеппа Дитриха. И несколько секунд спустя мы все бросаемся на землю и пытаемся отползти в безопасное место — пулеметный огонь неприятеля заставляет нас искать укрытие. Поразительно, с каким проворством старые танковые волки Дитрих и Гудериан юркают за стены вековых руин.

Явно под впечатлением обстрела Гудериан отдает приказ продолжить наступление на Вормхоудт-Беркю. Полк «Лейбштандарт» подчинен теперь 20-й моторизованной пехотной дивизии. Справа от нас наступает 76-й пехотный полк, а по левому флангу усиленный пехотный полк «Великая Германия».

Намеченный на 27 мая срок начала наступления перенесен — саперы не успели навести понтонные мосты через канал. В 7 часов 45 минут из лесного массива в двух километрах восточнее

Ваттенберга на нас устремляются пехотинцы противника, но атака их захлебывается в огне нашей артиллерии. В 8 часов 28 минут полк переходит в атаку и быстро продвигается вперед, овладевая местностью. В 10 часов утра командный пункт полка подвергнут интенсивному обстрелу вражеской артиллерии, огонь стихает лишь после полудня.

1-й батальон наталкивается в Болецелле на яростный отпор неприятеля, к тому же противник ведет огонь и с участка, на котором действует полк «Великая Германия». Усиленный полк «Великая Германия» отходит и только спустя какое-то время устраняет угрозу с флангов 1-го батальона.

Стрелки-мотоциклисты в полной боевой готовности и ждут результатов атаки. План таков: после овладения Боллецелле мои ударные группы устремятся на Вормхоудт и внезапным ударом на глазах англичан овладеют им.

Не надеясь на время, я пытаюсь сам выяснить обстановку на участке 1-го батальона. А тут как раз подвертывается мотоцикл без коляски. Огонь неприятеля по пересечению дорог заставляет меня нестись сломя голову. На дороге лежит оборванный телефонный провод — еще секунда, и я, как снаряд, лечу мимо дерева. А после этого уже ничего не помню — кто-то все-таки потом отыскал меня и доставил на командный пункт полка. К действительности меня возвращает недовольный голос Зеппа Дитриха. Он приказывает положить меня на носилки и велит врачу, чтобы я ни в коем случае не поднимался. Мое падение с мотоцикла обернулось сотрясением мозга. Позже я будто сквозь сон слышу, как подъезжает мое подразделение, приподнявшись на локте вижу, как стрелки-мотоциклисты трогаются в путь, направляясь на Боллецелле. Характерный низкий рокот мотоциклетных двигателей «БМВ» звучит для меня музыкой. Какое там лежать — я должен вести своих ребят на Боллецелле. Улучив момент, я поднимаюсь с носилок и быстро вскакиваю на проезжающий мимо мотоцикл посыльного. Возглавляющий колонну командир (Вюнше) изумленно глядит на меня, но так и не успевает ни о чем спросить. Я мчусь вперед, к моим передовым подразделениям, а потом уже на Боллецелле. Стрелки-мотоциклисты следуют за мной — откуда им знать, что я еще несколько минут назад валялся на носилках.

На въезде в Боллецелле нас встречает автоматный и пулеметный огонь врага. С воем пролетают мины и рвутся по обеим сторонам дороги. Ни в коем случае не останавливаться — полный газ, и к въезду в населенный пункт. Машина летит будто на крыльях, сейчас все решают секунды, еще немного, и мы минуем опасную зону, бойцы не отстают. Слева я замечаю

пулеметное гнездо, но пулеметчику уже не достать голову нашей колонны — ее закрывает какая-то лачуга. На полной скорости мы проносимся мимо первых домов. За небольшим поворотом как раз создают завал из сельскохозяйственной утвари. Без единого выстрела группа Эриха разоружает нескольких французов. Позади наши стрелки-мотоциклисты, дав несколько коротких очередей, вынуждают захваченных врасплох защитников прекратить борьбу и собраться на дороге. В результате в плен взято 15 офицеров, 250 солдат и сержантов. Наши потери составляют два человека. Унтершарфюрер Петере погиб, а обершарфюрер Эрих ранен в бедро навылет. Смелая атака удалась, однако я должен на несколько дней отдать бойцов своей ударной группы в распоряжение старшего начальника, пока мною будут заниматься врачи.

28 мая наш полк вместе со 2-й танковой бригадой и 11-й пехотной бригадой наступает на Вормхоудт. В 7 часов 47 минут наши пехотинцы на броне танков перебрасываются вперед. Враг пытается сдержать натиск, задействуя артиллерию. Надо сказать, по части артиллерии неприятель превосходит нас, да и его пехотные силы внушительны. На участке 2-го батальона нам противостоят два вражеских полка.

Я нахожусь на командном пункте полка, мне категорически запретили покидать его. Мои стрелки-мотоциклисты пока что дожидаются развития событий вблизи Вормхоудта — им предстоит участвовать в овладении этим населенным пунктом. Кольцо вокруг Дюнкерка непрерывно сужается.

Зепп Дитрих и Макс Вюнше едут в расположение 1-го батальона — необходимо выяснить обстановку. В 11 часов 50 минут прибывает делегат связи и сообщает, что Зепп Дитрих и Макс Вюнше по пути в 1-й и 2-й батальоны попали в окружение под Экельбергом. Час от часу не легче!

2-я рота предпринимает попытку освободить своего командира, но это ей не удается — мешает ураганный пулеметный и артиллерийский огонь врага. Атака 15-й роты также захлебывается в огне англичан. Усиленный взвод 6-й роты 2-й танковой бригады под командованием лейтенанта Кордера теряет четыре танка, и ей так и не удается преодолеть открытую местность. Лейтенант Кордер и фельдфебель Крамель гибнут буквально в считаных метрах от Экельберга. Не составляет труда определить место, где окружен Зепп Дитрих, — это метрах в 50 от неприятельских позиций, их машина застыла у завала на дороге. Автомобиль пылает, густой дым валит и из придорожного кювета — туда попал бензин из пробитого бака и поджег сухую траву. Дитрих и Вюнше, не поднимая головы, перемазанные грязью,

лежат в каком-то непонятном углублении. Пять танков типа IV и взвод бронетранспортеров типа II прорываются на окраину Экельберга. Наступающие слева от дороги танки, заехав в парк, наталкиваются на яростный огонь англичан. Видя перед собой наши танки, англичане разливают на дорожках парка бензин и поджигают его — танки останавливаются. Весь участок полка непрерывно обстреливается артиллерией противника. К 15 часам 2-му батальону удается прорваться в западную часть Вормхоудта. Собранной в 1-м батальоне ударной группе (Обершельпа) под командованием гауптштурмфюрера[9] Эрнста Майера в 16 часов удается вызволить из окружения командующего. Но в ходе данной операции гибнет старший ударной группы обершарфюрер Обершельп. Он первым из унтерофицеров полка «Лейбштандарт» удостоился в ходе польской кампании Железного креста I степени.

2-й батальон, невзирая на ожесточенное сопротивление противника, неуклонно двигается вперед. Наши пехотинцы, перебегая от дома к дому, примерно в 17 часов выходят к рыночной площади Вормхоудта. Все атаки неприятеля отбиты. Во время внезапного прорыва вражеских танков получает ранение командир 2-го батальона штурмбанфюрер Шютцек. Подожжены два танка, силами полка пленено 11 офицеров и 320 солдат и сержантов, кроме того, в Вормхоудте захвачено большое количество оружия, автотранспортных средств и боеприпасов. Около 23 часов 10 минут полк при поддержке танков продолжает наступление, вынудив англичан к отступлению. Ночью взяты в плен еще 6 офицеров и 430 солдат и сержантов.

На рассвете полк, не встречая серьезного сопротивления, выходит к дороге Ост-Каппель-Репуад. Силы неприятеля на оперативном участке полка рассеяны, бросая вооружения, он пытается спастись, отходя на север.

Все ведущие на север дороги забиты техникой: английскими грузовиками, танками и орудиями. Брошено колоссальное количество вооружений. Отступление англичан носит характер бегства. В 15 часов 45 минут из штаба 14-го армейского корпуса поступает приказ: наступление прекратить и быть готовым к маршу. Полк «Лейбштандарт» переподчинен 9-й танковой дивизии, ему поставлена задача начать преследование отступающего к Дюнкерку противника. В 18 часов упомянутый приказ без объяснения причин отменен. И снова мы сложа руки сидим в нескольких шагах от англичан без права наступать, тем самым давая им возможность добраться до Дюнкерка, а там сесть на плавсредства. Кто решится предсказать дальнейший ход войны, если танковой группе Клейста позволили бы довести до

конца запланированную наступательную операцию на Дюнкерк и в полном составе пленить английский экспедиционный корпус?

Таким образом, боевые действия против англичан на этом завершены, и мы не наблюдаем воочию падение Дюнкерка. Полк «Лейбштандарт» включен в состав 6-й армии и 4 июня остановлен в Камбре.

Тем временем начинается сражение на Сомме, и линия обороны на этой реке в нескольких местах прорвана. Полк готов выдвинуться через Боном на Амьен или Перонн. Противник сумел подтянуть новые силы. Задача их — воспрепятствовать нашему глубокому вклинению и предотвратить взятие в кольцо окружения сражающихся севернее сил французов с одновременным созданием нового оборонительного фронта за Уас. Не следует исключать также, что противник намерен в течение ночи отвести войска на юг. В этой связи запланировано атаковать его 8 июня силами четырех дивизий, нанеся удар в юго-западном направлении. Наступление осуществляется согласно плану. Прорыв осуществлен, и 9 июня нас неожиданно переподчиняют 44-му армейскому корпусу, полк получает приказ наступать через Суассон, Вильескотерет, а оттуда на юго-восток. Мои бойцы-мотопехотинцы еле волочат ноги, когда мы форсируем Эйн западнее Суассона. Но на сон времени нет — этой же ночью нам предстоит миновать лесной массив Вильескотерет и далее следовать на Ла Форт Милон.

Когда мы въезжаем в лес, нас окутывает кромешная тьма. Дорога изрыта воронками от бомб и снарядов. 124-й пехотный полк расположился для отдыха по обеим сторонам дороги в лесу у Доксойля. Вскоре, миновав последние посты боевого охранения, мы оказываемся на ничейной земле. Отбившиеся от своих частей французы без боя сдаются в плен, в основном это военнослужащие 11-й французской дивизии. Мы прислушиваемся к каждому лесному шороху, за каждым кустом нам мерещится враг.

Для Зеппа Дитриха эта лесная поездка — особое событие. Именно здесь в годы Первой мировой войны произошел его первый танковый бой, именно здесь он подбил первый вражеский танк.

К 4 часам утра мы добираемся до Вильескотерета, где берем в плен группу ничего не подозревавших французов. Чувствуется, что не сегодня завтра враг будет повержен. Рассеянные остатки 11-й французской дивизии кое-где продолжают оказывать вялое сопротивление.

В 5 часов мы продвигаемся в направлении Ла Форт Милон и в лесу в 4 километрах южнее Вильескотерета берем в плен еще

военнослужащих 11-й французской дивизии. Уже на подходах к Форту Милону наш авангард обстрелян пехотинцами неприятеля. Но это не мешает нам оперативно овладеть населенным пунктом.

1-му батальону удается с ходу войти в Шато-Тьерри и продвинуться до разрушенного железнодорожного моста. Ставший для немцев роковым Шато-Тьерри полностью очищен от французов, однако на не успевший еще проснуться город ложатся артиллерийские снаряды, опустевшие улицы производят гнетущее впечатление.

11 июня мой батальон продвигается через Брюметц. Кулом на Монтрей, прорывая по пути оборону врага. Моих бойцов не удержать. Начинается гонка с финишем на Марне. В 5 часов 30 минут следующего дня мы, на лету миновав Монтрей, захватываем французов врасплох за утренним туалетом. Они с готовностью бросают оружие и собираются на главной улице. В 9 часов 04 минуты мы выходим к Марне у Сен-Ольжа. Вражеские колонны на другом берегу рассеяны огнем нашей тяжелой артиллерии, после этого мы, передав позиции 2-му батальону, продолжаем преследовать в панике отступающего неприятеля.

Хотя с выходом на северный берег Марны наша задача считается выполненной, для создания плацдарма силами 2-го батальона мы овладеваем переправой и готовимся выступить к железнодорожной насыпи в излучине Марны. В 18 часов 50 минут взят Меэ, осуществлен выход к железнодорожной насыпи, и наступление продолжается. С созданием здесь плацдарма нам будет значительно легче развивать наступление на следующий день, к тому же противник лишен возможности выстроить оборону в излучине Марны.

За ночь полк отозван и вновь подчинен 9-й танковой дивизии. В 12 часов 45 минут в памятный день 14 июня мы слушаем срочное сообщение: «В Париж с утра входят германские войска». Солдаты 11-й роты забираются на колокольню церкви в Этрепийи и звонят в колокола. Мы молча стоим на маршруте продвижения, слушая величавый звон. Особого восторга мы не испытываем, никаких попоек на радостях, никаких костров в честь победы. Мы просто принимаем услышанное к сведению и глядим, как над Марной пролетают эскадрильи пикирующих бомбардировщиков, несущие смерть тем, кто окопался на юге. Вечером того же дня умирает от ран один из моих самых ответственных офицеров. Гауптшарфюрер[10] Шильдкнехт пал смертью храбрых, героическая гибель его — пример всему его взводу.

Через Монмирай, Невер мы продвигаемся дальше в южном направлении с задачей создать плацдарм через Алье у Мулена. На наших глазах автомобильный мост взлетает на воздух —

французы все же успели подорвать его. Взрыв происходит как раз, когда лейтенант из 10-го пехотного полка пытается перебраться по нему на другой берег. И офицер падает с моста в бурные воды Луары. Но вот железнодорожный мост хоть и подожжен, но попадает к нам целым и невредимым, что позволяет создать плацдарм. Металлические конструкции моста не пострадали в огне. Враг обороняется еле-еле, хотя в распоряжении французского верховного командования целых 70 дивизий. Но действующая армия французов не желает сражаться. Серьезное сопротивление неприятель оказывает лишь на отдельных участках.

19 июня получаю приказ провести разведку в направлении от Мулена через Сен-Пуркен и на Ганна. С восходом солнца моя ударная группа въезжает на покрытое деревьями взгорье, бойцам приходится пробивать себе дорогу. Отступающие французские подразделения пытаются создать подобие линии обороны, стремясь выиграть время для отступления. Нас их попытки не интересуют. Перед нами ясная цель — овладевать пространством на южном направлении. Фланги уже не представляют для нас интереса. Мы несемся по дорогам без остановок, при необходимости ведя огонь на ходу. Наступление все больше и больше походит на охоту.

Около 10 часов утра мы взбираемся на отлогую возвышенность, и внизу нашим взорам открывается Сен-Пуркен. Из своего автомобиля в голове колонны я различаю у въезда в населенный пункт группу французских солдат. Французы лихорадочно сооружают баррикады на дороге. Местность по обеим сторонам дороги открытая, никакой возможности скрытно подобраться, к Пуркену ведет склон метров 800 длиной. Условия совершенно неблагоприятные для действий пехотинцев. Поэтому принимаю решение захватить французов врасплох молниеносной атакой только на что сооруженные ими завалы. Для осуществления этой операции использую ударную группу оберштурмфюрера Книттеля. Остальные бойцы ударной группы получают приказ следовать в 100 метрах позади, обеспечивая огневое прикрытие.

Французы, не подозревая, что мы в двух шагах от Пуркена, как ни в чем не бывало сооружают свои баррикады у въезда в городок.

Первая машина молниеносно взлетает на гребень возвышенности и на ходу открывает огонь. Остальные стрелки-мотоциклисты на большой скорости следуют за ней. Две разведывательные бронемашины справа и слева от дороги ведут огонь из 2-см пушек. Начинается и минометный обстрел Пуркена.

Все это напоминает ад. Я устремляюсь за ударной группой, видя, как из домов в панике устремляются перепуганные насмерть французы. Офицеры, отчаянно жестикулируя, призывают солдат обороняться. Эффект внезапности абсолютный, так что ни о какой организованной обороне и говорить не приходится. Не проходит и нескольких минут, как баррикада преодолена и в ней создан проем для проезда. Орудийная прислуга так и не успела сделать ни одного выстрела — мы опередили французов.

Минует первый шок, теперь атаковать с брони нецелесообразно, поэтому мы следуем пешим порядком по обеим сторонам дороги. Когда сворачиваем на главную улицу, нас встречает пулеметный огонь. Надо быть осмотрительнее! Но мы не имеем права терять время — атака должна быть завершена как можно быстрее, нельзя позволить противнику взорвать мост, расположенный на другой стороне Пуркена.

Короткими перебежками ударная группа приближается к мосту. Оказавшиеся в ловушке французы бегут, пытаясь покинуть опасную зону. В пятидесяти метрах от моста командир ударной группы оберштурмфюрер Книттель получает пулевое ранение в бедро и едва успевает укрыться за толстым стволом вяза, как мост взлетает на воздух. Едва рассеялись пыль и дым, как на нас обрушивается интенсивный огонь пехотинцев. Противоположный берег чуть выше, что создает французам идеальные условия для обороны. Мы закрепляемся на достигнутом рубеже, и я прошу следующий позади нас батальон обойти населенный пункт и овладеть переправой через Сиул примерно в 12 километрах южнее Сен-Пуркена.

Неприятель тем временем чувствует себя за взорванным мостом увереннее и не подозревает, что час его уже пробил. Командир ударной роты 3-го батальона (Йохен Пайпер) докладывает в 14 часов 20 минут об овладении переправой через Сиул и о пленении целой неприятельской роты, включая и захват ее вооружений — французы пытались отступить на Ганна. Батальон быстро переправляется на другой берег и атакует французов, остающихся в Пуркене, — 3-й батальон наносит удар с тыла врага, и вскоре без особых потерь бой завершен.

Мои передовые подразделения, покинув Сен-Пуркен, организуют преследование отступающего противника в направлении на Ганна. Уже к 16.00 Ганна взят без боя, и мы посылаем разведчиков в Виши.

Завалы из спиленных деревьев на дороге Ганна—Виши не дают нам возможности выполнить поставленную задачу до наступления темноты. Уже на подъезде к Виши мы захватываем врасплох батальон тяжелой артиллерии, допотопные грузовики

французов не могут одолеть крутой подъем. Орудия — образца Первой мировой войны и явно небоеготовы, — до войны они наверняка спокойно пылились в каком-нибудь музее.

Без каких-либо потерь стрелки-мотоциклисты разоружают французов и маршем направляются на Ганна. Французский офицер со слезами на глазах взирает на брошенные орудия.

— Какой позор! Солдаты Вердена такого бы не допустили!

Мост через Алье оказывается в исправном состоянии, так что есть возможность контакта с немецкими частями в Виши. 19 июня пленено еще 17 офицеров и 933 солдата и сержанта. На лицах пленных французских военных усталость и безразличие.

20 июня 2-й батальон наступает на Клермон-Ферран, где захватывает на летном поле аэродрома 242 самолета самых различных типов, кроме того, 8 танков, множество автотранспортных средств и другого оборудования.

Вдобавок к нам в плен попадает генерал-майор французской армии, 286 офицеров и 4075 солдат и сержантов.

Взятый в плен под Пон-дю-Шато французский капитан, вызвавшийся отправиться в Клермон- Ферран в качестве парламентера для переговоров о добровольной сдаче города, застрелен французами, невзирая на белый флаг в руке.

23 июня передовые подразделения выдвигаются к Сен-Этьенну и, не доезжая 2 километров до Ла Фуйлуз, наталкиваются у перекрытой завалами дороги на яростный огонь противника. Завалы находятся за выступом горы, что затрудняет нам обстрел. Располагаем 3,7-см противотанковую пушку, обойдя выступ, и это дает возможность обстрелять засевших за завалом французов.

Ударная группа, укрывшись в придорожном кустарнике, пытается разведать обстановку за завалом. Я вместе со второй группой размеплаюсь в придорожном кювете, но тут щелкают выстрелы, а из-за завала показывается танк и, гремя гусеницами, объезжает выступ горы. Мы, вжавшись в дно кювета, смотрим, как на нас грозно надвигается эта махина. Наконец танк оказывается на одном уровне с нами, между ним и противотанковой пушкой от силы пара десятков метров. Раздается выстрел из противотанкового орудия, и тут же мы слышим визг рикошета. Второй выстрел — тот же результат. 3, 7-см снаряды отскакивают от брони танка! Видим, как танк направляется прямо на орудие и посылает снаряд прямо в орудийный расчет. Но буквально в нескольких метрах от огневой позиции танк разворачивается и отползает назад за завал. Мы со вдохом облегчения замечаем, что башня у него заклинена — наш снаряд свое дело сделал. Но трое бойцов орудийного расчета погибли на месте. Они — последние

жертвы кампании во Франции летом 1940 года.

Перед позициями ударной группы я насчитываю в общей сложности 6 танков, скрывающихся за завалом. Это устаревшие машины, ветераны Первой мировой, изготовленные еще для наступления 1919 года, которые так и не успели использовать по назначению.

Полчаса спустя экипажи отводят их, убоявшись наших снарядов. Путь на Сент-Этьенн свободен. На следующее утро 1-й батальон входит в город. Пленены несколько сотен французов.

В 21 час 45 минут мы узнаем, что между Италией и Францией достигнуто перемирие.

Сражения во Франции завершены. А война? Завершится ли на этом война?

Мы с недовольством воспринимаем известие о создании демаркационной линии и о том, что нам до 4 июля предстоит отойти из этого района. Теперь наш полк подчинен командованию 12-й армии и ранним утром маршем уходит на Париж — нам предстоит участие в параде победителей.

Несмотря на поражение, население Франции относится к нам весьма положительно, можно сказать, даже дружелюбно. Уже под Парижем мы узнаем о потоплении французского флота британскими военными кораблями в порту Дакара. Это известие французы восприняли очень болезненно. Никогда — ни до, ни после мне не приходилось видеть во Франции, как столько людей плачет, не скрывая слез. Решение Черчилля во Франции расценили не как продиктованное военной необходимостью, а как преступление против страны.

Париж окружен плотным кольцом частей дивизии фон Бризена. В центр города можно проехать лишь по специальному разрешению комендатуры и по предъявлении соответствующего документа. Пользуясь возможностью, показываю своим бойцам достопримечательности французской столицы. Поскольку намеченный парад сначала перенесен на более поздний срок, а потом и вовсе отменен фюрером, наш полк покидает Париж и маршем направляется в Метц.

Прошу разрешения у Зеппа Дитриха выехать на сутки раньше — хочу свозить солдат на обагренное кровью поле битвы под Верденом. Разрешение получено, и уже 28 июля 1940 года несколько сотен наших бойцов осматривают форт Дуомон.

Вместе с ними пробираюсь через казематы, которыми 25 лет тому назад овладели гауптман фон Брандис и оберлейтенант Хаупт вместе с их бесстрашными гренадерами-бранденбуржцами. Мы, не в силах вымолвить слова, стоим у огромного каземата с замурованным входом, где нашли вечный покой сотни наших

солдат.

Изувеченная снарядами земля вокруг превращенного в руины Дуомона говорит сама за себя. Здесь сплошь воронки — настоящий лунный ландшафт. Тонкие стебли суховатой травы не в силах скрыть страдания, выпавшие на долю этой земли. Траншеи и ходы сообщения прорезают все вокруг.

Между Дуомоном и казематом мы видим могилу павшего товарища, еще совсем свежую — молодой солдат пал здесь всего несколько недель назад. Обнажив головы, мы стоим у этой одинокой, затерянной могилы, видя слева и сотни других могил, постарше. Тысячи деревянных крестов… Здесь слова человеческого языка бессильны. Полки, батальоны, роты, взводы, о которых напоминают вот эти кресты, не нуждающиеся в пояснениях — они говорят сами за себя.

От каземата с прахом павших мы направляемся к Воксбергу и пытаемся мысленно представить себе масштабы подвига немецких и французских солдат в июне 1916 года. Взобравшись на полуразрушенный купол форта, мы пытаемся проследить путь лейтенанта Киля, который вместе с группой около 40 гренадеров сумел пробиться через восточный фланговый ров в сердце форта. Но тщетно — обуявшая людей мания разрушения не оставила и следа от прежнего ландшафта, перекроив его до неузнаваемости. Перед нашим мысленным взором мелькают силуэты атакующих пехотинцев, которые, невзирая на ураганный огонь защитников форта, прорываются через пробитую снарядом брешь в переднем эскарпе. Мы представляем саперов, бросающих в бойницы гранаты, подавляя орудийные расчеты. Сегодня изувеченный бронированный колпак беспомощно лежит у наших ног.

Пока я рассказываю своим пехотинцам, в каком ужасном положении оказались французы — защитники форта, мне чудится грохот канонады французской артиллерии, пытающейся согнать немецких пехотинцев с купола форта.

В темных проходах мы обнаруживаем на стенах и сводчатых потолках обожженные места — следы воздействия немецких огнеметов. Мы потрясенно смотрим на цистерну — еще одно свидетельство гибели французов, силясь представить себе муки жажды, выпавшие на долю защитников форта. Но и остававшимся наверху немцам тоже приходилось туго — каждая фляжка, проносимая сюда сквозь свинцовый дождь, была обагрена кровью тех, кто доставлял им драгоценную воду.

Во время осмотра этого исторического места и моего рассказа о тех героических днях мои слушатели не вымолвили ни слова.

Стремясь вернуть форт, вырвать его из рук немцев, французы непрерывно атаковали его, но все семь атак были отбиты

мужественными защитниками.

В сумерках уходящего дня мы проходим тем же путем, что и 21 немецкий солдат и двое офицеров, которым удалось миновать страшный заградительный огонь французов и влиться в ряды защитников форта. Они были последними из двух погибших немецких рот.

Уже совсем темно, когда мы отправляемся в обратный путь. Экскурсия настроила нас на задумчивый лад. Верден преподал нам урок — даже пройдя две победоносные кампании, мы не испытали и десятой доли того, что выпало на долю наших отцов.

Создание разведывательного батальона в Метце

29 июня мы входим в форт Альвенслебен в Метце. Форт этот расположен западнее Мозеля, отсюда открывается чудесный вид на долину этой реки.

В форте видим старые батареи крупповских пушек конца XIX — начала XX века. Рядом с орудиями аккуратно выставлены и начищенные до блеска снаряды. Согласно описи орудия эти были переданы французам в 1918 году.

В конце концов, ценой немалых усилий форт превращен нами в казарму с вполне удовлетворительными условиями расквартирования. Здесь намечено создать учебный центр только что сформированного 1-го танкового разведывательного батальона.

В августе мне предстоит возглавить набор личного состава для этого подразделения. В качестве исходных подразделений — моя 15-я рота стрелков-мотоциклистов, противотанковый взвод 14-й роты и саперный взвод. Недостающие подразделения я планирую изыскать лично в запасном батальоне стрелков-мотоциклистов, дислоцированном в Эльвангене.

В Эльвангене мне нет нужды долго искать желающих. Молодые пехотинцы рвутся на фронт и рады покинуть родные казармы. Едва я заикнулся о том, что мне нужны добровольцы, как меня окружили здоровые крепкие парни. Средний возраст молодых людей — 18 лет, они в армии всего полтора месяца. Несколько дней спустя разведывательное подразделение создано, и мы приступаем к интенсивной боевой подготовке. Молодых солдат не смущают трудности, они не за страх, а за совесть исполняют приказы и распоряжения командиров и начальников, и вскоре в моем подчинении прекрасный спаянный коллектив.

Полигонами и тренировочными площадками нам служат поля сражений Сен-Прива, Гравлотт и Мар-де-Тур. На них водители танков и стрелки-мотоциклисты совершенствуют старые навыки и приобретают новые.

Поскольку в годы после поражения много судили да рядили о том, из кого комплектовались части Ваффен-СС, считаю своим долгом предложить вниманию читателя некий социологический срез солдат и унтер-офицеров, взяв за основу 2-ю роту стрелков-мотоциклистов вверенного мне батальона. На гражданке молодые люди имели следующие профессии:

1. Технические 42,73 % **Отцы солдат 1 0,90 %**

специальности			
2. Ремесленники	**21,69 %**	**Отцы солдат**	**36,03 %**
3. Свободные профессии	**14,16 %**	**Отцы солдат**	**26,08 %**
4. Сельскохозяйственные профессии	**6,41 %**	**Отцы солдат**	**8,76 %**
5. Нет профессии	**15,01 %**	**Отцы солдат**	**18,23 %**

Средний возраст рядового состава составил 19,35 года, унтер-офицеров — 24,76 года, а роты в целом — 22, 5 года. В общей сложности служащие роты имели 452 родственника по различной линии. В роте были представлены многие местности германского рейха. С полным правом можно утверждать, что приведенные мною данные применимы и к вооруженным силам Германии в целом, и к населению Германии, так что не имеет смысла говорить о частях Ваффен-СС ни как о «войсках из партийных бонз», ни как о «ландскнехтах».

И вот за период с 10 июля 1941 года по 30 декабря 1941 года — то есть всего за полгода — из этой роты погибло 48 офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Кроме того, за указанный период 122 солдата получили ранения. В ходе тяжелейших оборонительных боев за Ростов-на-Дону в декабре 1941 года численность роты сократилась до взводной.

Как только сегодня некоторые деятели берутся считать этих готовых на любые жертвы молодых идеалистов «солдатами партии»? Они сражались и гибли за Германию, а не за какую-нибудь там партию.

Осенью 1940 года меня откомандировали в Эльзас, в Мюльхаузен на курсы штабных офицеров. Руководителем курсов был опытный и знающий офицер, командующий 73-й пехотной дивизией генерал-лейтенант Билер. В ходе прохождения курсов мне удалось познакомиться со многими товарищами, с которыми мне приходилось сражаться плечом к плечу и делить нелегкие часы в Греции и России. Мне хочется назвать здесь полковника Хитцфельда и майора Штиффатера.

В указанный период войска проводили подготовку к операции «Морской лев», отдавая время и силы освоению навыков десантирования с моря. Мозель как нельзя лучше подходил для этой цели. Подготовка к ведению боевых действий в условиях гористой местности отложена до лучших времен. На головокружительной скорости мы носимся на своих мотоциклах по горам у Мозеля. Прилегающая к форту местность — валы и рвы — настоящий цирк. Мы даже осваиваем команды «отдать

концы!» и тому подобные, погрузку на плавсредства и разгрузку с них мотоциклов и другой техники. К весне мы уже будем вполне подготовленным подразделением. Взаимодействие с тяжелыми вооружениями просчитывается до секунды. Генерал-полковник Бласковиц поражен нашим усердием и без конца хвалит нас. В том же духе высказывается и генерал фон Кортцфляйш, прибывший в Метц для окончательной проверки подготовленности. Подразделение готово к ведению боевых действий и ждет приказа.

Балканы

Во время Первой мировой войны немецкому народу пришлось на своей шкуре почувствовать, что такое угроза южному флангу. Когда нам осенью 1916 года пришлось сражаться и на Западном фронте, и на Восточном, где мы противостояли Брусилову, кроме того, проливать кровь на юге, страны Антанты, мобилизовав Румынию, довершили процесс окружения Германии.

Два долгих года наши солдаты сражались в горах Македонии с Салоникской армией Антанты. Лишь к осени 1918 года генералу Франше де Эсперси, располагавшему 29 дивизиями, удалось прорвать наш оборонительный фронт и выйти к Дунаю. Это решило судьбу наших союзников.

Какова роль Балкан теперь, весной 1941 года можно было лишь догадываться. Одно не внушало сомнений — Уинстой Черчилль, в свое время инициировавший высадку сил англичан в Галлиполи, а потом и Салоникскую операцию, и сегодня продолжал оказывать исключительно сильное влияние на британское военное командование.

Весной 1941 года у Лондона был готов к отправке на Балканы экспедиционный корпус, находившийся в районе Средиземного моря в портах Греции. В середине февраля министр иностранных дел Великобритании Энтони Иден и начальник генерального штаба британских вооруженных сил сэр Джон Дилл прибыли в Афины для обсуждения вопросов, связанных с высадкой сил англичан в Греции.

В январе 1941 года в Румынию были введены первые германские силы — части армии Листа. Официально они считались учебными частями. Немцы были тепло встречены местным населением.

В начале февраля 1941 года мы получаем приказ о передислокации. Никто понятия не имеет куда нам предстоит выступить. У Страсбурга мы переправляемся через Рейн и через живописную южную Германию попадаем в Богемию. Минуя Прагу, поворачиваем на юг и на следующее утро наблюдаем силуэт Будапешта. Затем наш состав приближается к румынской границе. На границе Венгрии и Румынии мы впервые видим Трансильванию во всей ее красе. Жители Трансильвании демонстрируют в отношении нас искреннее дружелюбие. Население Кронштадта[11] Херманнштадта[12] а также многих других связанных с пребыванием германских рыцарских орденов городов Карпат радостно приветствует нас.

Наша часть расквартирована в районе Чимпулуна. Раньше

безлюдные уютные вокзальчики преображаются. Повсюду царит оживление. Уже в первые часы после прибытия происходит один любопытный эпизод, которому суждено будет сыграть свою роль b в будущем. Дело в том, что наши транспортные средства увязали на местных дорогах в грязи по самую ось, и их приходилось вытаскивать либо тягачами, либо вручную. И вот я вижу одного румынского подполковника, который на чем свет стоит поносит местные дороги и просит заодно вытащить и его крохотный легковой автомобиль, который тоже засел чуть ли не по радиатор. В машине я замечаю женщину с искаженным болью лицом.

Мы, вняв просьбе офицера, вытащили его машину, и он продолжил путь. С тех пор я и не вспоминал об этом происшествии. Но в 1943 году в Деберитц/Крампнитц прибывает румынский офицер в чине полковника. Подойдя ко мне, он улыбается, трясет мою руку и принимается благодарить. За что? — недоумеваю я. Румын подзывает своих товарищей и объясняет, что, мол, вот этот человек спас моих жену и сына. Я не сразу понимаю, о чем речь. А потом вспоминаю. Оказывается, тогда офицер вез жену в родильный дом, и его машина как на грех увязла. Наш тягач ее тогда вытащил, они благополучно и как раз вовремя добрались до роддома, где и появился на свет его сын. Вторая наша встреча, уже в Германии, стала поводом для пирушки.

После нескольких недель в Чимпулуне мы маршем направляемся в Болгарию. По ужасному серпантину дорог мы продвигаемся в южном направлении. Танковые гусеницы разрушают и без того отвратительные дороги, но мы, невзирая на это, без остановок движемся вперед.

По обе стороны дорог раскинулись голые бескрайние поля без единой возвышенности, ни деревца, ни кусточка. Время от времени нам попадаются нищие села — колодец с журавлем, кучка вросших в землю глинобитных хатенок, покосившиеся от ветра заборы. Однажды утром мы видим перед собой темно-серую широкую ленту медленно несущего свои воды Дуная. Южнее реки в дымке виднеются горы Болгарии.

Солнце немилосердно печет, мы по наскоро сооруженному саперами мосту въезжаем на территорию Болгарии. Болгары встречают нас как друзей, для них это праздник. Оживают в памяти воспоминания Первой мировой, многие болгары с гордостью демонстрируют нам германские награды. Марш через печально известный Шипкинский проход на Балканы оставляет незабываемое впечатление. Крутые повороты одолеваем чуть ли не на предельной скорости. Там, где проезд невозможен, болгары готовы предоставить в наше распоряжение тягловых волов.

Длинные колонны безостановочно двигаются на юг. Объезжая Софию, мы оказываемся в долине Струмы. Кажется, отвесные скалы вот-вот обрушатся на нас. Водители с трудом проезжают на тяжелых грузовиках через узкие, больше похожие на тропинки горные дороги.

Дороги покрыты толстым слоем пыли. На них вот уже несколько дней оживленно двигается техника и вооружение. Самый тяжелый участок — 20-километровый отрезок в долине Струмы. Саперам и строительным подразделениям приходится самим прокладывать дорогу — взрывать, укладывать камень, выравнивать его. И вот вскоре здесь возникает вполне проезжая дорога, колонны покидают долину Струмы, исчезая в прилегающих к ней долинах. Гигантский войсковой контингент теряется в лабиринте горных долин и ущелий. По обочинам дорог стоят ящики с боеприпасами, продовольствием, канистры с бензином. Ввод германских войск завершен. Штурмовые роты в полной боевой готовности ждут дальнейших распоряжений.

Между тем подстрекания Лондоном Белграда возымели эффект, выразившийся в антигерманских настроениях. В ночь с 26 на 27 марта там произошел государственный переворот, вследствие которого было свергнуто правительство, а принц-регент Павел вынужден был бежать из страны. Это в корне изменило ситуацию на Балканах. Уже вечером 25 марта Гитлер принимает решение устранить угрозу на ющюм фланге рейха.

Не считая 1-й танковой группы генерал-полковника фон Клейста и 2-й армии генерал-полковника барона фон Вейкса, направленных на Белград, в южную часть Югославии (в район Скопле) направилась и 12-я армия фельдмаршала Листа. В состав 12-й армии входили 16 дивизий, кроме того, полки «Великая Германия» и «Лейб-штандарт».

После подписания 5 апреля 1941 года Югославией и Советским Союзом договора о ненападении и дружбе Гитлер 6 мая отдал приказ о начале военных действий против Югославии и Греции.

Жаркий весенний день заканчивается. Жара в долине Струмы невыносимая. В связи с обстановкой в Югославии мы движемся на север к Кюстендилю. Кюстендиль расположен непосредственно на болгарско-югославской границе. 9-я танковая дивизия уже достигла этого пограничного городка. Ей поставлена задача выхода к Скопле и, по возможности, скорейшее овладение этим важным узловым пунктом. Нам приказано следовать за 9-й танковой дивизией почти до самого Скопле, затем повернуть на юг и через Прилеп следовать к границе с Грецией.

Мое усиленное подразделение выстроилось в каре. Стоит

ночь, я провожу инструктаж относительно поставленной нам задачи. Все молча слушают. Разъяснив задачи нашего подразделения, не обхожу вниманием и возможные трудности. Я также считаю необходимым напомнить всем о кровопролитных боях в Македонии за овладение Монастыром, выпавших на долю наших отцов в годы Первой мировой войны. Монастыр — наша первейшая цель, и мы должны победить быстротой и внезапностью. Впервые я чувствую безграничное доверие, связывающее меня с моими бойцами. Они готовы последовать за мной и в ад — если потребуется.

Ночь душная, говорим мало, курим сигарету за сигаретой. Каждый перед решающей схваткой думает о своем. В призрачном свете луны я вижу бойцов, сидящих на мотоциклах. В предрассветной мгле вырисовывается длинная, словно вырубленная из камня гора. Отвесные склоны мрачно нависают над нами. Видна прихотливо извивающаяся белая лента дороги. Мы знаем, что там, на высоте, нас дожидаются бункеры и надолбы противотанковых заграждений. Еще до восхода солнца передовые части 9-й танковой дивизии через естественные преграды направляются на запад. На высоте 1200 метров их встречают югославские пограничные укрепления. Первое слово тяжелым вооружениям. 8,8-см зенитные и тяжелые противотанковые орудия расстреливают бетонные бункеры неприятеля. Считаные минуты спустя от пограничных укреплений остается лишь груда дымящихся развалин. Картина ада. Далеко на востоке из-за гор поднимается кроваво-красное солнце, а в долинах туман смешивается с поднимающимися вверх клубами дыма. Пущенные с пограничных гор наши трассирующие снаряды прочерчивают в блеклом предутреннем небе огненные строчки. Пулеметный огонь подавляет последние очаги сопротивления. Внезапно появляются самолеты противника. Едва не задевая крыльями вершины гор, они пикируют на вьющуюся посреди долины дорогу и атакуют с воздуха Кюстендиль. Все улицы городка забиты войсковыми колоннами. На них сыплются бомбы. Слава богу, потери минимальные, но среди них и оберштурмбаннфюрер[13] Монке, командир 2-го батальона. Монке серьезно ранен. Командование батальоном принимает на себя гауптштурмфюрер Баум.

Мы все ближе и ближе продвигаемся к границе. К вечеру наконец мы почти на месте. 9-я танковая дивизия овладела пограничными укреплениями и сумела углубиться на территорию Югославии. Отражая атаки врага, передовые части танкистов мчатся на Скопле. Наш час пробил. С наивысшей точки горного перевала мимо надолбов, заграждений и хитроумно врытых в

землю бункеров мы углубляемся на неприятельскую территорию. Навстречу нам движутся нескончаемые колонны пленных, среди них много этнических немцев, приветствующих нас на родном языке. Они все тянут руки поздороваться с нами. По обочинам дорог свалены убитые лошади, уже начинающие вздуваться на жаре. Оставшиеся в живых неприкаянно стоят у дороги или же расхаживают по местности. Суровый горный ландшафт постепенно меняется. Горы, их сияющие, покрытые снегом вершины уже далеко позади. У въезда в Куманово застыло несколько подбитых наших танков. Тут же вырыты и свежие могилы — свидетельства недавних ожесточенных боев за этот населенный пункт. Темнота наступает здесь быстро. Вскоре мы достигаем крупного пересечения дорог южнее Скопле. Отсюда мы уже во главе колонны через Прилеп направляемся на юг.

Вскоре после полуночи мы добираемся до последнего поста боевого охранения 9-й танковой дивизии и оказываемся теперь на нейтральной территории. Перед тем как выступить головному взводу под командованием унтерштурмфюрера[14] Вавжинека, я вновь разъясняю обстановку личному составу взвода и желаю своим бойцам всего хорошего. Словами напутствия — «Ночь принадлежит только старательным солдатам» — отпускаю их, и они тут же исчезают в темноте.

Сначала медленно, а потом, постепенно набирая скорость, в путь отправляются и стрелки-мотоциклисты. Повторяется то же, что уже было пережито в Голландии. Вскоре мне докладывают, что Вавжинек без особых проволочек двигается на юг. Но здесь не Голландия, и удобных асфальтированных шоссе нет и в помине. Здесь приходится пробираться по узеньким горным тропам и теснинам. Дорога резко берет вверх. Еще секунду или две спустя над нашими головами свистят пули. Засевший где-то в горах неприятель пытается остановить наше продвижение вперед. Теперь я еду за головной группой. Вперед и только вперед. Стараться овладеть территорией, использовать замешательство противника — вот наша цель. У небольшой высотки, за которой расположилось село, нас встречает огонь. Пускаю в атаку сначала разведывательный бронеавтомобиль, а за ним стрелков-мотоциклистов. Они угощают неприятеля залпом трассирующих. Исход первого боя нашего батальона — около сотни перепуганных, растерянных югославов. Офицеры-югославы немилосердно бранят свои посты боевого охранения в горах. И не хотят верить, когда мы через переводчика объясняем им, что, мол, вообще не обращали внимания на какие-то там посты боевого охранения, а перли себе на юг. Полчаса спустя все кончено. Наших рвущихся вперед стрелков-мотоциклистов уже не

сдержать ничем. Дальше! Дальше! Вперед! На полном ходу одолевая извилистые, ухабистые дороги, мы внезапно наталкиваемся на артиллерийскую батарею неприятеля — она тоже на марше — и, не останавливаясь и не ввязываясь в бой, обгоняем ее. Югославы в панике бросаются кто куда, а орудия с грохотом валятся в ущелье.

Едва начинает светать, как мы добираемся до Прилепа и первым делом устанавливаем связь с передовыми частями 73-й пехотной дивизии. Командир батальона — майор Штиффатер, с ним мы вместе были на курсах в Мюльхаузене. Штиффатер сумел продвинуться с востока строго на запад и без значительных потерь овладеть Прилепом.

Теперь МОЖНО позволить себе и краткий отдых. В конце концов, мы вполне заслужили его. Нам еще предстоит очень многое — например, овладеть важным пунктом Монастыр. Заряжает мелкий дождик. Капли его прибивают дорожную пыль, превращая ее в жижу. Мы всматриваемся в серую утреннюю мглу. Дорога теперь вьется по равнине, лишь справа чернеют очертания высокой горы. За горой виднеются река Црна и тяжелые конструкции моста через нее. Стальные дуги соединяют берега Црны. Мост еще не успели взорвать. К нему направляются грузовики и гужевой транспорт противника. Югославы явно торопятся попасть на противоположный берег. Но я во все глаза гляжу на мост — остальное меня не волнует. Его непременно надо заполучить целым! Два бронеавтомобиля разведки отделяются от маршевой колонны и посылают 2-см снаряды на въезд на мост на противоположном берегу. Ударная группа бешено устремляется к мосту. Начинается паника, быстро перешедшая в хаос, все здесь смешивается в кучу: люди, лошади, повозки, грузовики — все норовят первыми оказаться на мосту. Наши в какой-нибудь сотне метров от моста. Звучат редкие одиночные выстрелы. Я уже почти уверен, что нам удастся захватить мост, — но! У реки раздается глухой взрыв, и мост у меня на глазах чуть приподнимается и тут же тяжело оседает, рухнув вниз. Неприятельские солдаты, лошади, транспортные средства летят в бурные воды Црны.

Меня охватывают и ужас, и бешенство, но, быстро придя в себя, я пытаюсь трезво оценить обстановку. Командир 2-й роты гауптштурмфюрер Красс стоит рядом. Мы вместе быстро оцениваем обстановку и принимаем решение. Не дать врагу опомниться! Гнать его! Нам повезло! Металлические конструкции торчат из воды, их вполне можно использовать при наведении временной переправы через Црну. Пехотинцы карабкаются по остаткам моста и создают крохотный плацдарм. Саперы, да и все,

у кого руки на месте, таскают балки и другие подручные материалы. Первыми на другом берегу оказываются мотоциклисты с машинами без колясок и сразу же отправляются в разведку в направлении Монастыра. Без перекуров, как это было принято у нас на учебных полигонах, саперы наводят временную переправу, и вскоре по ней, грузно переваливаясь с боку на бок, на противоположный берег выползает тяжелый бронеавтомобиль разведки. Маршевая колонна продолжает движение.

2-я рота снова возглавляет колонну. Слева от маршрута продвижения проходит железнодорожная линия на Монастыр. За насыпью притаились вражеские стрелки, тщетно пытающиеся задержать наше продвижение. Бронемашины отпугивают их очередью из пулемета. Все напряженно всматриваются вперед. Монастыр мы намерены брать с ходу, а все остальное не суть важно. Железнодорожная насыпь, приблизившись к дороге вплотную, в паре сотен метров впереди пересекает ее. Головные подразделения останавливаются, пехотинцы спрыгивают в кюветы по обеим сторонам дороги. Завязывается бой с противником, засевшим в будке путевого обходчика. На дороге то и дело мелькают фонтанчики разрывов. Огонь ведут из домика путевого обходчика. Под огнем противника мои бойцы разворачивают 5-см противотанковое орудие и парочку снарядов посылают в стенку домика. Постройка тут же с грохотом разлетается на куски.

Только сейчас замечаю возросшую активность врага, сосредоточившегося за железнодорожной насыпью, — видимо, то, что наша колонна застопорилась, приободрило его. Нас обстреливают из пулемета. Ничего не остается, как подавить очаг сопротивления. Под прикрытием разведывательной бронемашины мы быстро справляемся с этой задачей. Оставшиеся в живых югославы отступают в болото, расположенное за насыпью.

Я уже собрался вскочить на мотоцикл унтершарфюрера Вайля, как нас вновь начинают обстреливать югославы. Мы вынуждены залечь. Мой планшет измочален пулями, обрывки карт разбросаны по краю придорожного кювета. Югославы вовсю палят по нам, с корнем вырывая сухую траву и взметая фонтанчики земли. Вдруг до меня доносится странный булькающий звук, похожий на хрип. Я оборачиваюсь, ища глазами Вайля, и вижу, как он корчится от боли на дне кювета — у него раздроблена нижняя челюсть.

Нам ни в коем случае нельзя застрять здесь! Враг не удержит нас на подступах к Монастыру и не расстреляет с прилегающих высот. Выкрикиваю команду головной группе — мотоциклисты, демонстрируя чудеса акробатики, вскакивают на машины и уносятся вперед по мокрой от дождя дороге. Весь день шел дождь,

но сейчас сквозь туман проглянуло солнце.

Сопротивление противника растет — трассирующие пули, злобно шипя, врезаются в соломенные скирды и превращают их в пылающие факелы. Перед нами Монастыр. Справа на склоне горы различаю неприятельскую батарею, солдаты как раз готовятся открыть огонь. Вперед! Не ввязываться в затяжные схватки! В город! Вцепиться в глотку противнику! Несемся вперед, угощая неприятеля по обеим сторонам дороги пулеметными очередями. Впереди преграда — югославы попытались соорудить завал, да, видимо, не успели. Огонь, разрывы снарядов, выпущенных из бронеавтомобилей, ручных гранат, мечущиеся в панике солдаты неприятеля, ищущие где укрыться.

Батальон наступает не широким фронтом, как предполагает противник, а узким клином, упругим и острым, как шпага. Артиллерия врага не успевает выполнить стоящую перед ней задачу, а лишь беспорядочно загоняет снаряды в землю: недолет, снова недолет и снова…

Я не вижу ни минаретов, ни домов, я вижу только пулеметные гнезда, решительно настроенного врага и временные доты в подвалах и на чердаках. Батальон углубляется в город. У меня при себе нет ни карты, ни плана города — все погибло при въезде в Монастыр. Но я знаю, где расположена казарма. Туда нам и надо, именно там мы оборвем путеводную нить врага.

Выстроившиеся на центральной площади войска в панике разбегаются, едва наши стрелки-мотоциклисты показываются из-за угла. Из всех окон, с крыш домов, из кустов нас угощают пулями. Именно сейчас все зависит от наших бронемашин — огонь их пушек сразу же достигает любого подозрительного уголка, заставляя врага вжимать голову в плечи. Два тяжелых пехотных орудия занимают позицию под прикрытием разведывательных бронеавтомобилей. Они метрах в двухстах от казармы, может, и того не будет. 15-см снаряды летят в цель. И — о чудо! Не проходит и двадцати минут, как враг прекращает сопротивление. Только в районе вокзала ударная группа саперов спустя час подавляет последний очаг сопротивления.

Наш прорыв подверг суровому испытанию все то, чему мы в свое время учились, — «Двигатель танка — такое же его оружие, как и пушка».

В течение следующих часов доставляют и разоружают пленных. На их лицах безучастие. Но времени почивать на лаврах у нас нет — бои еще не кончились.

Силы сербов сосредоточены у озера Охрид и заняли перевал Джават, расположенный в 20 километрах южнее Монастыра. Нам известно, что на юго-востоке у границы с Грецией наступают

значительные силы англичан, успевшие продвинуться с юга до самой Флорины. Мне нелегко принять решение, как нам действовать дальше, — мы пока что в Монастыре одни, и рассчитывать на помощь, по крайней мере в течение ближайших суток, нечего. С одной стороны — англичане, с другой — необходимость удержать Монастыр, закрепиться здесь вместе со штабом, артиллерией, обозом.

Усиленной роте Крааса поставлена задача овладеть перевалом Джават и через Охриду установить связь с итальянцами, расположившимися западнее Флорины в горах. Роте Шредера приказано вести разведку по обнаружению сил британцев и, обнаружив неприятеля, оставаться вблизи него и, по возможности, не позволить англичанам выйти через перевал Клиди. Оба командира рот явно недоумевают. Гуго Краас с сомнением качает головой. Шредер же не считает задачу столь уж непреодолимой — в конце концов, у него достаточно возможностей для маневрирования, как и сносных дорог для проведения разведки. Роты отправляются на выполнение поставленных задач. Мимо проезжают стрелки-мотоциклисты, бойцы противотанкового подразделения, саперы. На их лицах улыбки. Исчезая во тьме, они отправляются в неизвестность. Штабисты, заняв круговую оборону, выходят в эфир — с ротами поддерживается постоянная радиосвязь. Донесения разведчиков-танкистов поступают непосредственно ко мне — мы осведомлены о каждом их шаге и точном местонахождении. Краас уже несколько минут спустя натыкается на вполне боеготовую артиллерийскую батарею, занявшую позицию во фруктовом саду строго на запад от Монастыра и, судя по всему, дожидающуюся приказа об открытии огня. Боевые расчеты орудий в полном составе отправляются в плен.

К полуночи Краас успел миновать несколько сел и выйти к Джавату. Разведкой установлено, что перевал Джават занят, а подступы к нему охраняются хорошо оборудованной полосой обороны, протянувшейся по гребню горы. В плен взята группа боевой разведки неприятеля. Атаковать перевал будем на рассвете.

Шредер также успешно продвигается вперед и вскоре сообщает из Флорины и из Веви. На участке между этими двумя населенными пунктами с ротой произошел любопытный эпизод. Как говорится, ночью все кошки серы. И вот что рассказал мне Шредер на следующее утро:

«Когда мы оказались на пересечении дорог, я решил отправить несколько разведгрупп. Сам я поехал вслед за 1-м взводом в направлении Флорины. И тут вижу, как прямо на нас

едут две бронемашины разведки. Я подумал, что это могут быть только наши. И вот когда до них остаются считаные метры, до меня вдруг доходит, что это не наши. Я узнал англичан, они тоже заплутали и приняли нас за сербов. Я вместе с ротой пробрался еще метров на сто, и мы стали дожидаться возвращения англичан. И верно, полчаса спустя они вернулись и напоролись на нашу засаду. По захваченным у них картам мы разгадали планы врага. Австралийские части заняли господствующие высоты, а проход в долину заминирован».

Шредер вошел в боевое соприкосновение с неприятелем и проводит разведку боем. Наличие пехотных орудий и минометов явно ввело в заблуждение противника относительно численности, и он не решается атаковать.

Рано утром группа Крааса атакует высоту Джават. Изобилующая крутыми поворотами, подъемами и спусками дорога идет круто в гору, что исключает возможность внезапной атаки. Отвесные скалы, ущелья, голые, без единого кустика или деревца участки — такова здесь местность. Перевал лежит на высоте в 1000 метров. Чистое безумие организовывать здесь атаку усиленной ротой. Но на нашей стороне фактор внезапности. Никто не предполагает нашего молниеносного прорыва, никому просто в голову не придет, что кто-нибудь сумеет атаковать, имея в распоряжении всего лишь роту.

Еще затемно я отправляюсь в роту Крааса. Я должен выяснить обстановку на месте.

На северном выезде из Монастыра нас встречает мемориал павшим в боях Первой мировой войны. Там высоко в горах нашли смерть немецкие солдаты. Число их огромно. С первыми лучами солнца я слышу звуки боя. Тяжело бухают пехотные орудия. Их 15-см снаряды способны оказать страшное воздействие. Тут и там чертят следы в небе 2-см трассирующие снаряды. В долине обнаруживаю только тяжелые вооружения и колесные транспортные средства — в атаке участвуют только разведывательные бронемашины. Мои стрелки-мотоциклисты превратились в горных пехотинцев. Под покровом ночи они взобрались к перевалу и теперь у полосы обороны неприятеля, протянувшейся по гребню горы. Им удалось обойти заграждения и атаковать противника с тыла. В боевом порыве командир поднимает бойцов и с ходу устремляется на позиции сербов. Тяжелые вооружения возымели не только разрушительный, но и моральный эффект, которого мы и предполагать не могли — сербы оглушены разрывами тяжелых снарядов.

Из-за бронемашины я слежу за ходом последнего боя за овладение возвышенностью. Группа Ткоча подавляет последний

очаг сопротивления. За часовней обнаруживаю Гуго Крааса и поздравляю его с победой. Перед нами лежат, сидят на корточках, стоят несколько сотен военнопленных. Целая батарея сложила оружие. Пока мы не в состоянии осмыслить успеха. Располагая такой уникальной позицией, здешний батальон спокойно мог бы сдерживать целые полки, а не то что роту. Командир сербского батальона объясняет это так: «Когда вчера вечером мои солдаты узнали, что немцы уже в Монастыре и что ночью вполне могут оказаться здесь, они окончательно пали духом. Сам факт, что им придется сражаться не с кем-нибудь, а с немцами, перепугал их. А эти ваши снаряды совсем их доконали».

С самого высокого места мы обозреваем сияющее голубизной озеро Охрида и освещенную солнцем Флорину. И этот город должен быть нашим, прежде чем враг заметит разгром своего батальона. Пока стрелков-мотоциклистов в моем распоряжении нет, но зато есть разведывательные бронеавтомобили. Они в любую минуту готовы спуститься в долину и внезапно атаковать противника. Пока мы осторожно спускаемся по серпантину дороги, рота Крааса дожидается своего транспорта. Без каких-либо происшествий мы добираемся до дна долины и, увеличив скорость, направляемся к городу. Я еду в машине Бюгельзака. Обершарфюрер — лучший командир разведчиков, нюх у него воистину охотничий. При виде нас сербы разбегаются кто куда, другие бросают оружие и маршируют к перевалу. Теперь в город, и как можно скорее, необходимо воспользоваться паникой. Очередь из пулемета — и улицы вмиг пустеют. Внезапность полнейшая, и несколько минут спустя мы уже стоим на церковном холме и пускаем красные ракеты. Вскоре прибывает рота Крааса и тут же в горы западнее озера Охрида высылается разведка. Ее задача — установить связь с итальянцами. И эта задача несколько часов спустя выполнена. Свое первое задание наш разведбат выполнил быстро, успешно и без значительных потерь. Меня переполняет чувство гордости за своих бойцов, теперь я твердо уверен, что с ними мне любая задача по плечу.

В Монастыре докладываю командиру полка «Лейбштандарт» о последнем успехе батальона и вместе с ним отправляюсь в расположение роты Шредера. Прибыв туда, мы встречаем и опередившего нас командира 1-го батальона штурмбанфюрера Витта.

1-й батальон получает приказ взять штурмом важнейший в тактическом отношении пункт для обороны перевала Клиди, который в данное время в руках англичан, и тем самым обеспечить проход для нашего полка «Лейбштандарт» и 9-й танковой дивизии. Новозеландцы и австралийцы засели, глубоко

окопавшись, на склонах гор перевала. У противника было достаточно времени для создания и оборудования оборонительных позиций. У артиллерийских разведчиков-наблюдателей есть все возможности для прекрасного обзора равнинного участка прилегающей местности, откуда англичане и ждут нашего нападения. Монастыр — своего рода шлюз для подхода к перевалу Клиди, ворота из Югославии в Грецию. Враг имеет здесь целый ряд неоспоримых преимуплеств. Перевал минирован, что исключает боевое применение танков. Нашим пехотинцам предстоят тяжелые бои за овладение высотами.

В Грецию!

Погожий летний день в горах завершается дождливым, ненастным вечером, за которым наступает холодная ночь. Хлопьями снег оседает на склонах гор. Бойцам 1-го батальона противостоит численно превосходящий противник, глубоко врывшийся в каменистую землю и ожидающий атаки в любую минуту.

Серым утром 12 апреля все и начинается. Горное безмолвие прорезал свист тяжелых снарядов. Тяжелые зенитные орудия приступают к уничтожению выявленных очагов сопротивления противника, выдвигаются на позиции и штурмовые орудия. Стоя у стереотрубы, я наблюдаю за ходом атаки 1-й роты под командованием оберштурмфюрера Герда Пляйса. На гору обрушивается смертоносный дождь снарядов. Вершину окутывает дым. В воздухе стоит резкий запах земли и серы. Внезапно артиллерия умолкает. Пехотинцы начинают взбираться по склону горы. Расчеты вытаскивают тяжелые орудия из дна долины вверх на скалы. Мы с интересом следим за продвижением артиллерии. Забравшись достаточно высоко, они вступают в бой. Никто не принимал всерьез возможность применения в этой местности штурмовых орудий. И вот они наверху и оказывают пехоте неоценимую помощь. Мы видим, как по откосу спускаются первые пленные. Англичане в тихой панике, они еще не оправились от нашей артподготовки. Это физические сильные, рослые молодые люди. С таким противником приходится считаться. Наша пехота продолжает углубляться в линию обороны противника. Саперы продвигаются к минным полям — необходимо как можно скорее обеспечить проход танков. Но и здесь пехоте приходится нести на своих плечах основную тяжесть — выбивать англичан с позиций. Только после этого саперы могут спокойно заняться своим делом — разминированием проходов. Штурмбанфюрер Витт вперил потрясенный взгляд на останки своего брата Франца. Младший брат командира 1-й роты попал на минное поле и был разорван на куски взрывом мины.

Теперь командование бойцами взял на себя Пляйс. Бой его группа ведет уже у самой вершины. Сюда штурмовые орудия не втащить, здесь пехотинцам приходится рассчитывать исключительно на себя. Звуки разрывов гранат до нас не долетают, но зато видны клубы дыма. Пулеметные гнезда подавлены в рукопашной схватке, и вершина горы наконец наша.

Бесстрашные бойцы роты Пляйса одолели неприятеля. Свыше сотни взятых в плен, 20 захваченных у противника пулеметов,

другое оснащение — вот трофеи сегодняшнего боя. Сам Герд Пляйс ранен, но остается со своими пехотинцами. Ворота в Грецию открыты! Борьба продолжается. 1-й батальон стремительно атакует отходящего неприятеля. Вражеские танки уничтожаются огнем наших противотанковых и штурмовых орудий. Неприятельская авиация пытается остановить наше наступление, но их бомбы желаемого эффекта не оказывают.

Гауптштурмфюрер Фенд, командир батареи 8,8-см орудий, попал в плен и провел ночь в колонне англичан. На рассвете его вызволили наши пехотинцы. А вот к нам в плен шагает еще группа новозеландцев. Южный выход перевала взят в утренние часы. Здесь британцы и греки стремятся переломить ход схватки и загнать немцев назад к перевалу. В распоряжении британцев большое количество танков, и, надо сказать, хлопот они нашим головным подразделениям явно не убавляют. 1-й батальон уже вышел на открытую местность, а штурмовые орудия за ними не поспевают — ситуация довольно опасная. Первые танки неприятеля уже добрались до головной роты 1-го батальона, но тут с открытой огневой позиции два 8,8-см орудия оберштурмфюрера д-ра Наумана вовремя открывают огонь и снимают угрозу для батальона. Загораются или взрываются на собственном боекомплекте одна за другой вражеские машины. Танковая атака англичан захлебывается.

Пока 9-я дивизия продвигается на юг, мой разведбат направляется дальше к озеру Касториа. Уже спускаются сумерки, когда вдали появляются угрожающе темные горы перевала Клисура.

Наша цель — Корица, где располагается штаб-квартира 3-го греческого корпуса, но, чтобы попасть туда, необходимо миновать перевал, высоту, даже чисто технически трудноодолимую. Без малого на 1400 метров поднимаются горы, создается впечатление, что они вот-вот рухнут и погребут тебя под собой. Мы быстро овладеваем пространством — за полчаса мы закрепляем за собой две ближайшие возвышенности.

Величаво раскинулась перед нами гора. Извилистая дорога вьется вверх. Пути назад нет, здесь даже если и захочешь, не развернешься. Не та местность. Слева обрыв, а глубоко внизу непроходимое ущелье, справа вдоль дороги отвесные стены скал. Небольшие горные села кажутся вымершими. Но в последнем селе нам попадаются несколько перепуганных местных жителей. На их лицах немой вопрос. Напряжение растет с каждой минутой — в воздухе предчувствие смертельной схватки. В каждой скале нам чудится замаскированный бункер. Перед нами этажом вздымается ввысь гора. Дорога сворачивает чуть вправо, а потом

обегает узкое и очень глубокое ущелье. Мы медленно пробираемся к повороту, каждую секунду ожидая огня противника или подрыва скалы на своем пути. Головная группа останавливается. Бойцы, спрыгнув на землю, тут же залегают и готовятся к стрельбе. Что случилось? Но выстрелов пока не слышно. Вне себя от волнения направляюсь к ним. Дорога упирается в пропасть — мост через ущелье взорван. Огромные мостовые арки, рухнув вниз, образовали нечто вроде седловины. С удивлением убеждаемся, что место подрыва не охраняется, и вообще поблизости нет признаков пребывания противника. Глубина ущелья метров 15. Пешим порядком его ничего не стоит преодолеть, а вот для транспортных средств оно — неодолимая преграда. Головной взвод получает приказ перебираться на другую сторону и следить за обстановкой, пока остальные бойцы будут заняты сооружением временного перехода через ущелье. Едва пехотинцы оказываются на обломках моста, как воздух прорезает пулеметная очередь. Откуда-то сверху, чуть справа от себя замечаем позиции врага. Вспышки от выстрелов позволяют судить о величине и профиле огневых позиций. Снаряды со свистом проносятся над нами и разрываются глубоко в ущелье. Враг открывает минометный огонь, стремясь отогнать нас. Мой батальон оказался в незавидном положении: ни вперед, ни назад. Путей для отхода нет — мы находимся на дороге, ведущей в тыл 3-го греческого корпуса.

Взбираться на такие горы — дело горнопехотных формирований, но уж никак не танкового разведбата. Но сейчас не время для рассусоливаний — горных пехотинцев здесь нет. А мы оказались перед необходимостью именно взобраться на эту гору и — черт бы нас всех побрал! — взберемся, и никуда не денемся! Я буду атаковать утром вражеские позиции, причем силами обеих рот стрелков-мотоциклистов. Я заберу всех — штабистов, водителей, роту разведки и пойду с ними дальше по дороге и создам видимость широкомасштабной наступательной операции. А тяжелые вооружения можно будет использовать и потом.

Между тем наступают сумерки. Противник время от времени ведет беспокоящий огонь по развалинам моста. Взвод саперов просверливает в камне шурфы для закладки взрывчатки — взрывом мы хотим заровнять острые края каменных глыб. Несколько минут спустя каменные обломки и земля сыплются на дорогу и на взорванный мост. И мой разведбат мигом превращается в стройбат. Пехотинцы подхватывают каменные глыбины и бросают их вниз, наводя новый временный проезд. Образуется живая цепочка — бойцы из рук в руки передают

камень, последний из них бросает его вниз. Не проходит и получаса, как первое противотанковое орудие протаскивают по импровизированному мосту. Он выдерживает. После того как мост наведен, обе роты стрелков-мотоциклистов начинают восхождение на горы. Одним словом, стрелки-мотоциклисты перековались в горных пехотинцев. Преодолеть высоту 800 метров, а потом атаковать противника. Обе роты наступают, перегруппировавшись в штурмовые взводы, по обеим сторонам ущелья. Они действуют на свой страх и риск, хотя цель у них одна — вершина!

Мы почти вплотную подобрались к врагу. Усталость у бойцов как рукой сняло. Нервы на пределе, до предела обострились и все охотничьи инстинкты. Мои бойцы уверены в себе и не сомневаются в успехе. Передвигаясь, они придерживаются испытанной тактики — идти вперед осторожно, переступая с камня на камень, пригнувшись, не мешкать. Рота Крааса появляется справа на выходе из ущелья, ее бойцы начинают взбираться по скалам. Этим придется идти дальше всех. Ударную группу, продвигающуюся вдоль дороги, я веду сам. Нас около 30 человек, в нашем распоряжении несколько разведывательных бронемашин, противотанковых орудий и взвод 8,8-см зениток.

Дорога, извиваясь серпантином, забирается все выше и выше в горы. Связи между ротами больше нет. Кругом все спокойно. Ни один выстрел не нарушает ночную тишь. Луна скрылась за горами, тьма сгустилась. Если судить по карте, мы находимся прямо у большого поворота, огибающего скалу и ведущего прямиком в тыл противника. Видимо, где-то выше расположились вражеские позиции. Следовательно, мы готовимся нанести ему удар во фланг и одновременно отрезать пути отхода.

Обогнув скалу, дорога ведет на север, примерно 400 метров по прямой, потом резко сворачивает строго на запад и упирается в несколько крестьянских домиков. У первого дома вершина гребня обрывается, и внизу виднеется озеро Касториа. Дальше идти просто невмоготу. Поэтому решаю сделать привал до утра.

На высоте куда холоднее и ветренее, чем в долине. Мы прижимаемся к скале. Взвод Наумана разворачивает 8,8-см зенитное орудие так, чтобы держать под контролем и крестьянские хаты, и гребень горы.

Постепенно становится еще холоднее. Вдобавок мы еще и основательно пропотели, к тому же у нас нет ни шинелей, ни одеял. Зуб на зуб не попадает от холода. Какой тут сон! Хоть бы закурить, и то было бы легче. Медленно подъезжает передвижная радиостанция. Спрятавшись за нее, я выкуриваю сигарету и еще раз изучаю карту. Чем пристальнее я вглядываюсь в карту, тем

сильнее меня охватывает дрожь. Сначала я отношу это на счет холода, но потом убеждаюсь, что не холод тому виной, а страх. Чем меньше времени остается до решающего момента, тем сильнее напряжение. Я не могу больше торчать здесь! Слышать не могу это окаянное пи-пи-пи… Выбравшись наружу, не решаюсь посмотреть в глаза бойцам — а вдруг мой страх передастся им? Но все либо прикорнули, привалившись к скале, либо напряженно всматриваются в темноту. Интересно, а мучит ли страх моих бойцов? Не берусь утверждать. Рядовой Йон из 1-й роты протягивает мне донесение из расположения подразделения. Рота залегла в непосредственной близости от позиций неприятеля и дожидается утра. Враг не заметил их присутствия. Йон получил ранение в голову — пуля прошла по касательной. Но по нему не видать, чтобы он боялся. Докладывает внятно, лаконично, а потом прикладывается к фляжке с водой.

Светает. Вскоре становятся различимы силуэты домов. Начало атаки всеми тремя группами — обстрел из 8,8-см зениток. Сидя на корточках у орудия, всматриваюсь в темноту в бинокль. Чем ближе подходит время атаки, тем крепче мое чувство уверенности в успехе. Наша акция просто обречена на успех. Я в уме перечисляю то, что мой противник вызубрил в училище, и предполагаю, какие меры он примет. Если исходить из того, что выучил назубок мой грек, мне следует наступать по дороге на механизированных средствах передвижения. Так он предполагает. В силу этого я решаю атаковать его из-за гребней горы, но предварительно создать видимость наступления по дороге.

Теперь уже ясно видны очертания домов, с каждой минутой становится светлее. Прижавшись к земле, подаю Науману знак — «огонь!». Несколько секунд спустя вокруг разверзается ад.

8,8-см орудия посылают снаряд за снарядом на гребень чуть справа от нас. Минометные мины и снаряды тяжелых орудий вздымают каменные глыбы в воздух, и несколько секунд спустя они обрушиваются на противника. Высоко над нами стрелки-мотоциклисты атакуют очаги сопротивления. У меня нет возможности следить за ходом схватки обеих рот стрелков-мотоциклистов, я лишь слышу свирепый пулеметный огонь и глухие разрывы ручных гранат. Командир батареи тяжелых гаубиц докладывает, что не может осуществлять огневую поддержку атаки — есть опасность ударить по своим. Орудия установлены одно за другим, но дорога слишком узка, сошники[15] вытянуть нельзя, приходится стрелять без них. Командир батареи руками и ногами отбивается, не желая взять на себя ответственность. Этого еще недоставало! Свирепым тоном

приказываю открыть огонь. Ничего, как-нибудь обойдутся. Со свистом тяжелые снаряды пролетают над высотами и в клочья разносят позиции противника справа и слева от горной деревеньки. Пулеметные очереди врага яростно хлещут по скалам, обрушивая на нас дождь каменных обломков. С обрыва срываются камни и падают в двух шагах от нас. Теперь вперед! Короткими перебежками мы забегаем за первый поворот, затем пробираемся несколько метров, прижимаясь к скале. Метры до следующего поворота приходится преодолевать тоже перебежками. Вражеские позиции как раз над нами, метров 100 выше. Добежав до скалы, я падаю на камень и жадно хватаю ртом воздух. Трудно передвигаться в таких условиях — приходится метр за метром преодолевать пространство, если не желаешь стать мишенью для снайперов неприятеля. Сверху доносятся крики и шум боя. Части 2-й роты прорвались на позиции противника, расположенные на первой высоте. Мы стремительно пробегаем дальше. У последнего большого поворота мы встречаем бойцов 2-й роты, основная часть их подразделения сейчас за расселиной в скале. Среди бойцов унтерштурмфюрер Вавжинек. Младший командир докладывает мне о ходе схватки наверху. Согласно сведениям, полученным от пленных, мы атакуем левый фланг греческой обороны, задача которой удержать перевал Клисур и прикрывать отход 3-го греческого корпуса. Следовательно, наш главный противник — усиленный пехотный полк. Упомянутый 3-й корпус отступает еще с албанского фронта, не желая стать добычей немецких танковых сил и стремясь обеспечить себе выход на юг Греции для соединения с силами британцев.

Мы обязаны помешать этому плану греков. Их отступление должно стать их разгромом, катастрофой для них. Нам необходимо перемахнуть через горы и блокировать долину позади Кастории.

Мы начинаем продвигаться вперед по дороге. Внезапно земля перед нами вздыбливается. Я не верю глазам — там, где только что была дорога зияет огромная воронка. Дорога рухнула в ущелье. Не в силах произнести ни слова, мы переглядываемся. Может, и нам уготована участь взлететь на воздух?! Еще сто метров, и мы вновь ощущаем, как гору тряхнуло. Несколько мгновений спустя по горам прокатывается глухой рокот. После того как оседает пыль, мы видим еще одну воронку. Дорога заминирована!

Мы стоим, прижавшись к скалам, боясь шевельнуться. В горле скачет отвратительный комок. И я рявкаю Вавжинеку продолжать атаку. Но Эмиль смотрит на меня так, будто усомнился в моем

рассудке — перед нами пулеметная очередь, хлеща, вышибает камни из дороги. В нашей головной группе около десятка бойцов. Черт возьми, но не вечно же нам здесь торчать! Ну, мины! Ну, пулеметный огонь! Но я и сам не спешу покидать свое временное убежище и молю бога, чтобы остаться в живых. Так какое я имею право посылать на верную гибель Вавжинека? И тут я чувствую в руке знакомую округлость ручной гранаты. Снова рявкаю группе приказ. Завидев гранату у меня в руке, все обреченно смотрят на меня. Зубами вырываю кольцо и кидаю ее на землю как раз в полушаге от последнего нашего бойца. Никогда — ни до ни после — я не видел, чтобы столько людей одним махом одолели несколько метров и рухнули в свежую воронку! Граната вывела нас из ступора. Осклабившись друг другу, мы перебежками устремляемся в следующее укрытие.

На гребне горы роты продолжают углубляться в линию обороны греков. 8,8-см орудия выплевывают снаряды в облаке порохового дыма и пыли. Не дремлют и греки — их горная артиллерия прикрывает оборонительные позиции. Но взвод Наумана неустрашимо продвигается вперед. Нам прокладывают путь снаряды зенитных пушек — один очаг сопротивления за другим сметены прочь обвалом.

Мы дошли почти до вершины горы. Пот разъедает глаза. Я слежу за ходом боя через пелену желтоватой пыли и дыма. Как безумные, мы устремляемся на гребень горы. Греки уже не пытаются обороняться, а тянут руки вверх. Их путь отступления уже под огнем 2-й роты, засевшей на самой высшей точке. С помощью ручных гранат мы подавили сопротивление целой горнопехотной батареи. Переход через горы у нас в руках. Прежде считавшееся невозможным, да и сегодня здорово смахивавшее на безумие, совершено моими пехотинцами. Перевал Клисура взят! Он — наш! Но никаких проволочек! Только преследование врага принесет плоды победы! Саперы направленными взрывами засыпают воронки на дорогах. Тяжелые вооружения сменяют позиции и ведут огонь вдогонку отступающему противнику. Целые колонны, спустившись вниз, в долину, направляются на запад.

Сопротивление греков, на отдельных участках ожесточенное, тем не менее сломлено. Итог: свыше тысячи пленных, среди них командир полка, три командира батальонов.

Только теперь я начинаю осознавать всю важность захваченной высоты. Именно отсюда все пути отступления греков как на ладони. Сейчас они под огнем и нашей артиллерии, и всех видов вооружений.

Я намереваюсь нанести удар в тыл отступающему

противнику. Но опять эта дорога! Изрытая воронками, которые сейчас спешно засыпают наши саперы, горная дорога, с крутыми спусками и подъемами. Время, уходит драгоценное время! Вот уже 2-я рота осторожно, на ощупь пробирается вниз к небольшому селу. Врага там нет. Здесь я собираю батальон, чтобы потом нанести удар по главному пути отступления греческих частей. Жду 1-ю роту, и вскоре подходят ее бойцы. По их лицам я понимаю все. На окровавленном куске брезента они несут своего погибшего командира роты. Рудольф Шредер лежит передо мной. На груди зияет рваная рана. Подвиг этого командира способен повторить не каждый. Он пал смертью храбрых, ведя первую штурмовую группу в атаку на вражеские позиции.

Ближе к вечеру мы добираемся до равнины. Послана разведка в направлении Кастории. Мне хочется окинуть взором местность, поэтому я сам отправляюсь вслед за разведчиками. Перед небольшим мостом мы замедляем ход. Позади высота 800. Это господствующая высота на подходах к Кастории и одновременно на главном направлении отхода сил 3-го корпуса. На мосту никого. Он не заминирован. Но мы настороже. И, как выясняется, не зря — внезаггно нас встречает пулеметный огонь. Военный корреспондент Франц Рот вскрикивает. Пуля полоснула ему по макушке головы. С залитым кровью лицом он возвращается в тыл.

С наступлением темноты 2-я рота овладевает мостом и создает небольшой плацдарм. Рота проводит разведку севернее Кастории и наталкивается там на отчаянное сопротивление противника. С рассветом начинается наступление на высоту 800, расположенную юго-восточнее Кастории.

И снова завывание снарядов у нас над головой. Далеко впереди они вбуравливаются в скальную массу и взрываются. Но греческая артиллерия свое дело знает — в результате прямого попадания уничтожен мост через речку. Мы лежим, вжавшись в камни. Интенсивный артобстрел подсказывает мне, что здесь противника внезапной атакой не взять, здесь следует подумать о хорошо организованном наступлении. Около полудня мы при поддержке крупных сил артиллерии и 3-го батальона полка «Лейбштандарт» предпринимаем повторную попытку наступать. 3-й батальон наступает с охватом левого фланга противника и во второй половине дня должен выдвинуться к главному пути отхода сил греков. Для подавления весьма мощной артиллерийской группировки и оборонительных позиций греков на высоте 800 решено использовать пикирующие бомбардировщики, которые будут взаимодействовать с моим батальоном.

Наступление развивается точно по плану без каких-либо отклонений. Как стая хищников, пикирующие набрасываются на

позиции неприятеля. Набрав высоту, они с выматывающим душу воем почти отвесно устремляются к земле, чтобы сбросить свой смертоносный груз. Горный массив сотрясается от адского гула. В небо вздымаются зловещие черные грибы, потом, соединившись, они медленно плывут над озером. Высота 800 покрыта плотной бурой пеленой, которую не в силах пробить даже лучи яркого весеннего солнца. Происходящее там, наверху, можно сравнить разве что с преисподней.

После того как упали первые бомбы, наши пехотинцы, кашляя от пыли и дыма, выбираются из окопов и траншей и пробегают очищенный от неприятеля участок. С поразительной точностью ведущие огонь 8,8-см орудия довершают работу пикирующих бомбардировщиков и тяжелых гаубиц. Греки еще очень долго не могут оправиться от атаки «Ю-87». Но когда опоминаются — уже поздно! 2-я рота взбирается на высоту и закрепляется на местности.

По наспех отремонтированному мосту проносятся остатки батальона — их путь лежит в Касторию. Греческие роты и батареи, которые, ни о чем не подозревая, спускаются с гор, ошеломлены и растерянны — они не успевают даже понять, как оказываются в плену. Одну батарею, которая продолжает вести огонь, в упор расстреливают на позициях. Бронеавтомобили разведки несутся мимо колонны греков к центру населенного пункта — Кастории. Неразбериха ужасающая. На рыночной площади меня приветствует священник. Мне никогда не позабыть его дружеских объятий — после них мне казалось, что я на всю жизнь пропах чесноком.

В сумерках уходящего дня мои бесстрашные товарищи расставляют посты боевого охранения для контроля за обстановкой с северного направления. Оттуда продолжают прибывать греческие подразделения, сражавшиеся с итальянцами. Идет затяжной дождь, сменяющийся грозой. Раскаты грома смешиваются с разрывами снарядов. Мы на пределе сил — засыпаем буквально на ходу.

Лишь утром мы осознаем масштабы одержанного нами успеха. За минувшие сутки разведывательный батальон взял в плен 12 000 солдат и офицеров противника и захватил 36 артиллерийских орудий. За выдающиеся успехи моих пехотинцев я удостоен Рыцарского креста.

Бои со сгруппировавшимися частями греческой армии продолжаются. Ценой значительных потерь полк «Лейбштандарт» преодолевает перевал Метцофон, вынудив 16 дивизий неприятеля сложить оружие. Акт о капитуляции подписан 21 апреля в Лариссе.

К вечеру 24 апреля в Иоанине я получаю приказ начать преследование разгромленных сил британцев. Для моих бойцов это была первая спокойная ночь с момента начала боевых действий на Балканах. Еще затемно приходится поднимать их. Из греческого склада доставлены канистры с бензином, все транспортные средства заправлены, что называется, «под крышку». Никто и не думает притаскивать сюда греческие пулеметы, находящиеся у мечети Али Паши в старой турецкой крепости. Никто не обращает внимания на огромное количество оружия — его в городе буквально горы.

Солдаты-греки, все еще спускающиеся с гор Албании, так и оставляют винтовки у стен домов, стараются поскорее сбрить отросшие за время боев бороды и чуть ли не бегом устремляются в ближайшую хлебную лавку. Оттуда они выходят с караваем хлеба, пучками зеленого лука и, если улыбнется счастье, рыбинами, которых они тащат за жабры. После этого они преспокойно бредут дальше на юг.

Мы обгоняем их. И на обгоне лишний раз убеждаемся, насколько разные вещи — путь победителя и побежденного. И хотя вид этих солдат — вчерашних пастухов, на которых силком напялили форму, рыбаков, крестьян, торговцев — в целом особого презрения не вызывает, все же трудно видеть в них организованно отступающую армию. Они, подобно реке, растекаются на сотни мелких протоков по долинам и ущельям. Война завершается для них безнадегой. И картины общей подавленности, бесперспективности, утраты жизненных ориентиров не в состоянии скрыть ни гордо восседающий в седле полковник, ни приставленный к нему трубач. Армия, распадающаяся на глазах.

Мы едем и едем. Должны же все-таки где-то быть эти британцы. В каждом населенном пункте мы кратко и на ходу опрашиваем местных жителей. Те, кому удается, невзирая на тряску, пыль и грязь, нарезают бутерброды и подкрепляются. Всего раз у залива Арта я разрешаю ненадолго остановиться. Слишком уж соблазнительно выглядят апельсиновые сады. Солдаты наполняют каски благоухающими цитрусовыми. Нужно хоть как-то отметить свое пребывание на юге! В узкой теснине стоит отощавшая кляча, не иначе как собственность греческой армии. Лошадь даже не шевелится, стоит как монумент разгрому. Наша колонна объезжает ее — все-таки ветеран войны, замученное и достойное сочувствия существо.

Уже где-то на юге мы проезжаем мимо бурной горной речки. Видим, как обезоруженные солдаты-греки вовсю купаются, смывая с себя грязь и копоть. Увы — мы себе не можем позволить

ничего подобного. Видим, как сотни людей развалились в тени олив, но нам не до этого — наше дело поглядывать на дорогу и следить, остался ли в баке бензин, объезжать выбоины да держаться крепче на тряских участках. Мы успели повидать и отвратительные дороги Польши, но эта дорога на юг Греции — явно адского происхождения, сам дьявол потрудился над ней. Наступает вечер, за ним ночь, а мы все едем и едем и никак не доберемся до цели. Крестьяне предупреждают нас, что, мол, британцы рассыпают на дороге целые мешки гвоздей, чтобы замедлить наше продвижение. Скорее всего, это не просто плод фантазии жителей греческой периферии. Жду, пока подтянется хвост колонны — мы останавливаемся на ночевку в какой-то деревушке.

Утром — та же история. Дальше! Дальше! Дорога ведет по глубоким горным расселинам, ущельям, то взбираясь вверх, то снова резко снижаясь. Мимо нас величаво проплывают развалины великого периода этой страны. Кто-то вспоминает Байрона, погибшего в этих местах в сражениях с турками в 1824 году. Но у нас нет времени на исторические экскурсы. Перед нами возникает Месолонгион. Скоро доберемся и до узкого перешейка Коринфа. Вот там мы и нагоним англичан. Головная часть колонны осторожно въезжает в город и пробирается по узким улочкам. Греки не скрывают бурной радости при виде нас. Незадолго до нашего прибытия из города выехали англичане, они направляются на восток вдоль берега, то есть именно к Коринфскому перешейку.

Переход через Пелопоннес

Мы одолели по горным дорогам 250 километров, и теперь перед нами темные горы, вдалеке поднимающиеся на Пелопонесс. Связи с полком «Лейбштандарт» нет, приходится рассчитывать только на себя.

Над нами и над портом Патрас, расположенным на противоположном берегу залива, кружат английские самолеты-разведчики. Акватория порта как на ладони: мы даже различаем корабли. Видим, как британский эсминец поворачивает на юг. По следам британской команды подрывников мы добираемся до Коринфского перешейка. Но вся эта ситуация здорово мне надоела, и я утратил к ней интерес. К тому же ямы на дороге в значительной степени замедляют темп следования, и мне уже начинает казаться, что я вместе со своим разведбатом скорее переквалифицируюсь в дорожные строители, чем ухвачу за хвост англичан. Меня все больше и больше привлекают эти темные горы по другую сторону. Там сейчас британские войска перебираются из Коринфа в Патрас, чтобы успеть на корабли — именно в них сейчас спасение британцев. Вот куда нам нужно! Да, но как перескочить через залив?

Я стою на моле Навпактоса, маленького, невзрачного портового местечка, где можно увидеть даже оставшиеся со времен Средневековья сторожевые башни, когда эскадрилья пикирующих бомбардировщиков атакует порт Патраса. Над кораблями вверх вздымаются клубы черного дыма. Мой взгляд падает на телефон. Связь есть, Патрас на проводе! От неожиданности я кладу трубку на вилку старомодного аппарата. Меня не покидает идея каким-то образом перебраться через этот залив и помешать британцам осуществить задуманное. Вызываю переводчика и велю ему переговорить с военным комендантом Патраса, с тем чтобы тот обрисовал обстановку в городе. Комендант под впечатлением авианалета и готов ответить на любые вопросы. Уже несколько минут спустя я имею точную картину передвижений англичан между Коринфом и Патрасом. Требую, чтобы комендант немедленно отрядил группу связи в Навпактос. Проходит совсем немного времени, и мы видим, как к нам приближается небольшой моторный катер. И тут! Епле одна эскадрилья пикирующих в небе над нами. Еще одна атака на британские корабли в порту Патраса. Самое неприятное, что комендант свято убежден, что этот налет происходит с моей легкой руки. К тому же от летчиков достается на орехи и высланному к нам катеру с офицерами связи. Катер тут же

разворачивается, а оскорбленный греческий офицер с возмущением сообщает, что, дескать, в таких условиях и речи быть не может ни о каких катерах.

На мою карту падает капля пота. Все, что на ней нанесено, уже успело устареть. Где англичане? Действующие на левом фланге наши войска после перехода через Фермопилы должны стоять у ворот Афин или направляться дальше на юг к Коринфскому перешейку. Следовательно, англичане должны сейчас либо оборонять Пелопоннес, либо разбегаться по портам. Вероятно, немецкие парашютисты все же высадились на перешейке и блокировали его.

Неужели англичанам каким-то образом стало известно о нашем молниеносном прорыве? Может, их разведка хорошо сработала? А эти эсминцы готовятся воспрепятствовать попытке переправиться? Тут можно только гадать. На меня с надеждой смотрят бойцы и командиры нашего батальона. Они видят, как я стою на моле, явно прикидывая расстояние. От путей отступления англичан нас отделяют около 15 километров воды. За путь на Коринф, самое позднее, завтра разгорятся ожесточенные бои, а мой план — вступить в них загодя. Мне позарез нужно оказаться на другом берегу.

Сейчас наступает момент, когда я уже просто не имею возможности действовать по традиционным меркам и когда вся полнота ответственности ложится на мои плечи. Я переправлюсь на другой берег Коринфского залива, используя имеющиеся в моем распоряжении средства. И будет ли это акт безумия или мужества — это выяснится уже в ближайшие часы. Мои бойцы в восторге, правда, чуть позже высказываются и опасения. Артиллерия не сможет поддержать огнем маневрирование при высадке десанта — слишком велико расстояние. Саперы обращают внимание на довольно сильное волнение на море и на убогие рыбачьи лодчонки. Есть и другие минусы. Но — я уже принял решение. Наша дерзкая операция удастся.

Найти в порту несколько рыбацких лодок не проблема. Доставляют и команду — местных рыбаков. 2-я рота идет на борт первой. Сильные руки бойцов подхватывают мотоциклы «BMW» и помещают на борт лодки. На первую лодку погружено 5 мотоциклов с коляской и 15 человек личного состава. На вторую грузим противотанковое орудие и еще парочку мотоциклов. Приказ группе: «Блокировать дороги, при необходимости уйти в горы». Рыбачья лодка покидает Навпакос. Я молча прощаюсь с Гуго Краасом и штурмбанфюрером Грецешом. Пехотинцев подначивает остающаяся на берегу «команда смертников». Какой-то шутник вопит: «Слева по борту мина!» Все хохочут. Какой-то

молодой солдат кричит в ответ: «Зачем мина? Эту скорлупу и гранатой разнесешь!» Лодка начинает плясать по волнам. Солдат окатывает солеными брызгами. На корме залегли пулеметчики. К бою готово и противотанковое орудие.

Все рыбачьи лодки торопятся в Навпакос. Вскоре на борту и оставшаяся часть 2-й роты. Первые две лодки уже почти неразличимы — две крошечные точки, пляшущие на воде.

Я все еще стою на причале и смотрю вслед им. Сигнал — красная ракета — провал операции или наличие превосходящих сил противника. Об этом мы договорились перед отплытием. У меня уже режет в глазах, и скоро я вообще ничего не вижу, но бинокль упрямо не беру. Когда лодки исчезают, я чувствую, что промок до нитки. Вот уже час мы стоим на причале и ждем. Напряжение достигло пика. Полтора часа спустя вижу две точки. Неужели наши лодки? Успех? Или же на их борту изувеченные тела моих бойцов? Лодки приближаются, вскоре они уже хорошо различимы. Вокруг меня накидана кучка окурков, но я копчу сигарету за сигаретой. Мало-помалу я успокаиваюсь. Операция должна, обязана удаться.

Внезапно у мола тормозит запыленный автомобиль, из него торопливо выскакивают наши офицеры. Узнаю моего уважаемого командира Зеппа Дитриха, докладываю ему о принятом мной решении и о том, как проходила операция. Еще во время доклада замечаю, как старый вояка и сорвиголова уже открывает рот, чтобы начать меня отчитывать. Наконец я заканчиваю доклад.

— Вы что, с ума спятили — отдавать такие полоумные приказы? Да вас под трибунал отдать мало! Как вы можете с таким преступным легкомыслием обходиться с моими солдатами?

Я стою и молчу, не в силах возражать упрекам командующего, надо сказать, вполне обоснованным. Больше всего мне сейчас хочется провалиться сквозь землю. Все вокруг молчат. Но вижу, как кое-кто из моих бойцов втихомолку улыбается, будто желая сказать: «Плюнь ты на эти крики — пусть себе разоряется сколько хочет. И не забудь сейчас и нас на ту сторону переправить, чтобы и нам было чем заняться!»

Между тем рыбачьи лодки уже вот-вот причалят к берегу. В бинокль вижу, что на борту куда больше народу, чем при отплытии. Постойте, постойте, да это же пленные англичане! Мои ребята притащили их сюда! Зепп Дитрих внимательно смотрит на меня и, повернувшись, без слов уходит.

А я уже не в силах сдержать охватившие меня эмоции. Жду не дождусь доклада о ходе смелой вылазки. И роттенфюрер[16] докладывает:

«Около часа мы болтались на этих посудинах, и вот стали подходить к гористому берегу Пелопоннеса. Мы поняли, что сейчас нам предстоит проба на прочность. Все бинокли уставились на берег — 800 метров, 700, 600, 500 — ну, чего же там молчат их пулеметы? Они уже давно должны открыть огонь! И в бинокли, и невооруженным глазом были видны фигурки на берегу и у домов. Мы думаем только об одном. Залегли на палубе с оружием на изготовку, и едва только посудина ткнулась носом в берег, как мы все разом вскочили и бегом к домам. Как раз в этот момент метрах в 50 замечаем коричневая БМР. Она наводит на нас башню и стволами шарит по берегу. Мы, едва высадившись, чуть не одурели, а потом стали махать им и улыбаться. Вид у нас был, как у разбойников — рукава засучены, без головных уборов, стоим себе на бережке… Но броневик этих «томми» загудел, снова вертанул башней и… отвалил.

Что за дела? Неужели не признал в нас немцев? У нас сердце сжалось, да и не только… Смотрим туда, откуда приплыли — ничего, одна вода, да эти крутые, унылые горы. Надо действовать. Мы поняли, что они выжидают. До подножия первой крутой горы метров 100 — по узкой полоске между водой и горами тянется железнодорожная линия и вплотную к ней автодорога без покрытия. Мы выбежали на эту дорогу и заняли оборону на восток — оттуда ведь британцы на броневике сюда к нам пожаловали. Только мы оказались на дороге, как вдруг слышим гул мотора. Командир взвода приказал лечь и не шевелиться. А тут уже гражданских полно, они из домов вышли — сборщики винограда, рыбаки. И вот они, увидев, как чужие солдаты юркнули в кусты и на землю бросились, сами стали залегать от страха. Мы тоже волновались.

Из-за поворота выезжает английский связник на мотоцикле, за ним грузовик. Спускаются они вниз по дороге, спокойно так, ничего не подозревая — ведь их БМРка проехала, и ничего. Мы, значит, их поближе подпустили, чтобы хоть номер разглядеть — на нем герб: рыцарский шлем с плюмажем из перьев, то есть это 4-й гусарский. И тут мы вскакиваем и как заорем: «Hands up!»[17] Водитель по тормозам. Англичане встрепенулись и стали спрыгивать с кузова. А связник-мотоциклист, тот сразу ноги на гальку поставил. И вот они оружие на землю побросали и задрали руки кверху. Тут кто-то из наших крикнул, мол, еще одна их машина приближается. Один из наших бросился за руль английского грузовика и мигом развернул его и поперек дороги поставил. А пленников своих мы, значит, за дома быстренько увели. Ну, подъезжает второй грузовик, с солдатами, и там еще был связник с ними. Снова спектакль повторяется. Один

англичанин кричит: «Germans?» Ну, мы ему и ответили. В общем, за несколько минут мы взяли в плен человек 40, в том числе и офицеров. Они доложили нам, что, мол, ехали в порт Патрас. И никто и верить не хотел, что мы каким-то образом сумели перескочить через этот заливчик. А часть их сражается под Коринфом».

Срочно собрать все рыбацкие посудины! Все до одной! Ночью предстоит перебросить весь батальон.

Мой верный водитель Эрих Петерзилле сунул в морскую воду последнюю бутылку шампанского — охладить. Взяв ее у него, я беру ее под мышку и нахожу Зеппа Дитриха. Он как раз занят разговором с британскими офицерами. Я приглашаю англичан выпить с нами шампанского, и мы располагаемся в тени, под листвой дерева. Не успеваю я и слова сказать, как один из англичан поднимает бокал, провозглашает тост и пьет за… здоровье своей сестры, у которой тот день выпал на день рождения. Надо было видеть наши лица…

Сообщаю о необходимости уехать и прыгаю в одну из рыбачьих посудин. Полчаса спустя меня здорово укачивает. Мне уже даже не верится, что скорлупка вообще доберется до противоположного берега, но она, вопреки ожиданию, все же добирается. Еле стоя на ногах, здороваюсь с ротой Крааса. Согласно приказу рота раздобыла автотранспортные средства и отправила разведчиков в Коринф. Штурмбанфюрер Грецех установил связь с комендантом Патраса и распорядился, чтобы тот прислал нормальные суда в Навпакос. Из Патраса уходят последние британские солдаты и направляются на юг.

Во второй половине дня воздушная разведка сообщает о неприятельском полке на марше между Коринфом и Патрасом. Вот это уже любопытно. Бойцы второпях разгружают лодку, чтобы как можно скорее отправить ее назад. Из тяжелых вооружений у нас противотанковое орудие и легкая БМР. Готовимся встретить англичан. Но обещанный летчиками полк так и не появился, вероятно, повернул на юг, в горы.

Наша собственная разведка сообщает об операции, проведенной нашими парашютистами в районе Коринфа, и о том, что вместе с ними действует 2-й воздушно-десантный полк под командованием полковника Штурма. Необходимо как можно скорее установить связь с парашютистами. 2-й роте поставлена задача очистить от неприятеля южный берег Коринфского залива и продвигаться для соединения с парашютистами. 1-я рота овладевает Патрасом и проводит разведку на южном направлении. Личный состав рассаживается на реквизированный автотранспорт. На роскошном лимузине установлено

противотанковое орудие, а из спортивной машины торчат гранатометы. Саперный взвод расположился в автобусе, такое впечатление, что бойцы отправляются не на боевую операцию, а на экскурсию.

Хотя основная масса нашей автотехники сосредоточена на северном берегу залива, батальон считается моторизованным и выезжает на дороги Пелопоннеса. Однако темп меня явно не устраивает. Обгоняю 2-ю роту и мчусь в Коринф. Чутье подсказывает мне, что британцы давно двигаются на юг. Лимузин лихо подпрыгивает на ухабистой дороге, тянущейся вдоль берега. Жара. Рыбацкие деревушки словно вымерли. На выезде из одной такой деревни, как раз на повороте, вижу, как легковушка срывается с места, сворачивает с дороги и на полном ходу въезжает на крестьянский двор. Внезапно слышу крик: «Томми!» Резко нажимаю на газ, и машина ракетой устремляется вперед. Мельком успеваю разглядеть «томми», а… это вовсе не англичане. Узнаю знакомый до боли немецкий автомат. Как раз последний боец укладывается на землю, укрываясь за машиной. Это же наши! Парашютисты! Десантники тоже узнают нас и опускают оружие. И они приняли нас за англичан, поэтому и бросились укрываться. Несколько минут спустя прибывает 2-я рота, и мы налаживаем связь со 2-м воздушно-десантным полком. Полковник Штурм начинает преследование отходящего на юг противника.

Мы сразу же разворачиваемся и несемся назад в Патрас. Снова спускаются южные сумерки. Между тем через залив переправился уже 3-й батальон полка «Лейбштандарт» и начал преследование противника на южном направлении. В этом батальоне отыскался один боец, который на гражданке был паровозным машинистом. В Патрасе был найден паровоз, и батальон смог отправиться на юг железнодорожным путем. Сегодня мой командир, которого я встречаю на КП, настроен ко мне вполне дружелюбно. Пока я докладываю о том, что связь восстановлена, все вокруг молчат. Потом Зепп Дитрих улыбается, протягивает мне руку и на своем ни с чем не сравнимом баварском заявляет:

— Знаешь что, Курт, я вчера подумал, что ты и вправду не того. Так вот, беру свои слова обратно. Все было лучше некуда. Идем, расскажешь мне, как ты до этого додумался.

Я вижу, как мой адъютант, то и дело поглядывая на часы, уже наносит на карту свежие данные. Едва я в телеграфном стиле изложил Зеппу Дитриху о вчерашних событиях, как он ставит передо мной новую задачу. Батальон должен немедленно выступить, провести разведку через Пиргос, Олимпию, Триполис и Каламату и продолжить преследование отступающего врага.

Мои бойцы, рассредоточившись по кюветам по обе стороны дороги, спят как сурки. Тут прибывают еще танки и автотранспорт. Батальон снова готов сражаться. Еще затемно мы едем на юг. Повсюду видим брошенные машины и технику англичан — у британцев иссякли запасы горючего. Нам эта техника как нельзя кстати. В наши руки попадают даже легкие танки «Брен»[18] в превосходном состоянии. В Пиргосе нас восторженно приветствует местное население, нам тащат вино, фрукты. В Олимпии я решаю сделать привал и веду бойцов на стадион. Городской голова Пиргоса выступает в роли экскурсовода и проводит нас к арене состязаний древности. Естественно, не забывает показать нам и мемориал Шлимана. Мы с удовольствием осматриваем достопримечательности — с час, если не больше, мы лазаем по руинам стадиона, восхищаясь древними мозаиками и шедевром классической архитектуры.

В Триполисе мы встречаем наши части, потеснившие англичан к южным портам. Унтерштурмфюрер Теede, командир разведывательного взвода, возвратившись из Каламаты, докладывает — враг оттеснен к морю. Бои в Греции можно считать завершенными.

Через Патрас и Коринф дорога ведет в Афины. Здесь нам предстоит участвовать в параде, который принимает фельдмаршал Лист. Под впечатлением приятных событий дня мы через прорезанный глубоко в скалах Коринфский канал добираемся к вечеру до Акрополя. Многие из наших солдат, которым ни разу в жизни не доводилось воочию видеть памятники древности, поражены техническим совершенством построек древних — ведь это все возводилось свыше двух тысяч лет тому назад! Любители классики чувствуют себя будто заново рожденными на этот свет, только здесь, на Акрополе и Пропилеях, они осознают величие Древней Греции. Для них этот визит в Элладу — свидание с юностью, а ведь бывают свидания и с теми местами, куда не ступала твоя нога. Вобрав в себя от земли древней Эллады таинственные силы, мы готовы к новым подвигам во имя родины.

У памятника Неизвестному солдату застыл на часах солдат греческой армии. Здесь погребены бесстрашные воины, отдавшие жизнь ради высшей идеи.

Через Фермопилы, Лариссу, через перевал Клиди мимо сгоревших танков и свежих могил мы едем дальше, к Монастыру, потом на Белград и Вену и останавливаемся лишь восточнее Праги. Опоминаемся в Гайе, здесь сдаем технику и вооружение Мы представления не имеем, что ждет нас дальше. Войска мучаются неизвестностью. Тем временем мы получаем более

совершенную технику, новое оружие. Обобщается опыт войны на Балканах, после чего снова начинается период напряженной боевой подготовки. Наш девиз — скорость. Мы научились, что лавры победы достаются именно тому, кто не мешкает, и что в бою выживает самый проворный, самый ловкий солдат.

Товариществом, дружеской заботой наш батальон можно сравнить разве что с крепкой большой семьей. Железная дисциплина — основа всякого сообщества. Именно это определяет наш подход к овладению навыками боевого мастерства: мы куем инструмент, на котором сыграешь любую симфонию — командиры рот и взводов осваивают тончайшие нюансы игры на его клавишах. Мои молодые бойцы превратились в настоящих солдат, которыми я управляю, не прибегая к жесткому казарменному деспотизму. Для меня они — не просто манекены в форме, образцы бездумного послушания, нет, это молодые, развивающиеся личности, верящие в себя, собственные ценностные ориентиры и умения.

В сражениях против Советского Союза

Словно гром среди ясного неба мы восприняли известие о нападении на Советский Союз. В Гайе мы слушали обращение Адольфа Гитлера, в котором он обосновал решение на вечные времена устранить угрозу распространения большевизма. И мы, томимые дурным предчувствием того, что повторим судьбу наших отцов и дедов в 1914–1918 годах, готовимся к беспощадной борьбе.

27 июня 1941 года ранним утром наш батальон под ликующие возгласы местного населения, провожающего нас на восток, маршем минует Ольмюц[19] Ратибор[20] Бойтен[21]30 июня в районе Аннополя мы переходим Вислу, а к 8 часам утра выходим к русской границе у Устилуга[22]

Между тем наши силы успели существенно продвинуться на восток. Полк «Лейбштандарт» действует в составе группы армий «Юг» (фельдмаршал фон Рунштедт). В задачу группы армий «Юг» входит наступление мобильными силами на Киев, разгром всех находящихся по обоим берегам Днепра группировок русских. Для выполнения поставленной задачи группа армий располагает 26 пехотными, четырьмя моторизованными пехотными, четырьмя горнопехотными и пятью танковыми дивизиями. 4-я воздушная армия под командованием генерал-полковника Лера обеспечивает оперативную поддержку с воздуха. Группе армий противостоит сильный и опытный противник под командованием маршала Буденного. Буденный, имея в своем распоряжении 40 пехотных, 14 моторизованных пехотных, 6 танковых и 21 кавалерийскую дивизию, сдерживает наступление фельдмаршала фон Рунштедта. Русские ожесточенно сражаются за каждую пядь земли. К тому времени, когда мы 1 июля выходим к рокадной дороге «Норд» в районе Луцка, а 2 июля получаем боевой приказ, по всему фронту продолжаются упорные бои. Нам поставлена задача наступать через Клевань на Ровно и там соединиться с 3-м армейским корпусом генерала фон Макензена. 3-й армейский корпус, похоже, угодил в окружение под Ровно. Из Припятских болот наступают крупные силы врага, сумевшие вклиниться глубоко в наш фланг.

Такой портрет неприятеля несколько непривычен для нас. С растерянностью гляжу на карту — необходимо ввести бойцов в курс относительно обстановки. Все, с чем приходилось сталкиваться раньше, здесь неприменимо. Где четкое

разграничение сил противника и наших? Далеко впереди восточнее Ровно сражаются танковые дивизии 3-го армейского корпуса. В нескольких километрах от нас сражаются пехотинцы, что же касается русских, они южнее и севернее нас. После нескольких напрасных попыток представить своим товарищам более-менее ясную картину обстановки, обрисовываю ситуацию одной фразой: «С сегодняшнего дня враг для нас везде!» И говоря это, не подозреваю, насколько я окажусь прав.

В нескольких километрах восточнее Слуцка у железнодорожной линии мы проезжаем последние посты боевого охранения пехотного батальона. По клубам черного дыма определяем место, где горит подбитый русский танк. По обеим сторонам рокадного шоссе, по которому мы направляемся на восток, простираются дремучие леса. До Ровно остается 60 километров. Успеем ли мы добраться вовремя, чтобы оказать посильную помощь товарищам из 25-й мотопехотной дивизии? Без паники делаю знак головному отряду ехать дальше, в ночь. Во главе отряда один из командиров Рыцарского замка Фогельзанг[23] фриц Монтаг, сменивший в должности своего предшественника Дителя, погибшего во время парашютно-десантной операции на острове Крит. Монтаг — ветеран Первой мировой и теперь командует группой стрелков-мотоциклистов 1-й роты.

Сначала медленно, но постепенно убыстряя темп, головной отряд проносится мимо темных лесов. Мне хочется сейчас завопить во все горло: стоп! Забудьте все, что я вам вдалбливал! Двигатель больше нам не друг! Езжайте медленнее, или же вам каюк! Прищурившись от ветра в лицо, я слежу за углубляющейся в лес головной группой бойцов.

Справа и слева у дороги искореженные, сгоревшие русские танки, грузовики и телеги без лошадей. В одном месте мы обнаруживаем умело замаскированные танки Т-26. Их 12 машин. Танки брошены по причине отсутствия горючего. Готовый в любую минуту вступить в бой батальон минует огромное невозделанное поле, протянувшееся на север, насколько глаз хватает. Внезапно головной отряд исчезает, а БМР, повернув башню, палит из своей 2-см пушки по придорожному кустарнику. И вот пять, может, шесть этих «кустов» зашевелились и с дистанции около 150 метров обстреливают нас. Хорошо замаскированные танки русских поливают огнем нашу маршевую колонну. В считаные секунды мои бойцы залегают и наблюдают за единоборством нашей БМР и танков противника. В бой вступает несколько противотанковых орудий, они и ставят точку в этой схватке. Несколько минут спустя мы продолжаем

движение, а подожженные нашими снарядами танки еще долго будут освещать лес. В 19 часов 30 минут происходит первая перестрелка с русскими. Чтобы быть в курсе обстановки, посылаю усиленную разведгруппу на юг, поставив перед ней задачу пробраться через Олыку на Клевань и там дожидаться подхода батальона.

Когда мы добираемся до Стовека, нас окутывает непроглядная тьма. Не задерживаясь в Стовеке, мы продолжаем ехать на восток. Едва миновала полночь, как я вижу на просеке грузовик и еще какой-то транспорт. Русские! Несколько секунд спустя по ним открывают огонь мои стрелки-мотоциклисты. Мгновенно загораются сразу несколько грузовиков, пылая, как факелы, они ярко освещают лесной перекресток. Вообще этот лес действует на меня угнетающе, тьма держит нервы на пределе. Чувство неуверенности словно высасывает из меня решимость, тем более что я до сих пор не имел опыта боевого соприкосновения с русскими. Час за часом двигаемся мы сквозь темноту ночи. До Ровно еще 30 километров. В нескольких километрах за Клеванью (ее мы, слава богу, проехали) мы останавливаемся. Подтягиваются остальные подразделения батальона. Со стороны Клевани доносится шум ожесточенной схватки. В воздух взлетают ракеты — по ним мы определяем место боя. Только я собрался продолжить марш, как вдруг позади раздаются вопли ужаса. Среди грохота разрывов гранат, среди проклятий из уст моих бойцов я различаю до ужаса знакомый и страшный лязг гусениц. Танки! Их целая колонна. Я в оцепенении гляжу, как танк, сминая мотоциклы, круто сворачивает влево и, перевалившись через дорогу, растворяется во тьме. Едва мы успели оправиться от этого сюрприза, как подобное повторяется, но теперь уже в хвосте колонны. Два вражеских танка, заплутав во тьме, въехали в нашу маршевую колонну. Их экипажи поняли это, только остановившись. Да и мы спутали их с нашими тягачами, вот так и проехали через весь лес в сопровождении русских. Мне докладывают, что слева от дороги обнаружены другие русские танки.

Отправленная мною на Олыку разведгруппа наткнулась на части 3-го батальона, их теснят численно превосходящие силы русских. 12-я рота 3-го батальона срочно просит помощи — она в кольце окружения русских. Нам ничего не остается, как идти на выручку окруженцам, а с рассветом продолжать наступление на Ровно. Мы быстро разворачиваемся и устанавливаем связь с окруженной разведгруппой. Русские сражаются за овладение дорогой. Тем временем рассвело, и мы видим брошенную колонну грузовиков. Это пехотинцы неприятеля, которые залегли

в пшенице и без особых успехов пытаются смять оборону 12-й роты, к которой вовремя подогнали одну БМР.

Не теряя времени, мы возвращаемся через тот же лес к Клевани. Клевань взята, и наступление на Ровно продолжается.

Прямая как стрела дорога ведет на юго-восток. В нескольких километрах за Клеванью она неожиданно обрывается вниз и у Броников снова постепенно идет вверх. На горизонте в небо поднимается дым. Я следую сразу же за головным отрядом, пристально изучая в бинокль местность. Мне показалось, что у откоса стоит орудие. В свежей зелени подросшей пшеницы я замечаю пятна посветлее. И верно — орудие. Это немецкая пушка LFH 18, одиноко стоящая на позиции. Вид ее наводит уныние. Впервые нам попадается брошенное как попало на поле боя немецкое орудие. В нескольких шагах от орудия мы видим санитарную машину, из которой вытащили все, что можно. Распахнутые дверцы автомобиля перемазаны кровью. Мы молча осматриваем брошенное всеми место. Никого — ни живых, ни мертвых. Усевшись, мы поднимаемся в гору.

В бинокль я вижу странные светлые точки: одна крупнее, другая поменьше. Опустив бинокль, протираю глаза, потом, приставив к ним бинокль, снова смотрю. Боже мой! Быть такого не может! Ну разве может случиться такое? Мы быстро преодолеваем оставшиеся пару сотен метров. Головной отряд спешивается, мы вместе с бойцами бежим к тому месту, где я обнаружил светлые точки. Помимо воли мы замедляем шаг, а потом и вовсе замираем на месте. Мы не решаемся идти дальше. Солдаты, сняв каски, держат словно во время церковной службы. Мы не в силах и слова вымолвить.

Перед нами лежат тела немецких солдат. Их много, целая рота. Их раздели догола и изуродовали, прежде чем убить. Руки связаны проволокой. Мертвый взор широко раскрытых глаз уставился в небо. В нескольких метрах поодаль обнаруживаем и тела офицеров, их участь еще ужаснее. Растерзанные, окровавленные, растоптанные сапожищами тела лежат в свежем ярко-зеленом клевере.

Мы по-прежнему молчим. Какие тут могут быть слова? Здесь главное слово произнесла Смерть. Мы медленно обходим тела погибших ужасной смертью бойцов.

Мои солдаты вопросительно смотрят на меня. Они ждут, что я скажу. Ждут от меня объяснений, указаний относительно того, как им дальше действовать в России. И я обвожу их взором, смотрю каждому в глаза, потом поворачиваюсь, иду к колонне, и вскоре мы вновь на колесах, едем навстречу неизвестности.

До 7 июля мы постоянно отбиваем атаки наступающих на нас

русских. Врагу эти атаки стоят немалых потерь, наши же потери, к счастью, невелики.

В 14 часов получаем приказ оборонять левый фланг 11-й танковой дивизии, а также провести разведку местности северо-восточнее Мирополя. К полудню следующего дня мы ожесточенно сражаемся с крупными силами противника в лесах севернее Романова. Вражеская артиллерия ведет постоянный беспокоящий огонь. Согласно данным нашей разведки, а также показаниям перебежчиков установлено наличие моторизованного батальона, включая значительное число танков и несколько артиллерийских батарей. К вечеру в результате прямого попадания мы лишаемся 2-см орудия. Боевой расчет уцелел, хотя и бойцы ранены.

Между тем, резко осложняется обстановка на рокадном шоссе «Север». Танковые дивизии 3-го армейского корпуса сумели продвинуться дальше в направлении Киев—Житомир, а 25-я моторизованная пехотная дивизия, которой была поручена оборона флангов 3-го армейского корпуса, атакована с севера крупными силами противника. Рокадное шоссе «Север», главная транспортная артерия 3-го армейского корпуса, оказалась под угрозой. Поэтому мы 9 июля получаем приказ атаковать противника севернее Романова, пробиваться к северу через лесные массивы и соединиться с 25-м батальоном стрелков-мотоциклистов в районе Соколова.

Я намерен провести атаку моторизованными средствами после проведения основательной артподготовки, с тем чтобы без промедления обеспечить себе возможность глубокого вклинения в оборону русских, воспользовавшись эффектом внезапности. 1-я рота стрелков-мотоциклистов ждет приказа выступить у небольшой высоты. Головной отряд снова возглавляет Фриц Монтаг. Командир роты, мой старый боевой товарищ; Герт Бремер, еще раз повторив бойцам их боевую задачу, направляется к своей машине. Я строго-настрого запретил роте вступать в бой, не войдя в лес, а также снижать скорость. Рота должна налететь на врага, как коршун, а все остальное — задача следующего с тыла подразделения. По обеим сторонам дороги на позициях стоят 8,8-см орудия, их задача — поддержать приближающуюся к врагу роту огнем, тем самым обеспечив ей возможность стремительного продвижения вперед.

Ровно в 17 часов 30 минут заговорили орудия, превращая в месиво лес по обе стороны дороги. Взвывают моторы мотоциклов — коляски, в которых застыли бойцы, напоминают готовых к броску хищников. Бойцы, сбегая с высоты, устремляются на противника, невзирая на остервенелый пулеметный огонь из-за уцелевших деревьев. За считаные секунды рота добирается до

опушки леса и исчезает среди деревьев. Теперь Петер (Петерзилле) нажимает на газ и устремляется вслед за бойцами роты. Из лесу ни одного выстрела. Русские бегут по обочинам дороги на север. Что же это такое? Рота останавливается. Бойцы вынуждены отвечать на выстрелы отступающих русских. Рота действует уже пешим порядком. Впустую уходит драгоценнейшее время. Этого ни в коем случае нельзя допустить! Нам необходимо дойти до перекрестка в нескольких километрах севернее и помешать организованному отступлению русских из лесного массива слева от нашей маршевой колонны. Вне себя от ярости я мчусь в голову колонны, чтобы подстегнуть замешкавшихся бойцов. БМР и штурмовые орудия огнем прокладывают путь стрелкам-мотоциклистам. В считаные минуты мы захватываем орудия, тягачи, грузовики. Только не останавливаться, дальше, дальше, воспользоваться смятением врага! Выбившиеся из сил русские, бросив оружие, с криками бросаются навстречу нам. Сначала я не понимаю, что они кричат, но постепенно разбираю: «Украинцы! Украинцы!» Они радуются нам как дети и бросаются на шею. Для них война окончена.

К 18 часам 15 минутам мы добираемся до перекрестка. Устремляющиеся на восток колонны мы обгоняем и обезоруживаем. Русские лишь в отдельных случаях оказывают сопротивление. Их повергли в ужас быстрые и решительные действия нашего батальона. Враг подавлен, растерян, перепуган. Сотни пленных собираем прямо на дороге, кроме того, захватываем множество артиллерийских орудий и различного снаряжения. Мы сумели по максимуму использовать благоприятную для нас обстановку — враг как раз начал отходить. Увы, но и мы потеряли легкую БМР — в нее угодил снаряд русской противотанковой пушки, но, слава богу, вся операция прошла без потерь, если не считать одного-единственного раненого товарища. Хотя мы чувствовали свое превосходство, ввязываясь в схватку с русскими, я все же счел необходимым сделать паузу и переночевать на одном вырубленном участке. Наш полк «Лейбштандарт» пока что не занят на другом участке, и соединиться с ним мы сможем не ранее завтрашнего утра.

В лесу кипит жизнь. Мы слышим, как колонны русских продвигаются на восток. Они — последние части, сосредоточенные на «линии Сталина», которые теперь по просекам, по едва заметным и непроезжим лесным тропам пытаются отступить на восток. Мы даже ночью не расстаемся с оружием, дожидаясь рассвета. Где-то вдали на востоке слышна канонада, почти заглушаемая шумом раскачиваемых ветром

верхушек сосен.

Погода решила сыграть нам на руку и дарит нам еще один солнечный день. Скрепя сердце отдаю приказ трогаться в путь на север. 1-я рота и сегодня пойдет во главе колонны и уже выстроилась на дороге, когда я отдаю приказ Бремеру на прорыв к рокадному шоссе. Обгоняя мою машину, бойцы с улыбкой машут мне на прощание, на ходу дожевывая завтрак. Что готовит нам наступающий день?

Быстро дав указания командиру 2-й роты (Краасу), я выезжаю вслед за 1-й ротой. У подразделения есть фора минут в пять. По обеим сторонам дороги тянутся темные сосновые леса, каждые двести метров прорезаемые просеками. Мы быстро овладеваем пространством. Кроме моей машины (переоборудованной из передвижной радиостанции), на дороге еще несколько посыльных на мотоциклах. Со мной едет и мой незаменимый переводчик Гейнц Дрешер. С высотки, на которую взбегает дорога, хороший обзор местности на несколько километров. Вдали виднеются машины, вот они скрываются за поворотом. Остальные бойцы батальона вот-вот отправятся за нами. Они дожидаются, пока подтянутся артиллеристы. Мы молча смотрим вперед и радуемся погожему дню. Поразительно, как быстро забываешь обо всех жестоких перипетиях войны и готов наслаждаться даже ничтожными секундами покоя. Но безмятежность обрывается инцидентом, который я считаю одним из самых примечательных за все мои военные годы.

Проезжая по дороге, я, к своему удивлению, обнаруживаю вражеское противотанковое орудие на огневой позиции, а рядом с ним русских, напряженно вглядываюидихся в нас. В первую секунду мне хочется крикнуть, но я сдерживаюсь и, не подавая вида, позволяю нашему водителю проехать еще метров двести и только потом останавливаю машину. Я быстро объясняю связному, где находится орудие, потом вместе с двумя офицерами и четырьмя бойцами отправляюсь в лес на розыск «позабытой» противотанковой пушки, решив подобраться к ней с тыла. Мы, словно индейцы на тропе войны, пробираемся от дерева к дереву через заросли вереска и черничника. Вдруг прямо перед собой между деревьями я различаю орудие. Расчета не видно. Неужели русские предпочли исчезнуть? И подарить нам свою пушку? Удерживая палец на спусковом крючке автомата, я неотрывно слежу за орудием. За спиной тяжело дышит Дрешер, но я не решаюсь повернуть голову. Шаг за шагом мы подкрадываемся к пушке.

— Стой! Руки вверх! — раздается команда по-русски.

Русские, ухмыляясь, смотрят на меня. Я понимаю, что

столкнулся с ротой русских. Вышло так, что все мы каким-то образом проскользнули между двумя взводами неприятеля. Кровь стынет у меня в жилах. На нас направлено с десяток, если не больше, винтовок — нет, силой тут ничего не решишь. Вполголоса командую своим:

— Не стрелять!

Русские опускают винтовки. Метрах в десяти от меня стоит рослый, вполне приличного вида офицер. Подхожу к нему. И он, отстранив солдат, тоже направляется ко мне навстречу. Все происходит без единого слова. И русские солдаты, и мои бойцы напряженно следят за мной и своим командиром. В двух метрах друг от друга останавливаемся, перекладываем оружие в левую руку и протягиваем друг другу руки для приветствия и здороваемся.

Я в этот момент не чувствую себя ни победителем, ни пленником. Мы кланяемся друг другу, а потом объявляем друг друга взятыми в плен. Русский хохочет, словно я преподнес ему веселый анекдот. В синих глазах искренняя радость. Я лезу в карман, достаю коробку сигарет «Аттика» и протягиваю ему. Он, как человек воспитанный, дожидается, пока я возьму сигарету, потом угощается и, чиркнув спичкой, прикуривает. Мы с ним ведем себя так, будто встретились где-нибудь в городе и никакой войны нет и в помине. Русский с трудом изъясняется на ломаном немецком, я же вовсе не знаю русского. Жестом подзываю к себе Дрешера, а когда он подходит, успеваю ему шепнуть:

— Тянуть время!

И между Дрешером и русским офицером завязывается обстоятельная дискуссия, кому же из нас сдаваться в плен.

Я же тем временем обхожу русских солдат и предлагаю закурить. Они с улыбкой берут сигареты, сначала нюхают их, а потом уже закуривают. Видно, что табак пришелся им по вкусу. Я дружелюбно похлопываю их по плечу и всем своим видом, да и жестами показываю, что, мол, а не положить бы вам оружие на траву. Между тем коробка «Аттики» пуста. Не без изумления отмечаю, что я, пока угощал русских сигаретами, успел удалиться от Дрешера на почтительное расстояние и теперь стою в кольце русских. По тону русского улавливаю, что его терпение на исходе. И я бочком, бочком, чтобы никто из русских не заподозрил неладного, начинаю продвигаться к Дрешеру и русскому офицеру. Надо заставить русского выйти из леса и продолжить переговоры на опушке — дело в том, что я жду не дождусь остальных бойцов нашего батальона, которые вмиг прояснят обстановку и положат конец этой комедии.

Выйдя на опушку, мы останавливаемся, и я вновь

предпринимаю попытку объяснить русскому, что его подразделение окружено, что наши передовые танковые части у стен Киева. Он энергично качает головой и просит Дрешера перевести, что, дескать, он не дурачок, а советский офицер и знает, что к чему. В этот момент со стороны дороги звучит выстрел, и я вижу, как загорается легкая БМР. Русские метров с тридцати всадили в нее снаряд. Валит черный дым и отвесно поднимается вверх. Так как я знаю, что мои бойцы всегда выезжают на лесные прогалины — чтобы обеспечить себе сектор обстрела, в любой момент может показаться и наш танк. Русский возбужденно старается втолковать мне, чтобы я, дескать, не дурил и спокойненько положил автомат на землю. Прошу Дрешера объяснить ему, что мне якобы непонятно, что ему от меня нужно, что, мол, не понял последней его фразы. Пусть, мол, покажет мне, что я должен делать. Русский недоверчиво смотрит на Дрешера, потом аккуратно кладет свою прекрасную скорострельную винтовку с оптическим прицелом на дорогу. Вот этого ему ни в коем случае нельзя было делать. Я мгновенно наступаю на оружие ногой и вплотную подхожу к офицеру. И мы оба застываем посреди дороги, словно странный памятник, в окружении своих подчиненных — с одной стороны русские, с другой мы.

Все мои бойцы затаились с той стороны дороги, где стоим мы. Из глубины леса раздается крик: «Русские! Русские!» Чей-то фанатичный голос призывает к действию. Все больше и больше стволов винтовок угрожающе смотрят на нас — а я все сильнее прижимаюсь к русскому офицеру. Дрешер, отскочив в сторону, залег у дороги с оружием наизготовку. В этот момент позади меня мелькает тень. Я не решаюсь повернуть голову и взглянуть, в чем дело, но краем глаза замечаю, что это танк, слышу, как машина тормозит. Танк медленно подползает. Все начинает происходить с жуткой быстротой. Выкрики комиссара не оставляют сомнений в том, что сейчас будет открыт огонь. Последний взгляд в глаза моему визави. И до него внезапно доходит, что сейчас последует. Русский спокойно выдерживает мой взгляд. И тут я командую:

— Огонь!

Лес прорезают выстрелы 2-см разрывными снарядами и очереди БМР. Мои товарищи бросают ручные гранаты через дорогу, я же молнией бросаюсь в кювет. Тело русского командира распростерлось на дороге. Для него война закончена.

По дороге катятся ручные гранаты, а мы тем временем исчезаем в кустах за обочиной. Исчезнуть не получается — дорогу преграждает какой-то крохотный мостик. БМР вынуждена ехать

дальше, еще метров сто — русское противотанковое орудие изменило сектор обстрела. Да, как-то все неуютно здесь становится! Каждую секунду мы ждем, что русские бросятся в атаку через дорогу. И тут происходит нечто, чего мне не забыть до конца жизни. Наш самый молодой вестовой, которому в будущем уготовано стать чемпионом Германии в беге на 1500 метров, Гейнц Шлунд, вдруг вскакивает, несется к своему мотоциклу с коляской, вскакивает на сиденье и уносится прочь. Вижу, как он, подъехав к танку, обменивается несколькими словами с водителем, а после этого тут же возвращается к нам. Взмахом руки он призывает меня — я тоже вскакиваю на сиденье, и мы несемся туда, где должен находиться наш батальон.

Гуго Краас уже готов поднять 2-ю роту в атаку. Быстро инструктируют бойцов, обслуживающих тяжелые вооружения, минометчиков и пехотные орудия. Бой очень тяжел, русские сражаются за каждое дерево. Но тщетно. Четверть часа спустя схватка завершена.

Я ищу русского офицера и вскоре нахожу его — он сражен пулей в грудь. Мы хороним его вместе с нашими погибшими в этом бою товарищами.

После боев в Маршилевске вы выходим на рокадное шоссе «Норд». По дороге движутся части 25-й моторизованной дивизии, а также войсковой подвоз 13-й и 14-й танковых дивизий.

Среди погибших в боях в Маршилевске обнаруживается некий комиссар йо фамилии Нойман. Немец? 25-й батальон стрелков-мотоциклистов ведет тяжелые бои севернее Соколова и просит помощи. Я отправляю им штурмовое орудие, и уже вскоре ход схватки меняется в нашу пользу.

Наш батальон берет под оборону участок восточнее Соколова шириной ровно 20 километров. В 14.55 движение по рокадному шоссе прервано. Силы неприятеля, перерезав западнее Соколова дорогу, лишили 3-й армейский корпус войскового подвоза. На участке батальона наблюдается беспокоящий огонь врага. Наш командный пункт расположился под великолепным дубом в 100 метрах южнее рокадной дороги. По густой листве хлестнула пулеметная очередь, трава под деревом усыпана свежесорванной листвой. Петерзилле сумел где-то раздобыть для меня тарелку молочного супа с рисом. Усевшись подальше за сосенку, с аппетитом поедаю лакомство. Только теперь, несколько часов спустя после инцидента с русским командиром, сумел урвать пару минут и как следует подумать обо всем, что произошло. И вдруг мне кусок в горло не лезет. Бросает то в жар, то в дрожь. Какой из меня сейчас командир?

На рассвете сильный артиллерийский огонь противника по

нашему командному пункту. Роты докладывают о наличии противника в лесных массивах севернее рокадного шоссе. Наша артиллерия и тяжелое вооружение пехотинцев пытаются подавить огневые точки русских. Но неприятеля так просто не возьмешь. Беспокоюсь за своих стрелков-мотоциклистов — участки имеют весьма большую протяженность, а резервов нет никаких. Разведгруппа туда-сюда бродит по шоссе, чтобы отпугнуть врага огнем там, где возникает необходимость. Ночь предстоит жаркая. В сумерках еще раз еду на правый фланг нашего участка и встречаюсь с обеими ротами стрелков-мотоциклистов. 1-я рота залегла на правом фланге у моста через Теню, надо сказать, что подразделению здесь скучать не приходится — необходимо отбивать постоянные атаки противника. Обе роты основательно окопались. Впервые за войну моим мотоциклистам пришлось зарываться в землю.

Моя машина постоянно обстреливается на протяжении всего участка. Пули то и дело щелкают по броне и с визгом рикошетируют. Штабу батальона также приходится окапываться. Повара, писари и водители лежат в окопах и ждут, какие сюрпризы преподнесет им эта ночь.

В 23 часа начинается атака русских, которую мы ждали. На наш участок обрушивается ураган свинца и стали. От жутких криков «Ура! Ура!» стынет кровь в жилах. Кстати, эти крики, как и многое другое в России, тоже для нас в новинку. В воздух взмывают осветительные ракеты. Тьму ночи прорезают следы трассирующих пуль. Русские смогли продвинуться до самого рокадного шоссе, и их натиск удается сдержать лишь фланговым огнем нескольких БМР.

Примерно к полуночи происходит вторая атака позиций 1-й роты. Русские, прорвав позиции, уничтожают два пулеметных гнезда. В рукопашной нашим бойцам саперными лопатами и штыками удается уничтожить прорвавшегося неприятеля и вернуть себе потерянные было позиции. Вновь оживает артиллерия врага. Тяжелая железнодорожная артиллерия устилает снарядами развилку дороги южнее Соколова и командный пункт батальона восточнее развилки.

Роты стрелков-мотоциклистов израсходовали весь имеющийся в наличии боекомплект и просят срочно прислать боеприпасы. Но как нам доставить их на правый фланг? Туда пути нет, а рокадное шоссе — линия разделения нас и русских. Мы отделены от противника одной лишь дорогой. И снова в наушниках слышу голос Гуго Крааса. Повернув голову направо, вижу, как на его участке начинается настоящий фейерверк. И 1-я рота, и минометчики вопят, умоляя обеспечить их боеприпасами.

Крики «Ура!» приближаются, русские идут прямо на нас и атакуют командный пункт. 2-см зенитка посылает снаряды прямо в гущу наступающих русских, сосредоточивая огонь и на кустах, рядами протянувшихся вдоль дороги. Атака неприятеля захлебывается в крови.

После отражения последней атаки мою БМР доверху загружают боеприпасами, и штурмбанфюрер Грецех вместе с Петерзилле спешат на дорогу, за которую разгорелся бой. Петерзилле убрал маскировку с левой фары и, включив дальний свет, несется по рокадному шоссе. Несмотря на попадания, БМР доходит до места назначения. Боеприпасы доставлены.

Прошу подкрепления, но тщетно. Батальоны если и подойдут, то не раньше полудня. Их как раз сейчас снимают с линии бункеров у Мирополя. И снова грозно заговорила артиллерия врага, снаряды ложатся на правом фланге удерживаемого нами участка. Крупнокалиберные снаряды (15 см) тяжелого железнодорожного орудия перепахивают лес на участке 1-й роты, а в час ночи русские в третий раз идут в атаку на нас. Несколько минут спустя фланговая рота запросила помощи. Враг сумел глубоко вклиниться на позицию, и там сейчас кипит рукопашная. Люди, позабыв обо всем, сражаются не на жизнь, а на смерть, презрев все человеческое.

Не в силах всего этого больше выдерживать, срываю с головы наушники, сажусь в БМР и еду. Не глядя ни налево, ни направо, мой водитель проносит меня через наступающие группы русских, перебегающие через рокадное шоссе на остающихся незащищенными участках нашего охранения. Едем мы без света и видим только темные, мелькающие перед нами силуэты. Скрип тормозов на крутом повороте влево, потом водитель дает полный газ, и мы исчезаем за какой-то крестьянской хатой. Стрелки-мотоциклисты отражают последнюю атаку русских, и она вновь захлебывается в глубине нашей обороны. Силы неприятеля разгромлены до основания.

Крики бойцов смешиваются со стрекотом пулеметов, глухими разрывами ручных гранат, шум страшный, понять никого невозможно. Мы с Краасом метрах в 20 южнее дороги, сидим за какими-то полуразрушенными стенами и вглядываемся в утреннюю мглу, предвещающую новый день. Враг на всем участке ведет остервенелый минометный огонь. Мои бойцы оттаскивают раненого товарища в безопасное место, срывая с него обмундирование, чтобы наскоро перевязать раны. Подбежав к ним, я вижу моего старого друга В. Грецеха. Он смертельно ранен. Грецех лежит, закрыв глаза и едва дыша. Зову его, чувствую, что голос мой срывается на крик, когда я пытаюсь

вернуть его в сознание, но напрасно. Здесь уже властвует смерть. Губы Грецеха едва заметно вздрагивают, будто он желает в последний раз произнести имя жены и детей. Веки чуть приподнимаются, я вижу его мутный взгляд. Голова медленно поворачивается набок. Грецех погиб от пули в сердце.

Гауптшарфюрер фон Берг, мой старый «фельдфебель», служивший сначала в 14-й, потом в 15-й роте, а теперь командир взвода в 1-й роте стрелков-мотоциклистов, лежит в первом из окопов. Пуля в грудь, убит. Юпп Хансен, закадычный друг фон Берга, захлебываясь кровью, зовет помощь. Ранение навылет в легкое. Бойцы оттаскивают его на куске брезента в безопасное место. Юпп узнает меня, хочет что-то сказать, но не может. Несколько часов спустя он умирает. Первый свет наступающего дня высвечивает картину ужаса, погибели и разрушения. Воронки, опаленные по краям, с корнем вывернутые деревья, искореженная техника, почерневшие от копоти развалины крестьянского подворья — немые свидетели безумной минувшей ночи. Передо мной тягач-однотонка. Ночью он пылал, как свеча, теперь это дымящаяся куча, бесформенное нагромождение обгорелого металла. Водитель так и остался сидеть за баранкой. Форма обгорела на нем, когда он был еще жив, обугленная грудь кое-где прикрыта черными лохмотьями. Обуглившийся череп с пустыми глазницами продолжает глядеть вперед. Мне хочется вопить, проклинать бессмыслицу войны, но вместо этого я кидаюсь в первый попавшийся окоп и отстреливаюсь от русских, которые залегли не дальше чем в полусотне метров от меня у дороги. При виде скрючившихся тел, которыми усеяно все вокруг, мне вспоминаются обагренные кровью поля Вердена. Мои товарищи вперемежку с русскими солдатами лежат мертвые в своих окопах — они угробили друг друга! Живые вынуждены выбрасывать из них погибших, думая о своей безопасности.

Рассветает. Ни одного живого русского вокруг не видать — передо мной опустевшее поле боя.

А вокруг цветущие луга, колосящиеся поля. И тишина, ни единого выстрела. Сначала с опаской, потом более уверенно мои товарищи выбираются из окопов, из-за деревьев и кустов. Один, выпрямившись, закуривает и смотрит туда, откуда на нас шел враг. Взоры всех неотрывно следят за пехотинцем. Но ничего не происходит. Звучат шутки, невинные подковырки — обычное дело на войне, в особенности после только что отгремевшей схватки, когда тебе приходилось рисковать жизнью. А она тем временем продолжается, берет свое. И никуда от этого не деться.

Пожимаю руку Гуго Краасу. Именно он был этой ночью стержнем обороны. В глазах его беспокойство, рука дрожит,

взволнованная речь. Да, за последние двое суток мы потеряли больше наших товарищей, чем за все предыдущие кампании.

По радио мне сообщают о том, что нас сменит 3-й батальон, он подойдет до полудня. Только мы собрались возвращаться на командный пункт, как унтерштурмфюрер Баумхардт просит меня осмотреть и проверить кустарник в 150 метрах от дороги. По его словам, несколько минут назад он заметил там какое-то движение. Петерзилле сразу же направляет машину к кустам, намереваясь издали объехать их. Кольцо вокруг кустов сужается, но я никого не замечаю. Водитель подъезжает вплотную к густым ветвям, я стою в башне. И откуда ни возьмись — русский офицер. Еще секунда, и он у нас на броне и тут же начинает стрелять. Я реагирую не сразу, но вовремя — выхватываю пистолет, спрыгиваю на землю, в полете пару раз выстрелив в нападавшего. Наша БМР останавливается, офицер лежит без движения. Зову Петерзилле. Вдруг раздается хлопок, машину подкидывает вверх, потом она тяжело хлопается о землю. Оказывается, Петерзилле вздумал бросить гранату-лимонку в кусты, а она возьми да закатись под нашу БМР. Больше Петерзилле на подобную тактику ближнего боя не решался.

Прибыв к месту расположения 1-го батальона, мы попадаем под обстрел, но это уже не сильно впечатляет бойцов нашего разведбата. Пехотинцы Фрица Витта не из робких. И это подразделение отличает бесстрашие в бою, спаянность и взаимовыручка. В окопах вдоль дороги я замечаю одного старого товарища, которого обучал еще в Ютербоге в 1934 году. Его фамилия Квазовски, парень ростом под метр девяносто, получил тяжелейшее ранение стопы — осколок гранаты превратил ее в кашу, в кровавое месиво. Так этот восточный пруссак при помощи обычного перочинного ножа сам отхватил раздробленную стопу.

Смена подразделений проходит без сучка и задоринки. Гауптштурмфюрер Хемпель прибывает чуть позже. Хемпель был другом В. Грецеха. Под грохот русской артиллерии мы хороним наших боевых товарищей. Слова прощания заглушает тарахтенье двигателей. Рокадному шоссе больше ничего не угрожает: колонны войск направляются на восток.

Через Житомир мы маршем идем на Копылово и сражаемся во взаимодействии с 13-й и 14-й пехотными дивизиями у ворот Киева. Наш батальон сменяет разведбат одной из пехотных дивизий, а нам предстоит выполнять иные задачи.

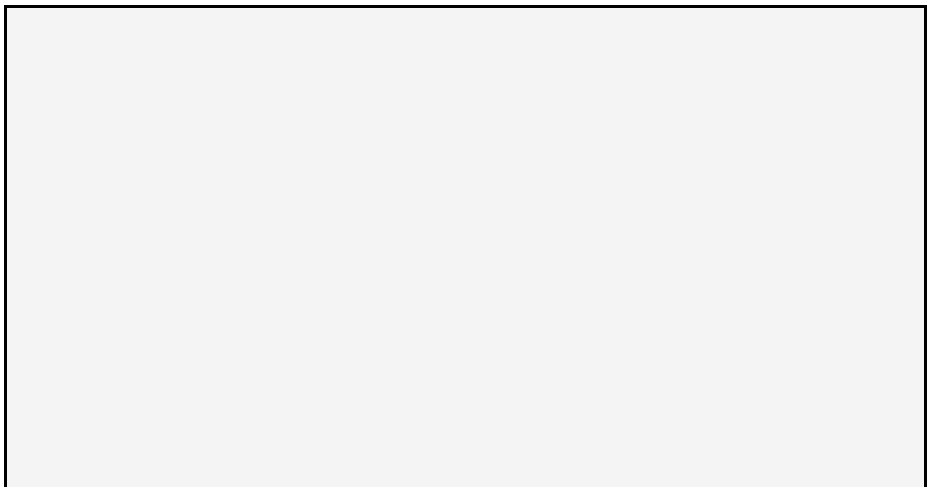
В то время как танковая группировка Клейста наступает через Житомир на Киев, части 6-й армии через Винницу атакуют советские части под Уманью. 17-я армия широким фронтом форсирует Буг и двигается дальше на восток. Сейчас брошенные

на Киев дивизии 3-го армейского корпуса, которых сменяют части 6-й армии, поворачивают на юго-восток. 30 июля в 3 часа утра мы стоим на южной окраине Зибермановки и осуществляем охрану правого фланга нашего наступающего полка «Лейбштандарт». Уже к 5 часам утра мы доходим до Лещиновки, удерживаемой внушительными силами противника. 2-я рота окапывается у Лещиновки и оказывается под сильным артиллерийским огнем русских. 1-я рота тоже под обстрелом. Около полудня русские пытаются осуществить прорыв своих сил на восток. Вражеские танки сминают пехоту, стараются лишить нас средств противотанковой обороны. Изъять роту стрелков-мотоциклистов не представляется возможным вследствие интенсивного артогня противника.

В этих отличающихся невиданной ожесточенностью боях гибнет унтерштурмфюрер Баумхардт, командир взвода 2-й роты, а командир роты гауптштурмфюрер Краас получает ранение. Командование ротой берет на себя оберштурмфюрер Шпэт. Одному из самых молодых наших бойцов, пехотинцу Хусману, сносит осколком нижнюю челюсть. Рискуя жизнью, товарищи укрывают его в безопасном месте.

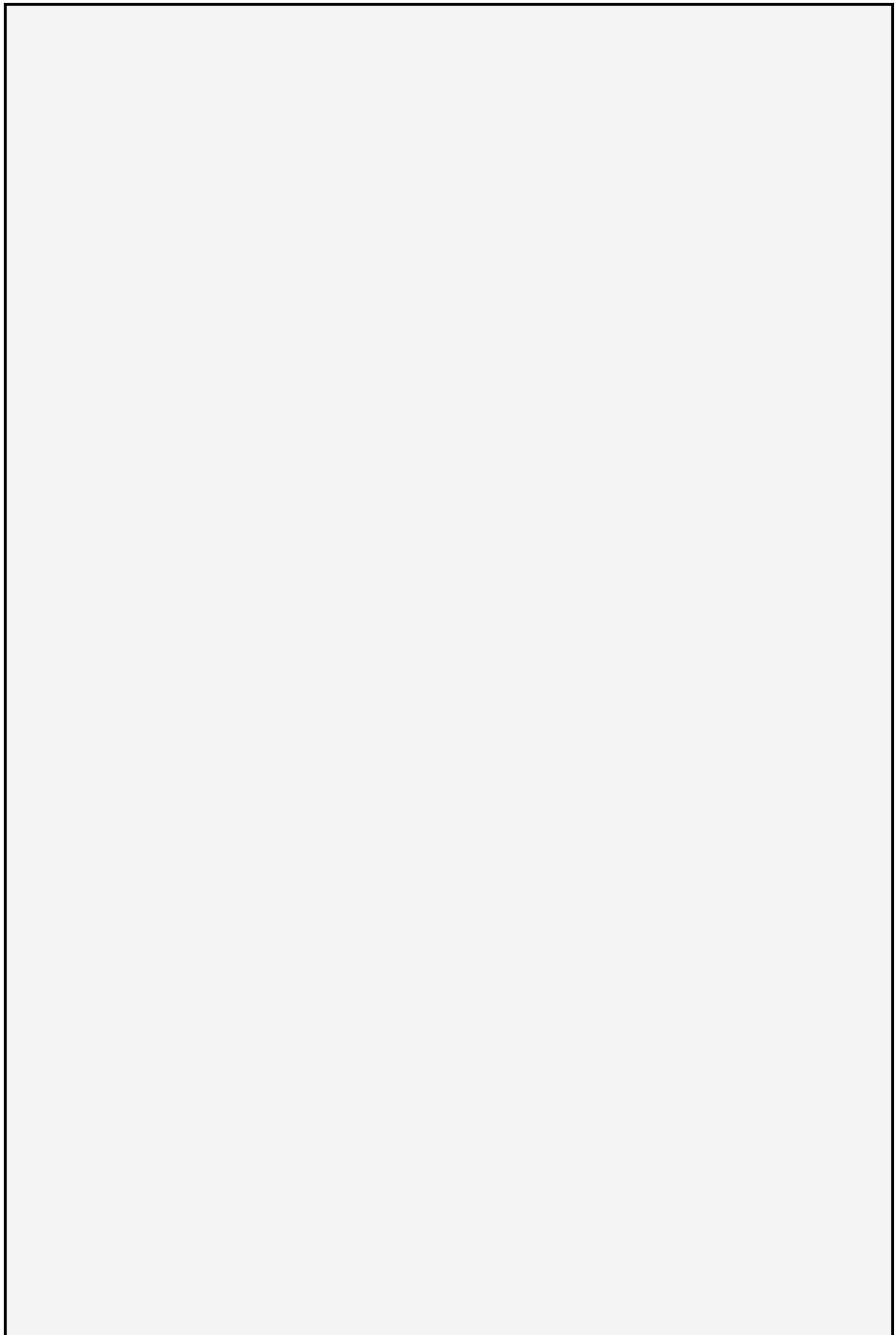
В результате смелой операции на БМР нашим пехотинцам удается взять в плен целую роту русских. Рота имеет задачу удерживать мост у Лащевой.

31 июля батальон переподчинен 48-му армейскому корпусу и получает приказ выйти к Ново-Архангельску и, таким образом, замкнуть кольцо окружения под Уманью. К 12 часам дня мы выходим к Ново-Архангельску без каких-либо стычек с противником. Городок расположился по обеим сторонам речки, проходящей через него с севера на юг. Обрывистые берега не позволяют использовать здесь танки.



Штандартенфюрер СС Курт Майер.

Одна из самых известных фотографий Майера, сделанная в начале августа 1941 года, во время боев под Уманью.



От большинства германских офицеров Майера отличал чудовищно расхристанный вид.

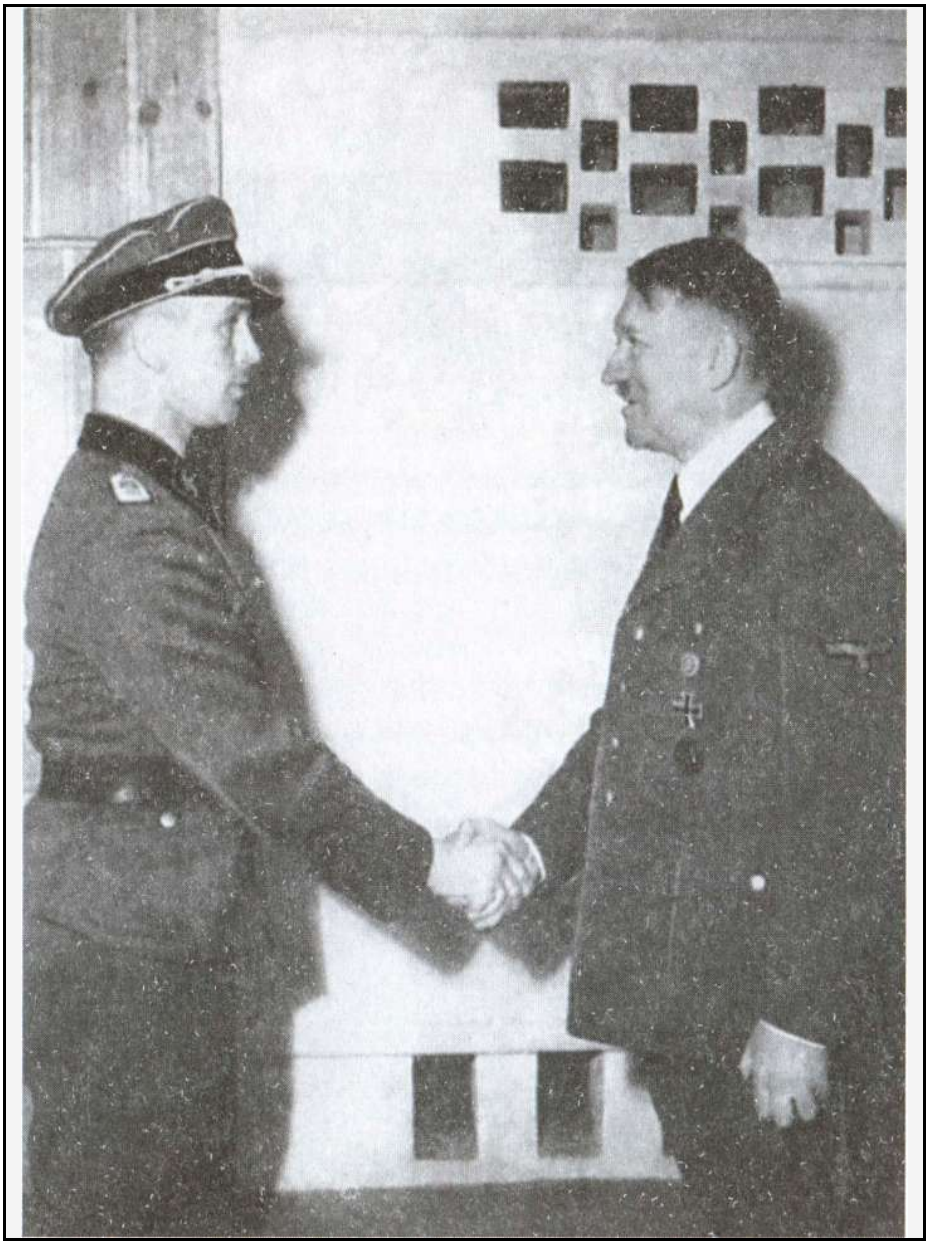
Май 1943 года. Зепп Дитрих и офицеры Лейбштандарта

Февраль 1943ГО, во время сражения за Харьков. Командиры батальонов Макс Вюнше и Курт Майер.

Июнь 1944ГО. «Фронт вторжения». С перевязанной головой Макс Вюнше, правее Бернхард Краузе, крайний справа Панцермайер.

Еще одна «классическая» фотография Майера, сделанная во время балканского похода и

опубликованная на обложке журнала «Иллюстрирте Беобахтер».



Гитлер вручает Майеру Дубовые Листья к

Рыцарскому Кресту.

Украина. 1941 год. Майер и Вальтер Штаудингер изучают боевую обстановку.

Пленный роет могилу для убитых красноармейцев. Майер на этом снимке справа.

Минуя первые дома, мы попадаем под интенсивный артобстрел с западного направления. Северо-западнее Ново-Архангельска я замечаю немецкую батарею, несколько БМР и стрелков-мотоциклистов, которые быстро скрываются, уходя на северо-запад. Вероятно, немцы приняли наш батальон за русских. При помощи сигнальных ракет мы тщетно пытались дать им понять, что мы свои. Но куда там! Как выяснилось позже, это был 16-й разведывательный батальон. Подразделение думало, что отрывается от противника, а для нас это обернулось лишними хлопотами.

В Ново-Архангельске нас пытаются обстрелять, и к мосту мы вынуждены пробиваться с боем. Здесь мы обнаруживаем брошенную БМР 16-го разведбата. Мост поврежден в результате срабатывания мин. Следовавший за нами 1-й батальон как раз входит в Ново-Архангельск и приступает к зачистке юго-восточной части населенного пункта. Даже как-то легче стало на душе — на Фрица Витта вполне можно рассчитывать. 1-й батальон и разведывательный батальон заключили своего рода соглашение о взаимовыручке. Пока что обе стороны друг друга не подвели ни разу. Около 18 часов мы уже полностью овладели Ново-Архангельском, но резервами и не пахнет, если не считать моей БМРки. С наступлением темноты русские атакуют позиции батальона на северо-западной окраине Ново-Архангельска крупными силами пехоты при поддержке 8 танков. Наше 3,7-см противотанковое орудие стреляет едва ли не в упор. Но что это? Танкам наши снаряды будто невдомек, они продолжают надвигаться на нас, сминая стрелков-мотоциклистов. Наши снаряды отскакивают от их брони. Только вот этого нам и не хватало! На наше счастье, стрелки-мотоциклисты не в лесу, а все-таки в населенном пункте, так что им удается вовремя уйти от танков. Не ждут особого приглашения и русские пехотинцы, наседая на нас, они теснят силы роты. Русские танки производят неизгладимое впечатление на моих бойцов. От души надеюсь, что они от них все же не побегут! Интересно, а как дела у охраны моста? Может, им повезло больше? Вскакиваю на броню штурмового орудия и несусь к мосту. Здесь застаю взвод Монтага, который собрался занять позиции на этом берегу. И — не верю глазам! Роты стрелков-мотоциклистов опрометью устремляются на мост, пытаясь овладеть этим берегом. В двух словах разъясняю им обстановку. Роты поворачивают назад и отбрасывают уже

прорвавшихся русских. Четыре русских танка подбиты из штурмового орудия и 4,7-см противотанковой пушки. В 3 часа 30 минут пехота противника идет в наступление, но огонь стрелков-мотоциклистов отрезвляет русских. В Ново-Архангельск сумела проникнуть ударная группа русских, они продвигались с юга вдоль ручья. Однако охраняемый силами саперов мост в безопасности. К рассвету неприятель разгромлен или взят в плен. Все последуюпие атаки противника отбиты и обернулись для него серьезными потерями.

Кольцо окружения все сильнее сжимает оказавшиеся в нем силы противника. Но и русские пытаются давить на наши позиции. 2 августа нам в подчинение переходит дивизион «небельверфер» — шестиствольных минометов — и батарея 21-см минометов.

С небольшой высотки наблюдаю за интенсивным передвижением врага в восточном направлении. Множество колонн самой различной техники исчезают в лесном массиве в 5 километрах от позиций 1-й роты. Судя по всему, русские намерены с наступлением темноты предпринять еще одну попытку прорыва в зосточном направлении. На всем участке батальона враг ведет интенсивный беспокоящий огонь. Все больше и больше колонн исчезает в лесу. Пехота, кавалерия, артиллерия стремятся стать невидимыми для нас. Знали бы они, что мы следим за каждым их движением! Русские офицеры ведут своих солдат на верную гибель. Мы не дадим этой группировке собраться и атаковать нас — она должна быть уничтожена раньше. Их больше — под покровом ночной темноты им ничего не стоит смять, оттеснить нас. Видимо, в кольце окружения под Уманью где-то возникла брешь.

Ставится задача всем тяжелым вооружениям батальона — подразделениям шестиствольных минометов, тяжелых 21-см минометов. Им предстоит открыть по лесному массиву огонь на уничтожение. Команду на открытие огня даю я. До сих пор нам не приходилось иметь дело с шестиствольными минометами. Мы представления не имеем о силе воздействия этого оружия. Стрелка часов неумолимо приближается к намеченному времени. Я терпеливо выжидаю удобного момента. Поток советских солдат не иссякает. Русские стремятся выйти из кольца окружения. Лучше всего это делать ночью. Очертания лесного массива видны очень неотчетливо. Все подразделения сгорают от нетерпения открыть огонь. Сейчас, еще немного, и разверзнется ад. Над нами вдруг раздается страшный вой. Дымовые шлейфы клубятся в сером небе и, протянувшись к лесу, исчезают среди деревьев. Непрерывно шипя, проносятся огненные ракеты. Тяжелые

разрывы тяжелых мин ухают вдали. И лес уподобляется муравейнику, разворошенному огромной ножищей доисторического зверя. Люди, лошади несутся, стремясь уберечься от огненного шквала, и тут же попадают под огонь наших пулеметов и автоматов…

Заходящее солнце освещает апокалиптический пейзаж. Трупы, изуродованные тела, уныло бредущие колонны пленных…

Я больше ничего и никого не хочу видеть. Любая мясорубка, любая бойня внушает мне лишь отвращение. Русские и немецкие фельдшеры осматривают раненых. Впервые мы видим русских женщин в форменной одежде. Поражаюсь их выдержке и достоинству, они держатся куда лучше мужчин. И всю ночь облегчают страдания других.

После полуночи новый ад! Слышу крик: «Парашютисты!»

И на самом деле, вижу большие четырехмоторные самолеты, а потом слышу характерный шелест парашютов. Парашюты белеют вокруг. Да, дела наши ни к черту! А резервов никаких! С оружием на изготовку мы ждем приземления бойцов-десантников. Но их что-то не видно. Несколько минут спустя мне докладывают и приносят первые парашюты. Оказывается, это не совсем десант, просто неприятель решил сбросить с воздуха горючее, боеприпасы и продовольствие для своих окруженцев.

Во второй половине дня наш участок берет 297-я пехотная дивизия. Батальон отводят в центр населенного пункта. Следующей ночью вдруг по мосту начинают возвращаться тыловые службы — неприятель прорвался к нашему обозу. Батальон немедленно атакует врага и берет в плен несколько сотен русских.

Битва за Умань завершена. 6-я и 12-я советские армии почти полностью разгромлены. В плен попали оба командующих армиями, кроме того, захвачено 317 танков, 858 артиллерийских орудий.

1-я танковая группа высвободилась, и теперь ее перебрасывают на юго-восток преградить путь отступающим на участке 11-й армии русским частям.

9 августа батальон получает приказ провести разведку в направлении Бобры. Часами мы едем в пыли на юго-восток. Русская кавалерия держится на почтительном расстоянии, поэтому мы и не можем от нее отделаться. На рассвете 10 августа справа от пути продвижения я различаю на горизонте облако взрыва. Как выясняется вскоре, БМР из 16-го разведбата наехала на мину.

Нам не составляет особого труда обнаружить русских минеров и взять их в плен. С явной неохотой им приходится

извлекать собственные мины. Пленные относятся к 12-й советской кавалерийской дивизии, с боями отступающей на восток. Через поля пшеницы и кукурузы веду батальон строго на восток, затем поворачиваю на юг и внезапно оказываюсь у русских в арьергарде. Наши стрелки-мотоциклисты уничтожают бронетранспортеры, грузовики и противотанковые орудия. Бронетранспортеры пылают как факелы, в небо поднимаются клубы дыма. Во время преследования отступающих русских головной отряд наталкивается на систему полевых укреплений, кстати, великолепно обустроенных и замаскированных — еще немного, и мы не заметили бы их. В бою за небольшую высоту гибнет один из наших лучших унтер-офицеров. Всегда веселый младший командир гибнет, ведя подразделение в атаку. Командир взвода унтерштурмфюрер Вавжинек получает ранение.

Цель наступления 16-й танковой дивизии — порт города Николаев. Нам поставлена задача оборонять левый фланг дивизии с востока. Генерал Хубе ведет свою дивизию через Ингулец, преодолев реку, поворачивает на юг, отрезав тем самым отступающим русским путь на восток.

С выходом к мосту под Кирьяновкой наш батальон попадает под артиллерийский огонь с юго-западного направления. Значит, враг у нас в тылу и пытается воспрепятствовать переправе через Ингулец. Но артобстрел не мешает нам выполнить поставленную задачу. Грузовики по одному все же перебираются через мост, и мы без потерь живой силы и техники преодолеваем водную преграду.

16-я танковая дивизия стрелой вонзилась в спину отступающим русским, ее передовые части стоят у Николаева. Мы без остановок несемся вперед, тоже рассекая отступающие группировки русских, и выходим через Ново-Полтавку к растянутой в длину деревне Заселье. Этот пятидневный бросок был связан с непростыми ситуациями, в которых мы оказывались, входя в боевое соприкосновение с отступающими частями русских. Нет, не русские повергли нас в трепет, а скорее необозримые просторы России.

Из Заселья на Херсон

Вытянутая в длину деревня Заселье с запада располагает естественными водными преградами, что в значительной степени облегчает оборону с этого направления. Последние части русских около полудня ушли из Заселья на восток. Они входят в состав 162-й пехотной и 5-й кавалерийской дивизий. Местная церковь используется и как кинотеатр, и как зерносклад. Деревянную лестницу колокольни местные жители, скорее всего, разобрали на дрова. С колокольни свисают писанные белым по красному пропагандистские призывы. Беззубый дряхлый старик оказывается попом, он просит у нас разрешения на отправление церковной службы. По его морщинистому лицу текут слезы, когда местные жители входят в пустой храм с голыми стенами, где начинается первая за многие годы служба. Пожилые прихожане с благоговением вслушиваются в слова священника. Молодежь с любопытством и смущением оглядывается вокруг, стоя у входа в церковь.

Ночью мы слышим шум ожесточенного боя, доносящийся с запада — там наша 16-я дивизия ведет упорные бои за Николаев.

На рассвете я забираюсь на башню церкви и оглядываю типично южную местность. На все стороны горизонта раскинулись необозримые поля, к селу стекаются многочисленные грунтовые дороги. Почти над всеми клубится пыль, а в соседнем местечке Ново-Петровка взлетают и садятся самолеты противника. Как и следовало ожидать, нашему батальону приходится действовать в окружении врага. Он — повсюду. Легко догадаться, какова будет наша участь, если Николаев не удастся взять в кратчайший срок, а враг попытается организовать глубокое вклинение во фланг 16-й дивизии. Так что клубы пыли над дорогами говорят нам о многом. Да, нам предстоят жаркие денечки.

Стрелково-мотоциклетные роты заняли позиции на восточной окраине Заселья и всецело поглощены утренним туалетом, когда обнаруживаются силы противника, наступающие на село с востока. Кроме того, группировка русских наступает на Заселье и с запада. Русские, видимо, не знают, что Заселье минувшим вечером занято нами, и спокойно направляются прямиком в ловушку взвода саперов и нескольких БМР. Роковой для русских оказывается разделяющая оба водоема дамба. Без какого-либо сопротивления, без единого выстрела огромное количество солдат и офицеров противника попадает в плен.

Мой командный пункт располагается на церковной башне.

Отсюда прекрасные возможности для наблюдения за передвижением врага, заметив его издали, всегда можно принять соответствующие меры.

Со стороны Шуванки периодически появляются русские и тут же исчезают в зарослях кукурузы. Высокая, в рост человека кукуруза — идеальное укрытие, позволяющее подойти вплотную и нанести внезапный удар. Рота за ротой исчезает в зеленых зарослях, русские разворачиваются в боевые порядки для атаки Заселья. Я спокойно веду наблюдение за этими передвижениями — опасаться нечего: кукурузное поле отделено от села полоской метров в 400 шириной, так что любая попытка атаковать на этом отрезке обречена.

Вижу, как на горизонте артиллерийские батареи русских занимают позиции. Непрерывно снуют вестовые на лошадях. Короче говоря, объектов для нашей артиллерии хоть отбавляй, но нам необходимо экономить боеприпасы. Пути войскового снабжения растянулись невероятно. Поэтому приходится ждать момента, когда каждая граната полноценно выполнит свою кровавую задачу. Крохотные черные точки двигаются по дозревающей кукурузе в нашу сторону. Время от времени в струящемся мареве молниями вспыхивают блики отраженного на металле солнца. Точки приближаются. Теперь это уже и не точки, а ясно различимые русские пехотинцы. Их боевые порядки продуманны — наступают они разрозненно. Противотанковые орудия тащат за собой солдаты — к чему тащить в атаку лошадей? Взвесив обстановку, отдаю команду готовить для русских самое эффективное оружие.

Русские идут распрямившись, хоть и держатся настороженно. На восточной окраине Заселья ни одного нашего солдата. Необходимо убедить русских, что нас в Заселье нет. На позиции лишь усиленные взводы рот стрелков-мотоциклистов. Все остальные подразделения сосредоточены на севере и западе села и ждут сигнала к атаке. Моя задача — не только отразить атаку неприятеля, но и взять его в плен! Подходящий момент для этого наступает в 11 часов. На русских обрушивается огонь всех калибров, в рядах врага смятение. Минометы и пехотные орудия прицельной стрельбой выводят из строя артиллерию противника. Словно под взмахами гигантской косы опадают волны наступающего противника. Русские падают на землю, поднимаются и снова падают, на сей раз уже навсегда. Офицеры и младшие командиры пытаются вернуть наступление в организованное русло, но лишь отдельные солдаты продолжают рваться вперед. Основная масса пехоты будто прилипла к земле.

Теперь самое подходящее время ввести в действие

выжидающих на флангах стрелков-мотоциклистов и БМР. Они сначала наступают в восточном направлении, затем круто сворачивают и начинают оттеснять русских к нашим позициям. К полудню в плен взято 650 человек, и 200 человек считаются погибшими. Согласно показаниям пленных командир, 962-го стрелкового полка после того, как расстрелял нескольких офицеров, пустил себе пулю в лоб сам. Поскольку полк насчитывал 900 штыков, после таких потерь он просто перестал существовать. В последующие часы наше подразделение неоднократно атаковала с воздуха авиация противника.

Во второй половине дня враг подверг восточную окраину сила интенсивному артиллерийскому обстрелу. Огонь ведется с западного направления. Даже если мы и не исключали возможность обстрела сразу с двух сторон, тем не менее это стало для нас неожиданностью. Молниеносно меняем фронт обороны и занимаем подготовленные позиции западнее Заселья.

В отличие от первой атаки вторую противник проводит с использованием моторизованных сил. Острие атаки русских образуют плавающий танк и бронетранспортер. У нас в результате прямого попадания взорван грузовик с боеприпасами. И снова мы выдерживаем время и подпускаем неприятеля как можно ближе, с тем чтобы достичь максимальной эффективности огня. Первой жертвой становится плавающий танк — клубы дыма привычно вздымаются в небо. Наши БМР и самоходные противотанковые пушки в упор расстреливают смешавшуюся колонну противника. Одна наша самоходная противотанковая пушка подбита — замирает на месте, выпуская клубы дыма. Пламя охватывает машину прежде, чем успевает выбраться водитель. Те, кто успел выбраться, в отчаянии тащат своего товарища из горящей самоходки и пытаются потушить загоревшееся обмундирование. Пострадавший от огня водитель кричит так, что хоть уши затыкай. Отскочив в сторону от спасающихся от огня бойцов, смотрю в бинокль на запад. Клубы пыли возвещают о подходе новых колонн неприятеля. Словно разъяренные пантеры, мои БМР и противотанковые самоходки накидываются на колонны врага и несколькими снарядами поджигают технику. Русские начинают разбегаться, но лишь немногим из них удается уйти. Большая часть колонны попадает к нам в плен.

Разбор операции проходит под стоны раненых и вопли получившего ожоги водителя самоходки. Он лежит на носилках и умоляет меня пристрелить его, чтобы не мучиться. Его изуродованные огнем руки прижаты к обожженному телу. Водитель обожжен весь — все тело один сплошной ожог. Нижнюю

часть тела кое-как защитили форменные брюки, здесь ожоги не такие серьезные. Я бормочу слова утешения, — сплошная ложь. Мои товарищи испытующе смотрят на меня. А молодой солдат, почти мальчик, молит меня положить конец его мучениям. По словам нашего лекаря, надежд никаких — некуда даже всадить обезболивающую инъекцию. Врач беспомощно разводит руками. Как говорится, медицина бессильна.

Дикий, леденящий сердце вопль гонит меня прочь отсюда. Не хочу, не могу провожать его на тот свет в муках. Нет у меня на это сил! Не могу заставить себя еще раз положить ему руку на лоб. Бросаю на водителя прощальный взгляд и чуть ли не бегом устремляюсь прочь.

До 17 августа мы удерживаем Заселье, препятствуя всем попыткам русских овладеть этой деревней. Кроме того, мы проводим глубокую разведку в южном направлении и до Снегиревки. В 19 часов мне докладывают, что железнодорожная станция полностью очищена от неприятеля. В самой же Снегиревке полным-полно русских. БМР унтерштурмфюрера Теде подбита из противотанкового орудия. Теде считается пропавшим без вести, остальные члены экипажа все же находят стрелков-мотоциклистов. Унтерштурмфюрер Теде всего за несколько часов до этого узнал о рождении сына, своего первенца.

16-й танковой дивизии удается овладеть портом Николаева и оттеснить силы русских к Херсону. В порту Николаева пехотинцы, к своему величайшему изумлению, обнаруживают еще не сошедший со стапеля линкор водоизмещением 36 000 тонн.

18 августа наш батальон получает задачу провести разведку в направлении Херсона. Херсон расположен примерно в 60 километрах от Заселья ниже по Днепру и, начиная с 1918 года, развивался как важный промышленный центр. Однако на наших картах он обозначен всего лишь как второстепенный провинциальный городишко.

Задолго до рассвета мы начинаем марш в южном направлении. Несколько часов спустя над Днепром появляется ярко-красный диск солнца. Впереди, поднимая пыль, следует группа стрелков-мотоциклистов, поддерживаемая двумя БМР. За ними следует оставшаяся часть 1-го взвода и мой командирский танк. Командир головного отряда — гауптшарфюрер Эрих, на него я всегда могу рассчитывать.

Вскоре обнаруживаем, что навстречу следует колонна русских. Противник ищет способ переправиться через Днепр. Русские обезоружены и маршем отправлены в Заселье. Захвачены грузовики, они тут же включены в нашу маршевую колонну. Пленные рады, что для них война окончена, и с готовностью

исполняют все наши распоряжения. По обеим сторонам дороги тянутся ухоженные поля помидоров, огурцов, виноградники. Батальон с охотой снимает пробу — но, надо сказать, до спелости помидорам еще далеко. Пологие берега Днепра покрывают виноградники. После непродолжительной остановки мы трогаемся в путь дальше на юг. Мои подчиненные хитровато улыбаются, подавая мне текст очередной радиограммы. Люди опытные, они прекрасно понимают, что мы никакой разведкой не занимаемся, скорее дикой охотой.

Подобные операции носят в сводках вермахта название «дерзкая операция». И все же подобные «дерзкие операции» в один присест не совершаются. И не зависят от вдохновения или оригинального замысла командира. Ни в коем случае! Дерзкая операция всегда результат тщательного анализа, кропотливого планирования, так, во всяком случае, происходит у ответственного командира, который постоянно следит за обстановкой. Предпосылкой к успеху данной операции являются военная выучка, боевой опыт и в первую очередь личные качества того, кто ведет за собой бойцов. Он должен пользоваться безграничным доверием подчиненных, быть в буквальном смысле слова «солдатом № 1» вверенного ему подразделения. На проведение таких операций приказов свыше не отдают! Для этого у вышестоящего командования нет ни соответствующих служебных полномочий, ни морального права. Успех завершения «дерзкой операции» целиком и полностью зависит от личности ее главного исполнителя — командира. Нередко такая и успешно проведенная операция представляется кое-кому результатом благоприятного стечения обстоятельств в пользу эдакого счастливчика-командира, короче говоря, заурядным везением. Но в действительности все выглядит по-другому. Такой командир вынужден в прямом смысле жить жизнью своего противника, мыслить, как он, предугадывать его возможные ходы, ощущать как его горести, так и радости. Такой командир обязан ощущать и воспринимать эмоциональную и физическую нагрузку своего противника как свою собственную, знать его сильные и слабые стороны. И отнюдь не всегда полагаться на данные, присланные вышестоящим штабом. Они — лишь рамки его будущих действий, но уж никак не истина в последней инстанции. Основа принятия решения разрабатывается самим командиром. Из множества, казалось, мелких, незначительных деталей складывает он портрет своего противника. Он прочитывает путь следования на марше, как книгу. Обостряются все позабытые, похороненные инстинкты. Он видит противника, чует, обоняет его. Одни лишь лица военнопленных скажут ему куда больше многочасовых допросов

через переводчика. Он не главный начальник, он главный боец! Его воля — воля всего подразделения. Он черпает силы от своих бойцов, из их веры в него и готовности пойти с ним в огонь и в воду.

На горизонте вырисовывается силуэт Херсона. Над Днепром возвышаются башни элеваторов. В западной части города высятся заводские трубы, целый лес. Перед нами соблазнительная тень и прохлада под листвой деревьев — солнце скоро испепелит нас. В городе нас ждут вода и тень.

В нескольких километрах от Херсона я, забравшись на свою БМРку, долго присматриваюсь к раскинувшемуся перед нами городу. На реке оживленная навигация в северо-западном направлении. Снуют канонерки. Большие паромы переправляют груз на берег, после чего, разгрузившись, степенно следуют обратно в Херсон. До города рукой подать. Он влечет, предлагает себя, словно издевательски вопрошая: «А ты чего ждешь?» Командиры рот выжидательно смотрят на меня. По лицу артиллериста вижу, что он уже прикидывает, где удобнее всего расположить огневые позиции для наиболее эффективной поддержки нашей операции. Мои товарищи вновь уселись на грядки помидоров и объедаются овощами. Завидую их беспечности.

Зажигаю уже вторую сигарету и бездумно выпускаю дым. Я совершенно уверен в себе и моем подразделении, поэтому не пугаюсь, что этот огромный город сможет проглотить нас. Мое решение непреклонно. Город падет под нашим внезапным ударом. Русские ждут атаки со стороны Николаева. Именно там они и создали линию обороны, именно там и стоит полк «Лейбштандарт», что лишь подтверждает факт, что задача по проведению разведки выполнена и что мы вполне можем попытаться войти в Херсон, так сказать, с «черного хода». Вплотную к Днепру мы по проселочной дороге несемся в город. В одном из пригородов буквально сокрушаем роту русских, занятых сооружением заграждения. Русские от страха даже путают лопаты с винтовками. Перед нами вполне современные многоэтажные жилые дома. Вдруг, покрывая землю множеством черных фонтанчиков, прямо перед нами ложится пулеметная очередь. Битва за Херсон начинается.

Гауптшарфюрер Эрих постукивает пальцами по краю каски, потом выкрикивает нашу традиционную команду «Пошли!» и на полном газу несется через площадь, исчезнув на широкой улице, ведущей в центр Херсона. Взвод следует за своим командиром. БМР, наведя 2-см пушки на фронтоны зданий, продвигаются вперед. Глухие разрывы гранат говорят о том, что где-то рядом

разгорелся бой. Я следую за головным отрядом и внезапно вновь оказываюсь у Днепра. Улица извивается змейкой по территории древней крепости. Русские артиллеристы обстреливают нашу колонну с восточного берега. Советские матросы сражаются ловко, точно дикие кошки. Артогонь вынуждает нас спешиться и вступить в схватку. Выстроившиеся в ряд дома защищают нас от огня орудия с восточного берега. Продвигаясь по обеим сторонам улицы вплотную к домам, мы бьемся за каждый дом. Эрих дерется, как лев. Рыча, он перепрыгивает от одной двери к другой, задавая таким образом темп наступления. Очереди вражеского пулемета продалбливают в асфальте крохотные лунки. Атака захлебывается — головной отряд не в состоянии преодолеть барьер плотного заградительного огня русских. Но для Эриха, кажется, ни барьеров, ни препятствий не существует. Он помнит — нам необходимо как можно скорее выйти на территорию порта, чтобы воспрепятствовать попыткам русских организовать оборону. Скрючившись, он улегся за какой-то лестницей, сильными руками зажав автомат. И тут, лихо сдвинув каску на затылок, командует:

— Первая группа через улицу — все вместе! Вперед!

Вижу, как бойцы вскакивают, как перебегают улицу и потом падают ничком на асфальт. Сплоченностью действий они сумели перехитрить русского пулеметчика, и вскоре он умолкает.

Добираемся до небольшой площади. Матросы залегли в декоративном кустарнике и пытаются сдержать наш натиск. Вдруг вижу, как Эрих в прыжке падает на асфальт. Автомат с лязгом падает на камни. Эрих скрючивается, пальцы намертво впиваются в землю. Пехотинцы оттаскивают своего командира к стене одного из домов и громкими криками подзывают санитаров. Ранение в голову, пуля снесла ему полчерепа. Хочу сказать ему хоть пару слов, пожать ему руку. Но он уже ничего не воспринимает. Это был последний бой Эриха. Несколько дней спустя он умирает, едва успев продиктовать письмо жене. В лице Эриха рота лишилась лучшего младшего командира, а я — верного боевого товарища.

Бой с каждой минутой становится все ожесточеннее. Русская артиллерия обстреливает улицу. Вовсю пылает подожженный бензосклад. В воздухе клубится плотный черный дым. Вот ворота, это укрытие. Всем весом налегаю на ворота, но они не поддаются — закрыты на задвижку. Пули буквально из-под ног вырывают куски асфальта и, визжа, рикошетят. Сейчас я и гроша ломаного не дам за свою жизнь. Подгоняемый огнем матросов, я перебегаю улицу. Укрываюсь за каким-то киоском. Пули разносят в щепы жалкую фанерную стенку, а потом хорошая очередь из пулемета

разрезает киоск на части. Не хуже циркулярки! Прижавшись к земле, дожидаюсь исхода боя между русскими и бойцами 1-го взвода — я как раз угодил туда, где образовалось нечто вроде ничейной земли. Несколько минут спустя обстановка меняется в нашу пользу, и мы продвигаемся дальше к порту.

Советы отходят на территорию порта. У причала два крупных судна, на борт которых взбегают по трапу люди. Мы все ближе и ближе подбираемся к гавани. Вой мин ломает темп наступления — русские всеми силами стараются не допустить нас в порт. Но нас уже не удержать. Дом за домом, улица за улицей оказываются в наших руках, наши кованые сапоги бухают по мостовой этого важного для нас и для Советов города на берегу Днепра.

Из пулемета мы ведем обстрел стоящих у причала кораблей. Пулеметы не крупнокалиберные, но и они могут быть страшным оружием. Невзирая на поднимающихся по трапу людей, посудина отчаливает и — полный вперед! К противоположному восточному берегу! Люди, как голуби на крыше, висят, уцепившись за все, что можно. 5-см орудие ведет дуэль с моторным катером. Катер подожжен и старается уйти, повернув на юг. Суда самых различных типов и водоизмещения пытаются дойти до спасительного противоположного берега. Русская артиллерия огнем прикрывает порт. В воздух взлетают цистерны и бочки с бензином и маслом. Объятые пламенем люди падают в воду, исчезая в белой пене.

Из этого ада умудряются выбраться русские, они идут прямо на нас, невзирая ни на что. Остальные уцелевшие ищут убежища в днепровской воде. Сквозь дым пылающих емкостей с горючим мчится тягач с 8,8-см противотанковым орудием. Расчет ищет наиболее выгодную позицию. Едва установив орудие, расчет посылает снаряд прямо в борт крупного парома. Русская артиллерия градом снарядов пытается уничтожить внезапно появившуюся огневую точку — тем более что она как на ладони. А вокруг взрывается все: брошенные впопыхах боеприпасы, канистры с бензином, бензобаки грузовиков. По причалу мечутся перепуганные лошади, сорвавшись вниз, они неуклюже барахтаются в коричневатой воде.

К берегу приближается никем не управляемая лодка, еще секунда, и она садится на мель. Русские солдаты вплавь пытаются достичь спасительного берега, но это удается лишь немногим. Основную массу течение реки уносит к морю.

Слышу крики оберштурмфюрера д-ра Наумана — он руководит расчетом, устанавливающим орудие. Не помня себя, Науман что-то вопит, стараясь перекричать шум боя, а потом вдруг кидается к орудию. И я замечаю опасность! А расчет хоть

бы хны! Слишком занят подготовкой к стрельбе. Орудие тем временем тихо сползает к краю причала и сваливается в Днепр. Бойцам чудом удается спастись. Но орудие потеряно безвозвратно.

Стрельба в порту мало-помалу утихает, лишь отдельные мины, завывая, проносятся у нас над головой и разрываются уже где-то далеко в городе. Около 16 часов устанавливаем связь с наступающим на Херсон с северо-запада полком «Лейбштандарт». Битва за Херсон завершена. Пожар в порту потушен, там постепенно наводят порядок, убирая следы разыгравшегося сражения. Гражданское население покидает свои временные убежища и даже пытается общаться с немецкими солдатами. В основном это дети. 22 августа наше подразделение сменяет полк под командованием Хитцфельда. 73-я пехотная дивизия вышла к Днепру и готовится к форсированию водной преграды севернее Херсона.

От Днепра к Дону

Ход и специфика боевых действий последней кампании предъявили войскам невероятно высокие требования и обернулись серьезными потерями. Именно потери обусловили настоятельную потребность в отдыхе и пополнении войск личным составом. Солдаты и офицеры отдали все ради выполнения поставленной цели. Войска уподобились голодающему, пожирающему свои внутренние запасы, и нуждались в срочной подпитке извне. Больнее всего ударяет по боеготовности острый недостаток в людях и матчасти. Полк «Лейбштандарт» снят с фронта и в течение недели будет на отдыхе. Мы рады неожиданным каникулам, дарованным нам погожим летним дням, свободным от службы. Исполняются все наши скромные пожелания. Спим допоздна, словом, в полной мере наслаждаемся покоем.

Но, как часто бывает, это было слишком хорошо, чтобы затянуться надолго. Вскоре нас известили, что, дескать, ни о каком пополнении и речи быть не может. Разумеется, наши ремонтные мастерские сделали все возможное для приведения боевой техники и транспортных средств в порядок. Но все это капля в море. Ощущается острая нехватка запчастей. Войска используют трофейную автотехнику. Пополнение личного состава из резерва задерживается. Проходит день за днем, но долгожданного пополнения с родины по-прежнему нет. В результате серьезные вопросы обсуждаются в узком кругу товарищей по службе. До сих пор перед нами стояла ясная цель — выход к Днепру. И мы с полной самоотдачей сражались ради ее достижения.

Сегодня мы не относимся к числу боеготовых частей. Подразделения располагают лишь малой частью прежней численности, нетрудно подсчитать, когда наш славный батальон прекратит существование в качестве боевой единицы.

Что будет с нами, если мы на излете сил все же форсируем Днепр и продолжим путь на восток? И где следующая цель? Сможем ли мы достичь ее до наступления зимы? Задавая эти вопросы, мы имеем в виду Дон, Волгу, Кавказ. Нас подавляют огромные пространства России. Однако мы уже привыкаем думать по-русски: ничего!

8 сентября я вместе с головным отрядом снова оказываюсь у Днепра, а 9 сентября в 16 часов 30 минут водная преграда преодолена. Плацдарм создан 73-й пехотной дивизией под командованием генерала Билера. По понтонному мосту мы

медленно переправляемся через эту широкую, желтоватую от глины реку. Штурмовые орудия и танки переправляют по отдельности на паромах.

Офицер сует мне приказ 54-го армейского корпуса, пояснив, что на другом берегу я перехожу в подчинение 73-й пехотной дивизии. Командующий упомянутой дивизией ждет меня юго-восточнее Берислава.

Вместе с вестовыми мы не спеша едем на КП дивизии. У дороги свежие-могилы немецких и русских солдат. Война и здесь впечатала в землю свой след. Учитывая, что ночью нам придется жарко, отправляю личный состав искупаться в Днепре.

Командный пункт дивизии я обнаруживаю во фруктовом саду, там я получаю приказ усилить плацдарм в южном направлении, наступать через Британы на Новую Маячку, а на ночь занять круговую оборону. Сосед слева — полк полковника Хитцфельда.

Еще выслушивая генерала, делаю вестовым знак ехать в батальон и передать приказ быть готовыми к маршу. Другому вестовому приказано сообщить о том, чтобы войска подтягивались. Несколько минут спустя вижу, что командиры рот собрались и ждут меня, коротая время в разговоре с майором Штиффатером. После инструктажа генерал Билер за предложенной мне чашкой кофе спрашивает:

— Когда вы сможете выступить?

— Господин генерал, батальон готов выступить в любую минуту.

Генерал поражен, заметив приближающийся батальон. Мне никогда не забыть его выпученные от изумления глаза.

Песчаная дорога сильно замедляет скорость. Скоро остается позади последний пост боевого охранения 73-й пехотной дивизии, и мы направляемся в ночь. Бремер едет в составе головного отряда. Мы пробираемся сквозь тьму осторожно, на ощупь, приглушив двигатели. Около 21 часа мы оказываемся в четырех километрах к северу от Новой Маячки, именно здесь и вступаем в первое боевое соприкосновение с противником. Это пост боевого охранения русских, солдаты застигнуты врасплох. Надо сказать, у советских солдат явно измученный вид, им уже все равно, что происходит, и они спокойно и обстоятельно отвечают на все поставленные вопросы. Если верить им, в Новой Маячке сосредоточены значительные силы врага.

Я чувствую себя не очень уверенно — сказался восьмидневный отдых. Не чувствую противника, и все. Мы оказались в совершенно незнакомой обстановке, поэтому и действуем без былого куража. Жду наступления следующего дня.

С рассветом вернется уверенность. Располагаемся плотным кружком для создания обороны. Я сижу в передвижной радиостанции и обсуждаю с русским офицером предполагаемые шаги его бывших командиров. Все чаще и чаще звучат названия «Перекоп» и «Татарский ров». Пленный убежден, что там у Советов сильная оборона.

Ночь проходит спокойно, без единого выстрела. Странная это тишина. Парочка выстрелов не помешала бы — по крайней мере, была бы возможность выяснить, где фронт, а где тыл. Потому что сейчас мы убеждены, что со всех сторон окружены русскими. На иссушенных солнцем стеблях травы поблескивают капли росы. Занимается новый день. Я до боли в глазах всматриваюсь в серую мглу, пытаясь разглядеть Новую Маячку. Постепенно передо мной проступают очертания этого населенного пункта. Бойцы застыли на технике в ожидании сигнала к атаке.

Около 4 часов утра полк Хитцфельда с севера атакует Новую Маячку. Тишины как не бывало, трещат выстрелы, ухают разрывы гранат, стрекочут пулеметные очереди. Шум боя разом взбадривает. Еще не успевшие оправиться от сна, идут бойцы 73-й пехотной дивизии. Их не смущают близкие разрывы снарядов, они, невзирая ни на что, продвигаются к городку. В рассеивающемся тумане мы различаем систему вражеской обороны, расположенную западнее Новой Маячки и выполненную с учетом рельефа местности, как всегда, продуманно и со знанием дела, что характерно для русских. Советы — мастера по возведению полевых укреплений.

В результате наступления 73-й пехотной дивизии мы сумели овладеть территорией, настало время атаковать и неприятельские позиции западнее населенного пункта. Когда русские станут отходить, они неизбежно угодят прямо в объятия Хитцфельда.

Мы готовимся к атаке, скрывшись за густой лесополосой. Советы пока что нас не обнаружили, а их артиллерия тщетно пытается отразить атаку 73-й пехотной. До вражеских позиций два километра, их еще предстоит преодолевать. А местность, кстати сказать, такова, что укрыться на ней негде.

Кроме облюбованной нами лесополосы, насколько хватает глаз, ни деревца, кругом поросшая выжженной, сухой травой степь, бурая Ногайская степь.

Вместе с командиром 1-й роты мы ведем наблюдение за передвижениями русских. Я прихожу к выводу, что стремительной атакой моего батальона силы русских будут окончательно уничтожены. Кроме того, наша атака в значительной степени облегчит выполнение задачи и 73-й дивизии в целом. Я думаю, какую форму атаки избрать, с тем

чтобы преодолеть предполье с минимумом потерь или вовсе без таковых и, что немаловажно, как можно быстрее.

Эти бескрайние просторы навевают на меня МЫСЛИ об атаках конницы былых времен. И тут в меня будто черт вселился! А почему бы, собственно, не попытать счастья, организовав атаку силами стрелков-мотоциклистов? Пока что я не решаюсь произнести это вслух — я сам считаю такой вариант чистейшим безумством. Но, пока рассудок и чутье сражаются между собой, я уже представляю, как мои стрелки-мотоциклисты несутся во весь опор по степи, атакуют русских, прорывают их оборону…

Мои товарищи молча смотрят на меня, пока я блуждаю взором по степи, прикидывая на глазок расстояние. Потом опускаю бинокль и ищу глазами Бремера. Как он посмотрит, если, учитывая местность и обстановку, атаковать русских силами стрелков-мотоциклистов? Не чревато ли это сюрпризами? Пока я излагаю ему свое видение предстоящей атаки, Бремер ничем не выдает ни несогласия, ни сомнения. Мои «борзые» воспринимают приказ деловито и хладнокровно.

Тяжелые пехотные орудия и артиллерия занимают позиции. Стрелки-мотоциклисты рассредоточиваются под прикрытием лесополосы. Свободное пространство между стрелками-мотоциклистами занимают БМР — их задача: обеспечение огневого прикрытия. Дрожа от нетерпения, я иду к машине и застываю рядом с ней с поднятой вверх рукой. Все! Теперь уже ничего не изменить! Неуверенность мою как рукой сняло — никаких больше колебаний, никаких раздумий! Вперед! В атаку! Машина медленно выбирается из-под прикрытия лесополосы. Теперь мы у русских как на ладони. Вот-вот посыплются их первые снаряды. Пригнувшись, я из машины слежу за обстановкой впереди. Мой добрый гений Эрих включает передачу, машина ускоряет ход, мы, поднимая пыль, несемся по степи как раз между двумя ротами стрелков-мотоциклистов. Бойцы, как обезьяны, застыли на сиденьях. Через сотню метров я уже ничего не вижу, одни только сгорбленные силуэты на мотоциклах. Атака выливается в гонку. Куда? Навстречу собственной погибели?

Над нами с воем проносятся снаряды русских и разрываются там, где мы были несколько секунд назад. Артогонь только подстегивает нас, заставляя действовать быстрее. Мы должны перехитрить русских наводчиков и обрушиться на вражеские позиции, будто дьяволы в людском обличье.

Опьяненные скоростью, оглушенные ревом двигателей, мы, прищурившись, вглядываемся вперед, туда, где затаился враг. Туда, куда наша артиллерия уже посылает смертоносный груз, туда, где земля уже пропитывается кровью русских солдат — там

наша цель. Нас неумолимо притягивает незримый магнит разрушения. Словно обезумев, несемся мы навстречу смерти. В нашей машине четверо солдат, но только один сохраняет рассудок — водитель. Он мертвой хваткой вцепился в руль, а остальные, словно джигиты, повисли по бокам, готовые в любую секунду открыть огонь или же, спрыгнув, исчезнуть в ближайшем окопе. Эрих невозмутим, кажется, нет на свете ничего, что вывело бы его из равновесия. Торжество восточно-прусского духа над гибелью и тлением. Осознает ли он, что вот уже несколько минут ведет в атаку наш неустрашимый батальон? Что именно его машина задает темп атаки?

Впереди возникают первые русские. Мы видим искаженные ужасом лица. Солдаты в панике бросают оружие и бегут на запад. Мы несемся им вдогонку мимо окопов, мимо беспомощно лежащих раненых, проламывая систему обороны противника. Разрозненной толпой несутся русские на запад, где их поджидают наши саперы, чтобы собрать.

Но ведь где-то должны быть позиции русской артиллерии! Не останавливаться! Не прерывать гонку! Несколько вражеских грузовиков пытаются уйти — их тут же поджигают снаряды 2-см пушек нашей БМР. Мы, не останавливаясь, движемся мимо Новой Маячки к Старой.

Постепенно напряжение спадает. Теперь перед нами лишь голая степь — ни души вокруг. А позади — словно растревоженная муравьиная куча. И немцы, и русские помогают раненым.

Полковник Хитцфельд пожимает мне руку, потом кратко обрисовывает обстановку в 73-й пехотной дивизии, и наступление на восток продолжается.

В результате атаки пленено 554 русских солдата и офицера. Наши потери: двое убитых и двое раненых. Среди последних — один младший командир и два рядовых. Иными словами, атака удалась на славу, но с тех пор я больше никогда не отдавал приказа об атаке моторизованными средствами.

В сумерках мы успешно атакуем Каланчак. Подожжен вражеский бронетранспортер, 221 русский шагает в плен. Согласно данным разведки, на протяжении 10 километров восточнее Каланчака признаков неприятеля не обнаружено.

Около полуночи получаю из штаба 73-й пехотной дивизии приказ: силами батальона организовать смелую операцию и захватить Перекоп, ждать дальнейших распоряжений южнее Ишуна.

Ну, могу только сказать, что за все предыдущие кампании мне доводилось получать разные приказы, мало общего имевшие

и с основами тактики, и управления войсками, но этот превосходит все. Неужели наделенные соответствующими полномочиями господа думают, что какая-то дерзкая операция на перешейке способна распахнуть перед нами ворота в Крым? Командиры рот обалдело смотрят на меня, после того как я изложил им приказ и ввел в курс дела относительно обстановки.

Крымский полуостров отделен от материка так называемым «Гнилым морем» — заливом Сиваш. Этот залив практически непроходим даже для десантных лодок вследствие малой глубины. В Крым можно попасть тремя способами — на западе через Перекоп, в центре по железной дороге у Заликова, а на востоке через узенькую полоску земли под Геническом.

Перекопский перешеек составляет в ширину несколько километров, и по всей ширине его прорезает Татарский ров 15 метров глубиной. Местность здесь ровная, как стол, кое-где ее пересекают пересохшие русла рек. Эти русла с крутыми откосами, нередко довольно глубокие, называют здесь балками. Только их можно использовать в качестве естественного укрытия для войск. Строго на север от Татарского рва расположен древний и хорошо укрепленный город Перекоп. Проходящая через город Перекоп железнодорожная линия ведет на юг.

Вследствие весьма благоприятных условий для обороны, а также того, что за последние дни число взятых в плен русских подобралось к трем дивизиям, никто всерьез не верит, что перешеек сам упадет нам в руки.

12 сентября около 4 часов 30 минут утра мой батальон маршем отправляется к Перекопу. В 4 часа 55 минут установлена связь с командиром передовых частей 73-й пехотной дивизии майором Штиффатером. Майору предстоит соединиться с моим батальоном. Постепенно становится видимым горизонт. Взошедшее солнце одаривает степь разноцветьем красок и оттенков. Ни одной живой души, куда ни глянь. Только мои бойцы на ощупь пробираются вперед. Унтерштурмфюрер Монтаг возглавляет головной взвод. Унтершарфюрер Вестфаль — головное отделение. Я следую за головным взводом и с беспокойством вглядываюсь в линию горизонта, ища признаки передвижения противника. Никого. Только переливы красок на необозримой равнине. Южнее Ново-Александровки отправляю в разведку вдоль побережья взвод Бютнера.

Они должны следовать до Адамания. Там хорошие условия обзора местности севернее и южнее Татарского рва.

Внезапно замечаю на горизонте всадников. Они круто поворачивают и галопом направляются к Преображенскому. Их появление в корне меняет обстановку. Само село Преображенское

расположено на небольшой возвышенности, видны лишь несколько домов. Мы внимательнейшим образом изучаем горизонт. Едем на внушительной дистанции друг от друга, сознавая, что тишина эта обманчива, что в любую секунду ее может нарушить вой снарядов. Русские не могут не воспользоваться столь благоприятными для обороны условиями.

Это спокойствие только усиливает висящую в воздухе напряженность. Ни одного русского солдата, ни мчащейся повозки или грузовика — верных признаков панического отступления, ничего. Степь совершенно безлюдна, одно это говорит о четко организованной обороне противника.

И снова мои бойцы, по пояс высунувшись, зависли на своих мотоциклах. Даже водители и те сидят чуть ли не вполоборота. Я еду, стоя на подножке машины. Мой же танк следует в колонне.

На часах 6 часов 05 минут. Отделение Вестфаля медленно подъезжает к первым домам Преображенского.

Въезд перекрыт огромной отарой овец, устремляющейся в степь. Вдруг тишину прорезает взрыв. Овцы вместе с комьями сухой земли взлетают в воздух. Жуткие предсмертные вопли гибнущих животных. Отара начинает походить на ад. Овцы попали на минное поле. Взрывы следуют один за другим. Пригнувшись, вздрагивая время от времени, мы ждем, когда же Советы откроют по нам огонь. Бойцы спрыгивают на землю — надо как можно скорее добраться до села и там закрепиться. Еще не прозвучало ни одного выстрела. Но мины свое дело сделали — отара представляет собой кровавое месиво, чудом уцелели всего несколько овец, да и те едва тащатся.

И вот долгожданные звуки войны! Снаряды, шипя, пролетают у нас над головами и разрываются где-то в районе следования колонны Штиффатера. Сначала русские ведут одиночный огонь, потом переходят на залповый. Я короткими перебежками несусь вперед, надо во что бы то ни стало добраться до первой хаты, чтобы оттуда обозреть местность до Перекопа. Вокруг стрельба, свист пуль и осколков. Падаю в пыль, краем глаза замечаю, как нечто темное взбирается на высоту и начинает палить по нам. Буквально в паре сотен метров от нас эта изрыгающая огонь и свинец змея замирает. Путь головным подразделениям перегорожен ощерившимся орудиями и пулеметами бронепоездом. Даю знак отступить. Стрелки-мотоциклисты на месте разворачиваются и широким фронтом устремляются назад. БМР ведут обстрел бронепоезда и под прикрытием дымовой завесы тоже отходят.

Едва выстрелив по бронепоезду, 3,7-см противотанковое орудие в следующее мгновение само взлетает на воздух. Скрежет

стали изуродованного снарядом лафета заглушает предсмертные крики расчета. Нас накрывают огнем пять батарей тяжелых и одна — легких орудий. Позади мы видим сплошное облако пыли. У меня вырывается вздох облегчения. Не видно ни горящих наших танков, ни бронемашин разведки. Проползаю несколько метров вперед и вижу эшелонированную в глубину систему полевых укреплений врага — окопы, траншеи, ходы сообщения, ряды проволочного заграждения. Бронепоезд медленно уходит в направлении Перекопа. В каких-то 50 метрах, не больше, хорошо видны русские пехотинцы в окопах, они щедро поливают нас огнем, не давая отступить. Да, нелегкая ситуация — либо спасаться бегством, либо плен! Но тут над головами у нас проносятся снаряды, и теперь уже русские вжимаются в землю. Мы тоже стараемся использовать любую канавку, любой ровик, каждую складку на местности. Вокруг лежат наши раненые товарищи. Унтершарфюрер Вестфаль лишился руки. Роттенфюрер Штолль лежит в нескольких метрах от меня. Гельмут Бельке не получил ни царапины. Мотоцикл с коляской Штолля исправен. В унисон с пулеметами тарахтит мотор. Бельке что-то кричит Штоллю, указывая на машину, и подбирается к нему. Я же занимаюсь унтерштурмфюрером Рерлем. Но тут помощь уже излишня. Осколком снаряда ему вспороло спину — он хрипло дышит, и я вижу, как вздымается и опадает обнажившийся фрагмент легкого. Гул двигателя мотоцикла возвещает о спасении Штолля — Бельке отвозит раненого в безопасное место. Этот Бельке бесстрашно бросает вызов русским — ради спасения товарищей он идет на верную гибель. Он совершает две ходки за ранеными. На степной траве остается лежать последний наш товарищ. Как и мы, он находится вне простреливаемой зоны, укрывшись за бугорком. Рядовой Г. — призван из резерва, женат, у него двое сыновей. Светлые волосы перепачканы кровью.

— Бросьте вы меня, бросьте… — шепчет он. — Все равно мне крышка…

Я без всякой надежды пытаюсь утешить товарища. То и дело подъезжают мотоциклы забрать оставшихся бойцов. Я неотрывно слежу за Г. — его пальцы сжимают рукоятку пистолета. Он медленно поднимает оружие и нажимает на спуск. Тело, дернувшись, заваливается вперед и замирает. И тут же не успевшие опомниться от ужаса бойцы грузят бездыханное тело Г. на коляску подъехавшего мотоцикла. Несмотря на интенсивный обстрел, мы все добираемся до батальона. Я, не оправившись от пережитого потрясения, рассказываю нашему военврачу доктору Гаттерингу о том, что произошло с нами. Только потом узнаю, что, кроме страшной раны в спину, наш товарищ Г. лишился

половых органов. Рерль умирает на руках врача — и здесь медицина оказывается бессильной.

Вместе с батальоном Штиффатера мы занимаем позиции в четырех километрах западнее Преображенского и там дожидаемся прибытия наших пехотных дивизий.

Взвод Бюттнера в 6 часов 50 минут докладывает о том, что Адаманий очищен от неприятеля. Оттуда хорошо обозревается участок южнее Перекопа, включая и Татарский ров. Взвод под командованием фон Б. докладывает о наличии мощной оборонительной линии противника, о проволочных заграждениях, кроме того, об орудиях на неподвижных установках и танках. Полчаса спустя сам убеждаюсь в достоверности представленных мне разведданных. Так что прорыв через перешеек возможен лишь силами нескольких дивизий и мощной артиллерии.

По радио докладываю в штаб 73-й пехотной дивизии, что проведение «дерзких операций» на перешейке не представляется возможным. В подтверждение сказанному отправляю посыльного с детальным донесением о бое и описанием обстановки.

И когда мне ближе к полудню доставляют приказ вновь повторить «дерзкую операцию» на перешейке, я лишаюсь дара речи. Я отказываюсь посылать моих бойцов на верную смерть. Я раздраженно ссылаюсь на свое предыдущее донесение, еще раз обратив внимание на весьма сильно укрепленную линию обороны русских. Штаб дивизии предлагает мне лично явиться к командующему дивизией и доложить обо всем непосредственно ему.

Несколько часов спустя отыскиваю командующего в небольшом селе где-то севернее Каланчака. Принимая во внимание мой отказ выполнить распоряжение штаба, ожидаю грома и молний, и тем сильнее мое удивление, когда командующий генерал Билер тепло приветствует меня и принимает мои доводы.

Вернувшись из штаба дивизии, ввожу в курс полковника Хитцфельда относительно обстановки на участке нашего батальона, после чего веду батальон в Чаплинку, где мне приказано дожидаться дальнейших распоряжений. На пути следования нас неоднократно с бреющего полета обстреливают самолеты противника и его тяжелая артиллерия.

В Чаплинке получаю от Зеппа Дитриха приказ немедленно атаковать противника на среднем перешейке у Заликова, используя, по возможности, эффект внезапности.

Между тем уже 16 часов, и операцию предстоит проводить в темное время суток. Когда я возвращаюсь в расположение батальона, бойцы дожидаются меня, расположившись на технике.

Пять минут спустя мы уже едем по вечерней степи. В 17 часов 50 минут минуем колхозное село Владимировку и там попадаем под обстрел противника, ведущего огонь с полуострова «Носорог». Батарея 12,2-см пушек пытается помешать нашему маршу на восток. Я стремлюсь максимально использовать немногие остающиеся светлые часы и проехать как можно больше. Ночь мы проводим в Громовке без каких-либо стычек с противником.

15 сентября в 4 часа 30 минут 2-я рота готова выступить в качестве головного отряда. Горячий кофе дымится в кружках бойцов, пока я обсуждаю данные разведки — высказывания пленных с оберштурмфюрером Шпэтом. Воздушная и наземная разведка сообпцает о хорошо оборудованных оборонительных позициях, полукругом расположенных у железнодорожной станции Заликов. Прорвать такую линию невозможно. Мы не располагаем ни соответствующей численностью личного состава, ни необходимыми вооружениями. Ко всему иному и прочему с воздуха замечены вмонтированные в бетон орудия южнее Заликова, полностью контролирующие узкий проход.

Над степью висит непроглядный туман. Видимость — максимум 20 метров. Туман наталкивает меня на мысль воспользоваться им — под покровом мглы пробраться вплотную, к самым орудиям противника, расположенным южнее прохода, а потом внезапно обрушиться на линию обороны, полукольцом прикрывающую Заликов. Я убежден, что укрепления вблизи воды слабее и что никому и в голову не придет, что моторизованные части способны на подобное безумство, как атаковать укрепленную зону в 200–300 метрах от стационарных орудий.

Туман этот продержится от силы час и рассеется не позднее 7 часов. До этого времени укрепления должны быть взяты.

Я быстро излагаю план головной роте и пожимаю руку оберштурмфюреру Шпэту. Сам Шпэт отправляется вместе с головным взводом. Позади головной роты следуют 8,8-см орудия оберштурмфюрера д-ра Наумана. Между прочим, он уберегает свои орудия с самого Днепра. Задача Наумана: обстрелять бункеры южнее перехода.

В непроницаемой мгле медленно скрываются мотоциклы, БМР, тягачи и орудия. Петер едва слышно чертыхается, когда наша машина окунается в волглое, серое месиво тумана. Мой адъютант, низкорослый, но жилистый оберштурмфюрер Вайзер выскакивает с правой стороны, пытаясь отыскать берег Сивашского залива. Мы должны сейчас ехать по самому краю «Гнилого моря». И хотя мы метрах в 50 от берега, граница берега остается невидимой.

Примерно через 20 минут мы подъезжаем к наезженному

пересечению дорог. Следы от него разбегаются в разные стороны. Внезапно из тумана возникает фигура солдата. Сначала мне показалось, что Шпэт выслал кого-нибудь из своих бойцов указывать дорогу. Я осведомляюсь у пришельца:

— Ну, и куда теперь?

Услышав немецкую речь, этот парень едва не падает в обморок и мгновенно исчезает. Мы даже не успели заметить, куда он кинулся. Только потом выясняется, что мы проехали в каких-нибудь 150 метрах от поста русского боевого охранения.

Мы все ближе и ближе подбираемся к переходу. Вот показалась дамба. Туман разреживается. Близится решающая минута! Либо нам сейчас повезет, либо конец! Мы молча вглядываемся в туман. Откуда-то справа доносится плеск воды у отлогого берега. В паре сотен метров южнее, по ту сторону мелкого Сиваша, в тумане маячит высокий берег Крымского полуострова. А что же лежит севернее? Где враг? Мы метр за метром продвигаемся дальше на восток. В песке скрипят гусеницы тягачей. Гул двигателей едва слышен. Напряжение растет. Я показываю на юг и обращаю внимание артиллеристов 8,8-см орудий на бункеры, с которыми им предстоит расправиться. Но пока что все спокойно. Неужели мы снова едем навстречу верной гибели? Не повторится ли «дерзкая операция» в Преображенском?

Глухой не то гул, не то грохот нарушает утреннюю тишину. Неужели снова бронепоезд? В следующую секунду все становится ясно. По характерному звуку выстрела узнаем нашу родную 3,7-см противотанковую пушку. И почти одновременно раздаются выстрелы наших 2-см пушек, которым размеренно вторят тяжелые пулеметы. 2-я рота вышла к узкому переходу Заликова и сумела остановить транспортный состав, перевозивший вооружения и снаряжение. Паровоз обстреляли из 3,7-см орудий. Сами на то не надеясь, мы оказались в самом центре оборонительных позиций русских, получив тем самым возможность атаковать неприятеля с тыла. В 8 часов 55 минут железнодорожная станция в наших руках. Это позволило нам овладеть и командным пунктом русских, а также нарушить связь. Суматоха в стане неприятеля не поддается описанию. Они просто не желают поверить, что мы уже здесь. Вражеская артиллерия, расположенная в бетонных дотах южнее перехода, пытается открыть огонь только после нашего обстрела из 8,8-см орудий.

Туман тем временем рассеялся, и все на виду — и немцы, и русские. Бремен наступает на север и врывается в населенный пункт под названием Ново-Алексеевка.

Оберштурмфюрер д-р Науман мчится со своей 8,8-см пушкой

на огневую позицию, необходимо попытаться нейтрализовать вражеские орудия. Умелая работа орудийного расчета позволяет достичь цели — советские орудия умолкают. Но и сам д-р Науман получает тяжелое ранение. На БМР его срочно отправляют в безопасное место. Полукольцо обороны врага севернее перехода окончательно прорвано, однако преодолеть сам переход пока что не представляется возможным. Хорошо оборудованные в инженерном отношении позиции русских с широкой полосой проволочных заграждений и минными полями требуют применения сильной артиллерии и пехоты.

Батальону удается взять в плен многие сотни пленных — бывших служащих 871-го и 876-го стрелковых полков. Узкий переход обороняет 276-я стрелковая дивизия русских.

Захвачена и материальная часть: 86 новеньких грузовиков «Форд», 26 гусеничных тягачей, 2 противотанковых орудия (4,7-см) и многочисленные вагоны с боеприпасами, включая 12,2 см снаряды. Состав прибыл из Мелитополя, пункт назначения — Севастополь.

Мы несказанно рады таким трофеям. Мигом пересаживаемся на фордовские грузовики — своих транспортных средств едва хватает, в первую очередь мотоциклов.

Несколько часов спустя узнаю, что потери наши невелики — осколок снаряда унес жизнь одного нашего товарища. Успех операции состоит именно в нестандартном подходе к ее осуществлению.

В течение ночи нас сменяет 2-й батальон полка «Лейбштандарт». Спешно заливается горючее в баки, мы готовимся к маршу. Новый приказ таков: овладеть Геническом и перекрыть третий проход на полуостров Крым.

В 5 часов утра мы снова на машинах едем навстречу солнцу. Вскоре впервые видим перед собой Азовское море. Его матовая поверхность спокойна, неподвижна, как зеркало. На восток двигаются одно крупное и пять мелких судов. Скоро они скрываются за горизонтом.

Примерно к половине седьмого мы у Геническа. Пригороды пустынны, ни одного человека. Что это? Часть тактики русских — изобразить спокойствие и безмятежность или же этот портовый город на самом деле не защищен? Взвод стрелков-мотоциклистов осторожно приближается к домам и вопреки ожиданию не обнаруживает признаков готовящегося сопротивления. После этого мы уже на предельной скорости несемся в восточную часть города, туда, где располагается порт. Однако здесь все выглядит несколько по-другому. Колонна грузовиков пытается уйти в сторону Мелитополя. Пехотинцы неприятеля, едва выбежав из

домов, оказываются в плену и вскоре маршируют в тыл. В районе порта гремит взрыв — явный признак того, что взорван мост, соединяющий материк с перешейком Геническа. Оперативное вмешательство 2-й роты позволяет соорудить временный переход через узкую полосу воды. Оберштурмфюрер Шпэт, командир 2-й роты, погибает во время штурма от выстрела в голову — как раз во время перехода через канал. Следует отметить, что потери офицерского состава приобретают угрожающий характер. Почти все командиры рот и взводов либо ранены, либо погибли. 2-я рота получает нового и третьего по счету командира — оберштурмфюрера Беттхера.

С отвесного берега под Геническом открывается прекрасный вид на юг на Арабатскую стрелку, что позволяет детально отслеживать все передвижения противника. Поэтому я удивлен, если не сказать больше, когда вижу, как Советы, словно намеренно выставив себя напоказ, начинают наступать с юга на север. Рота за ротой медленно, но неуклонно приближаются к нашему обрывистому берегу, обрекая себя на верную смерть или плен. Для меня загадка, что побудило советское командование проводить это наступление. Подпускаем неприятеля на 200 метров, потом наши пулеметы начинают собирать кровавую жатву. Успех в обороне ужасающ: за несколько минут берег усеян буроватыми точками, оставшиеся в живых солдаты с поднятыми руками приближаются к нашим позициям. Минометные позиции русских уничтожены прекрасно стреляющими 8,8-см зенитными орудиями. К 9 часам атака отбита. 1-я рота, миновав временный переход, проводит разведку в южном направлении. У меня есть план создать плацдарм и, насколько возможно, дальше продвинуться к узкому перешейку. Увы, но эта попытка уже через 3 километра обречена на провал — забетонированные орудия и долговременные огневые точки представляют непреодолимое препятствие. Огонь тяжелых береговых батарей и бомбардировки с воздуха ночью ведут к потерям.

17 сентября около 21 часа наш батальон сменяет 3-й батальон полка «Лейбштандарт». Нашему подразделению поставлена задача провести разведку в северном направлении и соединиться с передовыми частями под командованием фон Боддина (30-й армейский корпус). За ночь батальону придано в порядке замены 6 офицеров и 95 человек рядового состава.

Это первое пополнение за все время боевых действий в России, и оно как нельзя кстати, принимая во внимание обстановку. Молодое пополнение быстро превращается в «старых волков».

Пересидев последнюю «дежурную» ночную бомбежку, мы

покидаем Геническ и направляемся к Мелитополю. Приходится пробираться по песчаным дорогам через мелколесье на север. Вскоре мы соединяемся с батальоном Боддина, дислоцированным южнее Акимовки. В самой Акимовке сосредоточены крупные силы русских.

Выясняется, что у нас с Боддином масса общих знакомых из нашего Мекленбурга, где мы оба провели незабываемые годы. Типичный кавалерист Боддин в начале 30-х сменил форму и работал вместе с генералом фон Зектом в Китае, откуда был отозван лишь недавно. Это был храбрый, даже, пожалуй, неистово храбрый офицер, прирожденный командир передового отряда: решение принимал быстро, очертя голову бросался в бой.

В январе 1942 года Боддин погиб в боях под Евпаторией в Крыму. Он был коварно убит партизанами.

До 21 сентября оба передовых батальона сражались южнее Мелитополя, дожидаясь прибытия 72-й пехотной дивизии. Следующее стремительное наступление на Мелитополь, в том числе и севернее города, сорвалось по причине слабости сил пехоты. Мы опередили 30-й армейский корпус на целых 200 километров.

21 сентября получаю приказ выйти из боевого соприкосновения с неприятелем и отвести батальон на Каланчак. За 12 часов батальон преодолевает около 200 километров и 22 сентября готов принять участие в боевых операциях на Крымском полуострове.

Во время перехода через Ногайскую степь я впервые ощутил ужасающее безлюдье местности, ее незаселенность, необитаемость. Мы в течение нескольких часов ехали назад в западном направлении, и за это время нам не попался ни один немецкий солдат. Вероятно, мобильные передовые части уже успели миновать этот район и продвинуться далеко на восток, во всяком случае, создавалось впечатление, что немцы этот район вообще не контролируют. И эта пустота, бескрайнее пространство степи повергло нас в депрессию. Что же за силы потребуются нам для дальнейшего продвижения на восток? Какие части бросят в Крым для противодействия русским здесь?

Поневоле начинаешь задумываться о кампании в России в целом, пытаешься определить цель нашей восточной кампании. Никто уже не верит, что имеющихся в распоряжении войск хватит для удержания фронта в зимние месяцы. Все подразделения понесли значительные потери как в живой силе, так и в технике и срочно нуждаются в отдыхе и пополнении.

Нас подчиняют 54-му армейскому корпусу. После того как бесстрашной 73-й пехотной дивизии 26 сентября удалось

штурмом взять Перекоп, преодолеть Татарский ров, нам предстоит в ходе решительного наступления миновать перешеек и нанести глубокий удар в тыл отступающего противника. Ближе к вечеру батальон стоит в 4 километрах северо-западнее Перекопской бухты и готов выполнить любой приказ.

Обе стороны бьются не щадя себя, и лишь 27 сентября примерно в 16 часов 15 минут один из батальонов 72-го пехотного полка входит в Армянск. Бои 28 сентября также не создают условий для боевого применения моторизованных сил.

Советы продолжают наступать крупными силами и при мощной поддержке танков. В 4 часа 30 минут уже переподчиненный 46-й пехотной дивизии батальон с северо-запада приближается на 3 км к Перекопу. В 9 часов 05 минут принято решение отказаться занять исходное положение для наступления севернее Татарского рва. И на участке 46-й дивизии для батальона нет возможностей боевого применения, в этой связи в 11 часов он вновь возвращается в состав полка «Лейбштандарт».

Линию обороны русских на перешейке южнее Перекопа удается прорвать лишь после десятидневных ожесточенных боев. Только 28 сентября перешеек очищен от противника и путь на Крым открыт. 29 сентября развертывается операция по преследованию разгромленных сил Советов, завершившаяся героическим штурмом крепости Севастополь 1 июля 1942 года.

Пока 54-й армейский корпус ожесточенно сражается за каждый метр земли южнее Перекопа, пока армейское командование собирается перебросить полк «Лейбштандарт» для участия в преследовании отступающего врага, на восточном участке фронта между Азовским морем, Мелитополем и Днепром происходит нечто, требующее коренной перегруппировки всех имеющихся сил.

Русские сумели на упомянутом участке создать фронт и после подтягивания сил в количестве двух новых армий, 18-й и 19-й, общей численностью около 12 дивизий перейти в наступление против 30-го армейского корпуса и 3-й румынской армии. Наступление против 30-го армейского корпуса разбилось о героическое сопротивление наших пехотинцев, но на участке 3-й румынской армии, то есть чуть севернее, была разгромлена 4-я румынская горнопехотная бригада, в результате чего в линии обороны немецкой армии возникла брешь.

В связи с изменившейся оперативной обстановкой нас 29 сентября перебрасывают на север, поставив задачу во взаимодействии с передовыми частями 4-й немецкой горнопехотной дивизии атаковать и уничтожить прорвавшегося в

районе Балки противника. В ходе взаимодействия с частями немецкого горнопехотного корпуса брешь на румынском участке полностью ликвидирована, а армиям Советов нанесен значительный урон.

Вне сомнения, столь неожиданное появление двух новых армий Советов под Мелитополем доставило немало неприятных минут верховному командованию вермахта, однако русские своими действиями, сами того не желая, сыграли на руку группе армий «Юг». Дело в том, что предпринятая Советами наступательная операция обернулась для них серьезными потерями, что, в свою очередь, не позволило им воспрепятствовать прорыву танковой группы фон Клейста из плацдармов в районе Днепра. 1 октября танковая группа переходит в наступление на юго-восточном направлении, создав для обеих советских армий угрозу отсечения от основных группировок и разгрома силами упомянутого корпуса и взаимодействующих с ним 30-го армейского корпуса и 3-й румынской армии. У Азовского моря разыгрывается битва по разгрому и преследованию отступающего противника.

Со 2 по 4 октября 1941 года передовые части Боддина, противотанковый батальон 72-й дивизии и наш батальон вместе сражались против крупных сил врага в районе Елизаветовки. В ходе этих боев Советы понесли тяжелые потери из-за своей порочной тактики, несмотря ни на наше превосходство в живой силе и вооружениях, ни на более высокую боевую выучку бросать в бой одно за другим подразделения. Степная местность вообще дает весьма широкие возможности для передовых подразделений, поэтому они могут успешно противостоять даже значительно превосходящим по численности пехотным силам противника.

5 октября наши пехотные дивизии атаковали хорошо оборудованные в инженерном отношении линии обороны русских на участке между Мелитополем и Днепром. По всей ширине полосы наступления протянулся глубокий противотанковый ров, яростно обороняемый Советами. Подобраться к нему мешают минные поля и линии проволочных заграждений.

Нашему батальону поставлена задача овладеть переправой через реку Молочная и удержать мост до подхода сил пехоты.

И снова мы стоим в тылу у наступающих пехотных подразделений, дожидаясь сигнала к действию. Нашим бесстрашным пехотинцам приходится пробираться через хитроумные минные поля. Корпуса мин изготовлены из дерева, поэтому наши миноискатели здесь бессильны. К полудню пехота сумела преодолеть противотанковый ров и тем самым преодолеть основной рубеж сопротивления врага. Для моего батальона

оперативно создан проход.

Бойцы 1-й роты под командованием Бремера нетерпеливо переступают с ноги на ногу, стоя позади моей машины. Советы отводят войска. Приглядевшись, можно различить вдали, как артиллеристы побатарейно занимают позиции. Пора и нам действовать. Нам предстоит нанести удар по отступающему врагу, рассеять его и обеспечить неприступность моста через реку Молочную до подхода наших сил пехоты.

Охота начинается! Передовой взвод устремляется вперед, точно спущенный с поводка охотничий пес. Мы с Бремером, глотая пыль, несемся вслед. Отдельные разрывы мин противника не останавливают нас. Батальон врезается в отступающих русских и в 12 часов 30 минут минует Федоровку, где атакует только что занявшие позиции батареи врага и берёт в плен несколько сотен русских солдат и офицеров.

Куда ни глянь — повсюду отступающие русские. Весь фронт обороны всколыхнулся и ударился в бегство. Но тут по нам открывают огонь из кукурузного поля. Головной танк подбит прямым попаданием. Расчет противотанкового орудия русских подавлен стрелками-мотоциклистами. Тягач, на прицепе которого наше головное противотанковое орудие, наезжает на мину. Темп охоты убыстряется! Но мы с опаской глядим вперед, понимая, что у Советов за пазухой не одна безотказно срабатывающая мина.

Перед нами городок или большое село под названием Терпение, которое перерезает текущая с севера на юг речка. Местность представляет собой отлогий спуск в восточном направлении. Тысячи русских наперегонки с нами несутся кто на повозках, неистово погоняя лошадей, кто на своих двоих, стремясь раньше нас оказаться у речной переправы. Вот они добегают до первых домов села, и тут дорога резко идет вниз, вынуждая нас нестись очертя голову. Русские в панике начинают разбегаться по домам или, стремясь укрыться, ложатся за плетнями и в придорожных канавах. На повороте валяются брошенные орудия, грузовики, мечутся перепуганные лошади. Шум, конское ржанье, всеобщий ужас, неразбериха… Вдобавок по нам открывают огонь из пулемета. Я различаю мост. Возле него на берегу скопилась огромная толпа отступающих русских, пытающихся любым способом оказаться на спасительном противоположном берегу. В хаос вмешиваются 2-см пушки разведывательного бронеавтомобиля, окрашивая красным прибрежную воду. Словно нож в масло, мы врезаемся в беспорядочную толпу русских. Стреляя направо и налево, к мосту приближается головной отряд. Паника и неразбериха достигают кульминационной точки. По мосту устремляется людская масса. В

воде у моста пытаются спастись утопающие люди и лошади. До моста всего 50 метров. И вот наступает ужасный финал апокалиптической сцены. Как раз в тот момент, когда головной отряд достигает въезда на мост, а 2-см орудия в упор расстреливают толпу, словно гигантским серпом срезая под корень людскую массу, воздух сотрясает грохот, и я, словно в замедленной съемке, вижу, как вверх, размахивая руками, взлетают люди, деревянные балки, щепки, клубы дыма и секунду или две спустя тяжело плюхаются в перемешанную с речным илом воду. Враг подорвал мост, обрекая на гибель своих же.

Ощущая во рту отвратительный привкус серы, стою у места подрыва и в отчаянии ищу место, где бы перебраться через реку, чтобы помешать отступившим русским закрепиться. Хотя мы держим под огнем территорию на другом берегу, но примерно в трех километрах обнаруживаем небольшую высоту, где окапываются русские. Нам кровь из носу необходимо быть там — не дать успокоиться пришедшему в движение фронту.

В нескольких метрах вправо от моста обнаружен брод. Стрелки-мотоциклисты 1-й роты уже выбрались на тот берег и даже создали там небольшой плацдарм. И вдруг взрыв. Черное облако окутывает БРМ — пытаясь преодолеть реку вброд, она наехала на мину. Только сейчас мы поняли, что русские заминировали берег, причем сами же неоднократно натыкались на мины. Я указываю Бремеру на опасность и требую избавиться от мин, прежде чем мы начнем перебрасывать остальные силы на другой берег. Бремер, стоя от меня в паре метров, вдруг вопит не своим голосом:

— Да ты что? Не видишь, что ли? Ты же сам на мине стоишь!

Надо же! А я и не подозревал! Замер на месте, боясь шевельнуться — взрыв вполне может произойти даже от смещения нагрузки на мину. Кошмар!

В общем, вскоре все было в порядке, и мы поторопились покинуть эту негостеприимную местность. К 15 часам мы переправляем весь батальон через временный мост, и нам вместе с батальоном Витта удается создать плацдарм на 3 километра в глубину. Преследование врага продолжится завтра на рассвете.

У меня отлегло от сердца, когда я узнал, что наши потери — всего четыре человека и еще один боец, скончавшийся от полученных ран. Потери же Советов в разы больше, не говоря уже о захвате нами их матчасти и припасов. Пленных столько, что и не сосчитать — длиннющими колоннами они тянутся на запад. Ночью на участке батальона беспокоящий огонь противника. Судя по плотности огня, силы Советов на исходе.

Ход боевых действий, данные разведки, а также показания

пленных — все свидетельствует о беспорядочном отступлении противника, вернее, его бегстве. Вероятно, на русских наседает танковая группировка фон Клейста, наступающая со своих днепровских плацдармов в юго-восточном направлении.

Еще ночью отзываю посты боевого охранения и провожу подготовку батальона к следующему дню. Мои бойцы понимают, что нам предстоит воткнуть рапиру в спину отступающих и что, скорее всего, в этом случае нам придется рассчитывать только на свои силы. Церемониться с противником нечего — Советы необходимо ошарашить, лишить всякой инициативы, разрушить их планы и нанести им сокрушительные удары.

Едва развиднелось, как я стал обходить наши позиции. Бойцы спали крепким сном прямо у орудий, машин и мотоциклов, завернувшись в брезент. Да, холодает в России, а у нас между тем нет зимнего обмундирования.

Как это всегда бывает, перед тем как принять решение, от которого напрямую будет зависеть участь моих подчиненных и боевьхх товарищей, меня начинает колотить словно в лихорадке, и я копчу сигарету за сигаретой. Именно ожидание боя, первого выстрела — самое тяжкое бремя для меня. Но это ощущение невыносимого давления извне вмиг исчезает, стоит только моим бойцам пойти в атаку на противника, а мне оказаться в гуще схватки.

Наши саперы продвигаются вперед. Они буквально обвешаны зарядами — минувшей ночью взорван переход через противотанковый ров в нескольких сотнях метров от нас. Теперь нам предстоит при помощи взрывов сгладить края рва, расположив грунт так, чтобы он образовал насыпь вроде временного моста. Стрелки-мотоциклисты уже готовы перемахнуть через ров. Тяжелые пехотные орудия и артиллерия уже успели пристреляться.

Стрелка часов неумолимо движется вперед, ночь отступает перед новым днем. Становятся различимы кусты и деревья. На плацдарм изредка падают мины русских. Со стороны колхоза Аккерман доносится крик петуха, возвещающий о наступлении нового дня. Я шагаю к танку и забираюсь на корму. Отсюда есть возможность обозревать все, что происходит за рвом, а заодно наблюдать за работой саперов. Наша БМР огнем своих орудий сумела подавить пулеметные гнезда противника. Таким образом, ничто не мешает нам преодолеть противотанковый ров. Как и ожидалось, русские в течение ночи отступили еще дальше, так что встретиться с их более-менее крупными силами предстоит часа через два, если не позже.

Сегодня в качестве головного отряда выступает 2-я рота. У

меня на этот счет есть кое-какие сомнения. Дело в том, что в роте новый командир, бывший преподаватель военного училища из города Б., крайне недоверчиво относящийся к моей особой наступательной тактике. Снова беру в оборот гауптштурмфюрера Л. и строго-настрого воспрещаю всякие остановки без моего на то приказа. Его задача: одолеть как можно больше километров в нужном направлении. Сам я следую в составе головного отряда. После непродолжительной схватки у села Широкое с вражеским арьергардом противник разгромлен, и в 8 часов 45 минут мы уже в Астраханке. Все захваченные ранее пленные — бывшие служащие 35-го, 71-го и 256-го полков, стремительно отступающих на юго-восток.

Занятная и в то же время весьма впечатляющая картина открывается нашему взору. Куда ни кинь, повсюду видны поспешно отступающие на восток русские части, солдаты и офицеры, они передвигаются пешим порядком, на автомобильном и гужевом транспорте. Артиллерия на конной тяге устремляется вниз по крутому склону, видно, как орудия подпрыгивают на ухабах, как русские, спустившись, спешно разворачивают позиции, собираясь встретить нас, как полагается и попытаться придержать нас. Выпущенные русскими мины рвутся в угрожающей близости от нашей маршевой колонны. Однако отступление вырождается в повальное, неорганизованное, паническое бегство, полностью вышедшее из-под контроля командиров. Бессмысленно сейчас вступать в бой с русским арьергардом и на пустяки транжирить драгоценное время. Отдаю приказ гауптштурмфюреру Л., не снижая скорости, продолжать марш и не тревожиться по поводу якобы существующей угрозы для наших флангов. Мой приказ, тон, каким он отдан, а также сопровождающая его жестикуляция будто воспламеняют бойцов. Стрелки-мотоциклисты молниеносно вклиниваются в ряды русских, пулеметными очередями рассеивая массы отступающих. Пулеметы и пушки тяжелых БМР захлебываются, поливая русских свинцом через головы стрелков-мотоциклистов. Штурмовые орудия посылают снаряды в отдаленные цели. С грохотом взлетают на воздух вражеские грузовики с боеприпасами, батареи превращаются в неизвестно что — не разберешь, где конная тяга, где расчеты, а где сами орудия. Чуть вдали над степью кружат два явно устаревших советских самолета, но не приближаются, опасаясь попасть под огонь наших 2-см зениток.

Через несколько секунд подбегает Бремер. Я показываю на вражеских артиллеристов, занимающих позицию, и на исчезающий в клубах пыли головной отряд батальона. Какие уж тут слова? Изученное нами и многократно проигранное на

ящиках с песком и на учебных полигонах буквально в эталонном соответствии происходит у нас на глазах. Рота широким фронтом наступает на ведущие огонь орудия. Фланги роты волчьей стаей вгрызаются в огневые позиции русских и заставляют умолкнуть четыре 12,2-см и две 7,62-см пушки. Оберштурмфюреры Гесс и Вольф тяжело ранены в рукопашной схватке. Толпы русских с поднятыми руками устремляются на запад.

Насколько хватает глаз, Советы в панике спасаются бегством. Бремер, одурев от ярости, бросает свою роту в самую гущу сдающихся в плен. И снова на практике подтверждаются слова Гудериана: «Двигатель — оружие!» Быстрота, с которой мы действуем, буквально ошеломила русских. Я следую за головным отрядом, а навстречу нам с вестовыми потоком устремляются русские. Основная масса батальона следует за нами с пятиминутным интервалом. Прямо перед нами колхоз. Здание управления утопает во фруктовых и просто лиственных деревьях. Уже на въезде меня начинают одолевать сомнения — ни одного подозрительного движения, ничего. Ни военных, ни гражданских. Но 2-я рота только что миновала село, даже пыль не успела осесть. Ладно, но что могло случиться? Петер нажимает на газ и, кажется, вообще далек от моих сомнений. Когда мы минуем первые дома, я кричу:

— Давай, газуй! Газуй! Быстрее!

Слева и справа от домов полно русских. В одном из дворов замечаю русскую передвижную радиостанцию с вытянутой антенной. Похоже, мы наткнулись на русский штаб, не успевший удрать, уничтожить который я хочу поручить следующему за 2-й ротой батальону. 2-я рота, выполняя мой приказ, на предельной скорости минует колхоз. У меня еще не стерлось из памяти досадное происшествие на рокадном шоссе «Норд», поэтому стараюсь все же соединиться со 2-й ротой, ну а оставшаяся часть батальона уж как-нибудь справится с русским штабом. Мы вздыхаем с облегчением, когда наша машина выезжает в открытую степь. Местность здесь уже пересеченная, тут и там виднеются невысокие взгорья, напоминающие волны. Справа от нас, то есть в юго-восточном направлении, продолжается массовый исход русских. Позади и чуть справа мы слышим шум боя — там сражается рота Бехера. Вот только головного отряда почему-то нигде не видно. Новый командир роты все-таки довольно быстро вжился в нашу тактику — стрелки-мотоциклисты носятся как угорелые.

В низкой ложбине расположилось село Инриевка. Мы выезжаем на длинную деревенскую улицу. И это село лежит словно вымершее, только на развилке улиц мы обнаруживаем 2-

см зенитку, которая после задержки из-за мелкой аварии собирается продолжить путь. Командир орудия считает, что ехать следует на восток, и мне с трудом удается убедить его, что сейчас уже надо ехать не на восток, а повернуть на юг. Бравые ребята пытаются что-то сказать мне и все показывают на восток. Я, постепенно приходя в бешенство от этой дурацкой задержки, показываю на юг и знаками пытаюсь втолковать им, чтобы они как можно скорее отправлялись, причем тем путем, которым приказано. Командир орудия демонстративно пожимает плечами и следует за моей машиной.

Дорога идет параллельно лесозащитной полосе шириной, наверное, метров в пять. Невысокие подъемы и спуски оживляют тоскливый пейзаж.

В балке мы обнаруживаем группу вооруженных русских, маршем следующих на юг, которые вдруг замирают на месте как вкопанные. Я сердито жестикулирую им, мол, давайте на север, да заодно сложите оружие. И отчитываю своего адъютанта за то, что 2-я рота даже не удосужилась разоружить русских. Едва мы выбираемся из балки, я вижу, как русские с довольным видом и при оружии направляются на юг. У офицеров при себе планшеты с картами. Тут я уже не выдерживаю и не стесняюсь в выражениях. Разумеется, у нас каждая минута на счету, но все-таки для того, чтобы разоружить пленных, время должно ведь найтись! Вот пусть замыкающая колонну группа этим и займется.

Вправо от нас тысячи советских пехотинцев и тьма артиллерийских батарей устремляются вниз по склонам. Мы углубились в хаос отступления русских километров, наверное, на тридцать, никак не меньше. Скоро пора будет давать приказ батальону подтянуться и наносить последний решающий удар по мосту у станицы Новоспасской. У этого моста масса отступающих неизбежно задержится — вот там мы и пожнем плоды своего прорыва. Герман Вайзер, мой преданный адъютант, кивает мне в знак согласия, когда я знакомлю его со своим замыслом.

В нескольких сотнях метров от нас расположился колхоз Романовка. Лесополоса заканчивается, и слева начинается подъем. Дальше на юг на месте прежней лесополосы протекает ручей, а непосредственно у села заканчивается болотцем. Я не вижу левую оконечность села, да и справа различаю лишь стоящие рядком домишки, тоже протянувшиеся на юг. Деревенская улица в ширину метров двадцать. Западнее села как раз на гребне небольшого взгорья вижу беспорядочную колонну отступающих русских. Я поражен — отступления такого масштаба мне еще видеть не приходилось.

Еще пятьдесят метров, и мы у первых домов Романовки.

Между тем на часах уже 14 часов 45 минут, солнце немилосердно печет. Погода явно предгрозовая, под стать паническому настроению противника. Над сельской улицей струится марево. И здесь вокруг ни души — та же картина, что и раньше. Отступающие войска неприятеля предпочитают обойти Романовку.

Я вздрагиваю от вскрика Вайзера, как от удара током. Петер резко тормозит. Вижу, как Вайзер, выхватив пистолет, стреляет по углу стены, а другой рукой швыряет туда гранату. Черт побери! Тут же замечаю готовое к бою противотанковое орудие русских и залегших у угла стены красноармейцев. Резко бросаюсь вправо, перебегаю улицу, бросаюсь на кучу навоза и буквально в двух шагах перед собой замечаю двух русских за пулеметом. Оба обезумело уставились на меня. И вот мы лежим и глядим друг на друга, выжидая, кто шевельнется первым. Я не решаюсь даже бросить взгляд в сторону, на дорогу. И тут гремит взрыв — прямым попаданием снаряда выведен из строя расчет нашей 2-см зенитки. Душераздирающий крик нашего раненого бойца переходит в стон. Петер зовет меня, насколько могу понять, он где-то позади. Со стороны дороги доносится лязг гусениц. Второй разрыв довершает дело — зенитка искорежена. Необходимо действовать, причем немедля, и выбираться из-за навозной кучи. Русские продолжают неотрывно следить за мной. Наверняка думают, что нас здесь сотни и тысячи и что пробил их последний час. Поэтому стоило мне лишь жестом дать им понять, чтобы они подобру-поздорову убирались, как они в мгновение ока исчезают, юркнув непонятно куда. И я тут же прыгаю к изуродованному орудию, а потом прижимаюсь к какому-то утесу, где обнаруживаю вестового Дрешера и своего водителя Петера. Вайзера нет, исчез. По словам Дрешера, он укрылся в доме слева.

Только сейчас до меня доходит, почему мы наткнулись на вооруженных русских. Головной отряд, заблудившись, заехал в Инриевку, а тут я возглавил головной отряд, вот и попался. Хоть бы уж поскорее подтянулся остальной батальон! Жду не дождусь гауптштурмфюрера Фенна с его 8,8-см орудиями. Хочется надеяться, что русские не додумаются контратаковать нас, потому что, если додумаются, наша песенка спета!

Нечего сказать, оказал услугу Герману Вайзеру. Едва не отправил его к праотцам! И как он только ухитрился вскочить на чердак? Вайзер отчаянно жестикулирует мне оттуда. Что он хочет объяснить? Непонятно. Чтобы я взглянул на танк? Нам безумно повезло, что этот утес защищает танк от снарядов русских. Вскарабкавшись чуть повыше, различаю на другом конце деревни небольшой самолет. Неужели снова напоролись на штаб

противника?

Минуты тянутся невыносимо медленно. Справа отступающие русские продолжают взбираться вверх по склону. Мы сильнее вжимаемся в покрытую сухой степной травой землю. Танк меняет местоположение. Лязг гусениц приближается, потом снова удаляется. Вдруг из-за первой от нас хаты вылетает русская легковушка и резко берет влево, да так, что едва не переворачивается. В первую секунду мы не понимаем, в чем дело. Откуда взялась здесь эта машина? Но тут же начинаем палить по ней из всех видов оружия. Но она исчезает, оставив после себя лишь огромное облако пыли.

Наконец, позади лязгают гусеницы. Показывается тягач с 8,8-см зенитным орудием на прицепе. Бойцы, заметив нашу изуродованную противотанковую пушку, мигом оценили обстановку. Водитель тягача умело разворачивается, раз — и орудие уже готово к бою. Несколько секунд спустя вдоль улицы со свистом летят снаряды. Гауптштурмфюрер Фенн пытается расстрелять стоящий на деревенской площади самолет. Но это оказывается сложнее, чем предполагалось. Артиллеристы не могут разобрать цель, потому что 8,8-см орудие для решения таких задач не приспособлено. К самолету подъезжает легковушка, и чуть погодя птица устало взмывает в небо. Сделав круг над селом, самолет исчезает за горизонтом.

Стрельба из 8,8-см орудия сделала чудо: паралич последних тридцати минут словно рукой сняло. Какое наслаждение слышать, как над твоей головой свистят снаряды! Какую радость способен внушить этот звук тем, кто уже похоронил себя! Огородами пробирается тяжелый танк. Мы не можем его подбить из-за откоса, ограничивающего видимость. Занимают позиции пехотные орудия, выкатывают и противотанковую пушку, которая тут же вместе с 8,8-см орудиями начинает палить по колонне отступающих. Наконец в мое распоряжение поступает взвод саперов. С ними можно хотя бы атаковать село — надо же в конце концов узнать, что там творится!

Мы совершенно спокойно попадаем в первый из домов. Навстречу показывается взволнованный Вайзер и сразу велит саперам следовать за ним в подвал. У меня глаза на лоб лезут, когда я вижу, как из темного входа выбираются советские офицеры. Вайзер ведет меня в дом и докладывает:

— Вдруг слева от нас вижу русский танк. Экипаж сидит себе хоть бы что и уплетает обед за обе щеки. Не успел я оглянуться, как мы оказались уже у нашей пушечки. Я даже не знал, как поступить. Когда мы удирали, я на ходу пальнул по экипажу да еще кинул лимонку. Что уж там с русскими было, не знаю — у

меня одно было на уме: как побыстрее отвалить. Распахиваю дверь в дом, а там… Целая толпа русских офицеров, склонившихся над расстеленной на столе картой. Заметив меня, они в первое мгновение просто окаменели, а потом, опомнившись, стали в окна выпрыгивать, а я с испугу бросился вверх по лестнице и наблюдал за ними из-за навозной кучи. А за домом вижу, как по улице наперегонки бегут русские, солдаты и офицеры. Те, кто постарше званием, вскарабкались на танк и ходу отсюда. Наверняка мы какой-то крупный штаб распугали!

Не успеваю я приглядеться к нашим пленным, как прибегает с докладом командир 2-й роты. У него такое лицо, что у меня враз пропадает желание отчитывать его. Командир 2-й роты поворачивается и бежит исполнять мои новые приказы.

Торжествующий крик Вайзера заставляет меня снова вернуться в дом. Он захватил кожаную куртку сбежавшего советского генерала. На столах повсюду карты. В смежной комнате вполне исправная радиостанция. Оказывается, мы пожаловали — ни больше ни меньше — в штаб 9-й советской армии. Увы, но командующий армией вместе с командующим авиакорпусом сумели улизнуть на самолете — легковушка здорово выручила их. Среди пленных несколько офицеров штаба и секретарша командующего авиационным корпусом. Все ведут себя вежливо и с достоинством. Только на допросе выясняется, что мы в колхозе Х. в ходе стремительного продвижения заодно разогнали и штаб 30-й советской пехотной дивизии. 9-я армия в панике отступает в направлении Ростова.

Не скрывая гордости, докладываю обстановку в штаб дивизии. Но, получив оттуда ответ буквально такого содержания: «Ну и что с того?» моментально сникаю.

С трудом представляю себе, что ошарашило бы меня сильнее. Взяв себя в руки, отправляю в штаб дивизии одного из штабистов и секретаршу.

Вскоре мои радисты посылают в эфир приказы на русском языке. Наш замысел: склонить Советы к яростной обороне, с тем чтобы дать возможность корпусу Макензена замкнуть кольцо окружения.

Но русских уже не удержать — они по-прежнему бегут со всех ног.

Рота Бремера просит помощи. Подразделения слишком уж увлеклись преследованием противника. Что ж, подождем следующего дня, когда подтянутся силы пехоты.

Впервые мы захватили столько трофеев, что даже не в состоянии оценить их. Повсюду стоят брошенные орудия, тягачи, гужевой транспорт. Невероятное количество пленных шагает к

западу, среди русских очень много и убитых. Наши потери: трое убиты, 27 человек ранены, а один наш товарищ считается пропавшим без вести.

Еще не успело стемнеть, как прибывает батальон Витта и доводит до конца зачистку села. Бремер к полуночи тоже возвращается в батальон.

7 октября мы выступаем, 1-й батальон следует за нами. Наша задача: овладеть портовым городом Бердянском.

Сквозь холодный осенний туман 1-я рота — она выступает в роли головного отряда — минует последние посты боевого охранения. Повсюду по обочинам дорог русские орудия, танки и автотранспортные средства — следы отступления русских. В Ной-Штутгарте наталкиваемся на незначительные по численности силы противника, поспешно отходящие к востоку. На главной улице Ной-Штутгарта обнаруживаем множество расстрелянных представителей мирного населения. Приглядевшись, замечаем, что кое-кто из них еще жив. Они молят о пощаде. С какой стати русские расстреливали мирное население? Ответ на этот вопрос и по сей день остается открытым.

После недолгого, но ожесточенного боя за колхоз Андреевка мы продолжили преследование противника. Замечаю, что вдоль нашего правого фланга продвигаются колонны крупных артиллерийских сил противника. Две его батареи внезапно атакованы 1-й ротой. Русские даже не успели перейти к обороне — так они были ошарашены нашим молниеносным появлением. К 10 часам утра пытаемся подсчитать пленных и трофеи и снова не успеваем. В целом этот день очень напоминает предыдущий. Что до темпа передвижения, его уже — увы — не нарастить.

Сейчас приходится передвигаться по всхолмленной местности, которую перерезает небольшая речка, текущая в южном направлении и в районе Бердянска впадающая в Азовское море. Речка находится в нескольких километрах от нас.

Если Советы думают придать своему отступлению хоть видимость упорядоченности, им следовало бы удержать реку на этом участке и тем самым вынудить нас атаковать их с тем, чтобы отступающие части русских смогли более-менее организованно отойти к Миусу или даже к Дону. Им необходимо выиграть пространство и время, но ни того, ни другого мы им преподносить на блюдечке с золотой каемочкой не намерены. Получившие ощутимый удар войска необходимо громить на пути отступления. Именно скорость — залог успеха немцев, мы сейчас не можем позволить себе оказаться втянутыми в затяжные бои. Дело в том, что сейчас уже все понимают, что боеспособность наших частей и подразделений давно не та — многие и по

численности и по оснащенности материальной частью съежились вдвое, а то и втрое, если сравнить их с первоначальным состоянием.

Даже любой рядовой боец понимает, что мы должны как можно скорее завершить наш переход до станицы Новоспасская и, что самое главное, не допустить разрушений этого населенного пункта. Снова на счету буквально каждая минута.

Головной отряд 1-й роты, поднявшись на взгорье, видит оттуда станицу Новоспасскую. Населенный пункт расположен в низине, вероятно, возникшей в результате пересыхания русла реки. По обеим сторонам почти отвесные обрывы. Через речку переброшен вполне современный бетонный мост.

Через мост устремляются артиллеристы, грузовики, тягачи и несколько танков. Лошади пытаются преодолеть водную преграду вплавь. Низина кишит людьми и техникой, сплошная шевелящаяся масса. И справа на возвышенности видно, как русские разрозненными группами хлынули на восток, потом повернули к мосту; некоторые, не желая попадать в давку, пытаются перейти речку вброд. Нашей 1-й роте предстоит воспользоваться неразберихой и овладеть мостом.

Из середины колонны выезжают стрелки-мотоциклисты, боевые разведывательные машины и средства противотанковой обороны. Широким фронтом они устремляются прямо на крутой подъем и вклиниваются в гущу русских. Те в панике и, уж конечно, ни о какой обороне и не помышляют — очертя голову бросаются вниз, в ложбину. И снова перед глазами уже ставшая привычной картина — гужевые повозки, грузовики, тягачи — хаос, неуправляемая масса. Лошади терпеливо ждут, стоя в воде — им просто так на другой берег не перебраться. Все больше и больше людей бросаются в воду в надежде избежать немецкого плена. Но вода для них — верная гибель! Щелкают выстрелы, масса, всколыхнувшись, уподобляется растревоженному муравейнику. Ни о каком повиновении тут уж говорить не приходится — командование русских бессильно что-либо изменить: люди, давя друг друга, стремятся убежать, избавить себя от угрозы, спастись.

И вот на пике хаоса 1-я рота начинает атаку. Открыв огонь из всех видов оружия, бойцы устремляются к мосту. Несколько боевых разведывательных машин с высоты обстреливают мост. Людская масса продолжает валить на тот берег, оставляя за собой раненых и убитых.

Внезапно вижу, как бойцы 1-го взвода, будто ужаленные, вдруг бросаются вперед, перебегают дорогу перед идущей техникой, пробегают лесополосу и ликвидируют расчет

укрывшегося среди низких деревьев противотанкового орудия. Опоздай они на несколько секунд — и этот переход через мост и для нас мог оказаться последним.

При огневой поддержке 2-й роты и стоящей на высоте БМР 1-я рота переходит в атаку и вскоре оказывается на восточной окраине станицы. Я вместе с ротой продвигаюсь по главной улице большого села и стараюсь побороть искушение продолжить наступление до Мариуполя. Обстановка требует от нас продолжить продвижение вперед, на Мариуполь, громя по пути отступающего неприятеля и оттесняя значительные силы русских к берегу Азовского моря. Русские отходят в юго-восточном направлении, иными словами, в направлении Мариуполя. С какой стати транжирить драгоценное время, разменяваясь на какой-то там Бердянск? Стоит нам овладеть Мариуполем, как падет и Бердянск.

С головой уйдя в изучение карты, я с несколькими товарищами стою за последними домами станицы и уже собрался вместе с Францем Ротом (военным корреспондентом) подойти к лесозащитной полосе обозреть предполье, как вдруг Франц вопит как безумный и, схватив меня за руках, тащит за лесополосу. Корреспондент не в силах говорить — будто обезумел. И только сейчас понимаю, в чем дело, — Франц Рот заметил слева от нас огромный русский танк, готовый в любую минуту пальнуть по нам. Разве такое можно пропустить и не запечатлеть на пленку? Не успел я глазом моргнуть, как все разбежались или залегли. Унтершарфюрер Бергман, молниеносно отреагировав на ситуацию, со связкой гранат под прикрытием огня наших пробирается через фруктовый сад к танку. Мы, затаив дыхание, следим за ним. Двигатель танка молчит. Интересно, почему? Неужели и у этих колоссов случаются поломки?

И вот Бергман устремляется к танку. Сейчас заряд упадет на корму машины, а еще секунду спустя прогремит взрыв и выведет двигатель из строя. Вот-вот это произойдет! Внезапно тишину прорезает выстрел. Вижу, как Бергман падает, а заряд летит в песок в нескольких метрах от танка. Пистолетный выстрел из башни танка оборвал жизнь нашего товарища. И тут заряд взрывается. Едва рассеялся дым, как мы увидели, что русскому невдомек — стоит как ни в чем не бывало. Занимает позицию штурмовое орудие, расчет с дистанции в 25 метров посылает в броню стального монстра снаряд за снарядом. И снова ничего — снаряды отскакивают от брони русского колосса, не причиняя ни малейшего вреда. Командир орудийного расчета Изеке сокрушенно качает головой, а потом бранится на чем свет стоит. Да, его пушке брошен вызов. В конце концов мы все же одолели

неуязвимый Т-34 — а это был именно он — и, облив машину бензином, подожгли ее.

Обстрел танка мы наблюдали, стоя на возвышении в саду одной из близлежащих хат. Под возвышением хозяева укрыли не то ледник, не то овощехранилище. Вход в него прикрыт соломой. И вот стоим мы на этом возвышении, стоим, наблюдаем за танком, как вдруг мой верный четвероногий друг Пат бросается к соломе и, злобно рыча, вцепляется клыками в шинель русского. Собака вытащила одного за другим из-под соломы с десяток русских. Мы стоим, ошеломленно глядя, как обвешанные гранатами русские с винтовками выбираются наружу из своего убежища. И снова отмечаешь, как все-таки должно везти солдату на войне, чтобы уцелеть.

Моему плану продолжить марш на Мариуполь не суждено осуществиться — поступает радиограмма с приказом все же двигаться на Бердянск. И снова 1-я рота занимает место во главе колонны и, преодолевая подъемы и спуски, приближается к Азовскому морю. Артиллерийские батареи русских, попадающиеся нам по пути, сдаются без единого выстрела. На бреющем к нам приближается самолет-разведчик ближнего действия и, облетев колонну, сбрасывает сигнальный дымовой патрон с капсулой, в которой я нахожу донесение: «Силы противника в городе немногочисленны. В 10 километрах западнее Бердянска замечена неприятельская колонна. Восточнее Бердянска множество колонн противника, отступающих к Мариуполю». Донесение попало в мои руки, когда я находился в 8 километрах севернее Бердянска. Мы позабыли о холоде, голоде и усталости — враг должен быть разгромлен еще западнее Бердянска. Ни в коем случае не позволить ему оказаться в городе раньше нас!

Водитель понимает меня с полуслова, и вот мы уже мчимся на нашем танке, словно на гоночной машине, обгоняя роту на марше. Вскоре вдали видим поблескивающую на солнце синеву моря. Герду Бремеру и головному отряду дан сигнал: за мной!

С севера населенный пункт не виден. Он расположен ниже обрывистого берега, непосредственно у моря. Неожиданно мы видим аэродром. Петер сбавляет ход. Поднявшийся в воздух самолет исчезает в восточном направлении.

Мы осторожно пробираемся к первым домишкам. Впереди нас следует отряд стрелков-мотоциклистов. Улица словно вымерла — ни души. Выбоины и грубый булыжник мостовой вынуждают нас сбросить скорость. Даю водителю знак обгонять всех — надо как можно скорее проехать город. Теперь мы впереди всех, а потом отрываемся на добрую сотню метров. Мы уже опять следуем в

западном направлении, буквально наступая на пятки русскому арьергарду и углубляясь в этот «вымерший» город. Нас словно магнитом тянет к перекресткам улиц. Сначала из-за угла показывается нос нашей машины и как бы принюхивается, после чего машина делает рывок и замирает у следующего угла. Так мы пробираемся от улицы к улице, задавая темп следования для стрелков-мотоциклистов.

Я притаился за башней, судорожно сжимая в руках карабин, а Петер как раз собирается обследовать следующий перекресток. Ни одного постороннего звука, все окна плотно закрыты, ни единого намека на присутствие человека. Перед тем как машина исчезает за углом, оглядываюсь убедиться, что и стрелки-мотоциклисты едут за нами. Внезапно наш танк резко останавливается, а я оказываюсь на мостовой. Гремят выстрелы, лошади встают на дыбы. Откуда-то возникают казаки и, стреляя на ходу, исчезают в близлежащих домах. Офицер выхватывает тяжелый наган и стреляет. И тут же слышу за спиной голос Петера:

— Штурмбаннфюрер, я уже всадил ему пулю!

В следующую секунду убеждаюсь, что Петер прав. Наган падает на мостовую. Кони без всадников скачут на запад, а раненые казаки, прижавшись к стенам домов, тоже пытаются сбежать.

Наш командирский танк, не оснащенный огневыми средствами, напоролся на русский эскадрон. И теперь для внезапного разгрома колонны западнее города придется здорово поторопиться. Бремер без оглядки несется на окраину города и, прибыв туда, ждет моих распоряжений. Колонна, ничего не подозревая, приближается. Уже можно различить каждый грузовик и солдат. Вероятно, это остатки некогда усиленного пехотного полка, действовавшего южнее Мелитополя, а теперь пытающегося соединиться с основными силами.

Батальон тем временем выстроился по обеим сторонам улицы и ждет моего приказа. Теперь время у меня есть. Жду, пока колонна не исчезнет в ложбине и не начнет взбираться по откосу. Проходят минуты. Бойцы замерли на технике и жадно докуривают сигареты.

До головного отряда неприятеля пока остается 300 метров, он по-прежнему как ни в чем не бывало марширует дальше. Я даже испытываю к русским нечто похожее на сочувствие. Они прикрывали отступление своих товарищей, а теперь им даже некому помочь. Не успевают потрепанные в боях русские сообразить, в чем дело, как роты стрелков-мотоциклистов в сопровождении бронемашин промчались вдоль колонны и без

каких-либо осложнений взяли ее в кольцо. Свыше 2000 русских с оружием и техникой очутились в плену. Захвачено вооружений на две батареи. Наши потери 7 октября равнялись одному бойцу. Это бесстрашный солдат, унтершарфюрер Бергеман, погибший, пытаясь подбить вражеский танк.

После взятия в плен русской колонны устанавливаю связь с головным отрядом Боддина. Я сам еду навстречу Боддину и поздравляю его по случаю награждения его Рыцарским крестом. Его батальон овладевает Бердянском, мы же возвращаемся в станицу Новоспасскую и готовимся продолжить преследование отступающего к Мариуполю противника. Ждем довольно долго, наконец нам разрешают передохнуть под прикрытием пехоты. 3-й батальон обеспечивает боевое охранение восточного направления. Около полуночи привозят почту из дома — наш заботливый второй офицер штаба штурмбаннфюрер Вальтер Эверт обеспечил доставку писем и посылок на передовую. Эверт при любой возможности помогает бойцам на передовой чем только возможно, чутко вникая в их нужды. Мы очень многим обязаны ему.

Незаметно наступает следующий день. Слышу шум запускаемых двигателей, звяканье алюминиевых котелков, но не могу заставить себя подняться. Однако Петер не отстает, я все же поднимаюсь и отхлебываю предложенный мне кофе.

Гул штурмовых орудий и треск мотоциклов выгоняет меня на деревенскую улицу. Эти звуки я воспринимаю, как симфонию. Чтобы достичь высокого среднесуточного темпа, мы решаем, что головной отряд будет передвигаться скачками. Головной отряд, усиленный БМР и противотанковым орудием, на предельной скорости едет впереди основного состава батальона и в определенных пунктах дожидается, пока подтянется батальон. Батальон на постоянной скорости следует за головным отрядом.

Местность холмистая, без единого деревца, за исключением сел, где разбиты фруктовые сады. Первые 20 минут мы беспрепятственно передвигаемся по окаменевшей глине широкой дороги. По обочинам нет ни брошенной техники, ни отставших русских солдат — несомненных признаков того, что по этой дороге отступают.

Пять часов утра, мы на колесах встречаем наступающий день, понимая, что в любую минуту по нам могут открыть огонь. Но лишь в 7 часов 45 минут сталкиваемся с сопротивлением врага. Это происходит под Мангушем. 1-я рота сразу же отделяется от основной колонны и устремляется в Мангуш. Это весьма крупный населенный пункт, раскинувшийся по обеим сторонам маршрута продвижения. Замечаю неприятельскую пехоту между домами и в

садах. Увы! У нас нет времени для более основательной зачистки населенного пункта. Нам нужно в Мариуполь. Перед нами куда более значительная цель. А недобитым противником займется следующая за нами пехота. Батальон продолжает движение. Ответный огонь открываем на ходу.

В двух километрах восточнее Мангуша головной отряд наталкивается на мощную линию обороны Советов. Эти укрепления — часть внешнего кольца обороны Мариуполя, куда по причине нашего стремительного продвижения русские не успели перебросить достаточное количество сил. Так что нам противостоит лишь ожесточенно обороняющийся арьергард.

Огневые позиции русских проходят по склонам высоты по обеим сторонам дороги, полностью контролируя предполье и часть территории за ним. И снова избираем не совсем традиционный метод атаки. Под артогнем из всех тяжелых вооружений русских мы несемся вверх по взгорью. Головной отряд получает приказ вступать в бой огневыми средствами лишь в 500 метрах за позициями и задать русским жару с тыла. Подтягивающиеся части атакуют вражеские позиции при поддержке штурмовых орудий с фланга.

Приказ передается по команде и через вестовых. Я действую в составе подразделения Бремера, собирающегося перемахнуть с отрядом моих верных товарищей — стрелков-мотоциклистов через гребень высоты, устремляясь в неизвестность. За ротой следуют штурмовые орудия. В рядах защитников рвутся снаряды, вынуждая их прекратить сопротивление. В считаные секунды позиции на высоте атакованы и прорваны головным отрядом и следующими за ним справа и слева подразделениями. Командир головного отряда унтерштурмфюрер Шульц ранен во время атаки. Но Советы довольно скоро опоминаются. Особенно жаркая схватка разгорелась по левую сторону дороги. Там молодой, неустрашимый комиссар без устали призывает солдат в атаку. И не только призывами, но и личным примером воодушевляет он своих подчиненных на бой. Мне никогда не забыть, как он, поднявшись во весь рост, стал швырять гранаты в гущу взвода Маля. Потом комиссар упал, сраженный очередью из пулемета или автомата, и тут же снова попытался подняться и вновь рухнул — окровавленное месиво, лишь отдаленно напоминавшее человеческое тело. Таков был конец этого фанатично преданного идее командира.

В Мангуше мы захватили два батареи, молчавшие во время нашей атаки. Как ни прискорбно, но во время боя погиб младший брат нашего погибшего товарища Эриха, которого я специально отправил в обоз от беды подальше. Всего захвачено 300 пленных

и, кроме того, вооружение нескольких батарей. Пленные докладывают, что имели приказ отступать к Ростову-на-Дону. Значит, и нам не следует мешкать — время! Время! Разделаемся с Советами на марше.

В 9.30 стою на самом высоком месте справа от дороги и изучаю лежащий в нескольких километрах Мариуполь. К городу ведет прямое как стрела шоссе. Вокруг по-прежнему никого. Только на окраине города различаются заграждения да изредка проезжает парочка танков. Но что это? С северо-востока в город марширует длинная, в несколько километров колонна. Внезапно из нее выделяется артиллерия и занимает позиции. И западнее города видна еще одна колонна. Русские подтягивают силы по дороге Бердянск—Мариуполь. Если верить карте, обе колонны в случае, если продолжат отход в восточном направлении, будут осуществлять его через мост в Мариуполе.

Минуту или две пристально разглядываю извивающиеся колонны, так и не решив, как именно поступить. Огромный город с его сталелитейными заводами, верфями, аэродромами и советскими солдатами, непрерывным потоком устремляющимися внутрь его, все же производит на меня впечатление. Левая колонна сил русских протянулась до самого горизонта чуть левее позади нас. Неторопливо, в постоянном темпе темная лента приближается к городу. А не авантюра ли — пытаться захватить город, если в твоем распоряжении и тысячи человек не наберется?

Самолеты поднимаются в воздух и поворачивают на восток. Разве это не вызов нам? Не знак того, что надо не раздумывая атаковать Мариуполь, овладеть им? Разве массовый отлет авиации не признак того, что русские собираются оставить город? И как всегда бывает в минуты, когда тебе предстоит принять важное решение, иду к головному отряду и прислушиваюсь к голосам бойцов. Если затея изначально «тухлая», если перспективы на успех мизерны, то мои солдаты молча, безучастно смотрят на меня, теребя оружие. Но если просматривается даже крохотная возможность успеха операции, я сразу же ощущаю исходящую от них волю к победе, боевой задор, готовность атаковать противника, подкрепляемые безграничным ко мне доверием, что, в свою очередь, вынуждает меня отдать приказ наступать. Сегодня головным отрядом командует Зепп Маль, боевой товарищ из моей прежней 15-й роты. Зепп принял командование взводом вместо нашего раненого прежнего командира. Он кивает мне, потом презрительно отмахивается и нервно затягивается сигаретой. Командир роты Герд Бремер спокойно смотрит на меня. В его глазах я вижу готовность

следовать за мной хоть на край света. Ни на одном лице я не вижу ни сомнений, ни тем более страха или неуверенности. Мои товарищи ждут от меня приказа продолжить преследование врага. Их чутье и накопленный за время боев опыт вселяют в них веру в успех. Их уверенность, вера в собственные силы подстегивают меня. Страх собственного малодушия гонит меня вперед!

На часах 9 часов 45 минут. Первые снаряды русской батареи разрываются в опасной близости от нас, и головной отряд приходит в движение. Артиллерия и батарея 8,8-см зениток подавляют огонь советской артиллерии и вызывают панику на аэродроме.

По обеим сторонам дороги непосредственно на окраине Мариуполя я различаю полевые укрепления. Над нашими головами свистят пулеметные очереди, вздымая вверх черные фонтаны земли, далеко позади нас разрываются минометные мины. Нас уже не сдержать — по обеим сторонам широкой дороги к городу несутся стрелки-мотоциклисты. Русские не успели возвести заграждения, и их защитники гибнут от огня наших штурмовых орудий. Слева от дороги, в нескольких метрах от нас в воздух поднимаются вражеские самолеты и, едва не задевая крыши домов, мчатся на восток. Советские летчики и не думают атаковать нас. Почему? Может, они просто не успели запастись боекомплектом?

В отличие от других городов уже на окраинах Мариуполя возвышаются многоэтажные здания. Очень странно: едешь-едешь, вокруг ни деревца, ни домика, и тут словно из-под земли без всякого перехода перед тобой вырастают многоэтажки. За первыми домами мы останавливаемся, головной отряд собирается действовать в пешем порядке. И мне не терпится соскочить с машины и как следует укрыться. Петер через круглую площадь гонит к гауптшарфюреру Фрицу Бюгельзаку, внезапно вынырнувшему откуда-то слева от нас. Нам навстречу движутся городские трамваи. Большая площадь округлой формы полна грузовиков, тягачей, гужевого транспорта. Внезапно наш танк замирает у перегородившей дорогу пожарной машины. Разрывные снаряды Бюгельзака превращают ее в груду металла. Над площадью глухо рокочут пулеметы стрелков-мотоциклистов. С грузовиков поспешно спрыгивают солдаты, форма на них горит, люди, как факелы, мечутся в панике. В результате попадания пули или снаряда взорвалась бочка с горючим, и горящим бензином окатило несколько десятков русских солдат. И неконтролируемая людская масса устремляется в боковые улицы.

Мы без задержки живо продвигаемся дальше и перекрываем

улицы. Вдоль улиц с грозным свистом проносятся снаряды штурмовых орудий. Только что вошедшие в город колонны русских разорваны. Начинается хаос, русские без оглядки несутся прочь, инстинктивно стремясь выйти к дороге на Ростов.

Площадь усеяна дымящимися обломками автомобилей и другой техники, трупами людей и ранеными. Основная масса русских уже далеко отсюда. В одном из угловых зданий мы устраиваем командный пункт, откуда будет осуществляться руководство боями. Бремер наступает на Таганрог. В 13 часов 30 минут 1-я рота находится в Сартане, это в двух километрах восточнее Мариуполя. Многочисленная колонна неприятеля спешно отступает по главной дороге на восток.

На донесение в штаб дивизии о падении Мариуполя получаю следующий ответ:

«Это недоразумение, речь может идти только о падении Мангуша».

Но это не было недоразумением. Город пал в результате отважной атаки горстки немецких гренадеров. И здесь скорость одержала верх над инертностью и нерешительностью. Успех этого дня стоил нам одного раненого из числа офицеров, одного — из числа младших командиров и четырех раненых рядовых бойцов — мы потеряли четверых наших товарищей.

Следующая за нами пехота берет на себя окончательную зачистку города и выставляет посты боевого охранения далеко на восток от Мариуполя. Мы с изумлением осматриваем огромный завод «Азов», протянувшийся на километры вдоль берега моря, и его вполне современное оборудование. Завод достался нам целым и невредимым.

Падение Мариуполя довершило «Битву у Азовского моря». В плен взято свыше 100 тысяч солдат и офицеров противника, захвачено 212 танков и 672 артиллерийских орудия.

С 10 по 12 сентября батальон участвует в боях между Мариуполем и отрезком реки Миус в нескольких километрах западнее Таганрога.

12 октября в 4 часа 30 минут батальон предпринимает попытку создать плацдарм через Миус и захватить исправный мост. Атакой с южного направления мы вклиниваемся в оборону русских и попадаем под интенсивный обстрел русской артиллерии, дислоцированной на восточном берегу реки. Не дойдя 700 метров до моста, рота вынуждена окопаться и до наступления темноты пережидать огонь противника. Основной массе батальона удается без потерь отойти от Миуса, однако головному отряду изрядно досталось от Советов.

20 рядовых бойцов и пятеро офицеров ранены. Среди

раненых двое военврачей батальона. Я в сумерках еду со своим верным шофером унтершарфюрером Эрихом Петерзилле. Петер гибнет от осколка снаряда. Он был первым из моих водителей, погибшим у меня на глазах. Тогда я еще не знал, что он — первый из семи, которым суждено погибнуть таким образом.

На рассвете следующего дня мы стоим над могилой павших товарищей. Мы опускаем завернутые в брезент тела четверых в землю чужбины. Молча бойцы прощаются со своими товарищами. Со стороны Таганрога гремят залпы тяжелых советских орудий, снаряды пролетают над нашими головами, норовя сокрушить наши артиллерийские позиции.

Взвод посыльных, самые близкие друзья Петере, Вайзер и оставшиеся штабисты ждут моих прощальных слов. А мне будто удавкой стиснули горло. Не могу говорить, и все. Слезы бегут по щекам. В темную могилу падают скромные полевые цветы. Я отдаю честь павшим и поворачиваюсь. Вскоре после этого сажусь писать письмо его матери.

До 16 октября батальон очищает от противника западный берег Миуса, следуя за батальоном Витта, создавшим плацдарм в районе Козелки. 17 октября батальон участвует в наступлении на Таганрог и почти без боя продвигается до морского порта города. По левому флангу наступает батальон Витта, а севернее на город надвигается батальон Фрая. Силы пехоты с неслыханной решимостью атакуют северные окраины города и тоже прорываются к нам.

Должен признаться, что батальон Фрая угодил под атаку двух танковых взводов Советов, сумевших пробить в обороне батальона две внушительные бреши, пока не попали под огонь наших 8,8-см орудий, оказавшийся для русских танкистов фатальным.

Во время штурма Таганрога мы впервые воочию убедились, как Советы планомерно уничтожают город. Фабрики и общественные здания одно за другим взлетали на воздух. Отступление Советов было отмечено поднимавшимися вверх клубами дыма. До сих пор нам приходилось видеть лишь пылавшие стога сена, теперь же мы вплотную столкнулись с таким понятием, как «выжженная земля».

В порту затопляли горящие корабли. Но никто из русских не задумывается над тем, как спасти тонущих людей. Лишь по категорическому требованию Дрешера русские все же доставили барахтавшихся в воде людей на берег. На крутом берегу возвышается памятник Петру I, бывший император угрюмо взирает на тонущие суда.

Стоят холода. Ледяной ветер с моря возвещает о скором

наступлении зимы. Чуть справа различаются заснеженные шапки Кавказских гор, величественно белеющие, невзирая на суету людскую. Мы мерзнем — наша не приспособленная к зиме летняя форма изодралась в клочья. А о зимнем обмундировании ни слуху ни духу.

Наступательный порыв войск не угас, однако мы все чаще и чаще задумываемся над тем, какова же конечная цель наступления. За нами огромные, никем не занятые пространства без какой-либо транспортной сети. Существующие железнодорожные линии проходят с юга на север. Впервые задумываемся об обороне.

20 октября по разбитым дорогам в дождь мы следуем в направлении Ростова-на-Дону. Маршрут следования проложен 14-й танковой дивизией, которая вместе с 13-й танковой дивизией, 60-й моторизованной дивизией и полком «Лейбштандарт» входит в состав корпуса Макензена.

Я безучастно смотрю на остатки бывшего русского батальона, под дождем увязающего в грязи у заднего склона Самбека.

Я не в состоянии читать карту. Значки и буквы расплываются перед глазами. Приступы слабости и тошнота доводят меня до такого состояния, что я с трудом различаю очертания командного пункта дивизии и вынужден просить командующего подменить меня. Четыре месяца непрерывных боев в России все же уложили меня на койку. Все, я выведен из строя. Командование нашим батальоном принимает гауптштурмфюрер Краас. Подразделению предстоят жаркие схватки.

С наступлением темноты я снова в Таганроге. В тамошнем госпитале мне ставят диагноз — острейшая дизентерия плюс желтуха. В те дни дизентерия приняла воистину эпидемические масштабы на фронте, грозя обрушить его куда быстрее атак русских. Ни немецких полков, ни дивизий уже не существует. Восточный фронт удерживается ценой невероятных усилий жалких остатков некогда боеспособных частей и подразделений. Немецкий пехотинец вступает в борьбу за выживание обескровленным и небоеготовым. Он понимает, что его ждет, но не медлит ни секунды при исполнении долга. Он свято верит в необходимость принести себя в жертву.

Несколько недель спустя, все епле пошатываясь от слабости, я выхожу из госпиталя и возвращаюсь в войска. Без долгих словопрений командующий переводит меня в резерв командного состава, и я до особого распоряжения считаюсь прикомандированным к штабу дивизии.

Полк «Лейбштандарт» занял оборонительные позиции западнее Ростова-на-Дону и в тесном взаимодействии с 13-й и 14-

й танковыми дивизиями успешно отражает все попытки прорыва неприятеля. Район боевых действий 3-го армейского корпуса представляет собой унылое безлесье, продуваемое ледяным ветром, от которого каменеет земля. Ни окоп, ни, тем более, временное укрытие отрыть в ней невозможно. И погода перешла в стан нашего врага.

Мой батальон включен в состав фронта обороны и противостоит 253-й русской пехотной дивизии под командованием полковника Охацкого. Соединение было сформировано лишь в августе 1941 года на Кавказе и набрано из кубанских казаков, настроенных в отношении Советов весьма прохладно.

За время моего вынужденного отсутствия боеготовность батальона существенно снизилась. В особенности заметна нехватка офицерских кадров. 2-й ротой командует оберштурмфюрер Ольбетер и, несмотря на полученное ранение, отказывается покинуть подразделение. В 3-й роте участились случаи заболевания дифтеритом, заметно снизившие и без того невысокую боеготовность батальона.

1 ноября в боях под Александровкой получил ранение и оберштурмфюрер фон Бютнер.

2 ноября я сопровождал командующего дивизией в Александровку, где мы навестили наших старых боевых товарищей, и стал свидетелем того, как Герду Бремеру был вручен Рыцарский крест. Мне вдвойне приятно сопереживать искреннюю радость бойцов за своего командира. Что и говорить — рота заслужила эту награду.

Мороз сменяется дождем. В окопах воды чуть ли не по колено, вода везде — в разъезженной колее дорог, пропитала обмундирование. Грузовики и даже гусеничная техника увязают в грязи. Пехотинцы с трудом передвигаются по превратившимся в болото дорогам. Приходится использовать гужевой транспорт. Колонны двигаются черепашьими темпами — не говоря уже о резко возросшем расходе горючего. Одним словом, затраты несоизмеримы с результатами. Армия увязает в жидком месиве. Резко подскочила заболеваемость личного состава. В середине ноября ударили морозы. Приходится буквально вырубать транспортные средства из превратившейся в камень жижи и постоянно прогревать двигатели подручными средствами. Мы — армия калек.

В те дни на командном пункте в Лоханово мне довелось стать свидетелем одного, возымевшего тяжкие последствия разговора генерал-полковника фон Клейста, генерала фон Макензена, Зеппа Дитриха и экспертов по вопросам использования нефти,

выступивших с любопытным докладом о всевластии «черного золота». Эти господа непоколебимо убеждены, что продолжение войны с Россией возможно лишь при условии овладения Бакинским нефтеносным районом. Отсюда настоятельная необходимость взятия Ростова-на-Дону как важнейшая предпосылка для доступа к Баку.

Присутствовавшие военные молча выслушали доклад: назывались цифры производства и потребления горючего, доказывалась необходимость резкого увеличения нефтедобычи. Но нам для выработки компетентного заключения не хватало ни соответствующих официальных данных, ни опыта.

В военном же аспекте все обстоит несколько по-иному. Все в один голос предостерегают от наступления на Ростов-на-Дону, ссылаясь и на огромные потери личного состава и техники в частях и подразделениях, и просто-напросто на небоеготовность войск для операции подобного масштаба. Дивизии обескровлены, вооружения в них недостаточно, что же касается зимнего обмундирования, здесь речь идет уже не просто о недоработке, а о самой настоящей халатности, откровенной безответственности. С великим трудом удалось перебросить из Мариуполя русские тулупы и меховые шапки. Результат: с дистанции в 100 метров мы стали внешне неотличимы от противника. Состояние здоровья бойцов и офицеров ужасное, заболеваемость растет не по дням, а по часам. Командующие фронтовыми соединениями дают предельно трезвую оценку сложившейся ситуации, утверждая: да, мы будем наступать, да, мы возьмем Ростов-на-Дону, да, мы прогоним Советы за Дон — но нам ни за что не удержать в своих руках этот город, поскольку мы не располагаем соответствующими возможностями для его обороны.

В середине ноября в Таганроге в нечистотах на дворе бывшего здания ГПУ обнаружены тела 11 солдат 2-го батальона полка «Лейбштандарт». В сентябре эти солдаты были пленены русскими и, по свидетельству очевидцев, русских, живьем утоплены в нечистотах.

14 ноября получен приказ о наступлении на Ростов-на-Дону, и полку «Лейбштандарт» предстоит действовать на направлении главного удара. День начала наступления — 16 ноября. Но впоследствии сроки наступления меняются — вследствие внезапно ударивших морозов отказывала бронетехника.

Мой батальон следует под Султан-Салы и сразу же попадает под интенсивный оборонительный огонь русских и вынужден преодолевать обширные минные поля и хорошо оборудованные позиции русских. И все это при минус 30 градусах! Ценой невероятных усилий, когда мы были вынуждены сражаться

буквально за каждый метр, путь на Ростов открыт.

Впервые моим бойцам приходится действовать без меня, вступая, вероятно, в самый тяжелый со времени начала кампании в России период. На всем фронте у Ростова идут ожесточенные бои. Хорошо оборудованные в инженерном отношении оборонительные позиции, обширные минированные участки ведут к внушительным потерям наступающих дивизий. Герд Пляйс, бесстрашный командир 1-й роты, лишившись обеих ног, умирает по пути в полевой госпиталь. Фриц Витт со своими бойцами сражается на переднем крае. Генерал-полковник фон Макензен служит ярким примером настоящего воина, верного прусским традициям. Выпрямившись во весь рост, он шагает по снежным сугробам, лично возглавляя наступление полка «Лейбштандарт». На заснеженных подступах к Ростову-на-Дону плечом к плечу сражаются рядовые пехотинцы и генералы. Наступающие танки Т-34 сминают на своем ходу легкие противотанковые орудия на участке 60-й моторизованной дивизии, грозя прорвать нашу линию обороны, но в конце концов, окутанные клубами дыма, замирают на месте, остановленные нашими 8,8-см зенитками. Расчеты легких противотанковых орудий глотают слезы бессилия — куда им против этих стальных громил! Немецкие средства противотанковой обороны впору отправлять в музей — их калибра не хватает для уничтожения тяжелых танков неприятеля.

Но пехотинцы и танкисты, демонстрируя недюжинную волю к победе, продолжают наступать и 21 ноября врываются в упорно защищаемый русскими Ростов. 1-я рота полка «Лейб-штандарт» без потерь захватывает мост через Дон и создает плацдарм. Гейнц Шпрингер, командир этой роты, получает в этом бою шестое по счету ранение. В роте остается от силы десяток бойцов.

Завершение боев за овладение Ростовом-на-Дону ознаменовано следующим приказом:

«Командующий 3-м танковым корпусом.
Командный пункт корпуса 21.11.41 г.

ДНЕВНОЙ ПРИКАЗ ПО КОРПУСУ

Солдаты 3-го танкового корпуса!

Сражение за Ростов выиграно.

В первой половине дня 17.11 корпус перешел в наступление с приказом овладеть Ростовом и мостом через Дон. Уже 20.11 этот приказ был в полном объеме

выполнен.

Свыше 10 тысяч русских было взято в плен, кроме того, нами было захвачено 159 артиллерийских орудий, 56 танков, 2 бронепоезда и много других видов вооружений.

Солдаты моего корпуса! Мы вправе гордиться новой великой победой, плодом коллективных усилий, в которую каждый солдат внес свой посильный вклад.

Ни ледяной ветер, ни морозы, ни отсутствие зимнего обмундирования и вооружений, ни темные безлунные ночи, ни танки, ни ракетные установки, ни тысячи мин, ни возводимые в течение недель оборонительные позиции, ни тем более красноармейцы не смогли помешать нашему триумфальному шествию.

В результате внезапного и тщательно подготовленного удара с глубоким вклинением на восток, нанесенного всегда готовым выполнить любую задачу полком «Лейбштандарт», усиленным бесстрашными танкистами 13-й танковой дивизии, к которой вскоре присоединилась и вновь зарекомендовавшая себя должным образом при отражении попыток противника смять ее северное крыло 14-я танковая дивизия, противнику, несмотря на оказанное им ожесточенное сопротивление, так и не удалось удержать ни северные окраины огромного города, ни выход к Дону, включая мосты через него.

Разгромленные остатки его пытались отступить за Дон. Решительные действия 1-го батальона прославленного полка «Лейбштандарт» позволили победоносно завершить операцию по захвату в исправном состоянии железнодорожного моста через реку Дон.

60-я моторизованная пехотная дивизия в ходе проводимого на восток и юго-восток стремительного наступления осуществляла успешное прикрытие открытого фланга корпуса и овладела Ак- сайской, в то время как части 13-й танковой дивизии оперативно нанесли удар по отступаюидим с запада силам противника.

Значителен вклад в общее дело всех частей и подразделений корпуса, а также частей люфтваффе, среди которых стоит особо отметить наших пилотов-разведчиков. Теперь нам удалось окончательно перерезать главную трассу, связывавшую русских с

Кавказом.

Отныне наша задача — удержаться на достигнутых рубежах, проторить от них путь к новым победам, если этого потребует от нас фюрер.

Да здравствует фюрер!

Подп.

Генерал кавалерии Макензен»

Победа была достигнута, но уже обозначилась грядущая катастрофа. Корпус обессилел окончательно, его сил недостаточно для продолжительной обороны захваченных в ходе наступления объектов. Обескровленные, вдесятеро уменьшившиеся части и подразделения подвергаются постоянным атакам Советов.

Мой батальон сражается под командованием гауптштурмфюрера Крааса у реки Донец, отделяющейся на территории Ростова от Дона и образующей самый северный из рукавов дельты Дона. На весь район охранения расположения батальона, насчитывающий в ширину 8 километров, приходится всего 300 бойцов. В данный период в сражения брошены все: писари, водители, радисты, штабисты и офицеры. Обозы упразднены, все, кто способен держать оружие, отправлены на передовую.

Атаки Советов северо-восточнее Ростова становятся с каждым днем все ожесточеннее — русские намерены совершить прорыв и постоянно бросают в бой вновь сформированные свежие дивизии, пытаясь постоянными атаками сломить явно поубавившиеся силы немцев.

Ожесточенные схватки требуют от бойцов предельной, пожалуй, даже запредельной мобилизации сил. На обледеневшем берегу Донца лежат разрозненные мелкие группы наших пехотинцев, следя за южным берегом Дона. Отрыть окопы вручную просто невозможно, лишь с помощью динамита удается углубиться на пару десятков сантиметров в мерзлую землю и соорудить подобие окопа. Одежда снимается с погибших товарищей или даже с русских солдат — единственное средство хоть как-то уберечь себя от пронизывающего смертельного холода.

Вот уже три дня Советы зондируют почву, разными способами проверяя на прочность наши рубежи сторожевого охранения, что свидетельствует о подготовке ими крупной операции. Мои бойцы воспринимают это без излишней нервозности, чуть ли не фаталистично и продолжают исполнять свой долг. Немногочисленные оставшиеся в живых офицеры

постоянно обходят вверенные им участки, осведомляясь о том, как идут дела у солдат, каково их настроение. В какой-то хатенке встречаю Гуго Крааса и Германа Вайзера. Оба анализируют показания перебежчика из 65-й кавалерийской дивизии русских и заняты подготовкой к тяжелым и затяжным оборонительным боям.

25 ноября утрам в 5 часов 20 минут враг предпринимает попытку наступления на наиболее слабо охраняемом участке разведывательного батальона, хотя туда посланы самые исполнительные и умелые бойцы. Атаке предшествует сильнейшая артподготовка из всех калибров. Потери — нулевые. Нетрудно догадаться, что если участок пуст, то и уничтожать там нечего и некого. Однако вскоре и моим видавшим виды бойцам приходится поволноваться! Из мглы неясной массой выплывают вражеские пехотинцы, с песнями и дикими криками «ура!» они надвигаются на удерживаемые нами позиции. Солдаты в передних рядах шагают по льду Дона, сцепив локти и образуя цепь. Разрывы заложенных нами мин образуют чернеющие проруби, русские, обходя их, размыкают цепь, но никаким минам не остановить это грозное шествие, бездушной машиной надвигающееся на моих бойцов. Примерно на середине реки Советы встречает прицельный огонь, и они десятками падают на лед, как подкошенные.

Мои бойцы не верят глазам, заметив, что на смену погибшим надвигается следующая колонна — атака продолжается. В наступлении участвуют части 343-й, 31-й пехотных дивизий, а также 70-й кавалерийской дивизии. Три вновь сформированные дивизии против горсточки наших окоченевших бойцов, против трех сотен, по сути предоставленных самим себе и раскиданных на восьмикилометровом обороняемом ими участке! И этим тремстам бойцам предстоит сдержать надвигающуюся на них массу и разгромить ее!

На участке 2-й роты прорвались два батальона русского 1151-го стрелкового полка, создав угрозу прорыва всего фронта обороны. 177-й и 248-й стрелковые полки атакуют в центре обороняемого батальоном участка и тоже вот-вот прорвут оборону.

Необходимо срочно нанести врагу контрудар на участке 2-й роты, но пока для его организации нет в наличии сил. Советы буквально наседают на всем рубеже обороны, еще немного, и у горсточки лежащих за пулеметами бойцов не выдержат нервы. Атака русских напоминает снежную лавину, внезапно обрушившуюся на Ростов с гор Кавказа, постепенно теряющую силу. Первые лучи солнца, с трудом пробивающиеся сквозь

низкие облака, освещают жуткую картину. Насколько хватает глаз, белый ледяной покров Дона и его притоков усеивают бесчисленные темные точки, часть из которых продолжает шевелиться, а остальные успело припорошить снегом. Наступление русских провалилось по всему фронту, обернувшись для неприятеля колоссальными потерями. Тысячи советских солдат так и остались лежать на предполье в ожидании ночи. Лошади без всадников галопом неслись к югу, их жалобное ржанье воспринималось эхом смерти.

В результате оперативно нанесенного контрудара на участке 2-й роты уже почти окруженный противник сломался окончательно. В плен взято 6 офицеров и 393 красноармейца. Только на участке упомянутой роты потери русских составили 310 человек убитыми. Согласно показаниям пленных, задачей наступления русских было отрезать Ростов-на-Дону с запада.

Подобные наступления противник продолжил 26–27 ноября, русские, невзирая на колоссальные потери, вновь и вновь штурмовали наши позиции. Для нас загадка, как люди с такой готовностью отправляются на бойню. Несмотря на груды окоченевших трупов на льду, навстречу фатальной участи идут все новые и новые подразделения. Наступление русских 27 ноября начинается в полночь, ему предшествует артподготовка из всех калибров, в особенности неистовствуют установки реактивных снарядов, а последняя атака отбита нами в 19 часов 50 минут на участке 1-й роты. Малочисленные группы врага сумели прорваться на наши позиции, но были отброшены. Контрнаступление назначено на 28 ноября.

Потери батальона ощутимы еще и тем, что затрагивают ядро подразделения — последних остававшихся в живых офицеров и унтер-офицеров. Командование 2-й ротой принимает адъютант батальона оберштурмфюрер Х. Вайзер. Оберштурмфюрер Ольбетер ранен вторично. Последнее наступление неприятеля на участке 2-й роты наиболее пагубно отразилось на левом фланге, но все-таки было отбито ценой ужасающих потерь в рядах русских. Брошенное в атаку советское соединение было сформировано в июне месяце в Краснодаре как 128-я пехотная дивизия и приняло свой первый бой именно на участке нашего батальона. Батальон русских, атаковавший наш левый фланг, к началу операции располагал численностью в 450 человек. Потери на льду Дона составили 135 советских солдат убитыми и свыше 100 человек ранеными, оказавшимися в нашем плену, кроме того, в плен было взято 37 человек, не получивших ранений.

То, что выпало на долю нашего батальона, способен оценить лишь тот, кто на собственном опыте испытал, каково удерживать

оборону в течение нескольких суток в условиях постоянных атак противника, да еще в страшный мороз. Я видел, как пехотинцы лежали за пулеметами, глотая горькие слезы отчаяния и поливая огнем наступающего противника. Во время контратаки один командир роты (Ольбетер) повел бойцов в атаку, не надев сапог — незадолго до этого их пришлось срезать у него с ног. Естественно, что Ольбетер получил сильнейшее обморожение.

В этих схватках побеждал каждый боец в отдельности. Каждому солдату приходилось надеяться лишь на себя, может быть, еще на своего товарища из пулеметного расчета. И он сражался. Сражался, демонстрируя беспримерную стойкость, без приказа, опираясь лишь на самосознание и верность присяге.

Раненых кое-как перевязали на морозе и тут же отправили на грузовике в Таганрог. Крики и стоны раненых выносить куда труднее, чем самую опасную атаку. Не составляет труда вычислить, когда наша оборона рухнет — длительное удержание позиций, принимая во внимание наши весьма ограниченные возможности, исключается.

Даже в ночные часы бои не утихают. Брешь на участке 1-й роты разведывательного батальона удается ликвидировать с помощью нескольких штурмовых орудий к 9 часам утра. На подходах к обороняемой нами позиции свыше 300 трупов. Пленные помогают идти своим раненым товарищам. И эти обернувшиеся такими потерями для Советов атаки — не последние. Лишь к 14 часам противник окончательно отходит на 2–3 километра, постоянно наращивая при этом боевое применение артиллерии.

На остальных участках бои происходят в таких же условиях — наша оборона существенно ослаблена. Опасность прорыва русских в любом месте на линии нашей обороны Ростова-на-Дону теперь осознают и в вышестоящих штабах, со дня на день ожидая ее.

Мы все едины во мнении, что во избежание катастрофы линию фронта необходимо сократить, ибо прорыв врага не останется без последствий на всем южном фронте. У нас в тылу резервов нет и не предвидится, одна лишь голая степь. Сплошь телеграфные столбы и снежные сугробы, только они и скрадывают унылое однообразие пейзажа. Наилучшими возможностями для обороны обладает участок, примыкающий в нашем тылу к реке Миус. Только там есть надежда остановить непрерывно накатывающиеся на нас превосходящие силы русских и тем самым, ликвидировать возможность их прорыва. Поэтому вот уже несколько дней отправленные к Миусу группы занимаются установлением промежуточного рубежа у Миуса.

Именно там должен остановиться натиск русских, именно эти рубежи предстоит удержать любой ценой, потому что отступление по заснеженной степи обернется для нас катастрофическими потерями в живой силе и технике.

Пока у Дона натиск отрезвленных чудовищными потерями Советов идет на убыль, другие советские силы вновь атакуют превосходящими силами участок 60-й моторизованной пехотной дивизии, в результате чего севернее Ростова-на-Дону слабый фронт обороны немцев оказывается прорван. И на стыке наших 1-й танковой армии и 17-й армии русские осуществляют широкий прорыв фронта. 17-я армия вынуждена отступить за Донец. Весь фронт угрожающе зашатался! До самого Ленинграда на севере идут ожесточенные бои. И войска Восточного фронта с трудом противостоят напору этой махины. Трескучие морозы, почти полное отсутствие зимнего обмундирования, серьезные потери и ограниченные возможности их восполнения обрекают на провал все попытки сдержать наступление противника. Мы сражаемся за физическое выживание!

Во второй половине дня штаб 3-го танкового корпуса высылает приказ об оставлении Ростова-на-Дону и поэтапном выводе войск из города на подготовленные оборонительные рубежи у Миуса. С ожесточенными боями полку «Лейбштандарт» удается покинуть Ростов-на-Дону с минимальными потерями и при поддержке 13-й дивизии занять подготовленные позиции. На момент отступления я находился в штабе дивизии. Мы с облегчением восприняли приказ о сдаче города и сокращении протяженности линии фронта. Это решение предотвратило катастрофу огромного масштаба. Поэтому новость о том, что из ставки фюрера поступил диаметрально противоположный приказ продолжать удерживать Ростов всеми средствами, мы восприняли как обухом по голове. Дело в том, что выполнить этот приказ совершенно нереально. И факт появления подобных Приказов свидетельствует о том, что в ставке просто не в курсе серьезности положения на фронте. Войска в темное время суток едва держатся на ногах в жуткий мороз. Обжигающий восточный ветер, снег, ощущение полной беспомощности и заброшенности — все это просто невыносимо. Мы ломаем голову над тем, как быть. Как вообще мог появиться пресловутый приказ? Мы единодушно решаем игнорировать его и продолжить отступление на заранее подготовленные позиции. Войска безмерно благодарны твердости, проявленной фельдмаршалом фон Рунштедтом, генералом фон Макензеном и остальными командующими. Именно они своим решением спасли жизнь сотням, а может быть, и тысячам солдат и сумели предотвратить падение южного

фронта. Справедливости ради следует отметить, что и Зепп Дитрих подверг приказ ставки фюрера уничтожающей критике и поддержал решение командования 3-го танкового корпуса как единственно верное. Думаю, что не ошибусь, утверждая, что и я целиком и полностью был на стороне фельдмаршала фон Рунштедта. Позиция фельдмаршала возымела действие — вскоре он был смещен со своего поста и заменен фельдмаршалом фон Рейхенау.

А русские дивизии тем временем продолжают наседать на нас. Их прорывы стали повсеместным явлением, и устранять их каждый раз становится все труднее.

Мой батальон действует на левом фланге полка «Лейбштандарт» и имеет связь по фронту с 60-й моторизованной пехотной дивизией. В условиях взаимовыручки все же удается сдержать противника и оборудовать опорные пункты с помощью русских добровольцев. Численность личного состава снизилась настолько, что командующие решились на беспрецедентный шаг — использовать антибольшевистски настроенных русских в действующих подразделениях. Поэтому я не удивлен, что, приехав к своим товарищам, вижу, что на позициях в обороне стоят сплошь русские. Добровольцы родом либо с Кавказа, либо с Украины. Их готовность сражаться превыше всяческих похвал, поэтому наши бойцы безоговорочно приняли их.

В декабре в одной из перестрелок гибнет мой лучший боевой товарищ. Наш трудолюбивый переводчик, мой бесстрашный подчиненный, ни на минуту не покидавший меня в самые трудные минуты, он был самым способным офицером батальона и служил примером для всех. Речь идет о Гердте Пляйсе. Последнее пристанище Гердт обрел у железнодорожной насыпи в Таганроге.

Незадолго до Рождества на меня сваливается счастье. Мне предоставлена возможность побывать на родине. Вместе с еще несколькими боевыми товарищами мы забираемся в «Ю-52», на котором летим из Таганрога через Умань во Львов, а уже оттуда едем в рейх поездом. И вот я 18 часов спустя в видавшей виды фронтовой форме стою на берлинском вокзале Фридрихштрассе, откуда по телефону связываюсь со своими родными. Увы, но время летит, и час отъезда неумолимо приближается.

30 декабря получаю приказ 1 января явиться лично к Адольфу Гитлеру. У входа в имперскую канцелярию мне вручают проездные документы. В Германии тоже жуткие холода. На вокзале Зоо в Берлине прощаюсь с женой и сажусь в нетопленый вагон. Моим соседом по купе оказывается посол Японии в Германии, которому по делам предстоит побывать в Восточной Пруссии и который, уже имея опыт передвижения в нетопленых

вагонах, предусмотрительно запасся коньяком. Едва поезд выехал из Берлина, как мы воздали должное запасам «огненной воды» японского дипломата.

В Коршене меня встречают мои товарищи и доставляют через дремучие леса Восточной Пруссии в ставку фюрера. На нескольких КПП у нас придирчиво проверяют документы и по телефону докладывают о нашем проезде на следующий КПП. Контрольно-пропускная служба осуществляется личным составом танковой дивизии «Великая Германия». Ставка состоит из жилых бункеров и обычных деревянных бараков, прекрасно замаскированных и практически неразличимых среди высоких деревьев. Условия проживания просты, видно, что во главу угла здесь поставлена целесообразность.

Меня встречает гауптштурмфюрер Пфайфер и объясняет причину вызова в ставку. Из слов Пфайфера я делаю вывод, что Адольф Гитлер серьезно озабочен положением на фронтах, поэтому желает получить сведения из первых рук.

Адольф Гитлер выглядит хорошо, в общении прост. С удивлением отмечаю его компетентность в вопросах вооружений, он свободно ориентируется в типах танков, а также в достоинствах и недостатках различных моделей. Но больше всего меня поражает его осведомленность о боевых действиях вверенного мне батальона, о применяемой мной тактике. В знак оценки одержанных побед батальон усилен легкой моторизованной ротой и тяжелыми пехотными вооружениями.

Относительно положения в районе Ростова-на-Дону я предпочитаю говорить начистоту, не позабыв упомянуть и о нечеловеческих условиях, в которых вынуждены действовать войска, делая упор на недокомплекте личного состава, на трудности с пополнением. Генерал-полковник Йодль подтверждает доложенное мной, ссылается на аналогичные донесения и из других частей, сражающихся на Восточном фронте. Из беседы с Адольфом Гитлером заключаю, что он весьма озабочен создавшимся положением и готов лично проследить за устранением всех перечисленных недостатков.

3 января на «Хе-111» вместе с полковником Цейцлером вылетаю в Мариуполь. В Мариуполе пересаживаюсь на «Физелер шторьх», который должен доставить меня в Таганрог. По пути туда мы пролетаем над дымящими обломками «Ю-52». Пилот совершает посадку неподалеку от командного пункта дивизии, а я, покинув борт, сажусь на сани, запряженные лошадьми. И вот я, изрядно продрогший, после 16-дневного отсутствия вновь в части.

В первую же ночь сменяю Гуго Крааса и вновь принимаю на

себя командование батальоном. На рассвете впервые за долгое время обхожу позиции. Итак, я снова дома. С начала боевых действий в России и по 15 декабря 1941 года моим батальоном понесены следующие потери.

Погибшие:

6 командиров (офицерский состав)

9 командиров (унтер-офицерский состав)

79 человек рядового состава

Раненые:

20 командиров (офицерский состав)

33 командира (унтер-офицерский состав)

308 человек рядового состава

Пропали без вести:

1командир (офицерский состав)

2 командира (унтер-офицерский состав)

7 человек рядового состава

Пополнение:

11 командиров (офицерский состав)

1 командир (унтер-офицерский состав)

186 человек рядового состава

За указанный период разведбатом взято в плен 112 русских офицеров и 10 142 человека рядового состава.

Позиции проходят наискосок через село Самбек и расположены у откоса протяженного хребта. Перед нами раскинулись затопленные луговины с чернеющими кое-где зарослями ивняка. На отдельных участках позиции русских всего в сотне метров от наших. На фронте затишье. Кроме перестрелок разведгрупп да отдельных артиллерийских залпов, боевых действий нет. Лично я считаю, что в такой обстановке нет необходимости посылать и разведгруппы, поэтому вот уже несколько недель обхожусь без потерь личного состава батальона. Но зато кипит работа по укреплению и оборудованию позиций, в частности, большое внимание уделяю минированию подходов. И здесь земляные работы осуществляются при поддержке местного населения, которое войска обеспечивают питанием и, кроме того, предоставляют медицинскую помощь. Я считаю в корне неправильным просто гонять под ружьем на работы в мороз местное население. Ничего доброго из этого не выйдет. Это ожесточает мирное население. А вот на добровольных началах, да еще в обмен на соответствующие льготы — пожалуйста. Так что нечему удивляться, когда я в кратчайшие сроки наилучшим образом обустраиваю позиции, поглядеть на которые приходят и офицеры из соседних подразделений. В наших подземных сооружениях вполне можно жить.

Весной происходит один весьма любопытный эпизод, умолчать о котором я просто не могу. Однажды мой водитель Макс Борнхефт приносит мне тарелку с нарезанным на кусочки мясом. На мой вопрос, что это, он отвечает, что это, мол, голубиные ножки, которые ему удалось достать в Таганроге, как он выразился, благодаря своим «связям». Попробовал мясо и убедился, что оно не только съедобно, но и вкусно, однако весьма сомнительно, чтобы это была голубятина. Макс не выдерживает и признается, что это, разумеется, не голубятина, а лягушатина.

Морозы спали, сменившись распутицей, практически парализовавшей войсковой подвоз, да и ведение боевых действий сделавшей невозможным. Нам не дает покоя вопрос: как воевать в таких условиях? Ни о какой обороне говорить не приходится, а для широкомасштабного наступления у войск Восточного фронта не хватает силенок. Ну и как все-таки продолжать эту войну? Об оборонительном решении и речи быть не может, а для наступления силы отсутствуют. Ударные дивизии первого эшелона все еще находятся на позициях и заняты пополнением личного состава. Мы опасаемся, что в один прекрасный день нас просто внезапно снимут с позиций и погонят в наступление вместе с кое-как сформированными частями.

После того как 1-я танковая армия и части 17-й армии нанесли сокрушительный удар глубоко вклинившимся в районе Харькова частям русских, в конце мая нас сняли с зимних позиций и перебросили в район Сталино. К нам подогнали и сформированные за зиму части, перемешав личный состав со «старыми волками». Интенсивная огневая подготовка вскоре привела мой батальон в форму. Сейчас подразделение вооружено лучше, чем в 1941 году, накопленный боевой опыт также не прошел даром, и мы превратились в серьезного для русских противника. Боевой дух на высоте. Бойцы всех рангов в ходе как наступательных, так и оборонительных операций против численно превосходящего противника обрели веру в свои силы и в своих офицеров.

В начале июня полк «Лейбштандарт» внезапно снимают с передовой и перебрасывают во Францию в рамках подготовки к возможному вторжению сил союзников. Мое подразделение дислоцировано в районе Кана[24] штаб разместили в Бретвиле-сюр-Лез. Мы быстро осваиваемся в Нормандии. В ходе боевой подготовки отрабатываются все мыслимые варианты операций, и вскоре батальон достигает высокого уровня, предъявляемого к войскам мирного времени.

Всю осень нас готовят к высадке на севере Африки, однако судьбе было угодно распорядиться по-другому. Трагедия 6-й

армии под Сталинградом определила решение о переброске нас снова в Россию. Таким образом, мы уцелели лишь благодаря стечению обстоятельств. Дивизии, действовавшие на соседних с нашим участках зимой 1941/1942 года, перестали существовать. В спешке покинув Францию, мы снова направляемся на восток. Наша цель — фронт восточнее Харькова.

Зимние сражения 1942/1943 г

В ноябре 1942 года в большой излучине Дона началось самое крупное до сих пор наступление Советов.

Характерным для этой широкомасштабной наступательной операции было следующее.

Неприятель располагал живой силой и техникой в невиданных до сих пор масштабах. Наступление замышлялось как широкомасштабная операция, причем спланированная в соответствии с немецкими принципами управления войсками. Операция была поделена на этапы, точно согласованные по времени.

Прорыв на Дону в районе Серафимовича. Одновременно с этим прорыв у Красноармейска южнее Сталинграда. Это позволяло одним ударом разгромить две румынские армии; 6-я же немецкая армия за короткий период времени должна была быть полностью окружена и также разгромлена.

Наступление сосредоточенных западнее и северо-западнее Сталинграда двух групп армий в западном направлении.

Выдвижение советского Южного фронта по обоим берегам Дона на направлении главного удара на Ростов-на-Дону и южнее Донбасса. Это автоматически предполагало разделение двух немецких армий, действующих на кавказском направлении, от их связей через Ростов-на-Дону.

Наступление Юго-Западного фронта русских в районе, ограниченном железнодорожными линиями Сталинград—Морозовск и Кантемировка—Старобельск, цель — район севернее Донца. Это создавало фланговую и тыловую угрозу для итальянской и венгерской армий, действовавших северо-западнее первого участка прорыва. Обе армии вынуждены были поэтому покинуть свои оборудованные позиции без какого-либо серьезного отпора русским. Это был даже не отход, а самое настоящее бегство. Войска советского Юго-Западного фронта успешно форсировали Дон северо- западнее Сталинграда.

После выхода Юго-Западного фронта русских к нижнему течению Донца и Осколу южное крыло Воронежского фронта также перешло в наступление на западном направлении.

Выступ на восток, образовавшийся вследствие отхода действовавшей южнее венгерской армии, где располагались части 7-го и 13-го немецких армейских корпусов, с севера и юга были взяты в клещи. После соединения двух клиньев наступления русских в районе Касторного оба корпуса немцев оказались в окружении.

Затем весь Воронежский фронт русских перешел в наступление на западном направлении. Произошел прорыв наскоро созданных командованием 1-й немецкой армии оборонительных позиций. В ходе дальнейшего наступления на запад русские овладели Курском и Рыльском.

Южное крыло перешло в наступление из района Ливны и атаковало отступающие части правого фланга 2-й немецкой танковой армии. Северный фланг, выйдя из района северо-восточнее Орла, атаковал Орел.

Оперативные цели и сам ход русского зимнего наступления четко прослеживались.

Наступательные операции отдельных фронтов русских были согласованы по времени таким образом, что каждый фронт отхватывал кусок обороны немцев.

От Сталинграда на юге и до Орла на севере наступление русских проходило согласно запланированному графику. Ожидаемые успехи имели место на участках 8-й итальянской и 2-й венгерской армий. Между Славянском и районом чуть севернее Курска немецкий фронт оказался прорван на участке шириной более 500 километров. Армии двух фронтов русских неукротимо двигались на запад.

Оперативная цель — сокрушение Восточного фронта немцев, — казалось, была близка к достижению.

Очередной целью наступления русские объявили Днепр. Русские не обращали внимания ни на основательно потрепанные в боях войска, ни на сложности с войсковым снабжением, ни на растущие потери. Их не волновало отставание артиллерийских частей в ходе стремительной наступательной операции, ни то, что большей частью их стрелковые дивизии состояли из необстрелянного контингента.

Вследствие разгрома пяти немецких и союзных армий противник сумел добиться значительного численного превосходства. В ходе дальнейших операций русские подавляли немцев именно численным большинством в живой силе.

Но очевидным было и то, что русские умудрились проглядеть кульминационный пункт своего наступления. А он между тем произошел у Донца. Войсковое снабжение, сопряженное с огромными трудностями вследствие суровой зимы и колоссальных расстояний, не могло не сказаться на боеспособности участвовавших в операциях войск. На многих сотнях километров наступательный фронт русских оказался парализован.

Опытность германского командования и высокий уровень боевой выучки войск все же взяли верх над противником,

превосходившим немцев и в живой силе, и в технике. И коренной перелом в ходе наступления во многом стал возможен благодаря участию дивизий СС, а также полка «Лейбштандарт», 3-й дивизии СС «Мертвая голова», дивизии «Дас Райх».

Сражение за Харьков

В конце января 1943 года русские сумели выйти на линию Донец в районе Ворошиловграда — Старобельск — Валуйки — верхнее течение Оскола и продолжить наступление на западном направлении. Из наших частей 320-я пехотная дивизия стоит под Сватово, в Купянске собирается с силами изрядно поредевшая в ходе арьергардных боев 298-я пехотная дивизия, западнее Валуек дислоцированы части дивизии СС «Великая Германия», а в районе Корочи корпус под командованием Крамера пытается собрать разрозненные остатки сильно пострадавших немецких и венгерских частей, отступающих из района верхнего Дона.

Линия обороны разорвана во многих местах. Обороняющей этот участок 8-й итальянской армией командует немецкий генерал. Танковый корпус СС в это время вместе со штабом, большей частью дивизии «Дас Райх» и наиболее боеспособными подразделениями полка «Лейбштандарт» прибывает в район Харькова. Полк «Лейбштандарт» готовится занять оборону у Донца по обеим сторонам Чугуева.

Замысел верховного главнокомандования сухопутных войск — единым кулаком бросить в контрнаступление части танкового корпуса СС — не удается осуществить вследствие молниеносного продвижения русских. Необходимо не позволить русским нанести удар в наступательный клин немецкого корпуса. Части дивизии «Дас Райх» продвигаются в район западнее Валуек.

Глубокий снег и сильные морозы затрудняют продвижение частей и подразделений. Мы выгрузились восточнее Харькова, батальону поставлена задача создать плацдарм под Чугуевом и соединиться с 298-й пехотной дивизией. За минувшие годы мы разучились обсуждать всякого рода немыслимые приказы, да и задумываться по поводу сильного численного превосходства врага тоже. Как утратили и способность мыслить традиционными военными категориями. От германского пехотинца требуют воистину сказочных способностей. Поэтому нас не удивляет, что дивизии «Лейбштандарт» приказано удерживать участок фронта шириной в 90 километров (!) и противостоять натиску 6-й советской армии (!).

Толстые, окоченевшие на морозе бревна угрожающе скрипят под танковыми гусеницами, опасливо пробирающимися по длинному деревянному мосту через Донец неподалеку от Чугуева. Я веду батальон к прежним позициям русских, обороняемым ими во время зимних сражений 1941/42 года, тянущимся вдоль берега Донца. Эти позиции здорово выручат наших пехотинцев — не

надо будет вгрызаться в промерзшую, окаменевшую землю. По снежной пустыне лениво тянутся разгромленные итальянские части. Со стороны Купянска двигаются запряженные едва живыми лошадьми повозки с немецкими ранеными. Отступающие войска медленно минуют мост. Сражения для них закончились, по крайней мере, на долгое время.

Батальону предстоит оборонять участок фронта длиной в 10 километров, кроме того, две роты выделены в поддержку 298-й пехотной дивизии, действующей в районе Купянска.

Восточнее Купянска сражается 298-я пехотная дивизия. Под натиском численно превосходящих сил русских она вынуждена отступить к Купянску. 2-я рота под командованием оберштурмфюрера Вайзера ведет бои севернее Купянска в Двуречной, в последний момент и ей удается с боями прорваться в направлении Купянска. Никакого немецкого фронта обороны больше нет. Наши укрепленные опорные пункты враг удачно обходит с двух сторон, и они оказываются отрезанными от основных сил и тоже вынуждены отойти. Изрезанная оврагами и балками местность изобилует снежными преградами, из-за которых ни о каком ведении боевых действий и говорить не приходится, и войска вынуждены использовать единственную мало-мальски проезжую дорогу. Артиллерия прочно засела на позициях — ее не сдвинуть с места ни гужевым способом, ни тягачами. Дорога представляет собой настоящий ледяной каток.

Стоит лишь взглянуть на участок на оперативной карте, где действует 298-я дивизия, и я убеждаюсь, что соединению не устоять и что максимум сутки спустя оборона ее рухнет. Несколько дней спустя русские атакуют мой батальон, пытаясь овладеть переправой у Чугуева. Рота Книттеля до сих пор в распоряжении 298-й дивизии и, добираясь до родного батальона, действующего восточнее Донца, вынуждена с боями продвигаться по узкой дороге.

В сумерках уходящего дня я возвращаюсь в подразделение и вижу множество отставших от своих частей солдат, которые безумно счастливы, что оказались у своих.

Обстановка становится все более и более угрожающей. Силы Советов рвутся к Донцу, грозя отрезать от тыловых связей сражающиеся восточнее реки части. Мне приходится думать, как быть с ротой Книттеля, до сих пор остающейся в составе 298-й дивизии.

Между тем мы всеми способами укрепили свои позиции, основательно подготовив их к ведению круговой обороны. По воле случая мы запасаемся более надежными вооружениями: с товарного состава, стоящего на путях, мы сумели выгрузить с

десяток 7,5-см противотанковых и 6 тяжелых пехотных орудий. Расчеты пришлось спешно комплектовать из числа прибившихся к нашему батальону солдат-пехотинцев.

3-й роте на дороге Купянск—Чугуев все же удается оторваться от преследования противника и без серьезных потерь добраться до батальона. 298-я пехотная дивизия, лишившись на занесенных снегом дорогах всей своей артиллерии, продолжает с боями пробиваться на запад южнее дороги. На данный момент связи с дивизией нет.

Я в сопровождении двух бронеавтомобилей направляюсь к Купянску — необходимо самому разобраться в том, что происходит. Ледяной ветер гонит колючий снег, и вдруг я различаю запряженные волами сани. Мы медленно нагоняем их. Может, ловушка?

Оказывается, что это не ловушка — на санях лежит унтершарфюрер Крюгер («Ом»), который, невзирая на полученное ранение, сумел вскочить в сани и на них уйти от русских. От Крюгера узнаю, что разгромленные остатки 298-й пехотной дивизии бродят где-то по заснеженным полям. Полчаса спустя мы действительно обнаруживаем 20 человек из упомянутой дивизии и сажаем их на броню машин. Трудно описать их благодарность — они уже распрощались с жизнью. Немудрено, в такой-то мороз они за ночь превратились бы в окоченевшие трупы, а снегопад обеспечил бы им белый саван.

По обе стороны дороги мы замечаем силуэты русских танков, медленно направляющихся на запад. Русские танкисты избегают дорог, предпочитая пробираться через покрытые снегом поля. Нет сомнений в том, что цель их — взять в клещи наше предмостное укрепление и перемолоть его стальными гусеницами.

На основе визуальных наблюдений принимаю решение привести в готовность противотанковые средства. Схватки с русскими предстоит ожидать в ближайшие сутки. Выдержим ли мы их натиск или же отступим?

Мои бойцы прекрасно ориентируются в сложившейся обстановке и в курсе всех тактических методов ведения боя. Мой замысел: нанести Советам сокрушительный удар, но с минимальным риском для себя. Пусть опьяненные победой красноармейцы сами ринутся навстречу своей погибели. Пока противотанковые орудия выдвигаются по обе стороны дороги, на флангах батальона уже стоят готовые к бою штурмовые орудия и взводы истребителей танков. С ними налажена надежная связь. Реакция на мои распоряжения мгновенная, бойцы убеждены в своей силе и умениях — всеобщий страх перед русскими не заразил их.

Утром ярко светит солнце, освещая бескрайнее снежное поле, предстоит погожий зимний день. Русским, если они надумают наступать, предстоит одолеть примерно полуторакилометровый подъем, так что у них нет ни малейшей возможности подобраться к нам скрытно. Трудно даже представить, какова будет их участь, реши они атаковать. А враг между тем по обеим сторонам дороги подтягивает силы пехоты. На верную гибель, потому что мы замаскировались в тени высоких деревьев и заметить нас непросто, разве что в самый последний момент. Для закрепления успеха я строго предупреждаю бойцов не открывать огня вплоть до особого распоряжения. И мы, подготовившись таким образом, ждем встречи с противником.

С западного берега Донца, где расположен наш наблюдательный пункт, мы получаем первые сведения о наступающих русских. Наша артиллерия пока молчит. Пусть русские думают, что 298-я пехотная дивизия — последние силы немцев, которые они разгромили восточнее Донца, и что у моста сосредоточились лишь остатки наших сил.

К полудню русские успели продвинуться слева от дороги к нашему предмостному укреплению. Сначала они, явно выжидая, замерли на высоте и изучают поросший лесом берег реки, после чего стали перестраиваться в боевые порядки. На оконечности правого фланга Советов я различаю два танка типа «ИС-2». Машины направляются прямиком к нашим противотанковым подразделениям, что решает их участь.

Передовые подразделения неторопливо приближаются к нашим позициям. Пока что не прогремело ни одного выстрела. Вокруг тишина. Я не имею возможности видеть, что происходит на участке Бремера, но рота постоянно держит меня в курсе обстановки. Русские постепенно спускаются с высоты, их все больше и больше. Вскоре уже целый спуск весь в крохотных движущихся черных точках. Тут передовые подразделения останавливаются, прислушиваются, но, ничего подозрительного не заметив, продолжают двигаться на запад.

А что же мы? Мои бойцы мерзнут в окопах, нетерпеливо дожидаясь сигнала открыть огонь.

Из телефонной трубки я слышу, как мой левый фланг докладывает данные о дистанции до противника. Телефон не умолкает — сообщают данные и артиллеристы. Бор кричит в трубку: «Еще 500 метров!» Пару минут спустя бойцов 1-роты от русских отделяют всего 200 метров. Командир роты просит разрешения открыть огонь. Я разрешения не даю. На откосе показываются оба русских танка и начинают выдвигаться в авангард атаки. Из трубки доносится взволнованный голос Бора

— он вместо Бремера командует 1-й ротой: «Всего 100 метров!» А когда я никак не реагирую на цифру в 75 метров, в голосе Бора отчетливо слышен страх. Танки успели продвинуться примерно на 150 метров к позициям, и вот тогда я командую: «Огонь!» Один танк подбит с первого же выстрела нашего орудия. В рядах русских смятение. Да, смерть собрала неплохой урожай. Вскоре замирает в неподвижности и хвост колонны русских. Враг в ловушке — этот спуск, как и ожидалось, стал для них роковым.

Но какой прок от нашей успешной операции восточнее Чугуева, если фронт на многих километрах ходит ходуном? 8 февраля на обоих флангах оборонительного фронта у Харькова наступает кризис. Фланги обойдены двумя русскими армиями. На юге мы запоздали убрать из Оскола 320-ю пехотную дивизию, и теперь ей, лишившейся связи с внешним миром, с 5 февраля приходится пробиваться по занесенным снегом дорогам для соединения с основными силами.

Русские прощупывают фронт полка «Лейбштандарт» и под Змиевом обнаруживают южный фланг. А между этим флангом и частями 320-й пехотной дивизии зияет 40-километровая брешь. Именно там и следует ожидать удар противника в линию обороны Харькова под Мерефой. Малочисленная танковая группа полка «Лейбштандарт» срочно перебрасывается под Мерефу с задачей блокировать дорогу на Харьков.

Но создается угроза и для нашего северного фланга. Там восточнее Белгорода сражается малочисленный корпус, и корпус этот русские уже успели обойти с флангов. Начинается оперативный охват Харькова, и эту операцию имеющимися в нашем распоряжении силами не предотвратить. Одновременно советское командование готовит удар по северному флангу Донбасса. Кроме наступления на линии Белгород—Харьков четко прослеживается намерение противника решительными операциями отрезать еще удерживающийся немецкий фронт между Азовским морем и Славянском от его тыловых коммуникаций, а затем и полностью уничтожить его.

Смертельный удар планируется нанести через Лозовую и Павлоград на Днепропетровск и Запорожье. Для его осуществления в полной готовности севернее Славянска сосредоточились 5 танковых и 3 стрелковых корпуса. 1-я советская гвардейская армия, не встречая на своем пути сопротивления, устремляется (после сдачи Изюма) в образовавшееся свободное место на юго-востоке; действующая на правом фланге 6-я советская гвардейская армия, отрезав 320-ю пехотную дивизию, переходит в наступление. В случае удачи данной операции группа армий «Юг» окажется отрезанной от

тыловых коммуникаций, путь к Днепру окажется свободным, а вместе с ним и на запад Украины.

В результате прорыва удается восстановить связь с остатками 298-й пехотной дивизии и переправить их за Донец. На предмостном укреплении настроение ниже нуля. Всем и каждому понятно, что для наших позиций создалась серьезнейшая фланговая угроза и что войска придется отводить за Донец.

Неприятель широким фронтом стоит у Донца и пытается пробиться между правым флангом полка «Лейбштандарт» и 320-й пехотной дивизией. Силы его настолько велики, что сдержать натиск возможно лишь при условии наличия значительных сил и продуманной широкомасштабной операции. Обстановка диктует либо немедленный удар с целью прорыва кольца охвата Харькова с юга ценой сдачи города, либо сосредоточение всех имеющихся сил вокруг него — занять круговую оборону, что, по существу, равнозначно окружению.

9 февраля батальон получает приказ уйти с Донца и быть готовым к наступлению южнее Харькова в районе Мерефы.

Отрыв от противника происходит без каких-либо осложнений или потерь. Мы уже рады тому, что не сидим на месте и слышим гул двигателей. По занесенным снегом лесным дорогам, по полуразвалившимся мостам мы продвигаемся на запад и к полуночи оказываемся в районе Мерефы.

Только здесь я осознаю всю серьезность положения, как и то, что танковый корпус СС рискует оказаться в кольце окружения в случае выполнения приказа защищать Харьков до последнего патрона. Исполнение данного приказа будет означать для корпуса гибель и, как следствие, выход русских к Днепру. В тылу танкового корпуса СС больше нет войск, способных противостоять натиску русских.

Командующий корпусом генерал Хауссер принимает решение силами трех ударных групп наступать на юг, устранить угрозу правому флангу и тем самым предотвратить окружение Харькова.

Развертывание войск для наступления затруднено глубоким снегом, но уже в первые утренние часы все готовы. Моя ударная группа находится на правом фланге. Ей поставлена задача наступать на Алексеевку. Это означает, что нам предстоит около 70 километров преодолеть по вражеской территории, есть вероятность и наткнуться на силы русских на основных маршрутах передвижения. Прощаюсь со штабом дивизии и направляюсь в голову колонны. Там быстро излагаю подчиненным поставленную нам задачу. Теперь каждый боец знает, что его ждет и что нам предстоят нелегкие дни. Мои товарищи слушают меня, стараясь не упустить ничего из

сказанного мною, когда я обрисовываю критическое положение, в котором мы оказались, и указываю на возможную опасность. Испуга на лице подчиненных я, вопреки ожиданию, не заметил, как, впрочем, и удивления. Мои товарищи стоят передо мной с раскрасневшимися на морозе лицами, засунув руки в карманы поглубже. Я знаю этих офицеров давно, некоторых из них не один год. Унтер-офицеры и рядовой состав преданы мне и вместе с прибывшим не так давно пополнением образуют сплоченный боевой коллектив. С ними я готов на любую, даже самую рискованную операцию в тылу русских. Товарищество и несгибаемая верность, объединяющая нас, — самое сильное наше оружие.

И вот наша ударная группа стоит, перестроившись для атаки, на заснеженной дороге южнее Мерефы. От того места, где мы находимся, дорога отлого спускается и в нескольких сотнях метров исчезает за домиками поселка. У этого населенного пункта мы замечаем несколько поврежденных амфибий из дивизии «Дас Райх». Вероятно, здесь русские разгромили разведгруппу дивизии.

Вокруг все спокойно. Чуть справа за селом вдоль дороги протянулся лесной массив — и там тоже не видно ни души. Рядом со мной стоит возглавляющий колонну офицер — оберштурмфюрер Шульц, которому довелось участвовать и в наступлении на Ростов-на-Дону. Оберштурмфюрер фон Риббентроп — командир головной машины.

Мы не имеем возможности наступать разомкнутым боевым порядком. Глубокий снег практически исключает любой маневр, превращая его в авантюру. Расход горючего и так превысил все мыслимые нормы. Ради сохранения темпа и фактора внезапности мы вынуждены следовать только по дороге.

Шульцу поставлена задача под прикрытием танков проехать через село и ожидать прибытия батальона в небольшом лесном массиве. Мой замысел: ошеломить противника внезапным прорывом головного отряда и, не снижая скорости, провести группу на юг.

Шульц, поднявшись на заднем сиденье мотоцикла с коляской, вытягивает руку вверх. Махнув мне, он кричит водителю: «Вперед!» Несколько секунд спустя первая группа бойцов исчезает между хатами, а остальная часть взвода устремляется за головным отрядом.

Макс Вертингер, мой новый водитель, наслышан о наших прежних вылазках и на полном ходу врывается в село. Непосредственно за нами сомкнутым боевым порядком следует ударная группа. Село оживает! Русские выбегают из хат и

открывают огонь по нашей колонне. Но основная масса красноармейцев стремится укрыться в близлежащем лесном массиве. Слева замечаю противотанковое орудие, изготовленное к бою. Оно тут же обстреляно на ходу бойцами нашей колонны. За следующим поворотом в снегу залег оберштурмфюрер Шульц. Вопреки моему предупреждению он соскочил с мотоцикла и ведет яростную перестрелку с русскими, пока не погибает от выстрела в грудь. Тело павшего командира взвода привозит оберштурмфюрер Зандер. Потом, чтобы похоронить Шульца, нам пришлось взрывать мерзлую землю.

Сделав над нами круг, пикирующие бомбардировщики исчезают в западном направлении — они очистили территорию в Харькове. Пилоты в знак приветствия покачивают крыльями и обстреливают колонны русских. Впоследствии из показаний взятых в плен мы узнаем, что мы врезались в острие наступающего клина русских — 6-го гвардейского кавалерийского корпуса — и промчались сквозь него.

Мы кинжалом врезаемся в двигающиеся на запад колонны. 11 февраля во второй половине дня начинается страшная снежная буря, едва не парализовавшая наше продвижение вперед. Чтобы пробить путь, приходится действовать лопатами, но и от этого мало толку — машины замерли друг за другом, и нет никакой возможности для объезда. А «дорога» — глубокий ров в снегу. Танки, словно плуги, пробираются сквозь спрессованную снежную массу. Метр за метром вгрызаются они в сверкающую белую стену. Врага мы различаем как тень, силуэт. Обе стороны пытаются противостоять всесилию природы.

В сумерках мы оказываемся перед обширной балкой, я раздумываю, стоит ли нам забираться в полную сугробов низину. Если верить карте, балка эта насчитывает в ширину около километра. За ней — село, именно туда нам и надо, если мы, конечно, не намерены заживо похоронить себя в снегу. Отправляю несколько человек на лыжах в разведку.

Мы с Вюнше остаемся в боевом охранении, дожидаясь возвращения наших разведчиков. Те сообщат нам, следует ли предпринимать попытку одолеть этот ландшафт или же он непроходим.

Мы сидим, укрывшись за сугробом, вдруг прибегает кто-то из охранения:

— Танки!

И верно, этот парень не ошибся. Нам даже послышался гул двигателей. Вражеский танк показывается из-за заснеженного склона в нескольких сотнях метров от нас. Мы быстро предупреждаем экипаж нашего головного танка. Стрелок застыл у

орудия, готовый в любую секунду открыть огонь. Танк медленно взбирается по склону. Макс Вюнше шепчет мне:

— Гляди-ка, он башню на нас направил! Видишь?

И вдруг боец из охранения заливисто хохочет. Оказывается, перед нами огромный сибирский бык, которого мы поспешили принять за танк. Неважная видимость в сумерках сыграла с нами злую шутку. Несмотря на то что мы еле живы от холода, покатываемся со смеху.

Часом позже мы уже в селе, изгнав красноармейцев из теплых гнездышек. На часах только шесть вечера, но тьма вокруг хоть глаз выколи — не разберешь, где свои, где чужие. Мы едва ползем по снегу, ни о какой ориентировке в кромешной тьме и речи быть не может. Выясняется, что мы угодили в самую гущу 6-го советского гвардейского корпуса. Артиллерия и обоз по-прежнему отрезаны от основной части ударной группы. В результате неприятельской атаки маршевая колонна оказалась рассечена надвое. Артиллеристам пришлось занять круговую оборону. По радио узнаю, что вражеский клин в 25 километрах от нас и что русские собрались нанести удар в направлении Красноград. Однако подступы к Красноград надежно прикрыты вовремя подоспевшим полком «Туле» дивизии «Мертвая голова». Основная же масса дивизии находится где-то в пути между Францией и Днепром!

Восточнее Харькова две усиленные полковые группировки ведут ожесточенные бои с противником. Защитники Змиева не выдерживают постоянных атак русских, поддерживаемых значительными силами танков. Под Роганью истончившаяся линия обороны едва удерживается под натиском усиливающихся атак русских. Сражения принимают все более ожесточенный характер, не чураясь жестокостей. Так, на аэродроме Рогань русские творили воистину страшные вещи с нашими пленными. Это выяснилось после удачно проведенной нами контратаки, когда мы обнаружили 50 обезображенных трупов. У десятерых наших бойцов были выколоты глаза и отрезаны половые органы, почти на всех трупах наблюдались следы ожогов, а еще десять человек представляли собой обугленные головешки.

Севернее Харькова противник также наседает: овладев Белгородом, армия русских сумела глубоко вклиниться на одном из участков северо-западнее Харькова. До утра 13 февраля харьковский оборонительный фронт на левом фланге вытянулся от Русских Тишков (севернее Русского) до станции Емцов и дальше к Фески.

Батальону боевых машин пехоты под командованием Йоахима Пайпера удается установить связь восточнее Змиева с

320-й пехотной дивизией и разгромить силы противника восточнее Водяного. Остатки 320-й пехотной дивизии потрепаны в боях до основания и представляют собой жалкое зрелище. Свыше 1500 раненых сразу же переправлены на транспортных средствах корпуса в тыл. Дивизия, бойцы которой от голода едва держатся на ногах, поступает на довольствие полка «Лейбштандарт».

Советы неудержимым потоком устремляются дальше на запад и приближаются к Днепропетровску. Весь наш Южный фронт в опасности. Вследствие развитий события по данному сценарию получаю приказ: невзирая на всю серьезность положения, в котором оказался Харьков, нанести удар в направлении Алексеевки и блокировать маршрут продвижения неприятеля.

По всему харьковскому фронту продолжает свирепствовать пурга. Снег залепляет оптику, мешая ориентироваться по пути следования на восток. В пути наша ударная группа не раз подвергается атакам русских. Однажды в полдень над нами кружит разведывательный самолет русских, сбрасывая сигнальные дымовые патроны. Мы окружены наступающими силами Советов. Сутки спустя мы в Алексеевке и занимаем там круговую оборону. Теперь мы выдвинутый дальше всех на восток форпост обороны на всем протяжении харьковского оборонительного фронта.

Сумеет ли ударная группа выполнить поставленную перед ней задачу? Одна, без артиллерии, без танков, без боевого обоза? Населенный пункт достаточно велик, растянут по обеим сторонам дороги. Во время разведки мы внезапно натыкаемся на русских разведчиков, едва успеваем открыть огонь, когда до них остаются считаные метры. Эта пурга обрекает нас на слепоту. Оберштурмфюрер фон Риббентроп вдруг валится в снег в паре шагов от меня. Русская пуля пробила ему легкое. Но следующим утром я восхищен, когда он наотрез отказывается эвакуироваться в тыл, по его собственным словам, «до тех пор, пока в кольце окружения останется хоть один раненый боец». И «Физелер шторьх» улетает без него. Мы на самом деле в плотном кольце окружения противника — Советы по обе стороны Алексеевки.

Появление Макса Вюнше вселяет оптимизм. Он сумел пробиться к нам, причем еще и прихватил с собой отбившиеся от нас танки, артиллерию и боевой обоз. Хочется надеяться, что он подоспел как раз вовремя — мы задыхаемся от нехватки горючего и боеприпасов.

Утром 13 февраля танковый корпус СС через штаб армии получает приказ фюрера всеми средствами удержать Харьков. В связи с этим в ночь на 14 февраля предпринимается попытка

дальнейшего сужения оборонительного фронта вокруг этого города, с тем чтобы подтянуть резервы с фронта. Новая линия обороны: Лизогубовка — Большая Даниловка.

Но еще вечером 13 февраля корпус предупреждает, что упомянутую линию удерживать удастся лишь до 14 февраля — русские уже обошли Харьков. В полночь армейская группа отдает приказ взорвать все склады — боеприпасов и хозяйственные.

Утром Советам удается прорвать хлипкую оборону, собственно, цепочку опорных пунктов севернее Затишья. Происходит прорыв русских танков (около 40 машин) и на участке под Роганью. Есть опасения прорыва противника до тракторного завода в Лосево. Далее мы теряем Ольшаны, что дает русским возможность держать под обстрелом трассу войскового подвоза Полтава—Харьков.

На крайней южной и восточной точках харьковского оборонительного фронта продолжаются непрерывные атаки русских, угрожая разгромить наши силы в Алексеевке. Предприняв контратаку в направлении на Береке, мы уничтожаем значительное количество противотанковых орудий противника и наносим существенный урон силам его пехоты. Но и наши ряды основательно поредели. В четвертый раз ранен гауптштурмфюрер Книттель, командир роты легкой пехоты. Атаки в темное время суток особенно опасны тем, что отсутствует видимость, наступающий неприятель неразличим, а мы вынуждены весьма экономно расходовать боеприпасы.

В ночь с 13 на 14 февраля враг предпринимает атаку Алексеевки и прорывается к центру села. Схватка с русскими достигает кульминационного пункта. Наши бойцы оказывают отчаянное сопротивление, но продолжается это, увы, недолго, и для нас нет пути к отступлению. Однако в решающий момент боя обстановка кардинально меняется — боевые разведывательные машины обрушивают на противника всю мощь огня. Снаряды рвутся в гуще наступающих солдат, ярким пламенем занимаются соломенные крыши мазанок. Мы, сидя в центре огненной стихии, ведем огонь из темноты по наступающим русским. Наступательный порыв неприятеля сломлен. Не давая Советам опомниться, мы предпринимаем контратаку, и вскоре выбитый из Алексеевки враг поспешно уходит на прежние позиции.

Одновременно с этим полк Витта предпринимает попытку атаковать с севера и установить связь с нашей ударной группой. Однако севернее Береки полк, столкнувшись с намного превосходящими его силами противника, вынужден отказаться от проведения атаки в направлении Алексеевки. С наступлением дня мы вновь обнаруживаем боевые порядки русских восточнее и

западнее Алексеевки. Стоит сейчас противнику атаковать нас с двух направлений, и наша участь решена.

Обхожу оборонительные позиции и беседую с каждым из бойцов. Наши силы расположились по типу опорных пунктов. Противотанковые орудия окружены несколькими пулеметами. Едва я поздоровался с бойцами, как на меня шквалом обрушивается «черный юмор». Но мы ни в коей мере не чувствуем себя обреченными. Нас заботит не столько численное превосходство русских, сколько острая нехватка горючего, скованность положения и в близкой перспективе нехватка боеприпасов.

Как нас уведомили, вот уже двое суток наша группа должна снабжаться с воздуха, однако до сих пор мы в глаза не видели ни единого самолета. Я вновь передаю по радио донесение об обстановке и настоятельно прошу доставить боеприпасы. В это время батальон Вюнше постепенно приближается к Алексеевке. Успеет ли он?

Я с удрученным видом стою в каком-то школьном классе среди моих раненых товарищей. Они полностью в курсе обстановки и умоляют меня не оставлять их русским. Ищу глазами доктора Г., нам с ним хорошо известно о судьбе наших раненых, попавших к Советам. Мы помним леденящую душу картину — полный трупов госпиталь в Феодосии в Крыму, захваченный русскими. Они выбрасывали раненых голышом на мороз из окон, а потом поливали их водой. Когда мы вновь отбили у противника госпиталь, обнаружили во дворе свыше 300 обледенелых трупов.

Доктор Г. пожимает плечами, качает головой и отворачивается. У меня буквально сердце разрывается, когда я слышу мольбы моих бойцов. Как быть? Когда я отдаю приказ выдать раненым пистолеты, на их лицах я вижу явное облегчение. Лучше уж быть в гуще атаки, под пулями, чем еще разок провести подобную беседу.

Низко нависают облака. До нас доносится шум двигателей, из чего мы понимаем, что русские ищут нас. Внезапно на небе видим мелькнувшую тень — «Хе-111». Неужели спасение? Несколько минут спустя самолет снова на бреющем проносится над Алексеевкой. С неба летят контейнеры, однако уцелел лишь один из них. Остальные, то есть большая часть, разбиваются о замерзшую землю.

У меня падает сердце. Полученное горючее мы быстро распределяем среди штурмовых орудий и боевых машин разведки. Если уж придется погибать, то, по крайней мере, будет на чем уйти от русских в степь и подпортить им радость победы.

Без боя мы не сдадимся!

В радиодонесении я на всякий случай прощаюсь с теми, кто слушает нас, прослеживая наш путь по карте. Вглядываюсь в лица солдат и с удивлением отмечаю заинтересованность на них, едва ли не любопытство. Ни страха, ни фанатизма. Они просто всерьез воспринимают мои слова. Объяснив цель атаки, забираюсь на машину. Может, это последняя наша совместная атака? Мы неторопливо выезжаем к центру села, мимо развалин, мимо могил наших боевых товарищей. В нескольких сотнях метров мы видим бегущих красноармейцев. Они сейчас могут позволить себе удрать от нас — дело в том, что у нас жуткая нехватка боеприпасов, да и артиллерии нет и в помине. Похоже, русские и не думают, что мы способны контратаковать их. Между тем миновал полдень. Вьюга чуть утихла, сквозь облака боязливо прорываются лучи солнца. Интересно, как поведут себя остающиеся у нас в тылу русские, решись мы сейчас атаковать в восточном направлении?

Наш бронетранспортер стоит посреди прямой как стрела улицы, проходящей через все село как раз до изготовившихся к бою русских. Я планирую на полной скорости врезаться в русских и таким образом вогнать имеющуюся у меня в распоряжении бронетехнику в глубь их исходных позиций.

Именно тогда мы можем рассчитывать на успех, если молниеносно вклинимся в их оборону и вдобавок сумеем удержаться в течение ближайших суток. Я рассчитываю за эти сутки разделаться с русскими, засевшими западнее Алексеевки, и дождаться прорывающегося к нам Вюнше.

Низкорослый казак, не покидающий меня от самого Ростова-на-Дону, указывает на группу русских, собравшихся позади своих. Повсюду темные точки. Короче говоря, мы по уши в дерьме!

Считаные секунды отделяют нас от великой неизвестности. Наш водитель, выжав сцепление, поигрывает акселератором, отчего гул двигателя становится басистее. Бронетранспортер медленно трогается с места. По обеим сторонам улицы продвигаются штурмовые орудия, оставляя позади развалины села.

Скорость нарастает. Полугусеничный тягач и бронетранспортер обгоняют штурмовые орудия. Задача орудий — огневая поддержка легкой бронетехники. Мы в авангарде нашей атакующей колонны. И высокая скорость неизбежно собьет с толку русских. По броне хлестнули автоматные очереди. Я вижу перед собой лишь эту никак не желающую закончиться улицу и продолжаю наращивать скорость. Из-под гусениц разлетается снежная пыль — наша техника уподобилась вспенивающим

морскую воду крейсерам. Клином вонзившись в позиции русских, мы стремимся разметать их ряды. Прямо перед нами на улице тяжелый миномет. Вперед! Ни в коем случае не останавливаться! Наша задача — смять исходные позиции противника.

Я напрягаюсь от страшного удара по броне. В нос ударяет едкий запах гари. Еще удар сотрясает бронетранспортер, заставляя его остановиться. Наш водитель, роттенфюрер Небелунг дико вопит. Рядом со мной вспыхивает пламя. Я бросаюсь наружу через башню и рместе с Михелем падаю прямо в продавленную гусеницами и колесами колею. Но доносящиеся из машины крики вот-вот лишат меня рассудка. Ползу вперед — надо помочь водителю. По-видимому, толстая зимняя куртка, зацепившись за что-нибудь внутри, не дает ему выбраться — я вижу, что крышка люка откинута. И вдруг чувствую, что кто-то удерживает меня за ногу. Михель тащит меня назад, крича:

— Назад! Командир важнее! Назад! Я позову ребят! Они ему помогут!

Казак вскакивает на горящий бронетранспортер, вытаскивает нашего водителя и начинает катать его в снегу. Русские поливают нас огнем из автоматов и минометов. Вжавшись в снег, мы отползаем по колее назад, к нашим атакующим бойцам.

Только сейчас до меня доходит, что мы полностью разгромили позиции русских и вражеские пехотинцы разбегаются куда попало. Но, увы, мы не можем воспользоваться достигнутым преимуществом — горючего остаются капли, а в тылу у нас куда более сильная неприятельская группировка, в любую минуту готовая нанести удар.

Едва мы вернулись на исходный рубеж, как выясняется, что несколько осколков мины угодили Михелю в затылок и что наш водитель, если не считать мелких ожогов, отделался легким испугом. Шум боя западнее Алексеевки приводит нас чуть ли не в восторг. Это может быть лишь Макс Вюнш. Так и есть. Танковому батальону все же удалось прорваться через линию сильной обороны русских и доставить нам и горючее, и боеприпасы. Так что мы снова в полной боевой готовности и согласно приказу штаба дивизии уже на следующее утро наносим противнику ответный удар.

Пробиваясь в западном направлении столкнулись с еще одним примером ведения бесчеловечной войны. Порой невозможно бывает отличить русского солдата от безобидного местного жителя. Впервые наших товарищей атаковали в нескольких селах, причем следов присутствия русских регулярных частей так и не было обнаружено. Это внесло долю нервозности. Местные жители не решаются выдать нам

укрывающихся в их домах красноармейцев. Готовность русских сражаться с нами, невзирая на обстоятельства, и позиция местного населения требуют от войск особой бдительности. Мой старый боевой товарищ Фриц Монтаг, водитель из штабной роты, случайно заехав на заминированный участок, подорвавшись, лишается обеих ног выше колена. Его доставили ко мне в полном сознании в коляске мотоцикла. Несколько дней спустя его похоронят уже в Полтаве рядом с генералом фон Бризеном. Да, бои начинают принимать изощренно-коварный характер.

Между тем положение в районе Харькова сложилось для нас катастрофическое. Но — вопреки здравому смыслу в силе остается приказ удержать город любой ценой. Поскольку и повторный запрос штаба танкового корпуса СС о сдаче Харькова со ссылкой на приказ от 13 февраля отклонен, командующий корпусом принимает самостоятельное решение оставить город с тем, чтобы предотвратить окружение войск противником и дать им возможность собрать силы для предстоящего контрудара.

Во второй половине дня 14 февраля на восточном участке фронта частям противника удается прорвать нашу оборону в городском районе Основа. Переброшенный туда батальон разведывательных машин пехоты под командованием Пайпера серьезно увязает в ожесточенных схватках с русскими. В городе против нас сражаются теперь и гражданские лица с оружием в руках — проходящие колонны обстреливают из окон домов.

В сложившейся обстановке вечером 14 февраля командование армейской группы решает приостановить наступление передовых частей корпуса в южном направлении и удерживать атакуемые врагом участки. Группировка вынуждена выделить часть сил на оборону Харькова, а группу бронетехники перебросить в Валки для того, чтобы отбить у Советов захваченные ими Ольшаны. Этот приказ изначально невыполним — подтягивание необходимых для проведения данной операции сил заняло бы двое суток, если исходить из существующих дорожных условий. Командующий корпусом вновь вечером докладывает обстановку, с тем чтобы испросить разрешение оставить Харьков. В течение ночи на 15 февраля противник сумел вклиниться к нам в тыл в юго-восточной и северо-западной частях города. Одному из батальонов танковой дивизии «Дас Райх» удается организовать на северозападном участке контрудар, в результате которого противник понес серьезные потери. Так что противник на время отложил прорыв. Штаб корпуса вновь информирует командование армии о серьезности обстановки. Но решение приходит лишь днем 15 февраля.

В эти последние часы, когда еще оставалась возможность

изменить положение, командующий корпусом в 12.50 15 февраля отдает дивизии СС «Дас Райх» приказ оставить позиции и пробиваться на участок Уды с целью предотвращения окружения полутора дивизий. При поддержке танков в последнюю минуту удается отвести войска, сосредоточенные в Харькове и юго-восточнее города.

В 13 часов упомянутое решение добирается до армейской оперативной группы. Командующий корпусом отправляется на передовую. Примерно в 16 часов 30 минут снова поступает приказ оборонять город всеми средствами. Ответ командующего корпусом таков: «Никаких переигрываний — Харьков будет оставлен!»

Решение генерала Хауссера спасло тысячи жизней, избавило многих от многолетнего пребывания в плену. В сложившейся обстановке стало возможным выстроить укороченную линию обороны, пропорциональную имеющимся силам. Удалось сдержать дальнейшее проникновение противника с помощью тщательно распланированных оборонительных мероприятий. 16 февраля арьергард дивизии «Дас Райх» с боями оставляет город.

Контрудар

То, что сдача Харькова позволила предотвратить окружение полутора наших дивизий и усилить укороченную линию обороны, можно считать успехом. Но решающую роль сыграла возможность высвободить основную массу танкового корпуса СС для продолжения наступления на южном направлении с целью соединения с группой армий «Юг», которой подчинена армейская оперативная группа. Дело в том, что на северной оконечности Донбасса обстановка складывалась так: неприятель крупными силами танковых и стрелковых частей и соединений генерала Попова сумел обойти с фланга группу армий «Юг» в районе Славянска и на данный момент в умеренном темпе продвигается к Днепру через Павлоград—Новомосковск. Разведывательные группы русских были обнаружены даже под Днепропетровском и Запорожьем, а их левый фланг протянулся до Красноармейского. Мы же в районе Днепра боеспособными частями не располагали. Наскоро сколоченная из отпускников и остатков разгромленных частей группа Штайнбауэра переброшена из Днепропетровска в Новомосковск для охраны западной части города — восточная его часть до сих пор в руках противника. 15-я пехотная дивизия, как раз выгружающаяся в Днепропетровске, выделила несколько полков для обеспечения прикрытия Синельниково.

Левый фланг 6-й советской армии, крупные силы которой сосредоточены у фронта полка «Лейбштандарт», выдвинулся для обхода танкового корпуса СС с юга; авангард нескольких дивизий упомянутой армии сумел в западном направлении перерезать шоссе Красноград—Новомосковск, в то время как другие ее части были повернуты на северо-запад. Остающиеся силы нацелились на Днепродзержинск. Сейчас на повестке дня для группы армий «Юг» с небывалой остротой встал вопрос о мерах противодействия русским.

После оставления Харькова снова появилась возможность соответствующим образом дислоцировать обе дивизии СС. Дивизия «Дас Райх» сосредоточена на правом фланге корпуса в районе Красограда и 19 февраля выступила из района северо-восточнее Красограда против наступающего с востока противника. Полк «Лейбштандарт», левый фланг которого постепенно отходит, продолжает вплотную примыкать к корпусу Рауса, осуществляя оборону достигнутых рубежей, и, контратакуя на отдельных участках, обеспечивает продвижение дивизии «Дас Райх».

Наконец-то войска получают возможность краткой

передышки. Серьезность положения и значение предстоящих сражений ясны уже всем вплоть до рядовых.

Моя штурмовая группа получает приказ сменить батальон бронетранспортеров Пайпера в Еремеевке и воспрепятствовать дальнейшему продвижению Советов. Мы вклиниваемся в позиции батальона Крааса, вынужденного удерживать невероятно растянутый участок — километров пять длиной. И он выполняет поставленную задачу, ежедневно контратакуя и громя прорывающиеся через линию обороны группы русских. Каждый вечер все опорные пункты занимают жесткую круговую оборону.

Километрах в десяти от передовой встречаю Йохена Пайпера, в упорных боях отбившего у русских Еремеевку, которой теперь суждено достаться мне. Многочисленные подбитые русские «тридцатьчетверки» служат теперь защитой от пронизывающего восточного ветра, непрерывно дующего в этих местах.

Йохен Пайпер вводит меня в курс обстановки, особое внимание обратив на передвижения войск восточнее Еремеевки. Судя по всему, русские изготовились для атаки.

В мороз и ветер мы обустраиваем Еремеевку, превращая ее в настоящий опорный пункт. Именно отсюда я своими подразделениями бронетехники собираюсь наносить молниеносные контрудары, если Советы надумают атаковать нас. Южнее нашего опорного пункта мы обнаруживаем крупные силы русских, передвигающиеся в направлении Красноград, выставившие против нас лишь слабые силы прикрытия. Из выдвинутого вперед наблюдательного пункта мы отслеживаем весь маршрут продвижения, что дает нам возможность делать абсолютно верные выводы. Мимо нас, направляясь к Красноград, проходит усиленный полк русских. Фланг же этого усиленного полка слабее некуда. Он словно напрашивается на атаку.

На следующий день, едва рассвело, наша штурмовая группа без артиллерии направляется на юг, оставив оборону опорного пункта артиллеристам, обозным и противотанковым подразделениям. Наш уход остается для противника незамеченным. Да погода нам только на руку. Артиллерия ведет беспокоящий огонь по уже известным участкам позиций врага восточнее Еремеевки с тем, чтобы ввести в заблуждение противника относительно наших истинных намерений.

Наше передвижение практически незаметно на заснеженной местности. Все транспортные средства перекрашены в белый цвет, а бойцы в белых маскхалатах. Мы проворно пробираемся через покрытые снегом поля.

За небольшой высоткой штурмовая группа останавливается. На запад нескончаемой лентой тянутся колонны русских.

Длиннющая колонна противника исчезает в растянутом селе, скрывшись из виду. До русских всего-то ничего — с километр, не больше. Может, рискнуть, да наброситься на них, устремившись по отлого спускающейся дороге? Уже сутки продолжается этот марш красноармейцев на запад. Не многовато ли их в сравнении с нами? И не натолкнемся ли мы на смертельный огонь противотанковых орудий русских? Вместе с командиром батальона Максом Вюнше мы стараемся выбрать оптимальный способ атаки. И в данном случае я обеими руками за быстроту и внезапность. Мой замысел состоит в том, чтобы под огневым прикрытием бронемашин пехоты вместе с бойцами разведбата вклиниться в гущу Советов, рассечь надвое маршевую колонну русских и смять фронт противника ударом во фланг.

В качестве авангарда вызывается группа, действующая на амфибиях. Ребята понимают, с чем им предстоит столкнуться. Не приходится сомневаться, что подступы к флангу неприятельской колонны минированы.

Уже несколько минут спустя все готово для атаки. Мотоциклисты, с трудом пробираясь через сугробы, выходят на возвышенность и на полной скорости устремляются вниз к въезду в село. Необходимо как можно скорее преодолеть открытый участок местности, чтобы не дать противнику опомниться. И наши машины, подобно горной лавине, несутся вниз. Бронетранспортеры продвигаются по обеим сторонам дороги, обстреливая иыз пушек русских. Интенсивный минометный огонь усиливает эффект обстрела.

Я нахожусь вместе с передовой ротой и, свесившись из «кюбельвагена», вдруг наблюдаю, как одна из амфибий взлетает на воздух, усыпая снег обезображенными телами моих товарищей. И тут же, не медля ни секунды, место подорванной амфибии занимает другая, следовавшая позади первой. И ее постигает участь предшественницы. Рота стрелой проносится через заминированные участки, прокладывая путь остальным. Минное заграждение преодолено. Но какой ценой? Командиру группы оторвало обе ноги, но мы несемся дальше — ему помогут следуюпхие за нами товарищи из другой роты.

Русские в панике разбегаются по деревенским хатам, кое-кто из них спешно отступает на юг. Но на покрытом снегом поле их настигает огонь наших автоматов и пулеметов. Наши бронетранспортеры сминают орудия русских, отбрасывают их в сторону.

Маршевая колонна русских, не выдержав мощного внезапного удара, превращается в хаос. И в этом случае трудно оспорить явное преимущество скорости. Ни одному из расчетов

противотанковых орудий русских не удается развернуть орудие против нас. Почти все они вдавлены в снег гусеницами наших машин. В считаные секунды мы пронеслись через это вытянутое в длину село, превратив маршрут продвижения в путь отступления, трассу жалкого бегства. Взорванная сталь смешалась с плотью сибирских тягловых волов — именно они и тащили противотанковые орудия. Преследование противника не завершается на окраине села — мы продолжаем гнать его дальше на запад. Русские никак не могут понять, что погибель настигает их по пятам. Практически без единого выстрела маршевая колонна противника пала жертвой нашей стремительной атаки. Между последними хатами села застыл на месте подбитый бронетранспортер, его остановило русское противотанковое орудие, укрывшееся в каких-нибудь полутораста метрах среди фруктовых деревьев. Пехотинцы как раз подавляют неприятельский расчет, но тут в нас пускают очередь из пулемета. Мы мгновенно прячемся за подбитую машину. Не успевает лишь один из нас — Франц Рот, неутомимый и бесстрашный репортер, предпочитавший всегда находиться в гуще событий. Пуля попадает ему в грудь, и мы тащим его в одну из расположенных вблизи хатенок, где передаем в руки доктора Гаттеринга. Рот умирает несколько дней спустя в госпитале. Рот был одним из лучших военных корреспондентов.

Трассирующие снаряды превращают село в костер. Красноармейцы спасаются бегством и падают под огнем наших пулеметов. Теперь охота за ними разыгрывается на окраине села, русские в ужасе разбегаются. Улица усеяна брошенной техникой и вооружениями. Опасность для нашего правого фланга временно миновала. С наступлением темноты мы возвращаемся на опорный пункт. Разгром колонны русских обошелся нам двумя погибшими и очень многими ранеными товарищами. Быстрота, внезапность атаки, умелое использование принципа маневренности, а также боевое применение огневой мощи — все это и обусловило нашу победу.

Восточнее Еремеевки согласно наблюдениям за полем боя выявлено сосредоточение дополнительных сил врага в районе исходного положения для наступления. Не вызывает никаких сомнений то, что в самое ближайшее время следует ожидать вражеского наступления.

Между тем дивизия «Дас Райх» тремя ударными группами ведет наступление на юг, громя значительные скопления вражеских войск восточнее Красноград. Наступление развивается успешно и продолжается до 20 февраля. Авангард танков за ночь выдвигается далеко на юг. Удар за ударом следуют

во фланги вражеских колонн, пересекающих маршрут передвижения. Группы преследования сменяют друг друга, и к 14 часам 20 февраля передовые части дивизии достигают Новомосковска. Связь с силами прикрытия группы Штайнбауэра установлена.

Люфтваффе осуществляет поддержку с воздуха силами пикирующих бомбардировщиков, обрушивающих бомбовую мощь на очаги сопротивления неприятеля, нанося сжатым в наступательный клин силам русских невосполнимые потери. Части противника, сосредоточившиеся западнее дороги Красноград—Новомосковск, вынуждены отступить. Но с южного направления к ним на помощь русские подтягивают все новые и новые силы к Новомосковску.

Следующей целью наступления дивизии «Дас Райх» обозначен Павлоград. Именно оттуда крупные силы русских наступают через Синельниково в излучину Днепра южнее Днепропетровска. После ожесточенных боев дивизии «Дас Райх» удается соединиться восточнее Павлограда с силами 48-го танкового корпуса.

Даже не беря в расчет события, происходящие южнее Еремеевки, больше нельзя медлить с нанесением удара по району сосредоточения советских войск вблизи Нижнего Орла с целью упреждения наступления русских. Я долго раздумываю, прежде чем перейти от намерений к делу, прикидывая все за и против, после чего принимаю решение. Макс Вюнше, как всегда, обеими руками за. Мой замысел: вывести танковый батальон вместе с батальоном боевых разведмашин и двумя ротами пехотинцев на броне далеко на север, после чего круто повернуть на юго-восток и ударить в тыл русским, находящимся в районе сосредоточения. Взвод разведки уже обследовал район предстоящих действий и представил соответствующий отчет с обозначением мест сосредоточения противника. Передвижение предстоит организовать так, что к рассвету мы уже забрались бы в неприятельский тыл. К этому времени силами артиллеристов, обозных и вообще всех, кто способен передвигаться, намечено сымитировать наступление с тем, чтобы отвлечь русских и вынудить их сосредоточить внимание на западном направлении.

С наступлением темноты готовые выступить транспортные средства дожидаются подхода авангарда. Мы медленно трогаемся с места. Глубокий снег заглушает гул двигателей, и мы почти бесшумно, словно кошки, подкрадываемся к цели. Между двумя населенными пунктами (населенных пунктов в пути следования мы, разумеется, избегаем) мы выжидаем момент для нанесения удара. Поближе подбираются наши бронемашины, и мы,

собравшись в кулак, ждем, пока развиднеется. И тут меня начинают мучить вопросы: а не сбились ли мы, случаем, с дороги? В нужном ли мы месте? Не разглядел ли нас враг? Коротаю время в поисках ответов на них. И тут я различаю очертания стоящего позади меня танка. Он метрах в 100 от авангарда нашей группы. И вот, наконец, развиднелось. Можно начинать. Самое время для внезапной атаки. Оживает радиосвязь. Отдаю приказ оставшимся в Еремеевке артиллеристам открыть огонь. Мы ждем, напряженно вслушиваясь, разрывов первых снарядов — именно они и подскажут нам, верно ли выбрано место предстоящей атаки.

Вскоре оказывается, что место выбрано верное — чуть правее от нас заговорили наши гаубицы, выплевывая снаряды на позиции русских. Мы наблюдаем яркие вспышки разрывов. Следы 2-см трассирующих снарядов, выпущенных из орудий наших бронемашин, разведки отмечают предполагаемые цели. Впереди сплошные разрывы и пулеметный огонь. В селе рвутся мины. Выдвинутый вперед корректировщик артогня суммирует картину, направляя огонь к месту нашего намеченного прорыва. Отсюда очень удобно наблюдать эффект нашего артогня. Вырывающееся из жерл неприятельских орудий пламя сигнализирует нам о расположении артиллерийских позиций русских — до вражеских батарей не более 400 метров. Советы и не подозревают о том, что мы всего в двух шагах от них.

Вот он, нужный момент! Широким фронтом бронемашины надвигаются глубоко во фланг противнику и чуть ли не в упор расстреливают его. Противотанковые орудия русских так и продолжают молчать — стоя плотным боевым порядком, они вообще нацелены на Еремеевку. Но что толку от пресловутого плотного боевого порядка? Командир противотанковой батареи русских никак не брал в расчет наш удар во фланг и тыл. Наши пехотинцы, спешившись, бегут к хатам и выгоняют оттуда застигнутых врасплох советских солдат. От прямых попаданий снарядов разлетаются в щепки или занимаются огнем грузовики русских, на шасси которых смонтированы их знаменитые «катюши». В небо взлетает смертоносный фейерверк детонирующих реактивных снарядов — груженные ими машины буквально исчезают на глазах, осыпая нас кусками разбитых в щепы, обугленных досок.

Рота бронемашин, осуществляющая прикрытие с восточного направления, въезжает прямо на позиции артиллерийского батальона врага. Саперы взрывают орудия. Уличные бои проходят без особых осложнений. Советы будто парализованы, они не ожидали нашей атаки. Отступая, гибнет командующий дивизией

Советов. Его тело обнаружено во фруктовом саду. Короткими перебежками мы перемещаемся от хаты к хате. Оберштурмфюрер Бор — заместитель Бремера — внезапно падает в нескольких метрах от меня — ранение в область живота. Перед тем как овладеть домом побольше, один из наших пехотинцев предупреждает, что на чердаке обосновались вражеские снайперы и ведут огонь прямо сквозь соломенную крышу. И тут же, перебегая к стене дома, этот бесстрашный боец падает от русской пули в голову. Дом охвачен огнем. Мы захватываем офицера неприятельского штаба — первого офицера штаба дивизии русских. Час спустя село в наших руках. Наша артиллерия сработала безупречно — всесокрушающим кулаком она уничтожила все на нашем пути. Вот и не приходится удивляться тому, что выдвинутый вперед наблюдатель находился с нами, следовательно, в гуще неприятеля.

Враг откатился километра на два, русские бегут, как зайцы, — заснеженное поле сплошь усеяно черными точками. Противотанковые орудия русских раздавлены гусеницами нашей бронетехники. Враг ожидал атаки с запада, а получил удар в спину.

Над селом поднимаются клубы густого черного дыма. В воздухе звучат последние выстрелы утреннего боя. Сани направляются на запад. Передо мной на брезенте лежат тела погибших товарищей. Безмолвное краткое прощание, и их всех до одного распределяют по бронетранспортерам. Мы похороним их в другом месте. Ничто и никто не имеет права нарушить заслуженный ими вечный покой. По своему опыту мы знаем, что могилы наших товарищей не раз осквернялись русскими.

Офицер штаба производит положительное впечатление безупречной выправкой. Из хаты приходится без промедления уходить — вовсю полыхает соломенная крыша. Русский подполковник-штабист охотно отвечает на все вопросы, не связанные непосредственно с ходом боя. Дело в том, что он прислан в войска вскоре после окончания «фрунзенских курсов» в Москве. Перед тем как отправить его в штаб нашей дивизии, он на прощание заявляет мне следующее:

— Эту войну мы с помощью Америки все равно выиграем. Вы потерпите поражение, но придет день, когда мы станем друзьями и совместными усилиями продолжим борьбу.

Около 15 часов в Еремеевку возвращаются последние бронемашины. С глубокой скорбью я прощаюсь с оберштурмфюрером Бором. До госпиталя его так и не довезли.

Спасаемся от холода в немногих уцелевших хатах, выставляем минимальное боевое охранение. Снаружи доносятся

ликующие возгласы товарищей. Буквально ворвавшись в хату, они хохочут, поздравляют меня, радостно пожимают руку. С изумлением узнаю, что удостоен дубовых листьев к Рыцарскому кресту.

Придя в себя от удивления, выхожу из хаты и ищу глазами погибших товарищей. На улице тишина, ни единого шороха. Фронт безмолвствует. Лишь вдали видны вспышки. Отыскать импровизированное кладбище оказывается делом нелегким. Ни крестов, ни могильных камней. Притоптанный снег возвышается едва заметным холмиком. Никто не должен тревожить наших погибших — чем незаметнее захоронение, тем меньше вероятность осквернения. Сверху сыплет снег, засыпая чем-то напоминающие шрам могилы. Пусть Господь припорошит шрам на теле земли снегом. Радости от высокой награды никакой — у моих ног покоится тело того, кто предупредил меня о засевших на чердаке хаты снайперах. Не предупреди он меня, и я лежал бы сейчас рядом с ним.

Меня вызывают в ставку фюрера, и сутки спустя я на самолете отправляюсь из Полтавы в Винницу. Ставка отличается простотой. Первое, о чем я прошу, предоставить мне возможность позвонить в Берлин жене. Через несколько минут я слышу голос жены и детей.

После этого меня препровождают к Адольфу Гитлеру. Он сердечно приветствует меня, вручает награду и предлагает присесть. Около часа приходится выслушивать о тяготах в тылу и на фронтах. У меня складывается впечатление, что Гитлер весьма болезненно воспринял Сталинградскую трагедию, потому что он постоянно упоминает об участи 6-й армии. И что для меня показательно — Гитлер не винит в малодушии никого из переживших и не переживших Сталинград офицеров. Он был весьма обеспокоен продолжающимися авианалетами на города Германии, причем вполне искренне обеспокоен тяжкой участью пострадавшего от них населения. Обращает внимание и то, что Гитлер находится в хорошей форме. Голос его спокоен, и суждение об обстановке на фронтах вполне верное. Он воздерживается от каких бы то ни было прогнозов, понимая, что до конца войны далеко, и своим главным врагом считает Черчилля.

Мы час проговорили с Гитлером. Пользуясь возможностью, я представил верховному главнокомандующему объективную картину положения на фронте, делая упор на острой нехватке вооружения и боеприпасов. Адольф Гитлер ни разу меня не прервал, терпеливо выслушав меня до конца, лишь иногда вставляя краткие комментарии. После этого я был приглашен к

нему на обед и оказался за столом с генералом Штифом и другими высшими офицерами. Мы обсуждали ход войны, пытаясь предугадать дальнейший ее ход. Пару недель спустя Штиф вызвал меня к себе для обсуждения некоторых вопросов. К сожалению, я не мог прибыть к нему, поскольку уже был откомандирован в танковое училище. Впоследствии генерал Штиф был казнен по обвинению в причастности к заговору 20 июля.

Двое суток спустя я снова в Полтаве, сажусь в самолет «Физелер шторьх», который доставляет меня в штаб дивизии. За время моего отсутствия обстановка изменилась в благоприятную для нас сторону.

В результате наступления дивизии «Дас Райх» разгромлены крупные силы врага на южном от Красноград участке, наступательные клинья противника смяты. Однако до сих пор неприятель располагает значительными силами восточнее дороги Красноград—Новомосковск. Для разгрома врага и установления связи с полком «Лейбштандарт» в район северо-восточнее Красноград необходимо подтянуть дополнительные силы. В этой связи давно ожидаемая дивизия СС «Мертвая голова», только что завершившая выгрузку в Полтаве, была подчинена корпусу СС и сосредоточена в Перещепино.

22 февраля дивизия «Мертвая голова» переходит в наступление в юго-восточном направлении, наступая тремя колоннами в районе между Самарой и Орлом. Дислоцированные на данном участке силы врага разгромлены.

Массированное продвижение передовых частей неприятеля остановлено, однако он еще располагает достаточными силами для новых наступлений. Основная масса 1-й советской гвардейской армии пока что на подходе, поскольку противник, похоже, считает, что мы, внезапно перейдя из обороны в наступление, непременно выдохнемся. И к фронту полка «Лейбштандарт» русские подтягивают новые силы. Части группы Попова уже блокированы действующей справа 1-й немецкой армией. Пять вражеских танковых корпусов все еще продолжают продвигаться на запад к фронту 4-й танковой армии. Установившаяся примерно с 20 февраля оттепель благоприятствует наступательным операциям. Снег на большей части дорог сошел, что в значительной степени повысило мобильность моторизованных частей. Все нацелено на то, чтобы не давать опомниться отступающему противнику, задержать и разгромить его.

Наступающие дивизии сумели пробиться небольшими наступательными клиньями, передвигаясь по второстепенным дорогам под мощным фланговым прикрытием. Цепляющийся за

каждый населенный пункт противник отбрасывается при регулярной поддержке с воздуха, а его маршевые колонны, до сих пор нацеливавшиеся на запад, рассекаются на части. В 14 часов мы овладеваем Лозовой. Однако тыловые связи наступающих дивизий и, соответственно, левый фланг армии оказываются под серьезной угрозой атаки недобитого и отрезанного от путей снабжения противника. Врагу приказано отступать к пунктам сбора под Орелкой, Лозовой и Панютино, он небольшими и поддерживаемыми танками группами передвигается на восток и северо-восток. Другие неприятельские части, находящиеся в стороне от главных маршрутов передвижения, в последующие дни перемещаются из района южнее Цавлограда на север. Одна из таких частей при поддержке танков 28 февраля атакует Юрьевку, где расположен командный пункт корпуса, а вскоре другое сильное соединение совершает нападение на командный пункт 15-й пехотной дивизии в Орелке.

Первая задача выполнена 27 февраля. Ударную группу Попова, лишившуюся наступательной мощи, удалось оттеснить из района прорыва и тем самым не дать ей возможности достичь задуманного.

Между тем полк «Лейбштандарт» решил поставленную ему задачу, из обороны перейдя в наступление. Невзирая на большую протяженность полосы дивизии в обороне его ударные группы, нанося врагу неожиданные удары на разных участках, причинили неприятелю ощутимый урон, тем самым сковав его и предотвратив продвижение к Полтаве.

Начиная с 28 февраля у правого фланга полка «Лейбштандарт» происходит перегруппировка сил Советов. Противник подтягивает из района Люботин—Валки два танковых корпуса, три стрелковые дивизии, входящие в состав 3-й советской танковой армии, чтобы бросить их против танкового корпуса СС. Район сосредоточения русских нам пока неизвестен.

Наше наступление вступает в новую фазу. Направление удара теперь смещено на северо-запад; первой целью наступления становится выход на линию высоты в районе Берека—Ефимовка. Танковому корпусу СС придется действовать на хорошо изученной в течение февраля местности.

Правый фланг армии должен достичь Донца, а танковый корпус СС — овладеть всхолмленной местностью, где расположена Ефремовка, с тем, чтобы полк «Лейбштандарт» на восточном фланге изгиба линии фронта смог объединить армейскую оперативную группировку Кемпфа.

1 марта дивизия «Дас Райх» продвигается по шоссе Красноград—Октябрьский и 2 марта наносит удар по высотам

южнее Прасковеи. Цель: высоты в районе Староверовки. 2 марта Берека взята силами 48-го танкового корпуса.

В районе Орла, едва не увязая на раскисших дорогах, дивизия «Мертвая голова» движется на север и вечером 1 марта овладевает Лисовиновкой. 2 марта соединению приказано повернуть на северо-запад для разгрома врага, обнаруженного в районе Нижнего Орла—Еремеевки. Ударная группа Баума наталкивается восточнее Нижнего Орла на ожесточенное сопротивление противника. Из донесений от 2–3 февраля явствует, что левый фланг дивизии восточнее Еремеевки вступил в схватку с подтягиваемыми с севера силами врага. Это свидетельствует о том, что русским не удалось распознать направление нашего удара. Их перегруппированные силы прошли точно между наступающим танковым корпусом СС и оборонительным фронтом полка «Лейбштандарт». После этого приходится разворачивать и правый фланг дивизии СС «Мертвая голова». Дивизия застает противника на стадии сосредоточения.

Русские предпринимают попытки, прибегая к мопдным контратакам, уйти на юго-восток и северо-восток во избежание окружения. Позже они путем разбивки сил на небольшие по численности группы попытаются переломить ход событий. Тщетно! Основная масса советских войск будет разгромлена в трехдневный срок дивизией «Мертвая голова», наступающим на восточном направлении южным крылом полка «Лейбштандарт» и частями дивизии «Дас Райх». Успех упомянутых дивизий в большой степени зависел от оказываемой люфтваффе поддержкой с воздуха.

Отдельные колонны противника рассеиваются в результате операций преследования. Позже они на протяжении нескольких дней вновь напоминают о себе в тыловых районах, но их все же громят и там, на этот раз до основания. Тело командующего 15-м советским гвардейским танковым корпусом обнаружено в нескольких сотнях метров от командного пункта нашего танкового корпуса СС.

Вечером 4 марта после ожесточенных боев Охочее вновь в руках дивизии «Дас Райх». Дивизия «Лейбштандарт» переходит в наступление из северо-восточного изгиба фронта под Староверовкой и снова соединяется с дивизией «Дас Райх». 5 марта дивизия «Мертвая голова» завершает разгром окруженного противника и одерживает убедительный успех. Потери живой силы противника чрезвычайно высоки. Котел, куда угодили русские, буквально переполнен всеми видами вооружения и транспортными средствами. Главные силы двух танковых корпусов и трех дивизий разгромлены. Исход сражения под

Еремеевкой существенно подорвал боеспособность 3-й советской танковой армии.

Дивизия «Лейбштандарт», вновь переподчиненная танковому корпусу СС, в полном составе сосредоточивается на достигнутой линии и проводит перегруппировку перед наступлением. 5 марта она находится под Караванским, почти вплотную к дивизии «Дас Райх» на линии Станичный — Винников — Никольское — Крутая Балка. 5 марта к корпусу подтягивают и высвободившуюся дивизию «Мертвая голова».

Следует отметить, что дорожные условия существенно затруднили проведение наступления. Количество снега в районе овладения до сих пор достаточно большое, что затрудняет передвижение войск и техники. Решимся ли мы на наступательную операцию по овладению Харьковом или разгрому сил врага у фронта армейской оперативной группы Кемпфа?

Решение так и не состоялось. Сначала необходим выход к Мше. 6 марта к участку Мши выдвигаются дислоцированные на линии Охочее — Крутая Балка танковый корпус СС с дивизией «Дас Райх», дивизия «Лейбштандарт», дивизия «Мертвая голова». Дивизия «Дас Райх» в ходе ожесточенных боев выбивает противника из Новой Водолаги, дивизия «Лейбштандарт» прорывает неприятельскую линию обороны Москальцово — Ляшово — Гавриловка и силами батальона создает первый плацдарм в районе Бридока. Сосед справа вследствие сложного рельефа местности остается на месте, прочно закрепившись правым флангом у Тарановки, и сначала овладевает Борками.

В ночь на 7 марта дивизия «Дас Райх» выходит к участку Мши, а «Лейбштандарт» расширяет созданный плацдарм. Оттепель. Ночные заморозки уже не в силах удержать наступление весенней распутицы. Дороги постепенно становятся непроезжими, что требует крайнего напряжения сил личного состава и вызывает повышенный износ техники.

С другой стороны, русские, похоже, выдохлись. Сражение между Донцом и Днепром обошлось неприятелю колоссальными потерями. Он изо всех сил старается бросить на борьбу с танковым корпусом СС все новые и новые силы, но их у него явно не хватает.

Возникает вопрос: наступать на северо-западном направлении и смять силы русских, сосредоточившиеся у фронта армейской группировки Кемпфа, или же на Харьков?

И вновь ясность будет внесена лишь продолжением наступления на север. Утром 6 марта я с ударной группой нахожусь на левом фланге «Лейбштандарта». Передо мной поставлена задача наступать на северо-восток с одновременной

обороной фланга дивизии. Глубокий снег по-прежнему затрудняет передвижение. Не сразу разглядишь под ним и дорогу, так что приходится пробираться на авось. Мы медленно подбираемся к небольшой высоте. Оттуда прекрасные условия для наблюдения в северо-восточном направлении. Перед нами раскинулась снежная равнина. В 500 метрах чуть вправо расположено село, удерживаемое русскими. Противник, не догадываясь о нашем присутствии, ведет себя беспечно. Чуть дальше различимы крыши домов уже другого села. Именно его я обозначаю первой целью нашей атаки. До села примерно 10 километров. Для нейтрализации сил противника, сосредоточенных в первом селе, намечаю использовать роту бронемашин батальона Вюнше с пехотинцами на броне. Под прикрытием арт-огня бронетранспортеры ворвутся в село и устранят фланговую угрозу для нашей ударной группы. Я же с основными силами немедленно ринусь в дальнее село и тем самым перережу тыловую зону русских.

Командиры подразделений объясняют личному составу задачу и обстановку. Артиллеристы и батальон минометчиков докладывают о готовности. Мои коллеги следят в бинокль за передвижением противника. Прислонившись к радиатору, пытаюсь отогреть озябшие руки. Часовая стрелка еле ползет по циферблату. Погашены сигареты, щелкают захлопываемые люки, звучат доклады о готовности. Считаные секунды отделяют нас от залпа артиллерии. Поднимаю руку, еще раз беглым взором обвожу роты и резко опускаю руку. Огонь! Звучат первые орудийные выстрелы. Медленно, словно нехотя рота бронемашин начинает продвигаться к селу, приближаясь под вой пикирующих бомбардировщиков к неприятелю. Самолеты по очереди с малых высот пикируют на уже известные цели. Враг не может поднять головы. Когда на село падает последняя бомба, в него въезжает наша первая бронемашина.

Между тем ударная группа тоже двинулась вперед и на полном газу мчится к цели. Но снег! Этот снег хуже злейшего врага! Из-за него мы не несемся, а тащимся. Вскоре выясняется, что мы, оказывается, действуем без пехоты — БМП и амфибии увязли в снегу. План наступления оказывается под угрозой. Моя машина застряла между двумя «тиграми» и с натужным воем с великим трудом пробирается вперед. Достигнув балки, мы останавливаемся и поджидаем пехотинцев. Бойцы проворно карабкаются на броню танков — легкие разведывательные бронемашины так и не сумели преодолеть спрессованный снежище. Вперед! Позади спасаются бегством русские, но это им не удается — наши пули настигают их.

На подходах ко второму селу, едва мы оказались в зоне досягаемости огневых средств противника, русские встречают нас залпами противотанковых орудий. Наши «тигры» быстро наводят порядок. Танковая рота Юргенсена, идущая справа, быстро пробирается через фруктовые сады с намерением обойти село.

В наш танк попадает русский 4,7-см противотанковый снаряд, но вреда не причиняет. Досадно, но мы до сих пор не можем определить местонахождение батареи русских. Мы уже в паре сотен метров от села и ищем место, где удобнее всего прорваться. По броне щелкают вражеские пули. Головной «тигр» попадает на заминированный участок и с поврежденной гусеницей застывает на месте. Тут, откуда ни возьмись, выскакивают русские «тридцатьчетверки» и вступают в бой. Но нам во что бы то ни стало нужно ворваться в это село! Внезапно раздается оглушительный грохот, броня танка едва не лопается, потом, опомнившись, лежу в какой-то борозде и вижу нашего водителя без головы за рычагами управления. Прямое попадание вынесло целый кусок брони танка. Вижу, как унтершарфюрер Альберт Андрее, пошатываясь, ищет, где укрыться. И в следующую секунду в ужасе убеждаюсь, что одна рука у него оторвана — с плеча свисают лишь кровавые ошметки и обломки костей.

Рота Бремера врывается в село и вступает в бой с противником на центральной улице. Внезапно мы проносимся мимо русского танка — с ним разделываются при помощи магнитного подрывного заряда. Только несколько минут спустя до меня доходит, что у меня в руках автомат обершарфюрера Зандера. Мое личное оружие так и осталось в подбитом танке. Зандер с благодарностью принимает от меня свой автомат. На бегу подхватываю русскую винтовку.

Час спустя село в наших руках, мы без промедления занимаем круговую оборону. Короткий световой день вынудил нас остаться в занятом нами селе на ночевку. Уже в сумерках мы похоронили моего водителя Эрнста Небелунга.

Офицеры связи дивизии «Великая Германия» сообщают о том, что их дивизия проводит операцию по соседству на участке слева. Я рад, что столь прославленное соединение действует севернее нас.

Совершенно дикий эпизод приключился с нашим обершарфюрером Бюгельзаком. Фриц, ничего не подозревая, ощутил острое желание сходить по нужде. Ну, и избрал для этого какой-то невзрачный сарайчик. Обрадовавшись, что степным ветром его не сдует, он уселся и приступил к делу. Но, как говорится, всего не предусмотришь — оказывается, Фриц был не един в своем порыве: напротив него устроился русский

лейтенант, который, ни слова не говоря, направил на него автомат. Оказывается, он первым занял сарайчик и давно выжидал момента. Вдруг слышим, кто-то вопит не своим голосом. Подбежали, осветили сарай фонариком и видим: стоит Фриц со спущенными штанами и не в силах вымолвить и слова тычет пальцем в своего соседа. Мы, наверное, ни разу в жизни так не хохотали, как тогда. А что до русского, тому наверняка пожертвованная Бюгельзаком сигарета показалась райским наслаждением.

Следующим утром нам предстоит наступать на Валки, населенный пункт, расположенный примерно в 10 километрах. Русские танки и противотанковые орудия пытаются помешать нам, но мы обходим очаги сопротивления противника, а потом наносим им удар с тыла. В ходе боя за Валки, когда мы атакуем последний оплот русских, машина обершарфюрера Раймлинга получает прямое попадание. А ему всего пару дней назад был вручен Рыцарский крест. И снова мы теряем одного из самых бесстрашных товарищей.

После ожесточенных схваток с врагом я вместе с ротой Вайзера выхожу к реке Мша в районе Валки. Мост цел и невредим. Но я не очень-то доверяю русским и отдаю приказ перейти реку по льду — мост явно заминирован и оставлен нам в качестве приманки. Подобравшись вплотную к берегу, под прикрытием хат и деревянных сараев рота готовится к атаке. На том берегу я замечаю, как время от времени мелькают отдельные русские. Позади нас стоят наши танки — им приказано обеспечивать наш переход через Мшу. Рота Бремера закрепилась дальше в нашем тылу. Я пытаюсь быстро сообразить, как лучше перебраться на другой берег и занять Валки без применения артиллерии и минометов. До нас доносится лязг гусениц — передвигаются русские «тридцатьчетверки».

Мои товарищи смотрят на меня, и в их глазах немой укор: «Ну, ты, дорогой наш командир, в какое же дерьмо ты нас норовишь затащить? Задумайся над тем, как отсюда будем выбираться». Бойцам, наверное, приятно видеть меня, как я, словно изнывающий от голода пес на цепи, смотрю на кость, да не могу до нее дотянуться. Понятно, что кость — это другой берег Мши. Но тут я будто срываюсь с цепи — по моему сигналу рота опрометью бросается через замерзшую речку к противоположному берегу и занимает его. Я по их примеру сам не замечаю, как проношусь по льду реки. Русские за это время не сделали ни единого выстрела. Будто окаменев, они продолжают сидеть за пулеметами, но в бой с нами почему-то не вступают. Да, какое же тут подойдет магическое слово? Примерно так оно

звучит: «Кто первым доберется до того берега, тому трехнедельный отпуск! Внимание, приготовились, марш!» Никогда ни до, ни после этой атаки мне не приходилось видеть, как люди буквально в два прыжка враз одолевают столько метров.

Теперь мы сталкиваемся лбами — танки минуют мост, который уже проверен на наличие мин, врываются на улицы и при поддержке пехотинцев очищают их от последних русских. Буквально на ходу мы захватываем орудие противника на огневой позиции вместе с расчетом и, кроме того, еще с добрых несколько сотен пленных. В нескольких километрах восточнее Валок мы соединяемся с батальоном разведывательных бронемашин Пайпера — тот прорвался к этому населенному пункту со стороны Бридока.

Боевым разведывательным дозором обнаружены тела четверых изуродованных до неузнаваемости наших товарищей. Сначала их уложили в ряд, а потом проехались по ним танками.

Пока мой батальон продвигается к северу, Пайпер выходит к пересечению железнодорожных линий Шляху, где мы 8 марта вновь соединяемся.

8 марта «Лейбштандарт» выходит к западным окраинам Харькова. Несмотря на мощную танковую оборону противника и его непрерывные контратаки, наше наступление уже не сдержать — мы рвемся вновь овладеть Харьковом.

Эшелонированная слева от нас дивизия «Мертвая голова» овладевает Старым Мерчиком, ее разведка доходит до Ольшан. Продвижение дивизии «Дас Райх» в сильной степени затруднено сложным рельефом местности на правом фланге соединения. Кроме того, со стороны восточнее Ракитное — Люботин существует серьезная фланговая угроза, связывающая крупные силы соединения для обороны с востока.

9 марта осуществлен выход на участок Уды и взяты Ольшаны. Армейская оперативная группа Кемпфа правым флангом ведет затяжное наступление. Таким образом, решение продиктовано обстановкой — цель одна: Харьков.

Вечером 9 марта передовые части «Лейбштандарта» уже в Пересечной и Полевой.

Начало наступления на город танкового корпуса СС — 10 марта. Вечером 9 марта поступает приказ о начале наступательной операции. Намечено атаковать Харьков с севера — силами «Лейбштандарта», с запада — одновременным ударом дивизией «Дас Райх» по трем трассам вторжения. Проведение операции по блокированию дороги на Чугуев возложено на «Лейбштандарт»; прикрытие с севера и северо-запада от врага, находящегося у фронта армейской группировки Кемпфа, а также

от подтягиваемых неприятелем частей входит в задачу дивизии «Мертвая голова».

В ходе наступления полк Витта выходит к важной трассе Харьков — Белгород и атакует город на северных окраинах, натолкнувшись в районе аэродрома на ожесточенное сопротивление Советов. Неприятель сумел воспользоваться паузой и мобилизовать гражданское население для обороны города.

На дороге встречаю Фрица Витта и узнаю, что он намерен атаковать аэродром и выйти к Красной площади. Справа от Витта действует полк дивизии «Лейбштандарт» под командованием штандартенфюрера Виша. И он успешно продвигается вперед.

После беседы с Виттом намереваюсь провести ударную группу через леса севернее Харькова и перекрыть дорогу Харьков — Липцы.

В авангарде снова следует рота Бремера; проезжаем несколько километров в сторону Белгорода, после сворачиваем на восток в занесенный снегом лес. Дорога приводит нас в колхоз, из которого уносит ноги разведотряд русских. Противник уходит на восток. Ни о каком возвращении и речи быть не может — я замышляю, миновав лес, как снег на голову ворваться в город с востока.

В чащу сосен ведет тропинка, дальше она бежит мимо небольшого озера прямо на восток. Наша разведка обнаруживает несколько саней с впряженными в них волами. На санях — противотанковые и другие орудия. Теперь уже не остается сомнений в том, что неподалеку мы обнаружим и танки, и тягачи, и другие транспортные средства.

Бремеру дан приказ следовать в восточном направлении и на опушке леса ждать дальнейших распоряжений.

Головная группа под командованием унтершарфюрера Штолля исчезает в высоком сосняке, оставляя за собой снежную пыль. За ними следуют два штурмовых орудия. Вскоре орудия соскальзывают с крутого спуска и едва не падают на лед замерзшего озера. Силами бойцов роты орудия сантиметр за сантиметром оттаскивают с опасного участка. Чтобы впредь не сталкиваться с подобными инцидентами, необходимо срочно обеспечить проезд. Не проходит и нескольких минут, как пехотинцы и стрелки-мотоциклисты с помощью лопат расчищают дорогу от снега. Теперь снова вперед! У маршевой колонны нет времени на задержки в пути. Наша сила в скорости и мобильности.

Бремер уже направился вслед за головной группой. Кое-где среди заснеженных деревьев мелькают русские верховые и

наблюдают за нашим передвижением. Я продвигаюсь след в след за головной группой. Дорога сужается. За нами направляется командирский бронетранспортер с рацией на борту. Чем глубже мы забираемся в этот лес, тем сильнее гложут меня сомнения. Неужели я вновь завожу группу в тупик? Нам нужно на восток и только на восток. Пути назад нет. Мы просто не сможем повернуть. Справа и слева непролазная чащоба. Вспоминаю Грецию, то, как мы перебирались через залив Патрас, об атаках противника на южном участке, об ожесточенных боях последних недель. Нам всегда казалось, что мы в тупике, что выхода из сложившейся ситуации нет, но в конечном итоге мы всегда побеждали. Вот и сейчас так. Никто всерьез не думает, что наша моторизованная группа сумеет пробраться через лес. В мирное время курсант, который предложил бы подобный вариант действий, в один присест был бы отправлен назад в войска. Это же чистейшее безумие. Тем не менее я твердо верю в успех. Скорее всего, я вцеплюсь в глотку ничего не подозревающим русским. Фридрих Великий в таких случаях говорил: «Чем вы хитрее, тем больше у вас преимуществ перед врагом».

Макс Вертингер вынужден еле-еле тащиться по узенькой тропинке, именуемой дорогой. В кабину бронетранспортера сыплет снег с веток потревоженных нашим появлением деревьев. Поездка не из приятных. Впереди светлеет. Мы миновали лес, выйдя на участок срубленных деревьев, узкая дорожка здесь заканчивается.

С удивлением отмечаю, что Бремер развернул свои машины и спешит укрыться. Группа залегла. Осторожно пробравшись к Бремеру и бросив взор на крутой склон впереди, сам невольно вжимаюсь в снег. На той самой дороге, на которую нам не терпелось выбраться, двигается бесконечная маршевая колонна. Пехотинцы, артиллеристы, танки следуют в направлении Белгорода. На отступающих в панике эти солдаты и офицеры не похожи — колонна движется размеренно, организованно и сгруппирована по всем правилам.

М-да, этот кусочек нам не проглотить. Пройдет не один час, пока наша ударная группа выберется из этого леса и окажется полностью боеготовой. Мы должны быть довольны уже тем, что русские нас не заметили. Атакуй они нас, и нам крышка — сотрут в порошок. Не поможет ни наша боевая выучка, ни опыт, ни эффект внезапности, ни огневая мощь. Но — как уже говорилось — разворот на сто восемьдесят градусов неосуществим даже в чисто техническом отношении. Остается затаиться и выжидать удобного момента. Может, к завтрашнему дню и повезет — так и так через час, а то и раньше стемнеет.

В нашем распоряжении 4 амфибии, легкий бронетранспортер и оборудованный рацией восьмиколесный бронетранспортер, в общей сложности 23 бойца, 4 пулемета, автоматы. И вот представьте себе — эта группа немецких солдат оказалась примерно в 800 метрах от маршевой колонны русских — тысячи солдат и все мыслимые виды вооружений. Местность представляет собой отлогий спуск к дороге, а по другую ее сторону снова такой же отлогий подъем. С нашей стороны спуск этот порос деревьями, а по ту сторону дороги это просто голая, покрытая снегом поляна. Короче говоря, и пошевелиться страшно — не дай бог нас здесь заметят посты предупреждения русских.

И вдруг откуда-то позади доносится хорошо знакомый гул авиационных двигателей. Пикирующие! Их самих пока не видно, но по звуку слышно, что идут они с запада, следовательно, с полной бомбовой нагрузкой. Неужели цель их атаки — эта самая колонна русских? Потому что чуть правее расположен населенный пункт под названием Большая Даниловка. Не на нее ли нацелились наши бравые пилоты?

Двигатели гудят уже как раз над нашими головами. На снегу мелькнули тени пролетающих самолетов. Покинув наши временные укрытия, мы встаем и начинаем наблюдать за развитием событий. А зрелище между тем обещает быть интересным. Пикирующие бомбардировщики облетают колонну русских, потом, плавно развернувшись, набирают высоту и с юга устремляются в пике, сбрасывая на русских смертоносный груз. По склону вниз устремляются сани, от прямых попаданий танки разлетаются на куски. В считаные секунды упорядоченная колонна превращается в хаос. Гужевой транспорт несется в поле. Спуск по ту сторону дороги усеивают бесчисленные черные точки. Пехотинцы спасаются бегством. Всякое управление войсками потеряно.

Словно наэлектризованный, я неотрывно гляжу на бурлящую человеческую массу. Потом беру из машины ракетницу и выстреливаю в воздух несколько красных ракет. Бремен мгновенно понимает меня. Группа Золля спешно рассаживается по машинам и устремляется вниз по склону. Командирский бронетранспортер посылает пулеметные очереди в гущу советских солдат. Так что огневая поддержка у нас налицо. Вопреки всем законам тактики мы с шумом и воем несемся по дороге. Клаксоны машин, вой пикирующих, стрельба — все сливается в непрерывную какофонию боя. Мы атакуем русских. Небо прочерчивают красные ракеты. Пилоты пикирующих распознали нас и в знак этого покачивают крыльями перед тем, как свалиться в очередное атакующее колонну пике. Пулеметами

и пушками летчики проторяют нам путь.

И вот мы на дороге. Русские поднимают руки вверх. Пикирующие на бреющем проносятся над колонной, после чего разворачиваются, и все повторяется вновь. Так они обеспечивают нам огневое прикрытие с воздуха и не дают русским опомниться. На опушке леса показывается первый наш танк и ведет-огонь на север. На броне бойцы группы Штолля. За ними на дорогу выезжают еще три танка и Макс Вюнше. Теперь мы атакуем в двух направлениях. У русских должно сложиться впечатление, что речь идет о нашей запланированной и хорошо подготовленной атаке. Ни в коем случае нельзя дать им опомниться. Сотни пленных красноармейцев собирают во фруктовом саду.

У нас нет времени на паузы, нам необходимо без промедления воспользоваться преимуществами атаки наших пикирующих и как можно скорее пробиваться к Харькову. Группа Штолля, командирский бронетранспортер с рацией и несколько вестовых мчатся на юг навстречу советским частям. По обе стороны дороги их продвижение обеспечивают два танка. Наши помощники, пилоты пикирующих, прощаются с нами — они успели расстрелять весь боекомплект. Только теперь мне ясна значимость нашей спонтанной операции. Наступила тишина, воздух больше не прорезывает надсадный вой пикирующих. На жалких двух машинах мы несемся на вражескую маршевую колонну. Над нашими головами свистят бронебойные снаряды и разрываются где-то далеко южнее. Русские, пытающиеся собраться после окончания атаки с воздуха, попадают под наш пулеметный огонь. И снова вынуждены спасаться бегством. Слева стоит передвижная радиостанция русских — выскочившие из нее радисты падают под пулями. Офицеры скрываются на крестьянском дворе. В радиостанцию летят гранаты — с ней покончено. Повсюду огонь, дым. Вперед! Вперед! Страшно и подумать о каких-то там паузах. Наша сила в движении и только в движении. Бешеная гонка, треск пулеметов, бросаемые на ходу гранаты, тявканье танковых пушек — все это ввергает Советы в панику, заставляя их бежать куда глаза глядят.

Останавливаемся мы только у кирпичного завода на окраине Харькова. Как раз вовремя замечаю с полдесятка стоящих в садах домов по обеим сторонам дороги вражеских танков. Слева экипаж русской «тридцатьчетверки» лихорадочно пытается снять маскировку со своей машины. Отгоняем их. Потревоженные стрельбой, из домишек выбегают остальные танкисты. Никто здесь не рассчитывал на нашу атаку. Но и для нас обстановка становится угрожающей. Штолль едва успевает вскочить в машину, причем даже не в свою — его собственная так и остается

стоять. Вижу, как водитель скрывается в близлежащей хатенке. Надо возвращаться — русские танки готовятся открыть огонь.

Со всех ног прочь отсюда! Если мы, конечно, не хотим стать мишенями для русских танков. Мы сумели углубиться на юг более чем на 7 километров и насмерть перепугать русских. За мной расположился советский майор. Он получил рану в живот. И пожелал уехать именно с нами. Дивлюсь этому человеку — за все время ни стона, ни крика, даже не поморщился от боли. Доктор Гаттеринг оказал ему первую помощь.

После возвращения обнаруживаем в Большой Даниловке огромное количество пленных под охраной нескольких наших бойцов. Похоже, они вполне довольны своей участью — во всяком случае, бежать никто из них и не думает.

К полуночи не вернулась значительная часть ударной группы. Но вот они наконец возвращаются, медленно и по частям выползая из темноты. Около 5 утра все в сборе. Ударная группа снова готова выполнить поставленную ей задачу.

Едва рассвело, как мы снова следуем в направлении Харькова. Но на сей раз уже не несемся как угорелые, а медленно, едва ли не на ощупь, продвигаемся на юг. Далеко справа наблюдаем, как Советы атакуют район аэродрома. Им приходится сражаться с полком Витта. Перед собой видим тоже продвигающихся вперед советских пехотинцев. Наша первая пулеметная очередь буквально пригвоздила их к земле. Мы быстро добираемся до кирпичного завода и там обнаруживаем целого и невредимого водителя машины Штолля. Мотопехотинец Бруно Прегер спал в скирде сена. Русские танки, те самые, что собирались нас обстрелять, так и стоят здесь. Подожженные нами пять «тридцатьчетверок» продолжают пылать, как факелы. Один наш танк IV, получив прямое попадание, взрывается на собственном боекомплекте. А русский танк, его подбивший, тоже получает прямое попадание. Все это происходит в полусотне метров от нас. Осколком убивает моего водителя Макса Вертингера. Снаряд обрывает жизнь и командира нашего взвода связи оберштурмфюрера Гейнца Вестфаля. Гельмут Бельке ранен, я же, не получив ни царапины, лежу под навалившимся на меня телом моего шофера Макса Вертингера. Русскому танку удается улизнуть.

Овладевая одним домом за другим, мы продвигаемся вперед. Расчет неприятельского противотанкового орудия гибнет от свалившегося на него фонарного столба. Наши танки захватывают инициативу. К вечеру 11 марта мы в восточной части Харькова и выходим к дороге на Старый.

Но момент триумфа сменяется опасным кризисом. Наши

танки передвигаются на последних каплях бензина, и от них мало проку. Перестраиваем их для круговой обороны вокруг какого-то кладбища — неприступный бастион в сердце Харькова. Отсюда мы продвигаемся по дороге Харьков — Чугуев, пытаясь блокировать главную трассу отступления русских войск.

Вот уже несколько часов нет известий из 2-й роты — подразделение отрезали русские в районе речки. Рота Бремера сражается не на жизнь, а на смерть, Ольбеттер успешно отражает натиск врага с восточного направления. И нам у кладбища приходится отбивать атаки русских. С наступлением темноты гауптшарфюреру Брукману удается подогнать несколько бензовозов. Но он предупреждает, что дорога практически непроезжая — неприятель перерезал нам пути отхода. Два дня спустя с противником разделываются части дивизии «Мертвая голова».

Внезапно с севера в город прорывается полк Витта и, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, добирается до самой Красной площади, где на ночь занимает круговую оборону.

12 марта ударная группа атакует колонны противника и окончательно блокирует шоссе на Чугуев. Но Советы по-прежнему наседают на нас. Они решили взять нас числом и стиснули на узком до невозможности участке. Два взвода роты Вайзера, засев в здании школы, отчаянно отбивают атаки русских, сумевших пробраться в подвал школы. Под командованием Вюнше удается организовать контратаку, в результате которой штурмовая группа русских уничтожена. Теперь наша ударная группа в полном составе удерживает оборону. Наши позиции отмечены кольцом пылающих городских зданий.

С наступлением ночи я уже не надеюсь, что нам удастся продержаться до утра. От противника нас отделяют считаные метры. Но в момент отхода мы вдруг замечаем русский танк, вплотную подползший к зданию школы. До него метров 20, водитель высовывается из башни и ищет глазами своих. Вайзер срезает его выстрелом из пистолета. Лязгая гусеницами, машина уползает прочь с безжизненно свесившимся телом своего командира на башне.

В ночь на 12 марта дивизия «Дас Райх» прорывает укрепленные позиции врага на западных окраинах Харькова. Путь в город открыт. 12 же марта дивизия выходит к главному вокзалу.

Неприятель всеми силами старается вырваться из кольца окружения. Оказывая ожесточенное сопротивление, он продолжает подтягивать свежие силы с северной части города, не оставляя попыток деблокировать свои окруженные части.

С двумя танками к нам прорывается Йохен Пайпер, но его танк вскоре оказывается подбит снарядом русской «тридцатьчетверки». Экипажу удается спастись.

До 14 марта мы отчаянно сражаемся за каждый дом. Лишь к 18 часам противник сдает нам оставшиеся районы на востоке и юго-востоке города. Тракторный завод пал 15 марта.

Утром того же дня дивизия «Мертвая голова» после успешных боев севернее Рогани выходит к узкому перешейку под Чугуевом и блокирует его. Рубеж заграждений подвергается яростным атакам русских с востока в течение нескольких следующих дней. Дивизии удается окружить и пленить большое количество личного состава противника и — что самое главное — уничтожить или захватить значительное число вооружений и техники.

На этом завершается решаюпций контрудар русскому зимнему наступлению, связь между участками фронта группы армий «Юг» восстановлена. Значительная часть наступательных сил противника разгромлена или пленена, остатки отброшены на восток.

В последующие дни развитие наступления с преследованием отступающего на восток и север противника перемещается на берег Донца, и 18 марта в завершение успехов, одержанных танковым корпусом СС, Пайпер овладевает Белгородом. Так устанавливается связь с наступающей с запада дивизией «Великая Германия», уничтожившей в ходе ожесточенных танковых сражений до 150 советских танков.

Битва за Харьков с тяжелыми потерями победоносно завершена.

В великой битве между Донцом и Днепром немецкие мотопехотинцы сумели одолеть превосходящего по численности противника.

Незадолго до летнего наступления я был вынужден расстаться с моими верными боевыми товарищами. Мне никогда не забыть прощания с ними.

Я был откомандирован в танковое училище, после чего переведен в 12-ю танковую дивизию.

12-я Танковая дивизия СС

Уникальным явлением в военной истории было появление дивизии, причем такого сложного войскового организма, как современная танковая дивизия, где личный состав, за исключением офицеров высшего ранга, состоял из молодых людей в возрасте 17–18 лет.

Люди, компетентные в вопросах военного дела в Германии, воспитания допризывников и молодого поколения, считали, что боевое применение упомянутого соединения уже в первые дни обернется катастрофой — молодежь окажется не в состоянии выдержать психологических и физических нагрузок, предъявляемых к бойцам в современном бою. Куда непримиримее были наши тогдашние противники. И это было не просто пропагандистскими уловками, когда на распространяемых ими листовках или же в радиопередачах упоминалась «детсадовская дивизия», символом которой была молочная бутылка с соской.

Однако дела этих молодых людей, успехи соединения — дивизии «Гитлерюгенд» опровергли все пессимистические прогнозы критиков.

Вероятно, и с исторической точки зрения небезынтересно вкратце проследить становление дивизии.

С провозглашением после Сталинградской катастрофы концепции «тотальной войны» наряду со многими возник план сформирования добровольческой дивизии из юношей призывного возраста. Создание такого соединения послужило бы символом готовности к самопожертвованию германской молодежи и ее волеизъявлением выстоять и одержать победу. С ранних лет проводимая военно-допризывная подготовка позволяла к 17–18 годам воспитать солдата. Если комплектуемая личным составом на основе добровольцев дивизия положительно зарекомендует себя, подобный принцип можно будет ввести и в других частях и соединениях — в конце концов, необходимо было каким-то образом компенсировать огромные потери личного состава в ходе восточной кампании в России, изыскивая новые резервы в Германии.

Представители «гитлерюгенда» считали, что обычные методы военной подготовки для людей молодого возраста не подойдут. Поэтому, утверждали они, необходимо опробовать принципиально новые методы боевой подготовки, осуществляя ее в рамках вновь созданной особой дивизии при условии и их привлечения.

После обсуждения всех вопросов между возглавлявшим

«гитлерюгенд» Аксманом и Адольфом Гитлером фюрер в июне 1943 года отдал соответствующие распоряжения. Отныне «гитлерюгенд» изыщет добровольцев для подготовки их в лагере допризывников. Затем они будут переданы Ваффен-СС для комплектования личным составом вновь формирующейся дивизии. Основу дивизии должна была составить танковая дивизия СС «Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер». Вновь сформированная дивизия в качестве мотопехотной дивизии «Гитлерюгенд» вместе с 1-й танковой дивизией СС должны были образовать 1-й танковый корпус СС. К формированию приступить немедленно.

Пока «гитлерюгенд» занимался набором и допризывной подготовкой, из «Лейбштандарта» изымались те, кому предстояло создать ядро будущего соединения. «Лейбштандарт» понесла значительные потери при отступлении и в сражениях за овладение Харьковом. Она учитывалась при подготовке к осуществлению операции «Цитадель» по устранению фронтового выступа русских в районе Курска.

Командование вновь сформированным соединением было поручено командующему 1-м мотопехотным полком 35-летнему штандартенфюреру Витту, удостоенному Рыцарского креста и дубовых листьев. Часть офицеров вновь сформированных мотопехотных полков, фельдфебелей, а также офицеров-специалистов Витт прихватил из своего прежнего полка, а им на замену пришел соответствующий личный состав из 2-го мотопехотного полка. Подобный подход применялся и при комплектовании в других родах войск.

Эта собранная из разных частей и подразделений основа представляла лишь черновой остов, каркас будущего соединения. Ощущалась острая нехватка командиров рот и взводов. На должность командиров рот повсеместно назначались молодые командиры взводов. Впоследствии в дивизию было откомандировано около 50 офицеров из других сухопутных войск, часть из которых успела пройти «гитлерюгенд». Для обучения командирских кадров самые лучшие из прошедших допризывную подготовку направлялись в офицерскую школу в Лауэнбурге. В первые несколько недель существования соединения наиболее способные молодые солдаты также направлялись для прохождения трехмесячных курсов младших командиров в рамках дивизии.

И когда в июле—августе около 10 000 молодых людей прибыли в лагерь Беверло (Бельгия), подготовительные работы все еще не были завершены. Пополнение даже не сразу получило обмундирование. Но боевая подготовка началась без

промедлений. Постепенно отдельные подразделения укомплектовывались согласно штатам и структуре военного времени. В сентябре формирование было в основном завершено. Результатом этой небывалой работы стало появление в октябре новой танковой дивизии, оформленное официальным приказом.

К этому времени танковый полк, формирование которого осуществлялось в Мейи-ле-Кам под Реймсом, получил в свое распоряжение 4 танка типа IV и еще 4 «пантеры». Половина машин «неофициально» была прихвачена из России. Артиллерийский полк располагал лишь легкими полевыми гаубицами. Не хватало и автотранспортных средств. В ноябре—декабре полк получил итальянские трофейные автомобили, они покрыли 80 % потребностей части. Одновременно прибыли тягачи и бронеавтомобили.

Существовали определенные неясности и по части субординации. По всем вопросам учебы дивизия подчинялась генералам танковых войск Весту и Гейру фон Швеппенбургу. По вопросам тактики — командованию 15-й армии.

По завершении в целом одиночной боевой подготовки в начале 1944 года приступили к боевой подготовке в составе части. После переброски полка в район Хасселта (Бельгия) периодически проходили учения с использованием танков, причем основной упор делался на взаимодействие танковых групп. В феврале состоялись учения 1-го батальона 25-го мотопехотного полка СС, включающие боевые стрельбы. Учения проходили в присутствии генерального инспектора танковых войск генерал-полковника Гудериана. В марте на учениях по отладке взаимодействия танковых групп присутствовал главнокомандующий группой армий «Запад» генерал-фельдмаршал фон Рунштедт. Как в первом, так и во втором случае состояние боевой подготовки получило самую высокую оценку.

На многочисленных командо-штабных учениях отрабатывалось взаимодействие штабов. Одни из таких учений в масштабах корпуса проходили в районе Дьеппа. И вновь обнаружились сложности с трофейным транспортом, совершенно непригодным для боевых действий. На самом высоком уровне было принято решение заменить их транспортными средствами вермахта.

Часть молодых людей решила избрать другие рода войск и дивизии, но большая часть молодежи с радостью восприняла включение в состав дивизии и с нетерпением ждала участия в боевых действиях. Необходимо было поддержать энтузиазм и, если понадобится, пробудить его среди молодых бойцов.

Поскольку речь шла о еще не оперившейся молодежи, воспитательные методы должны быть иными, чем для обычных новобранцев. В этой связи многие отжившие свой век принципы военной подготовки заменялись новыми, пришедшими в войска из германских молодежных организаций, зародившихся на стыке двух столетий.

В дивизии не применялся принцип слепого повиновения, безоговорочного послушания и строгого следования субординации. Отношения между офицерами, унтер-офицерами и рядовым составом базировались, скорее, на принципе имеющегося опыта: старые, закаленные бойцы делились им со своими молодыми товарищами. Авторитет офицера состоял в том, чтобы стать истинным командиром, за которым бойцы пойдут в огонь и воду. Естественно, всячески поощрялась связь с родным домом молодых бойцов, естественно, опять же исходя из условий военного времени.

В молодых бойцах воспитывали такие качества, как чувство ответственности за порученное дело, чувство товарищества, готовность к самопожертвованию, решимость, самообладание, самостоятельность мышления. Командование дивизии было убеждено, что молодой боец способен на большее, если действует сознательно, если сумел вникнуть в суть проводимой операции и внутренне одобрить ее. Исходя из этого неотъемлемой частью процесса обучения стало воспитание в молодых бойцах сознательной исполнительности, иными словами, умения исполнять приказ исходя из сложившейся обстановки.

Боевая подготовка в дивизии не имела ничего общего с традиционной муштрой на казарменном дворе. Здесь не учили тянуть ногу в парадном марше. Все внимание было сосредоточено именно на боевой подготовке, а она осуществлялась в условиях, максимально приближенных к боевым. Конечно же, не забывали и о физической подготовке личного состава. Однако марш-броски с полной выкладкой категорически отрицались. По инициативе генерала Гейра фон Швеппенбурга самое серьезное внимание уделялось огневой подготовке. Занятия по огневой подготовке проходили исключительно на местности, а вот так называемые упражнения по прицеливанию на казарменном дворе напрочь исключались.

Согласно распоряжению генерального инспектора танковых войск в 1944 году командование дивизии в тесном взаимодействии с офицерами танкового училища в Бергене разработало новое наставление по стрелковому делу для солдат мотопехотных частей и подразделений. Ввод в силу упомянутого документа был отклонен инспекторами пехотных войск. По

инициативе генерала Гейра фон Швеппенбурга очень большое внимание уделялось маскировке, в том числе радиомаскировке, умениям рукопашной схватки, ночным боям, меткости, прицельной стрельбе. Для ведения радиоразведки дивизии был придан взвод связи ближней разведки, впоследствии с лихвой оправдавший свое назначение. Курс тактических занятий для командного состава всех ступеней по настоянию генерала Гейра фон Швеппенбурга включал большой объем оперативно-тактических игр по отладке боевых навыков борьбы с десантирующимся с воздуха противником.

Поскольку многие пришедшие на службу молодые люди вследствие нехватки продуктов питания в тылу обнаруживали признаки истощенности, приходилось идти на увеличение пищевого рациона, определенного для сухопутных войск, действующих в полевых условиях. И это явно шло им на пользу — молодые солдаты крепли физически день ото дня. Табачные изделия бойцам, не достигшим 18 лет, не выдавались, вместо них в довольствие включались сладости.

Разумеется, речь не могла идти о каких-либо привилегиях для дивизии по части снабжения вооружениями и техникой, как это могло бы показаться. Организационно-командная структура дивизии «Ваффен-СС» отличалась от традиционно принятых в сухопутных частях вермахта тем, что первые в составе мотопехотного полка располагали тремя батальонами вместо двух. В отличие от учебной танковой дивизии данная имела всего один мотопехотный батальон.

Вследствие использования перечисленных выше принципов боевой подготовки, которые. разумеется, не везде применялись с одинаковым успехом, части дивизии шли в бой, будучи твердо уверенными в том, что их действия на поле боя сыграют решающую роль не только на конкретном оперативном участке, но и для конечной победы Германии в целом. Личный состав проникался идеей справедливости дела немцев. И молодые солдаты дивизии шли в бой подготовленными так, как практически никто из их собратьев из других дивизий.

Вторжение

В утренние часы 6 июня 1944 года, около 7 часов, дивизия из штаба 1-го танкового корпуса СС получила свой первый боевой приказ. Она была подчинена группе армий В (Роммель), и сейчас ей была поставлена задача сосредоточиться в районе Лисье и перейти под командование 81-го корпуса со штабом в Руане. Этот приказ возымел шоковый эффект. Вся проведенная подготовка к маршам оказалась впустую. Осуществлялась заурядная переброска в соседний с прибрежным район, причем непонятным оставалось, для участия в какого рода операциях перебрасывают туда соединение. Ведь такого рода переброска — пустая трата времени, если сравнить ее с выверенным по времени и тщательно подготовленным следованием маршем непосредственно из района расквартирования в район сосредоточения. Все возражения против подобного приказа, направленные в штаб корпуса, которому дивизия более и не подчинялась, успеха не имели. А со штабом группы армий В телефонной связи не имелось.

Приказ на выступление маршем и на сосредоточение был разработан молниеносно и с 9 часов 30 минут до 10 часов поступил во все части и подразделения дивизии. Эшелон походной колонны 25-го усиленного мотопехотного полка СС выступил примерно в 10 часов, а 26-го — около 11 часов. 25-му усиленному мотопехотному полку СС предстояло сосредоточение вместе со следовавшим вместе с ним 2-м батальоном 12-го танкового полка СС в районе восточнее Лисье; 26-й усиленный мотопехотный полк СС вместе с 1-м батальоном 12-го танкового полка СС также следовал для сосредоточения в район Лисье. Штаб дивизии оставался пока в Аконе, восточнее Тийера, где имелась телефонная связь. Что же касалось Лисье, там приходилось ограничиваться наличием передового пункта связи командования, иначе говоря, офицером, располагающим средствами связи.

Около 15 часов из штаба группы армий В дивизия получила телефонограмму приказа сосредоточиться в районе строго на запад от Кана и быть готовой к наступлению. Сначала дивизия была подчинена 84-му танковому корпусу со штабом в Сен-Ло, затем 1-му танковому корпусу.

В 16 часов, то есть 16 часов спустя после получения первого донесения о наличии противника, 25-й усиленный мотопехотный полк СС получает боевой приказ: полку надлежит сосредоточиться в районе западнее окраины Карпике—Версон—

Лувиньи, 26-му усиленному мотопехотному полку СС левее 25-го — в районе Сен-Мовье—Кристо—Фонтене—Ле-Пенель—Шо, а 12-му саперному батальону — в районе Тийи — сюр-Сель. Части снабжения должны прибыть восточнее Орны и оставаться в Форе де Кюйби и покинуть этот район лишь с наступлением темноты. Штаб дивизии перебрасывается на северную оконечность Форе де Гримбоск.

Пора! Бойцы усаживаются на машины, стрелки-мотоциклисты несутся вдоль улиц, завывают двигатели бронетранспортеров. Сколько же раз уже приходилось переживать подобные минуты! В Польше, на Балканах, на западе Европы, в России и вот теперь снова на западе Европы. Мы, старые солдаты, с тревогой вглядываемся в будущее — мы предполагаем, что нас ждет. А вот ослепительно молодые бойцы-мотопехотинцы с насмешкой глядят на нас. У них опасений нет. Они излучают уверенность в себе — они верят в собственные силы и полагаются на волю к победе. Ну что же, им еще предстоит проверка на прочность. Над нами неприятельские истребители. Обрушиваясь на маршевую колонну, они уносят десятки молодых жизней, в клочья разрывая молодых цветущих парней. Танки запросто перемахивают дьявольские перекрестки дорог. Разведрота под командованием фон Бюттнера уже далеко впереди. Дожидаюсь от них донесений. Если бы только мы располагали достоверной картиной обстановки! А то до сих все словно в тумане.

По старой привычке мой водитель осторожно, крадучись пробирается вперед. На западе в небо поднимаются клубы темного дыма. Кан, город Вильгельма Завоевателя, откуда в 1066 году тот начал свой победоносный поход через пролив Ла-Манш, уничтожен. Свыше 10 000 жителей города, женщин, стариков, детей погребены под его дымящимися руинами. Город превратился в огромный погост.

Дорога Кан—Фале полна французских беженцев. Автобус пылает, как свеча. До нас доносятся душераздирающие крики. Чем мы можем помочь этим несчастным? Дверь автобуса заклинило, и те, кто остался в живых, сгорают заживо. Из выбитых окон свисают какие-то непонятные ошметки, когда-то бывшие людьми. Ужас! Отчего эти невинные люди сгорают заживо? Но — никаких пауз, никаких остановок! Дальше! Вперед и только вперед! Лесные массивы притягивают нас, словно магниты. Истребителей противника все больше и больше. Нас гонят, как зайчишек на охоте, и нет возможности укрыться. Маршевая колонна несется дальше!

На замыкающий колонну взвод 15-й роты обрушивается целая стая «спитфайров». Ракетные и обычные снаряды пожинают

смертельный урожай. Взвод минует ложбину — в сторону не свернешь, от воздушных охотников нет спасения. Какая-то старушка-француженка бежит прямо на нас с криком: «Смерть! Смерть!» На дороге лежит один из наших бойцов, из пробитой пулей шеи фонтаном брызжет кровь. Солдат умирает на наших руках. Гремит взрыв — в воздух взлетает боекомплект амфибии, языки пламени тянутся к небу. Машина разлетается в куски. Пара минут, дымящиеся обломки убраны с дороги — и снова вперед, вперед!

Спускается вечер. 15-я рота перешла шоссе Кан—Вилье—Бокаж. Жду не дождусь подхода 1-го батальона — воздушные атаки противника сбили весь темп наступления. Наконец-то! Вальдмюллер докладывает о прибытии батальона, я слышу, как он сообщает, что потери в результате авиаатаки незначительны. Около 23 часов ко мне является денщик из 21-й танковой дивизии. Эта дивизия ведет бой у Троарна севернее Кана. Командующий дивизией генерал-лейтенант Фойхтингер ожидает меня на командном пункте 716-й пехотной дивизии. С места срываюсь туда. Над дорогой на бреющем проносятся немецкие бомбардировщики. Стоит им попасть в зону контроля неприятельского флота, как на них обрушивается остервенелый пулеметный и орудийный огонь. Посреди дороги пылают несколько грузовиков. Да, вот это вылазка, нечего сказать.

Кан представляет собой сплошное море огня. Среди развалин плутают охваченные отчаяньем люди, улицы завалены обломками зданий, в воздухе стоит удушливый запах гари. Величественные храмы превратились в груду камня, труд многих поколений людей в одночасье рухнул.

И ведь при всем при этом в городе нет ни одной боеспособной части противника! Бравые пилоты союзников отправили на тот свет тысячи ни в чем не повинных мирных жителей-французов. Безвозвратно потеряны бесценные памятники культуры. С военной точки зрения город этот не представлял ровным счетом никакого значения.

Бункер глубоко врылся в песчаную почву. В проходах лежат раненые — бойцы 716-й пехотной дивизии и 21-й танковой дивизии. Раненые стенают от боли. Позабыв обо всем на свете, хлопочут санитары. и врачи.

В 24 часа стою перед командующим 716-й пехотной дивизией генерал-лейтенантом Рихтером. Его дивизия пережила весь ужас бомбардировки авиации союзников. В одни сутки часть перестала существовать как боевая единица. Но пока что опорные пункты держат оборону. На данный момент связи с командирами полков и батальонов нет никакой, и о том, что происходит на опорных

пунктах, ничего не известно.

Командующий дивизией вводит меня в курс обстановки. И вдруг громом гремит телефонный звонок. Командир полка (полковник Круг) докладывает из своего бункера обстановку и просит дальнейших распоряжений. «Враг у входа в бункер! Средств для отражения его атаки нет. Связи с подразделениями нет. Что предпринять?» В бункере генерал-лейтенанта Рихтера повисает гнетущая тишина, взгляды всех прикованы к командующему. Поражаюсь выдержке этого человека. «Я больше не могу отдавать вам приказы, — обращается он к полковнику Кругу. — Действуйте по собственному усмотрению! До свиданья!»

716-я пехотная уничтожена до основания. Дивизии просто нет. Соединение бесстрашно сражалось — но противник во много раз превосходил его и по численности, и по вооружениям. В ночь с 5 на 6 июня 716-я пехотная дивизия подверглась бомбардировке силами авиации союзников. А потом все базировавшиеся на Британских островах силы ВВС США нанесли удар по участку 716-й дивизии. Только за последние полчаса перед атакой сил высадки союзников на дивизию обрушилось свыше 1000 американских самолетов береговой обороны.

После того как пилоты союзников исчерпали запас бомб, бомбардировку начали военно-морские силы. 5 линкоров, 2 монитора, 19 крейсеров, 77 эсминцев и 2 канонерки обстреляли из всех калибров дивизию. А под финал по соединению корабли выпустили залп ракет (дело в том, что перечисленные боевые единицы флота предназначались для участия в операции вторжения).

Невзирая на интенсивный огонь на уничтожение корабельной артиллерии, на беспрерывно сыпавшие авиабомбы, уцелевшие бункеры продолжали удерживать оборону до второй половины дня 6 июня. Но разве человеческая плоть способна устоять под натиском металла? И солдат вынужден капитулировать перед ним. Участок 716-й пехотной дивизии уподобился лунному ландшафту — сплошь напоминающие кратеры воронки.

После потрясающей сцены в бункере 716-й пехотной дивизии командующий 21-й танковой дивизией вкратце объясняет обстановку и ход боев. Вот что он докладывает:

«О начале вторжения я узнал из присланного мне донесения, в котором говорилось, что, мол, 6 июня незадолго до полуночи парашютисты высадились в районе Троарна. Поскольку я имел на руках приказ не сниматься с места, сначала я не мог ничего предпринять, разве что перевести дивизию в состояние полной боевой готовности. И всю ночь прождал приказа свыше. Но ни одного так и не дождался. Поскольку мне, в конце концов, к 6.30

утра стало ясно, что моя танковая дивизия оказалась вплотную к театру военных действий, где проводилась крупномасштабная операция, сложа руки сидеть нельзя. Я отдал танкистам приказ атаковать 6-ю английскую десантную дивизию, окопавшуюся на созданном у Орны плацдарме. Именно она, по моему мнению, представляла для нашего участка наибольшую опасность.

Едва я отдал соответствующий приказ, как из штаба группы армий В меня уведомили, что я переподчинен 7-й армии. В 9.00 мне сообщили, что отныне я получаю все распоряжения от командования 4-го пехотного корпуса. И, наконец, в 10.00 я дождался первого приказа действовать. Танковую атаку британских десантников прекратить, повернуть на запад для включения в силы обороны Кана.

Переправившись через Орну, я последовал на север к побережью. К этому времени силы противника, 3 британские и 3 канадские пехотные дивизии, сумели достичь весьма неплохих результатов и овладеть узким участком прибрежной территории шириной до 10 километров. И вот именно оттуда, не успел я опомниться, как враг открыл огонь и в один присест вывел из строя 11 моих танков. Моей ударной группе все же удалось миновать эту батарею, и к 19.00 она вышла к побережью в районе Льон-сюр-Мера».

21-я танковая дивизия, единственное стоявшее наготове соединение, способное изменить ход сражений после вторжения союзников, еще на начальной фазе лишилась ударной мощи. Вместо того чтобы железным кулаком нанести молниеносный удар вторгшемуся противнику, дивизия была обречена быть сожженной по частям. До 6.30 она бездействовала в Кане и только после этого атаковала десантную дивизию под Троарном. Однако главные силы врага находились не под Троарном, а севернее Кана. Части же 21-й танковой дивизии лишь во второй половине дня смогли добраться на нужный участок севернее Кана.

21-я танковая дивизия, окажись она в руках более искушенного командующего, как Роммель, который в 1940 году с брони головного танка руководил наступлением (и его примеру следовали потом многие командующие), смогла бы поставить неприятеля в весьма сложное, если не критическое положение. А здесь основополагающий принцип Гудериана «Не ползти, а мчаться» был грубейшим образом нарушен.

Командный пункт 21-й танковой дивизии все еще располагается в Сен-Пьер-сюр-Диве, это примерно в 30 километрах от побережья. В ночь с 6 на 7 июня командующий 21-й танковой дивизией не имел надежной связи с ее сражающимися частями.

Вскоре после полуночи до него доходит, что союзники, оказывается, овладели или вот-вот овладеют аэродромом Карпике. Но точных сведений на этот счет не имел.

25-й полк срочно посылает разведку. В 1 час ночи разведчики докладывают, что и в Карпике, и в Роте, и в Бюроне противника нет. В Бюроне находятся лишь разрозненные группы 716-й пехотной дивизии. А вот Ле Бюиссон занят врагом. Левое крыло 21-й танковой дивизии стоит у железнодорожной линии на высоте у Эпрона. То есть западнее этого населенного пункта на данный момент немецких частей больше нет никаких. Иными словами, западную часть Кана и аэродром Карпике защищать некому.

Часть, которой предстояло оборонять аэродром, спешно покинула свои оборудованные позиции еще 6 июня вечером. Речь шла о личном составе наземных служб люфтваффе.

Усиленный 25-й мотопехотный полк движется по шоссе Вилье Бокаж — Кан. Офицеры для поручений информируют командование об обстановке. Командирам батальонов дан приказ прибыть на временный командный пункт 25-го мотопехотного полка. Командный пункт расположен строго на запад от Кана в точке пересечения железнодорожной линии с шоссе.

В бункере настроение хуже некуда. Пора сбегать, думаю я. Не успеваю покинуть бункер, как меня требуют к телефону. Это командующий нашей дивизией генерал-майор Витт. Генерал-майор находится на командном пункте 21-й танковой дивизии и желает выслушать отчет об обстановке. Я слово в слово передаю ему то, что услышал от командующих 716-й пехотной и 21-й танковой дивизий. Витт выслушивает меня, ни разу не прервав, а потом говорит:

«В сложившейся обстановке Необходимо действовать быстро. В первую очередь не отдавать врагу ни Кана, ни аэродрома. Есть основания полагать, что враг уже успел перегруппировать силы для обороны, поскольку наступать он явно не намерен. Поэтому считаю нецелесообразным бросать дивизию в бой. Речь может идти только о наступлении совместно с 21-й дивизией.

Итак, наша дивизия во взаимодействии с 21-й атакует высадившегося противника и сбрасывает его в море. Начало наступления — 7.06.1944, 12.00 часов».

Торопливо прощаюсь с командующими и покидаю вместе со своими подчиненными бункер. В проходах до сих пор лежат раненые, хотя основную часть уже успели отправить в тыл. На улицах Кана ни души — ни гражданских, ни военных. Только там, где улицы завалены, саперы расчищают дорогу. Кроме них, я не видел ни одной живой души. Кан — вымерший город.

Невозможно дышать от копоти и смрада пожарищ. Путь определяем по догорающим балкам. Едем молча, никому нет охоты чесать языком — все мысли о том, какова будет участь наших родных немецких городов. Над нами пролетают отдельные самолеты. Вспышки бортовых фотокамер тревожными сполохами на миг выхватывают город из темноты. И куда только смотрят наши люфтваффе?

Наш командный пункт расположился прямо на главной улице города. Это небольшой особняк, окруженный старыми, высокими деревьями. С маскировкой мучиться не приходится, а без нее нынче не обойтись, если намерен все же дожить до следующего дня. Внутри жуткий хаос — солдаты люфтваффе наверняка еще четверть часа назад были здесь. Скорее всего их послали защищать аэродром.

Докладывает командир 1-го батальона 25-го полка. Быстро ввожу его в курс дела. Краткое рукопожатие говорит о многом. Все мы понимаем, что наша задача не из легких.

Бойцы батальона спрыгивают из кузовов машин и растворяются в темноте. Ни одна машина через город не идет, все сворачивают на юг.

Постепенно подтягиваются батальоны. Между тем рассвело. И небо оживает. Нет смысла искать, где укрыться — самолеты постоянно кружат над нами.

Бойцы жестами подзывают меня. Спокойно, без напускного пафоса мы готовимся принять боевое крещение.

Все маршруты следования беспрерывно простреливаются корабельной артиллерией и атакуются штурмовиками. И все же нам удается без значительных потерь своевременно выйти в район сосредоточения.

Направляюсь к выдвинутому командному пункту, расположившемуся в монастыре Арденн. Эрих — мой водитель — уже умудрился пересесть с грузовика на маленький командирский вездеход: ни к чему привлекать внимание вражеских летчиков. Но его предусмотрительность оказалась тщетной. Едва мы тронулись с места, как по нам дали очередь. Пули хитурмовиков перепахали дорогу перед нами. Но ехать надо — не стоять же! Не лежать же вечно в траншее! Эриху надоели эти обезьяньи прыжки, и он решил перехитрить пилотов штурмовиков. Мы летим вперед, потом резко тормозим, потом Эрих бросает машину резко вправо, потом влево. И так далее. Я безмерно рад, когда вблизи оказывается окружающая монастырь каменная стена. Сам монастырь представляет собой средневековые развалины посреди фруктовых деревьев, окруженные, как я уже говорил, сложенным из дикого камня

забором. Две башни колоколен представляют идеальный наблюдательный пункт.

Одну из башен уже облюбовали артиллеристы, устроив там батальонный наблюдательный пункт. Бартлинг докладывает, что артиллеристы готовы к бою. Пехотинцы тоже вышли к исходным рубежам. 2-й батальон залег непосредственно передо мной. Вижу, как бойцы отправляются в боевую разведку, как тяжелые орудия выезжают на огневые позиции, пока пулеметчики отстреливаются от кружащих над нами штурмовиков противника. Все ясно. Ясно-то ясно, но куда делись танки? Доберутся они сюда вообще или нет? Да и вообще, не безумие ли гнать сюда танки, когда воздух кишит штурмовиками? Вместо танкистов прибывает командир взвода минометчиков. С удовлетворением отмечаю, что мин у него хоть завались. Батальон занимает позиции на северной окраине Кана.

Между тем уже 10 часов утра, наконец показываются первые танки. Атаки с воздуха существенно замедлили их продвижение. Командир танкового батальона докладывает о наличии 50 боеготовых машин типа IV. Остальные предпочли переждать и прибудут лишь к ночи. У меня с души камень свалился — без поддержки танков наше наступление изначально обречено на неуспех.

Вот только если бы каким-то образом унять этих проклятых корабельных канониров. Тяжелые снаряды гудят, словно поезда, и разрываются в городских развалинах. Штурмовики нам уже не действуют на нервы — мы успели к ним привыкнуть.

Забираюсь на башню обозреть местность. Может, удастся разглядеть и побережье.

Вот так сюрприз! Вся местность передо мной как на ладони. До самого побережья! На берегу пролива оживление. На воде сплошь корабли, в небе над ними целая завеса из аэростатов воздушного заграждения. Ни к чему, потому что немецких самолетов в воздухе нет и, похоже, не предвидится.

Западнее Дувра неприятель формирует танковые колонны. Вообще, побережье очень напоминает растревоженный муравейник. А как обстоят дела в нашем тылу? Дымящиеся развалины, опустевшие улицы и пылающая техника. Прямое как стрела шоссе видно на многие километры, но оно тоже пустое — ни наших танков, ни бронетранспортеров, ничего. Видимо, где-то укрылись, замаскировались, ждут наступления темноты, когда можно будет беспрепятственно выбраться в районы сосредоточения.

Штурмовики атакуют монастырь, но без особого результата. Бойцы на чем свет стоит клянут эту напасть, желая вражеским

пилотам гореть в аду.

Но что это? Не верю глазам — через монастырский сад пробирается неприятельский танк. Потом вдруг останавливается. Командир машины открывает люк и оглядывает местность. Он что, ослеп, что ли? Неужели не видит, что в паре сотен метров бойцы 2-го батальона и что он уже под прицелом противотанковых орудий? Скорее всего, не видит. Спокойно достает сигаретку, закуривает, шаловливо выпускает дым. С нашей стороны ни единого выстрела. Молодцы! Бойцов батальона не надо учить, как и когда открывать огонь.

Ага! Все становится понятным. Этот танк из бокового охранения. Со стороны Бюрона следует целая танковая колонна противника. Боже! Вот это да! Какая возможность! Танки ползут как раз вдоль фронта 2-го батальона! Подставив нам свой фланг. Отдаю всем батальонам, артиллеристам приказ: огня не открывать! Только по моему сигналу!

Бронетранспортер командира нашего танкового полка остался стоять во фруктовом саду. Я быстро связываюсь по телефону с танком, не проходит и минуты, как танкисты в курсе происходящего. Одна рота стоит на территории монастыря, другая у какого-то склона южнее Франквиля. Медленно, но верно танки продвигаются к Оти, потом минуют этот населенный пункт, чтобы продолжить путь в Франквиль.

Похоже, командир неприятельских танкистов ничего, кроме аэродрома, вообще не замечает — а взлетная полоса прямо перед ним. Но не замечает главного — смертельной опасности у себя в тылу. Стоит его танкам показаться на шоссе Кан — Байо, как они нарвутся на дожидающуюся их танковую роту 2-го батальона. Теперь стальные чудовища разделяют какие-нибудь несколько сотен метров.

Как зачарованные, наблюдаем мы за происходящим. Вюнше — командир танкового полка — негромко комментирует передвижение врага. Люди невольно понижают голос при виде этой картины.

Всплывает в памяти приказ дивизии перейти в наступление и заодно хорошо известный принцип Гудериана «не тащиться, а мчаться». Здесь необходимо действовать без промедления. 26-й полк пока что находится восточнее Орны, а 1-й батальон 12-го танкового полка застрял без горючего в 30 километрах восточнее Орны.

Подвоз горючего из-за авиации противника невозможен. Принимаю решение: как только танки врага минуют Франквиль, 3-й батальон 25-го танкового полка вместе с расположившимися у склона машинами атакует неприятеля, и сразу после захвата Оти

в бой вступают остальные батальоны. Цель: побережье.

Информирую об обстановке командующего 21-й танковой дивизией и прошу поддержать меня.

На наших плечах тяжкий груз. Сейчас все и решится. Головные машины врага проходят, оставляя в стороне Франквиль, и уже готовы пересечь шоссе. Даю Вюнше сигнал атаковать и даже слышу, как он отдает приказ: «Внимание! Танки вперед!» И напряжение последних минут мгновенно спадает. Вспышки и грохот орудийных выстрелов. Вижу, как задымился головной танк противника, вижу, как экипаж выбирается из подожженной машины. Взрываются другие вражеские танки. Вдруг наш «тигр» застывает на месте и загорается — из люка вырываются языки пламени. Канадцы-пехотинцы пытаются продвинуться к Оти и вести бой оттуда. Но тщетно. Бойцы 3-го батальона не желают допустить туда танки врага и сами рвутся в Оти. Едва они достигают этого населенного пункта, как в атаку идут 1-й и 2-й батальоны. Неприятель атакован с фланга. В результате молниеносной атаки Франквиль и Оти захвачены нами. Теперь на очереди Контест-Бюрон. Судя по реакции врага, он захвачен врасплох. Но артиллеристы, и наши, и вражеские, молчат — до сих пор не выпустили ни единого снаряда.

Атакующие быстро продвигаются вперед. Пленные с поднятыми руками направляются в тыл.

3-й батальон наступает на Бюрон. 2-й батальон уже миновал Контест-Бюрон и ведет бой с неприятельскими танками.

Вскочив на мотоцикл, следую в расположение 3-го батальона. По пути мне попадаются первые раненые, направляющиеся в перевязочный пункт в монастыре. Во фруктовом саду Кюсси вижу человек пятьдесят плененных канадцев под охраной наших бойцов. Командую им опустить руки и требую срочно отвести их в монастырь. Деревня Кюсси, кажется, вымерла, но сразу же за ней кипит жизнь. Едва я выезжаю за пределы Кюсси, как в меня летят снаряды канадских танков. Меня пытаются подстрелить сосредоточившиеся на южной окраине Бюрона. Но это не так-то просто — несусь на предельной скорости по проселочной дороге.

Но в меня все же попали. Не знаю, как это произошло, но вдруг обнаруживаю, что лежу рядом с канадским солдатом. Вокруг грохот разрывов, дым, не поймешь, что творится. Мы с канадцем лежим в воронке, тупо уставившись друг на друга. Прижавшись к противоположным краям огромной ямы, мы неотрывно следим друг за другом. Мы с ним угодили в самое пекло обстрела канадской корабельной артиллерии и при каждом пролете тяжелого снаряда невольно стараемся вжаться в землю. Мой мотоцикл так и валяется на дороге, вернее, не мотоцикл, а

то, что осталось от него — груда искореженного металла.

Не могу сказать, сколько я проторчал в этой окаянной воронке. Вижу только, как наши бойцы остановились у самого Бюрона. Справа и слева от них дымятся подбитые танки.

Не сутки же сидеть здесь, в конце-то концов! Поэтому я короткими перебежками двигаюсь в сторону 3-го батальона, а мой сосед по воронке канадец мчится со всех ног в сторону Кюсси. Канадцы сосредоточили огонь на Бюроне. Какой-то вестовой на мотоцикле, заметив меня, тормозит, я сажусь к нему, и мы мчимся дальше.

Между Бюроном и Оти неожиданно встречаю Милиуса. Он радостно докладывает о высоком боевом духе бойцов своего батальона. Потери невелики. По Бюрону канадцы ведут яростный огонь. Деревню теперь не узнать. Ее местонахождение можно определить только по вздымающимся к небу языкам пламени и столбам дыма. Неприятельская артиллерия сосредоточила огонь на Бюроне и продолжает перемалывать ее. Мне еще не приходилось наблюдать артогонь подобной мощи. Невольно приходит на ум Верден. Рота 3-го батальона угодила в самую гущу артобстрела, остальные продвигаются к Бюссону. Милиус следует за своей головной ротой.

На другой машине еду в расположение 3-го батальона. Контест подвергается куда более слабому обстрелу. Батальон, уйдя из зоны артогня, продолжает наступать в северном направлении. Командир батальона Скапини погиб, ведя подразделение в атаку в результате прямого попадания. Погиб как солдат.

Добравшись до 1-го батальона, с ужасом узнаю, что, оказывается, 21-я танковая дивизия не поддерживает наступление, и ее танки стоят под Кувром. Это означает, что левый фланг полка оголен и неприятельские танки наносят удар во фланг 1-го батальона. Я подоспел как раз к началу серьезного кризиса на участке 1-го батальона. Пехотинцы продолжают лежать, и вдруг замечаю, как сначала один, а потом и несколько бойцов поворачивают и бегут назад, в Малон. Здесь уже всякий приказ бессилен, тут необходимо действовать по-другому. Бегу бойцам наперерез и показываю, что, мол, враг там, а не в Малоне. Они замирают на месте, как вкопанные, потом снова бросаются на прежние позиции. Наш «Тигр IV» пытается перемахнуть через вырытый нами же противотанковый ров, но терпит неудачу — ни вперед, ни назад. Вражеские танки попадают под обстрел наших противотанковых орудий. Задымился первый «шерман», еще один вертится на месте, а несколько секунд спустя взрывается. Подоспевшие наши машины выправляют ситуацию.

Теперь скорее назад, на КП полка! Во дворе монастыря собралось ровно 150 человек пленных. Все они из 9-й канадской бригады, входящей в состав 3-й канадской пехотной дивизии. Пленные либо пехотинцы полка «North Nova Scotia Highlanders», либо танкисты 27-го танкового полка «Sherbrooks Fusiliers». Перебросившись несколькими словами с офицерами, поднимаюсь на монастырскую башню.

Выдвинутые вперед наблюдатели постоянно сообщают о новых целях и корректируют огонь батарей. На левом фланге батальона до сих пор никаких передвижений не заметно. В район боя прибыла только разведрота[26-го полка. Батальоны пока что задерживаются из-за атак с воздуха, так что полку пока нет смысла на них рассчитывать.

12-й разведывательный батальон до сих пор не вошел в соприкосновение с неприятелем на левом фланге дивизии. Батальон ведет разведку в направлении Байо.

Наблюдается интенсивное передвижение противника в районе Мюка. Танковые части наступают в направлении Бретвиля. Мюк — узенький ручей с лесистыми берегами, под Ротом оба берега поднимаются, образуя естественную противотанковую преграду при наступлении как с запада на восток, так и в противоположном направлении. Участок местности вокруг Франквиля контролируется батареей зенитных 8,8-см орудий.

Напряженно вглядываемся в поднятые танками клубы пыли западнее Мюка. Машина за машиной переваливает высоту, двигаясь на Франквиль. На этом участке наших сил нет, так что союзники двигаются беспрепятственно. Если неприятельские танки продолжат наступать по шоссе Кан — Байо, то неизбежно выйдут прямо в район сосредоточения и развертывания 26-го мотопехотного полка. В самом Бретвиле на данный момент лишь разрозненные пехотные силы 716-й пехотной дивизии. Путь глубоко во фланг свободен.

Как выяснилось впоследствии, это были силы 7-й канадской бригады — ее части «Regina Rifles» и «Canadian Scottish».

В сложившейся обстановке необходимо немедленно приостановить наступление 25-го полка. Идти в наступление с незащищенными флангами, да еще вдобавок под ураганным огнем корабельной и наземной артиллерии противника — верх безрассудства.

Наступление приостановлено, и 1-й батальон отведен с высоты левого фланга. Дивизии приказано перейти к обороне линии овладения до подхода дополнительных сил.

Во фруктовом саду монастыря до сих пор оказывают помощь

раненым. Молодые бойцы подбадривают друг друга. Тут все лежат вперемешку — немцы, канадцы. Санитары не смотрят, кто в какой форме. Для них раненые есть раненые, здесь речь идет о жизни и смерти.

Отправка раненых в тыл теперь не представляется возможной. Штурмовики атакуют даже санитарные автомобили. Полковой врач передает мне, что санитарная рота полка не может больше в полной мере осуществлять вывоз раненых — во время последней атаки с воздуха была уничтожена значительная часть санитарных машин, кроме того, погибли и санитары.

Следовательно, знак Красного Креста больше не является защитой.

Чтобы санитарные машины еще сильнее отличались от остальной техники, немедленно отдаю распоряжение перекрасить их в белый цвет. Но и это не помогает.

С помощью врачей-французов создается вспомогательный госпиталь. Французы занимаются тяжелоранеными канадцами.

Под покровом темноты раненых и пленных все же удается переправить в тыл.

Потери первых дней боев ощутимы. Кроме командира 2-го батальона, получили ранения или погибли несколько командиров рот. 3-й батальон понес при атаке Бюрона весьма значительные потери. Потери танкового батальона составили 6 машин типа «Тигр IV», причем две машины ремонту не подлежат.

Однако потери противника несравненно больше. По словам подполковника Мела Гордона, 27-й канадский танковый полк потерял 28 машин типа «шерман». Полк «North Nova Scotia Highlanders» потерял в общей сложности 245 человек ранеными, убитыми или взятыми в плен.

Атака 25-го полка существенно затруднила операции неприятеля в районе Кана. Увы, но 7 июня нам уже не представилось возможности продолжить наступление.

Осуществляемое по плану наступление 21-й и 12-й танковых дивизий могло бы привести к успеху 7 июня и дало бы возможность создать плацдарм севернее Кана, будь упомянутые дивизии под ответственным командованием. Но эти соединения предпочли держать на месте и ввели в бой лишь после соответствующего распоряжения О КВ. Обе дивизии, и 12-я, и 2-я танковая, смогли бы участвовать в операциях в районе Кана еще 6 июня.

За ночь на свой участок выдвинут 26-й полк. Наконец угроза с флангов снята.

Наступление 1-го батальона 26-го полка на Норри застопорилось. Наступающая правее Мюка 1-я рота,

попытавшаяся установить связь с 25-м полком, вынуждена была залечь вследствие флангового огня противника.

Наступление 2-го батальона 26-го полка из Ле Мениль-Патри привело к окружению трех рот «Royal Winnipeg Rifles» в районе Пюто-Ан-Бессена и к их разгрому. Подошедшая 9-я канадская бригада обеспечила возможность контрнаступления полка «Canadian Scottish» и, понеся серьезные потери, сумела оттеснить 2-й батальон нашего 26-го полка на позиции к югу от Пюто.

3-й батальон 26-го полка занял оборонительные позиции на дамбе в Бронэ.

Учебная танковая дивизия под командованием генерал-лейтенанта Байерляйна 8 июня вышла к линии фронта в районе Тилли. Дивизия уже на марше понесла довольно значительные потери — неприятелем были уничтожены свыше 40 бронетранспортеров, доставлявших бензин, кроме того, были уничтожены еще 90 грузовиков. К этим потерям следует добавить еще 5 танков, 4 тягача и орудия на самодвижущихся лафетах. Как видно, это весьма серьезные потери для еще не успевшего принять участие в боевых действиях соединения.

Вскоре после полуночи на КП прибывает оберштурмфюрер фон Риббентроп. За несколько недель до вторжения союзников фон Риббентроп получил ранение в плечо во время атаки с воздуха, и сейчас рука у него на перевязи. Но он не мог больше оставаться в госпитале и сейчас разыскивал свою танковую роту. Зная фон Риббентропа, не настаиваю на его возвращении в госпиталь.

В течение ночи я разыскал нужные батальоны и обошел позиции рот. Я просто не нахожу слов, чтобы описать боевой дух и выдержку бойцов — настолько они высоки. Даже мы, старые вояки, и то приуныли вследствие событий, свалившихся на нас за минувший день, — этот ужасающий по интенсивности артобстрел, бесконечные атаки с воздуха и т. д. А вот молодым бойцам хоть бы что. Именно так они себе и представляли боевое крещение. Но они понимают, что впереди их ждут весьма нелегкие испытания. Нет, их выдержке можно только позавидовать.

На брошенном врагом командном пункте под Оти и Франквилем обнаружены весьма ценные документы. В подбитых танках тоже много любопытных бумаг, касающихся радиообмена. К вечеру 8 июня несколько канадских авто, направлявшихся со стороны Пюто, переехав заминированный мост на восточной окраине Бронэ, напоролись прямо на наш противотанковый расчет и были подбиты. Одна машина сгорела вместе с пассажирами, другая осталась целой и невредимой. Но старший

лейтенант вместе со своим шофером были сражены наповал. В машине нашли любопытную карту. На ней были обозначены все позиции неприятеля по обоим берегам Орны с точным указанием вооружений вплоть до указания минометов и пулеметов. Вместо названий соответствующих населенных пунктов неприятель использовал названия животных, начинающихся с той же буквы. А река Орна фигурировала здесь как «Ориноко». Непроходимые для танков участки местности были обозначены особо. У убитого капитана была найдена записная книжка с кратким изложением приказов по операции вторжения, содержащих тактические приемы и инструкции по обращению с местным населением.

Все упомянутые документы использовались врагом буквально на днях, что в сильной степени облегчило нашим разведчикам работу по дешифровке радиограмм противника.

Во второй половине дня 8 июня вместе с командующим дивизией еду на участок полка, а потом в расположение 1-го батальона 26-го полка. Нас здорово беспокоят носящиеся на бреющем штурмовики, и я рад встретить на КП командира 25-го полка живым и здоровым.

25-й полк как раз получает приказ во взаимодействии с только что прибывшей танковой ротой 1-го батальона 12-го танкового полка, разведротой 25-го полка разгрузить 1-й батальон 26-го полка атакой с восточного направления на Бретвиль-Лергюлез.

Наступление назначено на следующую ночь. Дело в том, что дневные атаки исключаются вследствие неограниченного господства в воздухе авиации союзников.

Незадолго до наступления темноты танки направляются со стороны Кана на Франквиль. Машины медленно продвигаются к линии фронта — водители и в темноте ориентируются не хуже, чем днем. Командиры рот и взводов, изучив за день местность, знают каждый овражек, каждый кустик. Танковая колонна, выстроившись клином, готова выступить. На броню карабкаются бойцы разведроты. Объезжая танки, я напутствую личный состав.

Командир роты фон Бюттнер, много лет пробывший моим адъютантом, вдруг напоминает мне об обещании, данном мною 15-й роте еще во время учебы в Беверлоо (Бельгия). Тогда я крикнул бойцам: «Ребята, разведрота — всегда в авангарде колонны полка. Поэтому на вас возложена огромная ответственность, и обещаю вам, что сам приму участие в вашем боевом крещении!»

Да, пора выполнить данное мною обещание — мне предстоит идти вместе с ними в наступление.

Подъезжает на мотоцикле мой давний боевой товарищ

Гельмут Бельке. С 1939 года он всегда был рядом, сначала вестовым на мотоцикле, потом командиром взвода, Бельке прошел со мной все поля сражений. В коляске д-р Штифт. Усаживаюсь позади водителя и направляю Гельмута Бельке на шоссе Кан-Байо. Справа урчат танковые двигатели. Бойцы-мотопехотинцы, рассевшись на броню машин, пригнулись за башнями.

Ребята приветливо машут мне, потом, похлопывая друг друга по плечу, о чем-то говорят. Явно обсуждается мое обещание.

Командир танкового полка Макс Вюнше намерен сопровождать свою роту «Пантер». Мы тоже не расстаемся с ним с самого 1939 года. Мы настолько хорошо знаем друг друга, что уже не нуждаемся в командах — достаточно кивка, просто взгляда, и танки трогаются с места.

По левую сторону дороги на огневых позициях расположилась батарея 8,8-см противотанковых орудий. Еще несколько минут, и наши посты боевого охранения остались позади. Справа от шоссе на большой скорости двигаются танки. Местность здесь вполне надежная — ни ухабов, ни рытвин. За нами в нескольких сотнях метров позади следуют стрелки-мотоциклисты, потом машина с рекогносцировщиком артогня.

Двигатель — наше главное оружие, об этом мы все помним. Вперед! Скорость растет. Танки уже еле различимы в темноте. До того, как совсем стемнеет, я намерен миновать Рот, промчаться через эту французскую деревеньку — так было оговорено вместе с Вюнше. Впереди показываются первые дома Рота. Танки двигаются чуть вправо позади — мы будто сидим на вулкане, но Гельмут как ни в чем не бывало гонит вперед. У въезда в деревню останавливаемся — дождаться наших танков. Они прибывают несколько минут спустя. Первая группа разведроты спешивается и по-пехотному входит в деревню. Вскоре выясняется, что противника в Роте нет, и мы, как и было запланировано, спокойно минуем деревню.

«Пантеры» одна за другой тоже проезжают по деревне. Едва выехав за ее пределы, танки снова перестраиваются в клин. Две «пантеры» несутся к Бретвиллю, остальные двигаются по обеим сторонам дороги. Впереди различаю лишь мерцающие в темноте красные пятна выхлопных труб машин.

Норри мы уже оставили слева — еще буквально несколько секунд, и мы окажемся у постов боевого охранения канадцев. До Бретвиля двести метров, не больше.

Вдруг гремят выстрелы — открывают огонь оба головных танка, чтобы проторить нам путь снарядами, и на полном ходу врываются в населенный пункт.

Именно так мы сражались на Восточном фронте — интересно, сработает ли здесь наша тактика внезапных атак?

Все наши танки уже в Бретвиле. Противник встречает нас пулеметным огнем. Мы пристраиваемся позади второго танка. Сейчас в одиночку на шоссе как-то слишком уж неуютно себя чувствуешь. Спешившись, мы бросаемся в придорожный кювет.

Вдруг я натыкаюсь на тело убитого канадца — справа на откосе дороги стоит дымящаяся танкетка неприятеля. Пробираясь дальше, слышу стоны. Чуть левее лежит раненый — вражеские пулеметы гремят без умолку. В деревню въезжают все новые и новые танки с бойцами на броне.

Короткими перебежками пробираемся через кювет. Вижу раненого — он лежит навзничь и стонет от боли. Боже мой! Да это же Бюттнер! Командир разведроты получил пулю в живот. Ощупываю его и понимаю, что ранение тяжелое. Узнав меня, Бюттнер пожимает мне руку. Он на фронте не первый день и прекрасно понимает, что это его последний бой. Едва слышно произносит: «Передайте жене, что я очень ее любил!» Наш врач накладывает повязку. Гельмут Бельке прикрывает нас, опустившись на колени в нескольких метрах от нас. Вдруг слышу с противоположной стороны дороги непонятный шум. Через шоссе проносится чей-то силуэт. Свой? Противник? Гельмут Бельке успевает выстрелить и попадает бегущему в голову. Канадец как сноп валится у дороги. Но и мой неразлучный товарищ не поднимается. И для него этот бой последний. И он тоже получил смертельную пулю в живот.

Пытаюсь успокоить его, но куда там! Бельке только отмахивается. «Не надо, я знаю, что это за рана. Конец мне. Так что, прошу, передайте моим родителям, как все было».

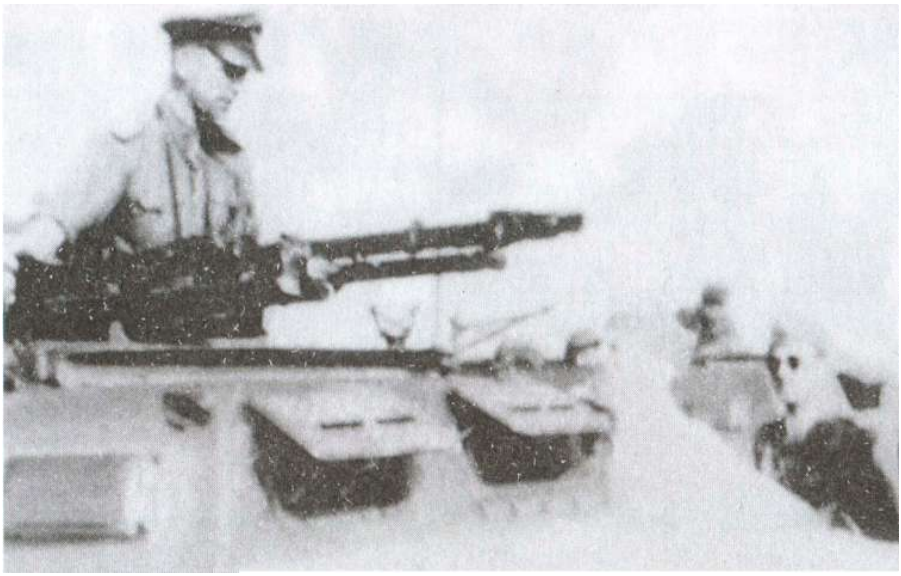
Мимо пробегают бойцы. Фельдфебель Зандер, сын бургомистра Дессау, останавливается на миг пожать руку Гельмуту. Час спустя гибнет сам.

Я уже не в силах сдержать слез — один за другим гибнут мои давние боевые товарищи. Вскакиваю на мотоцикл, но пару секунд спустя машина охвачена пламенем. Пробит бензобак, и мотоцикл пылает, как факел. Бойцы валят меня на землю и пытаются сбить пламя. Пламя сбивают, хорошенько выкатав меня в грязи. Не бывать бы счастью…

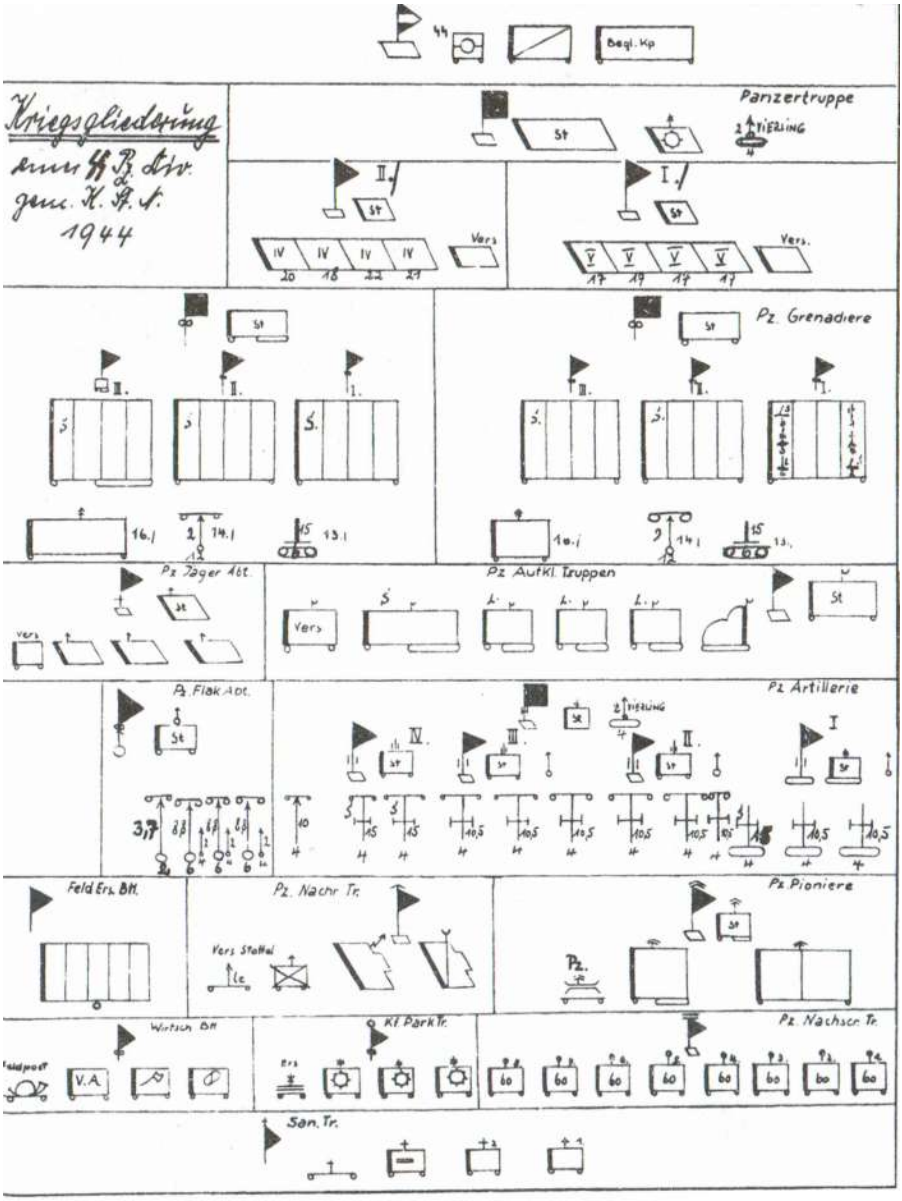
Зепп Дитрих и Майер наблюдают за ходом боя.

Хуберт и Курт Майеры беседуют с офицером вермахта.

Май 1942 года. В то время как Лейбштандарт был отведен в тыл, его офицеры принимали итальянскую делегацию.



Майер демонстрирует своим коллегам новый разведывательный бронетранспортер.



Структура танковой дивизии СС. 1944 год.

На учениях. В командирской машине (справа налево): генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, штурмбанфюрер Хуберт Майер, обергруппенфюрер Зепп Дитрих, оберфюрер Фриц Вии, штандартенфюрер Курт Майер.

Пленный Панцермайер, «замаскированный» под полковника 2-й танковой дивизии вермахта. Обратите внимание на кепи и куртку из итальянской камуфлированной ткани.

Панцермайер в Нормандии.

В деревне трещат и бухают выстрелы. Мы добрались до центральной площади. Наш головной танк подбит. С ходу захвачен командный пункт полка «Regina Rifles». Внезапная атака прошла успешно. Да, но где пехотинцы 26-го полка? Одним нам здесь не удержаться — маловато нас для обороны. На рассвете я с тяжелым сердцем принимаю решение отходить к высотам восточнее Рота.

Результат всех предыдущих боев: наступление Монтгомери так и не достигло цели. Согласно плану Кан должен быть взять союзниками уже 6 июня.

Около полудня участком Рота овладевает 1-й батальон 26-го полка. Оберштурмбанфюрер Вюнше получил ранение во время ночной атаки, а оберштурмфюрер Фусс, командир взвода

разведроты, пропал без вести. Во второй половине дня погибает и сменивший фон Бюттнера офицер. За истекшие сутки разведрота потеряла двух командиров.

На командном пункте полка встречаю третьего офицера штаба дивизии. И мне, и ему ясно, что немецкому верховному командованию придется поторопиться, чтобы выбить союзников с созданного ими плацдарма. До сих пор в бой бросали все танковые дивизии. И ни одна из них так и не сумела организованно провести наступление — практически все танковые дивизии вынуждены были перейти к обороне. Необходимых пехотных дивизий нет, они торчат без дела по ту сторону Сены. Все должно решиться в ходе ближайших суток. Мы с каждым днем становимся слабее, а силы союзников, напротив, крепнут.

Во второй половине дня на командный пункт прибывает главнокомандующий группой армий «Запад» генерал Гейр фон Швеппенбург. Генерал прекрасно знает дивизию — он не раз побывал в дивизии в период ее формирования и обучения, поэтому как недостатки, так и достоинства соединения ему известны. Генерал выражает полку признательность за достигнутые результаты.

Мы поднимаемся на наблюдательный пункт Арденнского монастыря. Генерал просит меня ознакомить его с обстановкой. Вкратце объясняю ему задачу полка и высказываю опасения — дескать, именно в ближайшие дни решится исход войны. Фон Швеппенбург бросает на меня взгляд мельком и говорит: «Дорогой господин Майер, войну можно выиграть только политическими средствами».

Фон Швеппенбург ставит меня в известность о принятом решении проводить наступление силами 21-й, 12-й и учебной танковых дивизии. Этими тремя дивизиями он намеревается пробиться к побережью. Учебная дивизия будет действовать на участке Сен-Мовье — Пюто — Бронэ, а высвободившийся 26-й мотопехотный полк выдвинется восточнее Мюка. Начало наступление: ночь с 10 на 11 июня. Считаю, что ночное наступление перечисленными силами перспективно с точки зрения успеха. Во всяком случае, наступать следует как можно раньше, чтобы к рассвету уже вклиниться в оборону противника, что, вероятно, исключит действие тяжелой корабельной артиллерии. Наступление же в светлое время суток представляется мне совершенно невозможным, принимая во внимание абсолютное превосходство авиационных и артиллерийских сил неприятеля. Мы немедленно начинаем подготовку к наступлению. Однако это очень и очень непросто.

Дело в том, что и подвоз боеприпасов и горючего возможен лишь в темное время суток. Боеприпасы, к примеру, предстоит перебрасывать из лесов севернее Парижа.

У фронта 25-го полка все спокойно. Противник, вероятно, еще не успел оправиться от шока 7–8 июня, чтобы продолжать атаковать Кан. На левом соседнем участке наступательные и оборонительные бои сменяют друг друга. Учебная танковая дивизия овладела Мелоном и пытается удержать этот населенный пункт.

Едва силы союзников вторглись на побережье, как дошли сведения о том, что солдаты дивизий вторжения, невзирая на Женевскую конвенцию, предпочитают не брать пленных. 9 июня утром я обнаружил у железнодорожной линии южнее Рота тела немецких солдат, погибших явно не в боях. Тела их были уложены в ряд у дороги, все были умерщвлены выстрелом в голову. Это были солдаты 21-й танковой дивизии и штаба 12-й танковой дивизии СС. О случившемся я тут же сообщил в штаб дивизии, а оттуда оно было передано в штаб корпуса.

Утром 8 июня 1944 года командир 130-го танково-артиллерийского полка учебной танковой дивизии сухопутных войск вместе командиром батальона майором Цайслером, а также гауптманом графом Клари-Алдрингеном и еще шестерыми унтер-офицерами и рядовыми солдатами попали в плен к англичанам. Их взяли в плен британские пехотинцы полка «Inns Of Court», действовавшие при поддержке танков и сумевшие прорваться через немецкую линию обороны.

Когда немецкие офицеры отказались добровольно стать мишенями для пуль, двое британских офицеров связали тяжелораненого полковника Люксембургера, избили до бесчувствия, а потом привязали к броне танка в качестве живой мишени.

После получения соответствующих приказов граф Клари и майор Цайслер, а также рядовые солдаты были расстреляны из танковых пулеметов.

Тело графа Клари было обнаружено бойцами батальона Зибке и отправлено на КП батальона. Британский танк, к которому был привязан полковник Люксембургер, оказался подбит из немецкого противотанкового орудия. Несколько дней спустя полковник Люксембургер скончался в одном из госпиталей. Санитар Кледен оказал графу Клари первую помощь.

7 июня у одного капитана-канадца была изъята записная книжка с перечислением отданных им с начала вторжения приказов. Наряду с тактическими распоряжениями и указаниями в ней содержались и краткие заметки о ходе боевых действий.

Такая, например, заметка на память: «Пленных не брать!»

Упомянутую записную книжку первый офицер штаба 12-й танковой дивизии передал 8 июня 1944 года командующему 7-й армией генерал-полковнику Дольману для передачи в вышестоящие инстанции.

Захваченные бойцами 12-й дивизии и допрошенные канадские пленные также подтвердили, что получали от своих командиров приказ пленных не брать. Один солдат признался, что пленных не брали из-за сложностей, связанных с обращением с ними.

На проводимом в ноябре 1948 года процессе по военным преступлениям Бернгарда Зибкена свидетель полковник генштаба Майер-Детеринг, третий офицер штаба группы армий «Запад» (командующий генерал-фельдмаршал фон Рунштедт), заявил следующее: «Сразу же после вторжения союзников ко мне дважды попадали изъятые у пленных и убитых документы, свидетельствовавшие о том, что на восточном фланге наступающих, где действовали части канадской армии, было принято решение пленных не брать».

На том же процессе подполковник генштаба фон Застров, бывший третий офицер штаба танковой группировки «Запад» (командующий генерал Гейр фон Швеппенбург), сказал, что ему известны случаи грубого нарушения Гаагской конвенции и Женевской конференции. В частности, подполковник фон Застров описал случай, когда непосредственно после взятия в плен канадские солдаты расстреляли группу немецких солдат. Далее подполковник фон Застров сослался на показания допрошенного пленного капитана канадской армии. Капитан этот попал в плен к немцам в ходе боев в районе Соммы. Поскольку он принадлежал к той части, откуда к нам попали упомянутые приказы и где происходили описанные события, фон Застров обвинил капитана в нарушении прав человека. На прямой вопрос о том, известно ли ему о расстрелах немецких пленных, капитан ответил следующее:

«В тот период я еще не участвовал в операции вторжения, я был направлен из запаса и недолго пробыл на континенте. Но мне приходилось слышать о подобных вещах. Но затем командование издало ряд жестких приказов, карающих подобные действия».

Мне хотелось хотя бы в двух словах упомянуть о подобных инцидентах, ибо они характеризуют методы ведения войны союзниками и, кроме того, в значительной степени повлияли и на мою судьбу. Но впоследствии я предпочту как можно меньше касаться этой непростой темы «военных преступлений».

Подготовка к предстоящему наступлению идет полным

ходом. В нашем распоряжении считаные часы, чтобы нанести удар по плацдарму союзников. Если он все же не удастся нам, тогда можно поставить крест на возможности выбросить их с континента. После наступления три перечисленные танковые дивизии окажутся просто стреляными гильзами. Ни о каком реванше, ни о каком повторении операции и речи быть не может.

После того как в присутствии командующего группой армий генерал-фельдмаршала Роммеля соответствующие приказы были отданы трем дивизиям, тут же пришло сообщение из штаба учебной дивизии о прорыве противника с запада. Едва донесение было прочитано, как командный пункт танковой группы «Запад» был практически уничтожен в результате акции коврового бомбометания, предпринятой союзной авиацией. Танковая группа лишилась своего начальника штаба кавалера Рыцарского креста генерала фон Даванса, а также первого офицера штаба и многих других офицеров, в том числе нашего офицера связи гауптштурмфюрера Вильгельма Бека, с которым мы плечом к плечу сражались с 1939 года. В свое время Бек командовал танковой ротой. За повторное овладение Харьковом Вильгельм Бек удостоился Рыцарского креста. Таким образом, подразделение связи было обезглавлено. Чудом спасся сам командующий, получивший легкое ранение, вместе с горсточкой офицеров. Лишь 26 июня он снова вернулся в строй. Так что в последующие дни ни о каком сплоченном наступлении и говорить не приходилось, поскольку все танковые дивизии вследствие непрекращавшихся атак английских танкистов вынуждены были перейти к обороне.

11 июня на левом фланге 25-го полка загремела артиллерийская канонада. Я немедленно отправляюсь в расположение 1-го батальона 26-го полка и на наблюдательном пункте батальона нахожу Бернхарда Краузе. Мы вместе следим за ходом наступления противника на участке нашего саперного батальона на высоте в районе Ше. Высоту поливают огнем из всех калибров, и уже несколько минут спустя она превращается в груду перепаханной воронками земли. Как ни вглядываемся мы в окуляры стереотрубы, никаких передвижений не различаем. Теперь союзники перенесли огонь в тыл и продолжают сдвигать его к населенному пункту Ше. Из кустарника и окопов выскакивают канадские пехотинцы и при поддержке танков атакуют позиции наших саперов. Бернхард Краузе реагирует мгновенно. В считаные секунды он перенацеливает тяжелые пехотные вооружения на обнаруженные цели, направив огонь в самую гущу атакующих. Эффект от воздействия флангового огня не заставляет себя ждать. Неприятельская пехота вынуждена

залечь, потери канадцев огромны. Часть вражеских танков попала на заминированные участки, выведенные из строя машины застыли в неподвижности у позиций батальона. Канадский пехотный полк «Queen's Own» и танковый полк «1st Hussars» вынуждены отступить на исходные рубежи. Повторной попытки атаковать канадцы не предпринимают.

Возвращаюсь на командный пункт 25-го полка через Ле Бург/Рот — необходимо изучить обстановку в районе Бретвиля и Норри и отыскать гауптштурмфюрера Пфайфера. Пфайфер долгое время пробыл в адъютантах у Адольфа Гитлера, а теперь командует танковой ротой. Его в ставке фюрера сменил гауптштурмфюрер Гюнше, до недавнего времени командир 3-го батальона 25-го полка.

Между Сен-Мове и Ротом я попадаю под огонь пулемета и противотанкового орудия. Стреляют со стороны Норри, но неприятелю так и не удается подбить мой проворный БМР. Мчусь во весь опор, и вскоре я уже почти в Роте. Но что это? Может, это сон? Метрах в 50 впереди вражеские танки. Верно, это «шерманы». На дорогу выезжают два «шермана» и останавливаются на левой стороне у обочины. Пушки нацелены прямо на меня! Повернуть? Уже нет смысла. Не успею. Значит, вперед, прямо на них. Может, еще успею проскочить, а там, как-нибудь домчусь до лесного массива, что неподалеку.

И тут чуть позади меня гремит выстрел. Вижу, как первый танк, вздрогнув, замирает на месте, а танкист, словно ужаленный, выскакивает из верхнего люка. Повинуясь инстинкту, бросаю машину вправо, в кювет, и укрываюсь в нем. Я так и не успеваю понять, что происходит, как в воздух взлетает второй «шерман». Мы с водителем еще сильнее вжимаемся в землю. Потом до нас, наконец, доходит — мы каким-то образом проехали мимо последнего поста нашего боевого охранения, а его бойцы как раз собирались расправиться с неприятельскими танками. А тут мы, как на грех! Нас просто не успели предупредить, да и возможности не было. Оказывается старина Пфайфер в какой-нибудь сотне метров позади на своей «пантере», именно он и отправил к праотцам обе вражеские машины. Гауптштурмфюрер Пфайфер героически падет сутки спустя — от осколка снаряда.

В перевязочном пункте 25-го мотопехотного полка довольно много раненых. Такой наплыв раненых, когда нет крупных операций, наводит на размышления. В результате непрерывного обстрела береговой артиллерией и атак с воздуха численный состав наших танковых дивизий сократился чуть ли не вдвое. И при этом значительных операций не проводится! Так дальше продолжаться не может! Танковым дивизиям необходимо вернуть

свободу действий.

11 июня 2-й батальон 26-го полка атакован канадским пехотным полком «Queen's Own Rifles», действующим при поддержке канадского танкового полка «1st Hussars» и сильной поддержке артиллерии. Атака отбита. 2-й батальон 26-го полка прочно удерживает позиции. В ходе предпринятой атаки враг теряет 12 танков, наши потери составили всего 3 машины.

Части 8-й канадской бригады при поддержке британского 46-го отряда спецназначения Королевских военно-морских сил, а также танков предпринимают попытку овладеть Ротом. Уничтожено большое количество танков противника, но под давлением превосходящих сил неприятеля мы вынуждены оставить этот населенный пункт.

На правом фланге учебной танковой дивизии под Тилли-сюр-Сель создалась угроза для наших войск.

По приказу 1-го танкового корпуса СС последний резерв 12-й танковой дивизии СС, рота сопровождения дивизии, подчинена учебной танковой дивизии и переброшена на правый фланг.

День ото дня серьезнее становится обстановка и на участке у Кана. Направление главного удара сместилось на соседа слева — учебную танковую дивизию. Под Баллеруа врагу удалось прорваться к Комону. Союзники выдвигают 7-ю бронетанковую дивизию в район Ливри. Ясно намечается охват сил 1-го танкового корпуса.

Я вызван в штаб дивизии, там состоялась встреча с командующим 1-м танковым корпусом СС генерал-полковником Зеппом Дитрихом. Дитрих обрисовывает обстановку в целом на фронте вторжения, без прикрас заявив нам, что резервов никаких и что без оных ни о каком наступлении и говорить нечего. «Они хотят защитить здесь все сразу! А чем, спрашивается? Кто желает оборонять все сразу, в итоге терпит крах!»

Эту премудрость лаконично выразил еще Фридрих Великий: «Бездарности готовы защищать все сразу, люди разумные — самое основное».

С наступлением темноты объезжаю батальоны полка. Вальдмюллер обосновался у противотанкового рва и жутко рад, что все помыслы британцев сосредоточены на населенном пункте, расположенном позади его командного пункта. А там между прочим ни одного нашего солдата. Я, спотыкаясь, бреду по позициям, что вызывает усмешку бойцов. Подбитые вражеские танки здесь решили использовать в качестве постов боевого охранения. Бедняги! Сменять их ведь можно только по ночам! Успешно проводится разведка. У фронта 1-го батальона 25-го полка расположился левый фланг 3-й британской дивизии, к ней

примыкает 3-я канадская дивизия.

Передовой отряд 7-й бронетанковой дивизии к утру 13 июля достигает высоты 213, расположенной в двух километрах восточнее Вилье-Бокаж.

Командир 1-й роты танков «тигр» оберштурмфюрер Мизель Витман, уже подбивший в России 119 вражеских танков, удостоенный «дубовых листьев», отправился на разведку местности. И совершенно неожиданно для себя натолкнулся на колонну танков неприятеля у высоты 213. Какое-то время он не знает, что предпринять — то ли атаковать превосходящего по численности врага, то ли повернуть назад. Тем более что его подразделение понесло значительные потери в результате бомбовой атаки вражеской авиации. Опытный командир, Витман прекрасно понимает, что каждая машина на счету и что легкомыслие в его положении равнозначно преступлению. Но, с другой стороны, он должен атаковать противника, иначе 7-я британская бронетанковая дивизия ударит в тыл нашей учебной танковой дивизии. И в этом случае обязательно прорвет нашу оборону, что, в свою очередь, фатально отразится на обороне Кана.

Витман в одиночку противостоит целой 22-й танковой бригаде, которая под командованием бригадного генерала Хайнда, не встречая сопротивления, продвигается к Вилье-Бокаж. Непоколебимо уверенные в успехе союзники продвигаются по дороге в Кан к своей цели — высоте 213. Следующая за ними мотопехотная рота останавливается для передышки. И тут утреннюю тишину нарушает орудийный выстрел. Головная машина охвачена пламенем, а метрах в 80 от нее из лесу грозно выползает «тигр». Переваливаясь с боку на бок, машина оказывается на шоссе и, следуя вдоль колонны союзников, поодиночке отстреливает сначала танки, их оказывается с добрый десяток, потом машину артиллерийской рекогносцировки, потом штабную легковушку — словом, всех, кто под горячую руку попадет. Выпущенный в упор 7,5-см снаряд орудия танка «Кромвель» отскакивает от брони «тигра», словно орех, не причинив ни малейшего вреда. Шоссе превращается в ад. Еще бы — пылают 25 подбитых танков. И все они подбиты одним-единственным «тигром».

Одновременно остальные четыре «тигра» подразделения Витмана атакуют и уничтожают вражеские машины, охраняющие высоту 213. Танк Витмана получает снаряд в гусеницу и выходит из строя. Экипаж покидает машину и пытается пробиться к роте. Неприятель уходит из Вилье-Бокаж, отступив в Ливри. Витман за проведенную дерзкую операцию удостоен «дубовых листьев».

Теперь на его счету уже 138 вражеских танков и 132 противотанковых орудия.

Части 49-й британской дивизии атакуют позиции на левом фланге 12-й танковой дивизии СС. Атака отбита, позиции удалось удержать. Дивизия запрашивает в штабе командования корпуса разрешение ликвидировать выступ в линии фронта, отведя часть войск южнее Пюто и Бронэ к линии Сен-Мове — Фонтене — Тилли. По радио передают о том, что враг намеревается устранить упомянутый выступ, атаковав его. Но штаб корпуса против.

Плацдарм союзных войск укрепляется с каждым часом. 15 июня во Франции высадилось 500 тысяч солдат и 77 тысяч транспортных средств и техники. Мы же до сих пор дожидаемся подкрепления, в первую очередь обещанную поддержку сил люфтваффе. Но все наши ожидания напрасны. Наши танковые дивизии истекают кровью на позициях. Никаких важных решений не принимается. Мы занимаемся латанием дыр.

16 июня меня срочно требуют на командный пункт дивизии. Вызывает меня по телефону первый офицер штаба, штурмбанфюрер Губерт Майер, никаких объяснений, но по голосу заключаю, что дело серьезное. Без промедления направляюсь на КП дивизии. Поперек дороги лежат поваленные деревья, по обеим сторонам дороги дома без крыш — напоминание о завершившейся полчаса назад очередной артподготовке союзников. Вызов этот ничего хорошего не предвещает. В штабе едва ли не паника. По лицам бойцов и офицеров догадываюсь обо всем. Ко мне навстречу выходит первый офицер генерального штаба и докладывает: «Полчаса назад погиб наш командующий. Согласно приказу штаба корпуса с этой минуты ты принимаешь дивизию». Некоторое время мы молча смотрим друг на друга, потом обмениваемся рукопожатиями, скрепляющими сказанное им и услышанное мною. Вот так-то! Остается не замарать чести павшего Фрица Витта.

Ищу место, где лежит пока что не погребенное тело Фрица. До боли хочется взглянуть на его лицо — куда там, лица нет, причем в буквальном смысле.

Командующий дивизией погиб из-за того, что заботился о том, чтобы его бойцы спасались от огня противника в окопах. А когда он сам прыгнул в окоп, рядом с ним разорвался снаряд. Командующий погиб на месте. Эта потеря добила нас. Фрица Витта почитали все — от рядового до заместителей. И в мирное время, и в войну он поддерживал теплые отношения с личным составом. Хочется верить, что гибель командующего еще теснее сплотит наши ряды, укрепит нашу решимость в борьбе с врагом.

Командование моим полком возложено на оберштурмбанфюрера Милиуса, до этого командовавшего 3-м батальоном 25-го полка. 3-й батальон 25-го полка передан под командование гауптштурмфюрера Фрица Штегера. Командный пункт дивизии перебирается в Версон.

Первый офицер генерального штаба поздно вечером подробно информирует меня об обстановке на фронте 12-й танковой дивизии СС. Потери весьма значительны, кое-где невосполнимы. Потери офицерского состава и младших командиров достигли критической точки. Большинство командиров рот и взводов либо убиты, либо ранены. Батальоны по численности личного состава равняются двум ротам, а перспектив на пополнение практически никаких.

Если дело пойдет так и дальше, то не за горами день, когда соединение просто перестанет существовать. Дивизию буквально пожирают ежедневные артобстрелы корабельной артиллерией неприятеля и атаки с воздуха штурмовиков.

На участке 12-й дивизии СС противостоят 3-я британская пехотная дивизия, 3-я канадская пехотная дивизия, 49-я британская пехотная дивизия и несколько танковых бригад.

В штабе 12-й дивизии никто не сомневается, что неприятель уже в ближайшие дни предпримет попытку ликвидировать выступ в линии фронта на левом фланге дивизии для создания более благоприятных условий для предстоящего наступления.

На рассвете отправляюсь на позиции 2-го и 3-го батальонов 26-го полка и в разведбат. Там определяются места для новых позиций.

Настроение у личного состава боевое. Бернгард Зибкен, командир 2-го батальона 26-го полка, потерял палец, но, невзирая на ранение, сопровождает меня во время обхода позиций. Офицер ни за что не хочет покидать своих бойцов. На оторванный палец ему наплевать.

Сгоревшие вражеские танки чернеют возле Пюто и Бронэ. Разведывательный батальон под командованием Бремера сумел захватить несколько танков противника и даже использовать их на оборонительных позициях. Надо сказать, батальон понес серьезные потери в ходе боев, его необходимо срочно выводить.

Штаб корпуса одобряет спрямление линии фронта и отвод сил на позиции южнее Мюка. Разведбат переходит в распоряжение штаба дивизии.

На участке учебной танковой дивизии происходят ожесточенные бои — британцы наседают, как оголтелые. 50-я британская пехотная дивизия и несколько танковых бригад непрерывно атакуют наши позиции севернее Тилли.

Рано утром 18 июня местность вокруг Шристо сотрясается от разрывов снарядов. 49-я британская пехотная дивизия атакует наши оставленные позиции на левом фланге 26-го полка. С командиром 3-го батальона 26-го полка мы наблюдаем, как снаряды перепахивают еще вчера бывшие нашими укрытия, траншеи, окопы. Решение об отводе сил было принято весьма своевременно.

Части 49-й британской пехотной дивизии без промедления овладевают Шристо. Вскоре наступление англичан продолжается — они двигаются к Фонтене. Земля ходит ходуном. Сплошной ковер снарядов буквально накрывает нашу 10-ю роту 3-го батальона 26-го полка. Тысячи снарядов перемалывают все живое. Но бойцы 10-й роты продолжают ожесточенное сопротивление. Артиллерийский огонь противника с корнем выкорчевывает деревья. После артподготовки в бой вступают танки, за ними — пехотинцы. Враг с ходу перемахивает превращенные в кратеры позиции 10-й роты. И хотя отдельные наши огневые точки продолжают сопротивляться, вскоре умолкают и они. Сил нашей артиллерии явно недостаточно, чтобы сдержать натиск неприятеля. Частям 49-й британской пехотной дивизии удается пробиться до южной опушки леса, но там их останавливает огонь нашей 9-й роты.

Под командованием командира батальона 9-я рота пытается контратаковать британцев при поддержке собственной артиллерии и прорывается к северной опушке лесного массива вплоть до своих оставленных позиций. В рукопашной схватке англичане оттеснены дальше на север. Лесной массив снова в руках 3-го батальона. Но успех длится недолго. Прицельный и плотный артогонь неприятеля оборачивается для роты огромными потерями. Уцелевшие бойцы роты поспешно отступают к северным окраинам Фонтене.

Фронт дивизии пока что довольно прочен, однако потери становятся угрожающими. А резервов у дивизии нет и в помине.

Из радиодонесения следует, что на левом фланге дивизии следует ожидать еще одно крупное наступление противника.

После упорных многодневных боев наша бесстрашная учебная дивизия была вынуждена сдать Тилли.

Ранним утром 21 июня выезжаю на участок 26-го мотопехотного полка. Командир полка штандартенфюрер Монке находится на командном пункте 3-го батальона 26-го полка, расположившегося на крестьянском подворье севернее Фонтене. Развалины крестьянского дома окружает высокая живая изгородь. Раненые лежат за насыпным земляным валом, дожидаясь отправки в тыл. Павшие товарищи похоронены во фруктовом

саду. Над руинами нависает плотная пелена низкого тумана. Танки и противотанковые орудия выведены на позиции прямо в живой изгороди, расчеты лихорадочно маскируют орудия и технику. Беспокоящий огонь врага сосредоточен в основном на дороге, ведущей из Рорэ в Фонтене.

После непродолжительного обсуждения обстановки я пробираюсь к Фонтене. Сопровождает меня д-р Штифт. Въезду в населенный пункт препятствуют развалины, едкий дым смешивается с густым туманом. Внезапно как из-под земли перед нами вырастают двое бойцов 2-го батальона 26-го полка. С посудой и едой в руках они пытаются отыскать остатки своего взвода. Перейдя через дорогу, мы направляемся на север. Перед нами тот самый лесной массив, из-за которого пролилось столько крови. Перебираясь через тела погибших англичан, выхожу к позициям 15-й роты. Пехотинцы с осунувшимися лицами сидят в бомбовых воронках и окопах. Офицеров практически не осталось — погибли или ранены. Ночью разведчики все же смогли доставить на позиции тело погибшего командира роты. Как же все-таки ценили своего командира эти бойцы! Даже его бездыханному телу не позволили попасть в руки англичан.

Мне непостижим источник столь высокого боевого духа бойцов. Скупо делятся они впечатлениями о прошедших боях и их результатах. Героически сражаться — для них это норма. И когда они говорят о противнике, я не чувствую в них ненависти. Всем своим видом бойцы подчеркивают, что боевой дух их на высоте. Проскальзывает, правда, ожесточение, если речь заходит о превосходстве врага по части живой силы или техники. Постоянно слышишь фразы вроде: «Бог ты мой, где были бы мы, имей мы столько, сколько они? И куда подевались наши люфтваффе?» До сих пор мы не видели ни одного нашего самолета.

Молодые бойцы просят меня не пускаться в обратный путь — настает день, и с каждой минутой интенсивность неприятельского огня будет возрастать. В самом центре населенного пункта мы как раз и попадаем под сильнейший артобстрел. За какой-то каменной лестницей я пережидаю весьма неприятное начало дня. В одного из моих сопровождающих прямым попаданием угодил снаряд — не хочется описывать, что от него осталось. Мы, словно безумные несемся по деревне. Фонтене под интенсивным обстрелом, мы очень рады, что наконец-то смогли выбраться из этих руин. Под огнем и участок 3-го батальона 26-го полка. Может, этот обстрел — артподготовка перед ожидаемым наступлением врага?

Командный пункт батальона всего в нескольких сотнях

метров, но мне они кажутся бесконечными. Короткими перебежками мы все же добираемся к нему.

Тем временем совсем рассвело, и уже успели поступить первые донесения. Фонтене атакуют с двух направлений — с Сен-Пьера и со стороны Шристо. Неприятельские танки, перемахнув через узкую водную преграду, собираются атаковать Фонтене. Танки открывают огонь. Наши хорошо замаскированные «пантеры» в более выгодном положении. Пылающие танки врага замирают на местности. Если бы нам сейчас побольше патронов! Артиллеристы вынуждены экономить боеприпасы — войсковой подвоз едва дышит.

Хорошо хоть, что телефонная связь со штабом дивизии не нарушена. Я имею возможность проинформировать первого офицера штаба, что, мол, на правом фланге дивизии пока все спокойно.

До второй половины дня остаюсь в расположении батальона, убеждаясь в несгибаемом боевом духе мотопехотинцев. Все атаки противника решительно отбиты. 49-я пехотная дивизия англичан так и не сумела расшатать опору левого фланга.

С наступлением темноты возвращаюсь в дивизию. Линия фронта охвачена огнем — мистическое зрелище! На шоссе Кан—Вилье-Бокаж догорают грузовики — наверняка перевозившие боеприпасы на передний край. Штурмовики не позволили — боеприпасы взлетели на воздух в тылу, в нескольких километрах от линии обороны.

На совещании при обсуждении обстановки замечаю озабоченность на лицах. Не произнося вслух, мы понимаем, что близится час катастрофы. Косность тактических подходов, проявляющаяся при штурме плацдарма противника севернее Орны, стоившая нам стольких потерь, в конечном итоге приведет к полному уничтожению всех брошенных на этот участок танковых дивизий. Не надо быть стратегом, чтобы предугадать скорое крушение фронта, принимая во внимание огромное численное превосходство противника и на суше, и на море. А практика латания дыр оборачивается для нас колоссальными потерями лучших бойцов и уничтоженной техникой. По сути, мы пожираем сами себя — пополнения нет и не будет, войсковой подвоз свернут — ни одного танка, ни одного орудия мы пока что не получили, да и не получим.

Несколько часов на сон, и грохот канонады вновь возвращает нас к действительности. Донесения из Фонтене неотличимы от воплей о помощи. Правый фланг учебной танковой дивизии подвергся яростной атаке сил 49-й британской танковой дивизии. Лесной массив западнее Тессель-Бретвиля в руках неприятеля,

наступательный порыв 49-й британской танковой дивизии уже ничем не сдержать.

Ничего не подозревая, отправляюсь в расположение 3-го батальона 26-го полка. Левый фланг 2-й танковой дивизии СС под угрозой. Весь участок батальона находится под сильнейшим обстрелом артиллерии противника. Фонтене неузнаваема. Снаряды разрушают последние из уцелевших домов. До сих пор так и не удается отразить атаку врага. Связи между ротами нет. Сплошные разрывы затрудняют видимость, из-за них невозможно определить, где передний край обороны. Артиллерия бьет беспрестанно — деревня уподобилась адскому котлу. Камни разрушенных стен впечатываются в землю, снаряды оставляют дымящиеся воронки. По старому солдатскому преданию снаряд в свежую воронку не попадет, поэтому прыгаю в одну из самых свежих, на мой взгляд, ям и слежу за надвигающимися на Фонтене танками. Медленно, но уверенно, постоянно паля из орудий, стальные колоссы продвигаются к руинам Фонтене. Противотанковые расчеты молчат — их позиции сметены ураганным артогнем. Пехотинцы крепче сжимают в руках фаустпатроны. Гранатометы против танков! Вот так единоборство! И с каким героизмом отваживаются бойцы на это единоборство! Первый танк, загоревшись, останавливается. Вижу, как пехотинцы один за другим расправляются с вражескими танками. Над нами свистят снаряды артиллерии врага. Командир 1-го танкового батальона прыгает ко мне в воронку доложить о контратаке танковой роты. Танки продвигаются вперед позади нас метрах в ста. Головные танки врага сражаются в развалинах с нашими пехотинцами, а те, что следуют дальше, до сих пор не замечают наших танков. Для расширения зоны огня контратакующей группе танков необходимо перейти шоссе Фонтене — Ше. Завязывается танковая дуэль с потерями для обеих сторон. Густой черный дым заволакивает поле битвы. Мне необходимо добраться до бойцов в Фонтене, поэтому я быстро пристраиваюсь в хвост командирского танка.

Бойцы устало кивают мне. С горящими глазами отпускают шутки. Нет, это на самом деле загадка для меня, откуда только берутся силы у зеленой молодежи выдержать эту стальную грозу. И не устают заверять меня, что, дескать, будут держаться здесь до последнего, невзирая ни на что, удержат оборону. В командирский танк угодил вражеский снаряд. Танк съезжает в сторону, распахивается башенный люк, оттуда валит дым, а потом из танка с трудом выбирается командир. Пошатываясь, он бредет к нам, потом спотыкается и падает на землю. Бойцы укладывают его за разрушенной стеной. Только сейчас мы видим,

что оберштурмфюреру оторвало руку. Пехотинцы наскоро перевязывают кровоточащий обрубок.

Отбита и последняя атака. 3-й батальон 26-го полка, демонстрируя несгибаемую волю, остается на обороняемых позициях и готовится к очередной атаке британцев. Слева на соседнем участке ожесточенный бой продолжается. К полудню авангард атакующих британцев уже в Жювиньи и, таким образом, сумел вклиниться глубоко во фланг 12-й танковой дивизии СС. Я как раз нахожусь в Рорэ вместе с командиром 26-го полка штандартенфюрером Монке, когда 1-й офицер генерального штаба информирует меня об обстановке на участке учебной танковой дивизии, указывая на угрозу прорыва британцев.

Примерно в 14 часов штаб корпуса приказывает ввести в бой танковый батальон 12-го танкового полка СС для устранения угрозы прорыва на правом фланге учебной танковой дивизии.

Для обеспечения нашей контратаки силами пехоты в нашем распоряжении лишь потрепанные в боях остатки разведбата. Батальон «пантер» вместе с боеспособными остатками разведывательного батальона без промедлений идет в контрнаступление.

После непродолжительной артподготовки проводим наступление через Тессель-Бретвиль на лесной массив в полутора километрах западнее этого населенного пункта. С наступлением темноты неприятель, понесший значительные потери танковых средств, изгнан из лесного массива. Но прежняя линия обороны нами по-прежнему не достигнута.

Бесстрашный 3-й батальон 26-го полка в ходе боев понес большие потери. Батальон отходит на позиции севернее Рорэ.

Вечером штаб корпуса приказывает на следующее утро бросить в бой к месту прорыва последний танковый батальон с тем, чтобы исправить положение на критическом участке. Но помощь учебной танковой дивизии в любом случае необходима.

Тщетно прошу повременить с выполнением упомянутого приказа. И даже доклад 1-го офицера генерального штаба о том, что на участке 26-го полка наблюдается сосредоточение крупных сил врага, в особенности танков, по-видимому, не производит на командование корпуса впечатления. И мое указание о том, что танковый удар неприятеля можно ожидать буквально ежеминутно и что 2-й танковый батальон как раз занял весьма выгодную для обороны позицию, тоже в расчет не принимается. В итоге 26 июня на участке 12-й танковой дивизии СС нет ни одного танка.

Ночью бойцы 26-го мотопехотного полка, измотанные ожесточенными сражениями последних дней, сидят в окопах, дожидаясь очередного наступления. Над местностью

непроницаемой пеленой повис туман.

Брезжит утро. Пока все спокойно. Стою вместе с Максом Вюнше вблизи Рорэ, последний танк въезжает на оборонительную позицию. С каждой минутой становится светлее. На небе проступает полоска утренней зари. Теперь уже скоро — пляска смерти вот-вот продолжится.

Заговорили немецкие батареи. Над нами снова проносятся штурмовики союзников, посылая реактивные снаряды на Рорэ. Ад войны техники разверзся.

Первые танки продвигаются вперед. Сначала наступление идет более-менее успешно, но вскоре замирает в результате контратаки англичан. Начинается танковая дуэль, выливающаяся в ожесточенное сражение. Необъятные равнины, сплошь пересекающиеся живыми изгородями и лесополосами, не позволяют нашим танкистам использовать дальнобойность орудий. В особенности ощущается нехватка сил пехоты. Сильно осложняет взаимодействие и интенсивный артогонь, грозящий полной потерей управления войсками.

Восточнее Рорэ тишина. Сражение переместилось на запад. На западном направлении танки остервенело бросаются друг на друга. И вновь в небо устремляются эти предательские клубы дыма. Каждый означает гибель машины. Я весьма обеспокоен обстановкой, сложившейся на участке 26-го полка. Ни единого орудийного выстрела со стороны Рорэ. Зарядил мелкий дождь. Слава богу, хотя бы от атак штурмовиков он нас убережет. Но что это? Кажется, разверзлась земля и вот-вот поглотит всех нас. В несколько секунд безмятежность сменилась ужасом преисподней. Теперь от Рорэ остаются лишь руины домов и вывернутые с корнем, расщепленные деревья. Я залег в придорожном кювете и пытаюсь вслушаться в шум боя. Грохот такой, что разобрать ничего нельзя, беспрерывный грохот. Туман смешивается с едкой вонью от разрывов снарядов и мин. Пока что не могу понять, в чем дело, — все линии связи оборваны. Связь со штабом дивизии и подразделениями на передовой не функционирует. Ко мне бросается вестовой из штаба 2-го батальона и кричит: «Танки идут на танки на правом фланге батальона!» Вестовой пытается что-то доложить мне, но слова его заглушает грохот разрывов. Пытаюсь анализировать, расчленить на составляющие этот шум, но не могу — лязг гусениц, грохот, свист!

Это и есть то самое наступление, которого мы уже давно ждали! Теперь на карту поставлена судьба всего германского фронта в Нормандии. И цель этого наступления — Кан. С городом собрались расправиться, накинув на него удавку наступления с целью охвата. Кану уготована участь стать трофеем Монтгомери,

который сокрушит наш фронт. Все вокруг, словно зачарованные, наблюдают за разгулом рукотворной стихии. Над нашими головами свистит и воет раскаленная сталь и где-то вдали, шипя, утопает во влажной земле.

Пытаюсь докричаться до Вюнше. Вестовые торопливо усаживаются на мотоциклы и тут же исчезают в зеленой листве лесополос и живых изгородей. Вскоре Вюнше доставлен ко мне.

Этому опытнейшему солдату нет нужды ничего втолковывать да разжевывать — он знает и меня, и то, что я от него потребую.

В двух словах докладываю ему обстановку. А она такова: «Враг крупными силами танков пытается пробиться на участке 26-го полка и угрожает Кану».

Отдаю приказ: «1. Немедленно прекратить наступление на Жювиньи. 2. Рорэ — важнейший пункт, его удержать любой ценой. 3. Ты отвечаешь за Рорэ».

Еще раз еду в направлении Фонтене и уже через пару сотен метров натыкаюсь на подразделения 3-го батальона. Дорога под обстрелом противника. Продвинуться дальше на север нет никакой возможности. Впрочем, вовсе не обязательно лезть на самую передовую. Поле боя и так передо мной как на ладони — вижу все и убеждаюсь в правоте своих предположений. Да, это и есть широкомасштабное наступление противника! Танки и полугусеничные вездеходы надвигаются на позиции 26-го полка. Редко приходится наблюдать своих бойцов непосредственно в действии. Они намертво вцепились в землю и сражаются с отчаянностью обреченных. Со стороны Рорэ наблюдаются яркие вспышки, и тут же снаряды с грохотом и звоном ударяют в танковую броню. Несколько британских танков уже пылают на подступах к Рорэ.

Перед нами несколько «томми», явно переусердствовавших в наступлении — слишком далеко оторвались от своих! Их тут же разоружают. Я приказываю садиться в свою машину. Одного из британцев, раненого, отвозим на перевязочный пункт в Рорэ.

После этого мы во весь опор мчимся к Версону. Надо все-таки показаться на командном пункте дивизии! Именно там мое место сейчас. Огонь неприятельской артиллерии постепенно смещается на юг. Снаряды рвутся уже в районе Кольвиля. Наша артиллерия беспрестанно палит по наступающим союзникам.

Несколько минут спустя я на КП дивизии. 1-й офицер штаба с телефонной трубкой в руке докладывает: «Только что состоялся последний разговор с командиром саперного батальона». А командир саперов велел передать следующее: «Ураганным огнем противника уничтожены все мои танки. Батальон смят наступающими англичанами. Отдельные очаги нашего

сопротивления остаются в Ше. Вражеские танки пытаются прорваться к моему блиндажу. Где наши танки? Ожидаю контратаки из…» На этом связь оборвалась.

Тревожное сообщение приходит и из 1-го батальона 26-го полка. Батальон атакуют превосходящие силы противника. Пока отбиты все атаки на Сен-Мовье. Донесения поступают одно за другим. Фронт всколыхнулся.

В данный момент предпринять что-либо конкретное не представляется возможным, разве что сосредоточить огонь всех дивизионных средств на участках прорыва противника. В качестве резерва обороны в нашем распоряжении лишь рота сопровождения дивизии и основательно побитый разведывательный батальон 25-го полка.

Мобилизую все, что есть, на оборону Версона. Согласно данным нашего радиоперехвата и показаниям пленных, фронт наступления составляет пять километров, в нем участвуют одна танковая, две пехотные дивизии, та и другая усилены одной танковой бригадой. Эти части пока что в бой не вводились. Следует понимать, что речь идет о свежих силах противника. И вот эти свежие дивизии при поддержке 600 танков наступают на участке трех наших батальонов, причем изрядно поредевших в ходе предыдущих боев. Главный козырь противника — его огромная огневая мощь и масса танков.

Угроза прорыва налицо. 1-й офицер штаба обреченно указывает на карту — да, положение безвыходное. Однако из штаба корпуса твердят только одно: «Оборонять позиции до последнего патрона! Необходимо выиграть время — нам на помощь спешит 2-й танковый корпус СС».

Как это нередко случается, и здесь опять думают в первую очередь не о стратегии, а о тактике. Иными словами, никакого кардинального решения так и не принято. Гибкой тактикой снова пренебрегают.

Таким образом, нам остается лишь продать себя как можно дороже.

Кажется, даже небо вынуждено приспосабливаться к творимому на земле. На нас обрушивается проливной дождь.

С позиции роты сопровождения дивизии, расположенной севернее Версона, наблюдаю за британскими танками, в огромном количестве устремляющимися в направлении на Грэнвиль. Фронт прорван — продолжают сопротивление лишь отдельные малочисленные и разрозненные группы.

Боже праведный! Дивизии предстоит сдержать этот бешеный натиск, удержать наступление — ей предстоит предотвратить глубокое вклинение противника и дать возможность немецкому

верховному командованию выиграть время!

Опять мчусь на КП дивизии в надежде связаться с Вюнше по телефону. И связываюсь! Молодцы связисты! Невзирая на этот ужас, они тем не менее протянули линию. Сколько же раз этим бесстрашным ребятам приходилось лезть дьяволу в пасть. И какое же героическое содержание несет в себе словечко «связист»!

Макс Вюнше докладывает о крупном сосредоточении танковых сил по обеим сторонам Рорэ. До сих пор атаки врага удавалось отбить, причем с крупными потерями для него. Так что опора дивизии — Рорэ — пока что остается незыблемой.

Пару минут спустя стою на позиции роты сопровождения дивизии. Всякое управление невозможно. Сейчас я с ними на равных. Глаза пехотинцев загораются, когда они узнают меня. Что и говорить, с такими солдатами можно куда угодно — не растеряются нигде и ни при каких обстоятельствах.

Скоро уже не остается ни одного квадратного метра, где бы не разорвался снаряд. Смертоносные дары англичан рвутся прямо на позиции. Наш оборонительный фронт получил подкрепление — парочку танков и противотанковых орудий. Мы бережно прижимаем к себе немногие оставшиеся фаустпатроны.

На воздух взлетает танк типа IV. Но вокруг полно и пылающих «шерманов». Вражеские танки словно одурели от ярости. Ну, не безумие ли попытаться остановить армию стальных чудовищ силами горсточки бойцов и двумя орудиями? Но ладно, рассуждать будем потом, а сейчас закон один — сражаться!

Из оврага рядком надвигаются два «шермана». Несколько наших бойцов залегли с фаустпатронами наготове в кустах ежевики, слившись с матерью-землей.

Невольно затаиваю дыхание. Вдруг все эти разрывы снарядов уже-не кажутся мне опасными. Мы неотрывно глядим на наших готовых к прыжку бойцов.

А «шерманы» тем временем подбираются все ближе и ближе. Неторопливо ползет танк прикрытия, вот он минует укрывшихся пехотинцев, мимо них следует уже второй танк. Орудия нацелены на Версон. Но выплюнуть смертоносный заряд им уже не суждено. С быстротой молнии вскакивает наш боец и мчится ко второму танку и в прыжке нажимает на спуск фаустпатрона. Граната попадает вражеской машине в бок. Прокатившись по инерции еще несколько метров, танк замирает и начинает дымиться. Первый танк постигает та же участь — взрывом мины ему разорвало гусеницу. В плен попадают двое выживших членов экипажей машин.

И мы на мгновение облегченно вздыхаем — все-таки расправились с парочкой бронированных монстров. Но уже пару

мгновений спустя триумф позабыт.

Справа сражается рота разведки. Бой идет не на жизнь, а на смерть. Их позицию трудно разобрать под ураганным огнем артиллерии — черные фонтаны болотистой земли беспрерывно вздымаются вверх. Чудом уцелевшее противотанковое орудие исправно посылает снаряд за снарядом прямо в гущу танковой колонны 11-й британской танковой дивизии. Следующий залп превращает орудие в груду искореженного металла. Все, с танками бороться нечем, и они в упор расстреливают роту и уже гусеницами подавляют наших бойцов в окопах. Тут и там бойцы пытаются расправиться с танками при помощи фаустпатронов — но без особого успеха. Британские пехотинцы пресекают все наши попытки замахнуться на их танки.

Тщетно прошу обеспечить мне поддержку артогнем. «Нет боеприпасов!» — эти слова воспринимаются чуть ли не как заклинание. Несколькими выпущенными по англичанам снарядами бешеный натиск врага не сдержать. И танки британцев продолжают уничтожать нас.

Впервые ощущаю жуткую, зияющую пустоту. Проклинаю это многолетнее смертоубийство. То, что творится здесь, — не война, это голое, неприкрытое убийство!

Я знаю их всех поименно, этих молодых, едва оперившихся юнцов-пехотинцев. Самому старшему из них едва исполнилось 18 лет. Эти мальчишки и жизни-то не знают! Но вот умирать уже научились!

Их молодые жизни раздавлены танковыми гусеницами. Слезы текут по щекам — я начинаю испытывать ненависть к этой войне.

Дождь льет и льет. По небу тянутся набрякшие влагой серые тучи, изливая ее на изувеченную землю. Британские танки прямиком идут на наши позиции. Бежать некуда. И мы не спасаемся бегством. До боли вцепляемся мы в свое единственное спасение — фаустпатроны. Нет, так просто мы не сдадимся!

Внезапно адский концерт приобретает новые унтертоны. На выручку нам приходит один-единственный «тигр». Его 8,8-см снаряды все же заставляют «шерманы» опомниться. Британцы разворачиваются — приостанавливают наступление на Муан.

По пути в Версон на командный пункт дивизии натыкаемся на два «шермана». Оказывается, их фаустпатронами подбили вестовые штаба дивизии. Обгоревшие обломки всего в 200 метрах от нашего КП. А сам штаб занял круговую оборону.

Этот неравный бой обернулся для нас ужасающими, невосполнимыми потерями. Без ввода в бой новых, дополнительных сил нечего и думать остановить продвижение врага.

В штабе нашего корпуса всерьез рассчитывают на завтрашний подход 2-го танкового корпуса СС. Штаб корпуса настоятельно требует переноса нашего КП в тыл. Я против. Губерт Майер поддерживает меня. В критической обстановке необходимо наше присутствие на переднем крае.

Из донесения 1-го батальона 26-го полка узнаю, что батальон с раннего утра подвергается непрерывным атакам противника. Численность личного состава подразделения упала до считаных бойцов. За ночь остаткам батальона удается с боями прорваться к аэродрому Карпике. Еще вечером два танка, стоявших в саду Шато, были подорваны магнитными минами, поставленными молодым бойцом, унтершарфюрером Эмилем Дюрром. Когда он ставил заряд на первый танк, его постигла неудача — заряд отлип и упал на землю. Вернувшись к танку, он закрепил его и удерживал даже после того, как поставил заряд на боевой взвод. В результате танк был подорван, а сам Дюрр был смертельно ранен. Унтершарфюрер Эмиль Дюрр погиб и ценой жизни освободил путь для батальона.

Британцы продолжают наступать. Со стороны Грэнвиля доносятся выстрелы танковых орудий. Танк типа IV роты, которой командует гауптштурмфюрер Зигель, обеспечивает оборону при смене позиций 11-го артиллерийского дивизиона. Англичане сумели прорваться на артиллерийские позиции. Дивизион отводят через участок Сальби. В рукопашной схватке погибает командир 2-го батальона Мюллер.

Время словно исчезло из нашей жизни. При свете свечного огарка мы анализируем обстановку по карте и готовим новые оборонительные позиции. Жду не дождусь подкрепления.

После полуночи приятная неожиданность. Передо мной вдруг возникает улыбающийся до ушей Михель, мой верный казак. Несколько дней назад я отправил его в отпуск, он прихватил для меня письмо из дому, в котором жена сообщает о рождении нашего пятого ребенка.

Михеля задержали на фронтовом распределительном пункте, где его приняли за русского лазутчика. Но разве кому-нибудь удержать нашего смельчака Михеля? На мой вопрос «Как ты сюда попал?» он отвечает: «Сбежал».

Едва рассвело, как неприятель снова бросает в наступление на Грэнвиль танки и пехоту. Рота Зигеля до 9 утра отбивает четыре атаки англичан. У позиций громоздятся подбитые танки противника. Машина самого Зигеля тоже подбита, он получил тяжелые ожоги лица и рук. Попытка Зигеля организовать прорыв в направлении Ше успехом не увенчалась, натолкнувшись на сильную противотанковую оборону неприятеля. Но его атака все

же не осталась безрезультатной. Группу бойцов саперного батальона под командованием штурмбанфюрера Мюллера численностью 20 человек успели вывезти на броне наши головные машины и тем самым избавили их от английского плена.

Несколько минут спустя Мюллер стоит передо мной. Взгляд его глубоко посаженных глаз говорит мне обо всем. Его форма превратилась в лохмотья, дыра на дыре. Физиономия закопчена до неузнаваемости, рука на самодельной перевязи.

В двух словах он поведал мне трагическую историю своего батальона. После кошмарной артподготовки (атаки левого фланга 12-й танковой дивизии СС, огневая мощь — 600 орудий) батальон был смят наступающими танками 2-й британской танковой дивизии. Подразделение Мюллера сражалось буквально до последнего вздоха. В живых осталось всего несколько человек.

Мюллер сам с оружием в руках оборонял командный пункт, но оказался бессилен под натиском превосходящего по численности противника. Около полудня он скрылся вместе с оставшимися бойцами в командном пункте. Английские танки открыли огонь по бункеру. Другие танки пытались гусеницами разрушить бетонные стены бункера, но безуспешно. Хорошо поработали саперы — возвели настоящий неприступный бастион.

Потом англичане послали в бункер взятого в плен нашего сапера — мол, чтобы уговорить Мюллера и бойцов сдаться. Но он предпочел остаться вместе со своими товарищами и разделить их участь.

После нескольких попыток взорвать бункер англичанам показалось, что он все-таки засыпан, и они даже поторопились принять его за братскую могилу, и продолжили наступление. Только за полночь оставшиеся в живых сумели добраться до своих. Их обнаружили под Дю Боском совершенно обессиленными. Там они впервые и передохнули.

В течение дня пришлось сдать Рорэ. 2-й артиллерийский дивизион остался без боеприпасов. Во второй половине дня неприятелю удается создать плацдарм через реку Ордон у Бюрона. Наша служба радиоразведки перехватила сообщение: «Вы еще не забыли о решргтельной операции «Версон»?» Похоже, враг неплохо информирован о состоянии нашей дивизии. Вот ответа перехватить не удалось. Все наши, кто в состоянии держать оружие, брошены под Фонтен.

Едва я появляюсь на КП, как ко мне обращается какой-то странный тип. Он представился сотрудником штаба имперского министра иностранных дел и просит представить ему исчерпывающую картину обстановки — министр иностранных дел, дескать, не может понять причин нашего стремительного

отступления.

Не успел я толком переварить услышанное, как в наших руинах стали рваться танковые снаряды.

Танки врага снова у дверей нашего командного пункта. В мгновение ока КП опустел. Все, расхватав еще остававшиеся фаустпатроны, забились по щелям и ямам ждать дальнейших сюрпризов.

Я так больше и не видел этого сотрудника штаба имперского министра иностранных дел! Он словно испарился. Интересно, что же он потом доложил вышестоящему начальству?

Что касается обстановки, она час от часу серьезно ухудшается.

Англичанам удалось овладеть еще одним мостом под Гарру. Медленно, но неумолимо неприятель продвигается на юг. А мы в состоянии противопоставить ему лишь цепь боевого охранения 12-го танкового полка да разведгруппы 12-го разведывательного батальона. Минометная батарея подчиненного нам полка сумела в ближнем бою подбить два вражеских танка, штурмовавших позиции батареи.

Монтгомери явно намеревается захватить выход к Орне в районе Сен-Андре, а потом, вероятно, пробиться к шоссе Фалэ — Кан. Если этот маневр удастся, Кан упадет к нему в руки, как перезревшее яблоко. Но этого допустить никак нельзя. Нам необходимо продержаться эти два дня. 2-й танковый корпус СС уже спешит нам на выручку. Соединение срочно сняли с Восточного фронта.

Танковый полк получает приказ овладеть высотой 112 и воспрепятствовать прорыву противника к мостам через Орну. Основательно потрепанная танковая рота — это все, чем мы располагаем для выполнения поставленной задачи.

А охрану в районе Фонтена осуществляют несколько танков и остатки разведывательной роты 25-го полка.

Командный пункт дивизии перенесен из Версона в Кан. 28 июня 2-й танковый корпус СС овладевает участком «высота 112-Эвреси».

Теперь мы имеем уже четыре танковые дивизии. Но дивизии эти лишь на бумаге — ни одно из соединений не дотягивает по численности полностью укомплектованного личным составом и техникой соединения. 9-я и 10-я танковые дивизии СС участвовали в ожесточенных боях в Польше, когда поступил приказ о переброске их в Нормандию. Из огня да в полымя! 1-я танковая дивизия СС добралась до фронта только 28 июня. И она — лишь тень полноценной дивизии. Несколько недель назад она находилась в России, оттуда была переброшена в Бельгию на

отдых. Но никаких доукомплектований личным составом и техникой проведено не было. И вот с этими дивизиями командующий 2-й корпусом СС генерал Хауссер собирается 29 июня перейти в наступление. Ночью дивизии продвигаются в район сосредоточения.

На участке 12-й танковой дивизии СС затишье. Позиции у Карпике дооборудуют уцелевшие бойцы 1-го батальона 26-го полка.

Утром 29 июня нас разбудил грохот корабельных орудий главного калибра. Кан снова под обстрелом. Штурмовики непрерывно патрулируют воздушное пространство и остервенело кидаются на все, что движется по земле. Около 7 часов утра я на шоссе в Версон. Один из штурмовиков поджег артиллерийский тягач, и вокруг разлетаются рвущиеся боеприпасы. Шоссе узкое, объехать пылающий тягач невозможно. Вот и приходится оставлять на съедение нашу машину. Выбраться бы отсюда! Среди этих древних стен чувствуешь себя как в ловушке. Как свеча пылает санитарная машина — раненых спасти так и не удается, люди заживо сгорают на наших глазах.

Враг держит под обстрелом всю местность вокруг Версона и высоту 112. Вскоре весь огонь сосредоточен на этой высоте. Неужели англичане собрались опередить и контратаковать нас? С неприятным чувством гляжу, как танки 2-й британской танковой дивизии взбираются по откосу южнее Одона и берут в клещи высоту 112. Земля Нормандии до неузнаваемости перепахана крупнокалиберными снарядами британцев. Сомнений быть не может — англичане задумали упредить наступление Хауссера. Наши дивизии просто изничтожаются на исходных рубежах и с земли, и с моря, и с воздуха.

2-й корпус вынужден оставить высоту 112. Танки 11-й британской танковой дивизии вырвали ключ у нас из рук — теперь мы уже лишены возможности хоть как-то удержать мосты через Орну.

С высоты 112 хорошо обозревается местность. Теперь англичанам видно все. Вскоре мы уже видим, как на высоте развернут пункт корректировки артиллерийского огня. Дивизион тяжелых гаубиц 12-го артиллерийского полка обстреливает засевших на высоте британцев. Уникальное зрелище. Мы находимся чуть севернее высоты 112, откуда прекрасно виден подъем от Ордона.

У фронта 12-й танковой дивизии СС на удивление спокойно. Лишь уже ставший привычным огонь корабельной артиллерии сосредоточен на перекрестках важных дорог. Мой танк сопровождения получает прямое попадание. Вторым снарядом

убит военврач.

Вторая половина дня укрепляет нас в уверенности, что запланированное наступление 2-го танкового корпуса СС так и не состоится. Куда там наступать под таким массированным обстрелом и при полнейшем господстве в воздухе авиации неприятеля?! Да еще теми средствами, которыми мы на данный момент располагаем.

За ночь проводится необходимая подготовка к круговой обороне Кана. Ожидаем прорыва англичан западнее города.

В разгар подготовки из штаба 2-го корпуса снова поступает приказ выбить противника с высоты 112.

Большего потрясения и придумать трудно. Макс Вюнше тут как тут, он категорически против подобного приказа. А ведь именно его танкам вместе с остатками разведывательного батальона и придется наступать. Сейчас у нас каждый танк на вес золота, а на замену мы до сих пор не получили ни одного. Между тем практически ежедневно теряем машину, а то и несколько. Это просто чума какая-то — что ни день, то латание дыр! Времена крупных наступательных танковых операций, похоже, канули в лету.

На рассвете высота 112 под плотным артиллерийским огнем. Наши танки под прикрытием утреннего тумана продвигаются к высоте и ждут сигнала к броску. Медленно тянутся минуты. Мы с Вюнше докуриваем последнюю сигарету. Прощальное рукопожатие, и — началось!

По уже выработавшейся практике танки мчатся на когда-то поросшую деревьями высоту, выпуская снаряды в гущу противника. Вражеские орудия беспорядочным огнем пытаются остановить нашу атаку. Но без толку — высота должна стать нашей.

Вскоре мы добираемся до вершины. Путь к отступлению роте англичан отрезан. В полном составе она попадает к нам в плен. Тут и там горящие танки. Несчастная высотка вся перепахана снарядами.

После овладения высотой 112 корпус имеет возможность краткой передышки. Неприятель лишен благоприятной возможности корректировать огонь своей артиллерии.

Последняя битва за Кан

Британский 8-й корпус во взаимодействии с 15-й шотландской дивизией, 43-й и 49-й дивизиями и 11-танковой дивизией в ходе боев последних дней почти до основания разгромили силы 12-й танковой дивизии СС. 26-й мотопехотный полк уравнялся по численности личного состава до обычного батальона, да и то неполного. Серьезные потери не обошли стороной и танковый полк. Разведывательный батальон располагает всего лишь ротой, собранной из кого только можно, а саперный практически перестал существовать. Корабельная артиллерия и продолжающиеся с воздуха атаки штурмовиков урезали численность дивизии, доведя ее до таковой дивизиона артиллерийского полка.

Отныне 12-ю танковую дивизию СС уже нельзя считать полноценным соединением. Остатки дивизии с большой натяжкой можно приравнять к ударной группе.

Несмотря на нечеловеческую нагрузку, на огромные потери, молодые бойцы-мотопехотинцы по-прежнему считают свое соединение полноценным, всерьез воспринимая поставленную боевую задачу — оборонять Кан.

8-й британский корпус сумел глубоко вклиниться во фланг 12-й танковой дивизии СС. Четко прослеживается намерение Монтгомери совершить охват соединения. Не надо быть стратегом, чтобы уяснить: следующая цель англичан — Кан.

В целях избежания опасности оказаться отрезанной от сил дивизии и вне кольца окружения, командный пункт соединения перенесен в центр города. Я, ее командующий, желаю разделить участь своих бойцов.

Мы вместе с 1-м офицером штаба дивизии не предаемся иллюзиям. И понимаем, что следование приказу фюрера: «Защищать Кан до последнего патрона!» — означало бы конец нашего соединения. Мы готовы сражаться. Готовы отдать жизнь в бою — но любой бой должен иметь смысл. Моя душа противится тому, чтобы просто гнать моих молодых бойцов на убой в городские руины. Нельзя лишать войска возможности проведения гибкой тактики.

На участке дивизии относительно спокойно, если не считать спорадических стычек с неприятелем. Но что бросается в глаза, так это интенсивность, с которой канадцы проводят боевую разведку. Карпике и западную окраину аэродрома одолевают разведгруппы противника.

У нас создается впечатление, что канадцы планируют

наступление на Карпике с тем, чтобы прорвать фронт нашей обороны севернее Кана.

Карпике — древняя нормандская деревня, дома, выложенные из дикого камня бог знает когда. Деревня, сообразно ландшафту, вытянулась змеей по одну сторону железнодорожной линии Кан-Байо, а с другой стороны упирается в аэродром. Деревня эта по всей длине хорошо обозревается из наблюдательного пункта Арденнского монастыря.

Пытаюсь отыскать тех, кто обороняет Карпике, но улицы и дворы пусты — ни единой души. По улицам еще можно кое-как пробраться, кое-где завалы рухнувших стен домов. Призрачная картина. На западной окраине, наконец, нахожу «защитников». Около полусотни бойцов, рассеявшихся по полузаваленным бункерам некогда существовавшего здесь аэродрома. Все эти 50 солдат — оставшиеся в живых после уничтожения одной из рот 1-го батальона 26-го полка. Другая часть остатков упомянутого батальона рассредоточилась на противоположной стороне аэродрома. Таким образом, численность тех, кто обороняет объект, составляет от 150 до 200 человек.

У защитников Карпике не осталось противотанковых средств. Противотанковые орудия 1-го батальона 26-го полка потеряны в ходе предыдущих боев. Однако предполье основательно и со знанием дела заминировано. Командир взвода в случае атаки врага отойдет на восточную окраину Карпике, чтобы таким образом заманить атакующих канадцев в деревню. А строго на восток от Карпике на скрытой огневой позиции находятся 8,8-см орудия. Кроме того, деревня простреливается расставленными на окраине деревни танками.

Усиление частями пехоты на данном участке после сражений последних нескольких дней не представляется возможным. Единственная оборонительная возможность — это собрать в кулак все тяжелые вооружения. Наша артиллерия и минометы уже сосредоточились в нужном месте.

Едва я успел вернуться на КП дивизии, как мне доложили об оживленном радиообмене канадцев. После анализа полученной информации склоняюсь к предположению, что неприятельские силы выдвигаются на исходные рубежи в районе Норри и Сен-Мовье. 3 июля радиообмен стал еще интенсивнее.

Чтобы помешать выдвижению врага на исходные рубежи или хотя бы нанести серьезный урон его силам, сконцентрированным на относительно узком участке, в 6 часов утра наша объединенная артиллерийская группа открывает огонь по этому участку. Враг в районе сосредоточения понес существенные потери.

Реактивные снаряды, оставляя за собой дымный шлейф, несутся над аэродромом, я, огибая руины, вбегаю в ангар и отыскиваю Бернгарда Краузе. Бернгард избрал для своего командного пункта укрытие, откуда хороший обзор аэродрома Карпике.

В бункере беседую с корректировщиком огня 7-й минометной бригады. Часть бойцов залегла метрах в 75–100 впереди. В развалинах ангара стоят дять замаскированных танков — никак нельзя забывать об активности английских штурмовиков. Только Бернгард Краузе стал докладывать мне о бое за Сен-Мовье, как где-то совсем рядом грохнул разрыв. Мы невольно сжались. Бункер крепко тряхнуло — в нескольких метрах от нас разорвались 40-см снаряды.

3-я канадская пехотная дивизия атаковала Карпике. Цель атаки — деревня и прилегающий аэродром. Боже, какие же силы брошены врагом для уничтожения горсточки защитников!

Плотный артогонь способен подавить любую попытку отпора неприятелю. Наверняка нас обстреливает не один полк и вдобавок крупнокалиберные корабельные орудия, потому что остатки ангара в считаные секунды взлетают на воздух.

Саму деревню не видно из-за клубов густого черного дыма.

Выдвинутые вперед корректировщики огня невозмутимо глядят в стереотрубы и просят заградительного огня.

8-я канадская бригада, усиленная полком «Winnipeg Rifles», действующая при поддержке канадского танкового полка «Fort Garry Horse», набрасывается на остатки батальона Краузе.

На меня глядят побледневшие лица бойцов. Все молчат. Сквозь грохот разрывов доносятся лишь голоса артиллеристов. Со стороны Марселе надвигаются танки неприятеля. Видимость затруднена дымом и гарью. Наша артиллерия открывает огонь по наступающим танкам, но наши снаряды им, похоже, нипочем. Бойцы во всех укрытиях по первому сигналу готовы занять позиции. Из лесного массива на нас устремляются первые пехотинцы неприятеля. Наша артиллерия переносит огонь на них, и полк «Winnipeg Rifles» несет ощутимые потери.

Мы пока что ожидаем, сидя в нашей щели, — в бой вступили только танки. Их и не отличить от руин, так здорово замаскировались танкисты. Напряжение достигает предела. Вслушиваясь в грохот боя, мы ждем, когда заговорят наши выдвинутые вперед пулеметы. На западной окраине деревни вижу струю огнемета. Огнеметами вооружены небольшие танкетки, продвигающиеся под защитой «шерманов». Одна из таких танкеток наехала на мину. Взрыв, танкетка вовсю полыхает.

50 бойцов — защитников Карпике — атакованы тремя

батальонами противника, действующими при поддержке танков. Уличные бои ведутся с невиданным ожесточением. Из-за руин танкам врага трудно передвигаться по деревенским улочкам. Танкам не удается прорваться к аэродрому — инициативу захватывают наши замаскированные танки и батарея 8,8-см орудий. Прошло совсем немного времени. Полк «Winnipeg Rifles» наступает не торопясь, осторожно — враг не верит в безобидное открытое пространство перед собой, видя в нем западню. Вот канадцы уже почти добрались до первого ангара — до него метров 150. Сейчас вокруг все голо, защитного леса нет, и укрыться от нашего огня негде. И вот раздается звук, которого мы столько ждали, — заговорил наш MG 42.

Отпрыгиваю в сторону дать дорогу моим бойцам. Они без слов устремляются из укрытия. Каждый знает, куда ему бежать, защитники организованно занимают знакомые до боли оборонительные позиции.

Атакующие канадцы вынуждены смириться со значительными потерями. Их наступательный порыв сломлен, а их танки предпочли благоразумно уползти прочь, укрыться. Но и для батальона Краузе этот бой даром не прошел — потери заметные. Раненых тут же оттаскивают в бункеры и другие укрытия и оказывают им помощь. Обстановка на противоположном конце аэродрома ничуть не лучше. Там канадцы успешно овладевают территорией. Бой идет уже в самом центре деревни. Наша артиллерия сосредоточила огонь только на западных окраинах Карпике. Связываюсь по телефону с 1-м офицером штаба дивизии — надо психологически подготовить его к сдаче Карпике. За южную часть аэродрома не беспокоюсь — остатки 1-го батальона 26-го полка позиции удержат. Как это уже не раз бывало, командир — стержень обороны. А Бернгард Краузе сейчас вместе с бойцами своего батальона. Его низкий, спокойный голос действует на них умиротворяюще. Так что за этот участок опасаться нечего.

Через развалины ангаров я пробираюсь к восточной окраине аэродрома. Здесь меня ожидает Эрих Хольстен. Несколько минут спустя мы уже на командном пункте дивизии. Прибыв сюда, мы облегченно вздыхаем — воистину мало радости пробираться на автомобиле под снарядами противника.

Наша радиоразведка работает безупречно. Ребята вполне заслуживают похвалы. Радиоперехват дает нам возможность быть в курсе всех замыслов неприятеля. В особенности это касается боев за Карпике. Командир полка «de la Chaudiere» из центра деревни докладывает по радио в штаб бригады о взятии Карпике. Ему велят продолжать наступать. Но наши мины и снаряды

припечатали его к земле. И стоит канадцу скомандовать атаковать, как на их голову вновь обрушивается смертоносный шквал.

Из 50 защитников Карпике осталось от силы два десятка человек боеспособного личного состава. Ни один из унтер-офицеров не дожил до конца этого боя. Оставшиеся в живых взяли на себя пехотную оборону батареи 8,8-см орудий. Позиция батареи находится строго на восток от Карпике. В ночь с 4 на 5 июля батальон Вайденхаупта пытается контратаковать Карпике, но безуспешно. Снаряды и зажигательные мины наносят врагу ощутимый урон. Карпике держится даже во время широкомасштабного наступления союзников на Кан. Аэродром сдали лишь 8 июля.

После того как неприятелю не удалось расширить свой плацдарм и прорваться к Орне, провалились и его планы овладеть аэродромом, атаковав нас с запада. Вследствие этого есть основания предполагать, что он вынашивает намерения сокрушить бастион нашей обороны фронтальным наступлением, чтобы затем нанести удар в глубь территории Нормандии. И мы готовимся к последней битве за Кан.

Объехав все подразделения на позициях и детально обсудив с бойцами и командирами — рядовыми, унтер-офицерами и офицерами — ход дальнейшей обороны Кана, я окончательно убедился, что этому городу в Нормандии суждено стать кладбищем нашей дивизии. Продолжение обороны Кана невозможно — слишком неравны силы. Наши малочисленные подразделения не способны на эшелонирование в глубину для обороны, кроме того, не располагают резервами.

Дивизия доводит до сведения корпуса, что ее сил явно недостаточно для сдерживания превосходящих по численности и оснащению сил противника. Однако корпус не имеет возможности предоставить в распоряжение дивизии дополнительные силы.

Мы проводим всю необходимую подготовку, с тем чтобы хоть как-то противостоять наступающему противнику. Но на вопрос, что произойдет, если враг выбросит в тыл нашей дивизии парашютистов, ответа у нас нет.

Штаб дивизии убежден, что широкомасштабное наступление на Кан начнется высадкой десанта южнее города с одновременным нанесением удара из плацдарма на Одоне через Орну в направлении шоссе Кан-Фалэ. И окончательное крушение фронта тогда уже ничем не предотвратить — путь на Париж будет открыт.

Вечером 7 июля мы уже знаем, что именно в предстоящие

сутки решится участь Кана. Поздно вечером 500 бомбардировщиков «ланкастер» и «Галифакс» сбрасывают 2500 тонн бомб на северную часть города. Огонь наших средств ПВО не наносит серьезного урона волнами накатывающимся эскадрильям. Но и нам нет причин сетовать на потери — бомбовый удар противника практически не затронул войска, хотя улицы Кана завалены обломками зданий, а гражданское население в очередной раз испытало на себе все тяготы боевых действий. Городские больницы переполнены.

Следует отметить, что отношение местного населения к нам всегда отличалось дружелюбием — до сих пор не припомню ни одного случая проявлений неприязни, тем более враждебности. Люди, сокрушенно качая головами, глядят на то, что осталось от их жилищ. Они не могут понять, зачем союзникам понадобилось испепелять их город — ведь ни 6 июня, ни когда-либо потом здесь не было ни одной воинской части. И за все дни боев за Кан нашим войскам не было нужды держать в городе каких-либо охранных подразделений — французы сами прекрасно справлялись с поддержанием порядка.

Этот авианалет мы восприняли как сигнал к началу широкомасштабной наступательной операции.

Все до последнего наши бойцы ждут сигнала к обороне. Артиллеристы готовы открыть заградительный огонь у наших позиций. Мы в напряженном ожидании. Телефоны молчат. Проходят минута за минутой, но ночная тишина не нарушается ничем. Мы не в силах объяснить это спокойствие, но союзники отчего-то не спешат воспользоваться результатами бомбардировки.

Я снова встречаюсь с командирами частей и подразделений, чтобы узнать, каковы результаты бомбежки. С изумлением убеждаюсь, что сильно переоценил ее значение — наш моральный дух не пострадал. Куда болезненнее наши бойцы воспринимают дневные атаки штурмовиков, чем бомбы, сбрасываемые тяжелой авиацией. Честно говоря, и фронт наш худоват, посему ковровое бомбометание эффекта не возымело. Ну, опрокинули парочку танков, разве стоило ради этого обрушивать на нас две с половиной тысячи тонн бомб?

Войска ожидают наступления и готовы к неизбежному. Мы не питаем иллюзий относительно исхода этой неравной борьбы. В штаб корпуса снова летит донесение — мы еще раз предупреждаем командующего о безвыходном положении нашей дивизии. Недоброе предчувствие охватывает меня с первыми лучами солнца. Губерт Майер так и задремал за карточным столом. За всю минувшую неделю он и глаз не сомкнул. Какого

добросовестного 1-го офицера штаба дивизии я обрел в этом человеке!

Сокрушительный артиллерийский огонь корабельной и сухопутной артиллерии открыт по всему фронту 12-й танковой дивизии СС. Наше укрытие сотрясают взрывы. На освещаемую свечами штабную карту сыплется известка.

Наша артиллерия и минометы отвечают заградительным огнем. За несколько дней нам удалось добыть боеприпасы, и теперь мы пытаемся оказать нашим пехотинцам ощутимую помощь. На позиции артиллеристов сыплются бомбы, ни одному грузовику не удается избежать попадания. Противник атакует с воздуха все переправы через Орну.

Поступают первые донесения — враг при поддержке крупных танковых сил ведет наступление по всему фронту.

Наш сосед справа — 16-я полевая дивизия люфтваффе — не выдерживает. Повторная бомбежка ставит крест на ее боеспособности — импровизированная дивизия не выдерживает натиска неприятеля. 3-я британская, пехотная дивизия, как нож сквозь масло проходит через 16-ю дивизию и оказывается у нас во фланге.

Участок 12-й танковой дивизии СС обороняют 4 изрядно потрепанных в боях батальона, в то время как противник наступает превосходящими по численности силами 59-й британской пехотной дивизии, 3-й канадской дивизии при поддержке танков.

Направление главного удара наступления 59-й британской пехотной дивизии — скорее всего на участке 1-го батальона 25-го полка. Кроме того, названный батальон подвергается атаке частей 3-й британской пехотной дивизии. 1-й батальон 25-го полка теряет уже в первые часы наступления почти всех командиров рот. Командир батальона штурмбанфюрер Вальдмюллер вместе со своими бойцами, он в гуще боя, он душа обороны. 1-я рота защищает правый фланг. Ее огонь препятствует относительно легкому продвижению 3-й британской пехотной дивизии на участке разгромленной 16-й полевой дивизии люфтваффе.

Бесстрашный 1-й батальон 25-го мотопехотного полка СС, подобно волнорезу, стоит на поле боя. Подразделение, не ведая страха, отбивает все атаки превосходящего по численности и вооружению противника. Врагу так и не удается оттеснить с позиций 1-й батальон.

Героически обороняется и 2-й батальон. Все его противотанковые орудия давно сметены огнем тяжелой артиллерии — остались одни только фаустпатроны. И в этом подразделении погибли или ранены почти все командиры рот.

Гауптштурмфюрер д-р Тирей один подбил три вражеских «шермана» и погиб при попытке подбить четвертый.

3-й батальон 25-го полка атакован силами 3-й канадской дивизии. Бой идет в развалинах Бюрона и Оти Здесь схватка с врагом приняла особенно ожесточенный характер. Канадцы не забыли, что 7 июля их продвижение застопорилось именно у Бюрона и Оти и готовятся взять кровавый реванш. Но бойцы-мотопехотинцы 3-го батальона 25-го полка вцепились в эти развалины и не желают уступить ни пяди земли.

Необъяснимо, почему канадцы не продолжат наступление на Карпике. У Карпике до сих пор остается наша батарея 8,8-см орудий и горстка бойцов 1-го батальона 26-го полка. Решительное наступление оттуда к мостам через Орну в Кане в одни сутки решило бы участь 12-й танковой дивизии СС. Только что прибывшая танковая рота в количестве 15 машин типа V — единственный наступательный резерв дивизии.

Тревожные сигналы множатся. 16-ю полевую дивизию люфтваффе будто смело прочь ураганом. Наша дивизия немедленно направляет части 2-го танкового батальона и роту сопровождения под Кабаре, северо-восточнее Кана, для обороны. 1-й батальон 12-го танкового полка СС ведет бои на северных окраинах города.

Городские мосты через Орну и маршруты следования наших войск южнее Кана постоянно атакуют штурмовики. Всякое сообщение с Каном прервано, и у нас нет возможности ни отправить раненых, ни осуществлять войсковой подвоз. Шоссе превратились в дороги смерти. И снова в небе гул тяжелых бомбардировщиков. Они идут с севера и атакуют город. Сколько же еще горя суждено вынести многострадальному Кану!

Ресурсы, брошенные противником на овладение этим городом, просто поражают. К чему, скажите на милость, стирать с лица земли не занятый никем город? Кроме штаба 12-й танковой дивизии СС, который находится там, впрочем, всего-то несколько дней, в Кане наших войск нет. Первая волна бомбардировщиков атакует мосты. Южнее Орны возникают многочисленные очаги пожара. Англичане не оставляют без внимания и центр города. Кан представляет собой сплошные руины, пожарище и дым.

Внезапно мы видим, как последняя волна самолетов пикирует на гарнизонную церковь, как отрываются от фюзеляжей сброшенные бомбы. Прыгаю к выходу из нашего командного пункта и скрываюсь за самым дальним углом подвала. Оглушительный взрыв сотрясает своды. Вокруг темень. Я задыхаюсь. От пыли в воздухе ничего не видно. Губерт Майер зовет меня. Слышу еще голоса. Вдруг кто-то из бойцов кричит:

«Нас завалило! Завалило!» Его с трудом успокаивают. Молодого бойца взрывной волной забросило к нам в подвал.

Гарнизонная церковь, прежде находившаяся метрах в пятидесяти от входа в командный пункт дивизии, полностью разрушена — остался лишь огромный кратер воронки. Взрывом разметало камни, из которых было сложено здание церкви, часть их рухнула на деревянную крышу, под которой стояла наша передвижная радиостанция. Таким образом, мы теперь без связи. Но ненадолго — неполадки вскоре устранены. К счастью, радиостанция серьезно не пострадала. Гражданскому населению пришлось куда хуже.

Через несколько минут после авианалета на нашем КП появляется командующий 5-й танковой армией генерал танковых войск Эбербах, сменивший на этом посту генерала Гейра фон Швеппенбурга.

Генералу удалось пробиться к нам в перерыве между бомбардировками мостов через Орну. Командующий армией выражает благодарность личному составу дивизии за проявленное мужество. Генерал Эбербах пока что не в курсе катастрофы, произошедшей с дивизией люфтваффе.

Командующий сразу же оценивает серьезность положения и отдает приказ о переброске 21-й танковой дивизии на участок 16-й дивизии люфтваффе. Усиленный батальон 21-й танковой дивизии — единственная часть, которой удалось переправиться в этот день через Орну.

Еще в присутствии командующего армией поступают тревожные донесения. Неприятелю удалось прорваться между участками 2-го и 3-го батальонов 25-го полка, иными словами, между населенными пунктами Гальманш и Бюрон, и взять под контроль подступы к Арденнскому монастырю.

2-му танковому батальону, за исключением подразделений, действующих восточнее железнодорожной линии на участке 16-й полевой дивизии люфтваффе, отдан приказ немедленно контратаковать противника. Батальон отбрасывает врага, однако так и не овладевает Сен-Контестом — контратака парирована превосходящими силами британских танков.

Генерал Эбербах прощается. Я убежден, что командующий предпримет все, чтобы не дать противнику вновь прорваться в превращенный в руины Кан.

Битва не теряет ожесточенности. Для нас загадка, отчего канадцы и британцы медлят. Не внушает сомнения факт огромного численного превосходства их танковых сил. Вместо того чтобы бросить их в глубину зоны нашей обороны для молниеносного создания плацдарма у Орны, они используют

танки для поддержки наступающей пехоты.

Если не считать весьма умело используемую противником артиллерию, его наступлению явно недостает стремительности, инициативы на поле боя. Вся наступательная операция на Кан выдержана в тактических традициях Первой мировой войны, подобные методы можно использовать, лишь действуя против истекающих кровью войск.

На командный пункт 12-й танковой дивизии СС прибывает командующий 16-й полевой дивизией люфтваффе генерал-лейтенант Зиверс. Генерал просит разъяснить ему обстановку — вот уже три часа он не получает от своих частей никаких известий. Доклад об обстановке явно расстраивает его, командующий дивизией люфтваффе сразу же отправляется на северо-восточные окраины Кана, чтобы на месте изучить обстановку. Генерал Зиверс пытается собрать воедино остатки своей дивизии и снова выставить ее в оборону. Однако боевой дух личного состава ниже некуда, солдаты и офицеры не успели оправиться от пережитого потрясения. «Стальной вал» неумолимо катится вперед. Поле битвы представляет собой сплошные воронки.

Во второй половине дня противник после продолжительных кровопролитных боев захватывает Грюши. 16-й батальон 25-го полка, защищавший Грюши, практически уничтожен. Перестала существовать бесстрашная саперная рота под командованием оберштурмфюрера Вернера. Из этой роты я обнаружил лишь одного вестового — все остальные саперы погибли, обороняя позиции.

После тяжелых боев, проходивших с переменным успехом, потеряны Оти и Франквиль. В ходе контратаки командир 3-го батальона 1-го мотопехотного полка СС оберштурмфюрер Вайденхаупт получает ранение. Остатки батальона останавливают продвижение противника севернее Арденн.

Положение дивизии крайне серьезное. Батальоны 25-го полка, почти окруженные врагом, ожесточенно сражаются в населенных пунктах Малой, Гальманш и Бюрон. Все имевшиеся линии связи оборваны, связь осуществляется лишь по радио. Фронт дивизии натянут подобно пружине — того и гляди лопнет. Резервы отсутствуют. Лишь 15-я танковая рота фон Риббентропа остается севернее города.

Нет, я этого больше не выдержу! Необходимо самому составить картину обстановки и принять соответствующее решение, находясь в гуще схватки. Приказ фюрера оборонять Кан до последнего патрона просто невыполним. Да, мы можем продержаться еще несколько часов, но в таком случае дивизия

погибнет вся до единого бойца. Мысль о том, что я отправлю на убой оставшиеся части и подразделения дивизии, вызывает у меня бурный протест. Губерт Майер полностью поддерживает мое решение сдать город союзникам без лишней крови и отвести дивизии на восточный берег Орны.

Эрих Хольстен оседлал своего быстрого «скакуна». Наш добрый «Фольксваген» готов ехать. И мой верный казак Михель уже в машине. Мы все прекрасно понимаем, что за поездка ждет нас. Уже несколько минут спустя мы в роте фон Риббентропа. Головные танки ведут перестрелку с «шерманами», стоящими на позициях у Контеста.

Перед нами Арденнский монастырь. Все его здания под обстрелом противника. Все высокие башни снесены снарядами, в небо глядят лишь их куцые обрубки. Еще на подъеме что-то будто кольнуло меня, и я сам решил сесть за руль. В этой ситуации нечего и пытаться останавливаться или поворачивать назад. Дорога к монастырю изрыта воронками.

Едва мы одолели последний подъем, как на нас обрушился град камней. Танкисты с позиций у Контеста решили поиграть с нами. Я мгновенно взмок от пота. Машина несется дальше. Ох, если бы хоть на мгновение замолк этот проклятый свист пуль вражеских пулеметов! До развалин монастыря считанные метры. Все, успели! Теперь врагу нас уже не достать.

Огромный фруктовый сад монастыря уподобился аду. У входа на командный пункт полка рвутся снаряды и мины. Помедлив немного, мы срываемся с места и бежим. Как раз вовремя, мы успели уложиться, воспользовавшись секундным затишьем. У КП лежат обезображенные трупы погибших товарищей. Выбираясь из машины, замечаю, что среди них и тело командира штабной роты, погибшего от осколка снаряда…

Мы входим в старинное здание. Командира 36-го полка я обнаруживаю в подвале хозяйственного здания. Он ранен и как раз переговаривается с командиром 3-го батальона гауптштурмфюрером Штегером. Отныне связь между батальонами только по радио.

Своды потолка вибрируют от рвущихся поблизости снарядов, хотя подвал достаточно глубокий. В ушах непрестанный гул разрывов.

Я обсуждаю по радио с гауптштурмфюрером Штегером обстановку в Бюроне. Командир 3-го батальона докладывает, что большая часть бойцов погибла, что вражеские танки стоят у въезда в населенный пункт. Штегер просит срочно помочь ему. Все имеющиеся в распоряжении танки брошены на Бюрон для прорыва кольца окружения. Атака терпит неудачу. С церковной

башни слежу за танковой дуэлью — обе стороны несут серьезные потери.

Из Оти неприятельские танки надвигаются на монастырь. Рота фон Риббентропа подстреливает их и обороняет командный пункт полка. Горящие танки остаются в 100 метрах западнее монастыря.

В большом подвале монастыря скапливаются раненые, их все больше. Санитарам для их спасения приходится прилагать нечеловеческие усилия. Мой старый боевой товарищ д-р Эрих Гаттеринг круглые сутки на ногах. Нет сил слышать стоны и крики под сводами подвала. Поток раненых не иссякает.

Но мы не имеем права прекратить сопротивление! Необходимо дождаться ночи и под покровом темноты отправить в тыл наших раненых товарищей, а тем, кто на передовой, обеспечить возможность прорыва.

На танке «пантера» еду в направлении Кюсси. Населенный пункт обороняет 1-я батарея 12-го зенитного дивизиона СС под командованием гауптштурмфюрера Ритцеля. Деревня испепелена, превращена в груду камня. Три подожженных «шермана» застыли прямо у позиций артиллеристов. Батарея понесла огромные потери. Вражеский снаряд повредил одно из орудий. Гауптштурмфюрер Ритцель выступает в роли наводчика. Он обещает мне предпринять все, чтобы удержать позиции до наступления темноты и тем самым дать возможность отправить раненых из Арденнского монастыря.

Вскоре я уже снова в монастыре. В Бюрон прорвались британские пехотинцы и танки. Из-за взрывов и дыма не виден даже командный пункт батальона Штегера. Огнеметные танки свирепствуют на позициях 3-го батальона 25-го полка. Горящие как факел бойцы мечутся и падают на землю. Огнемет — страшнейшее оружие. Поскольку эти танкетки могут действовать только под защитой своих собратьев потяжелее, вывести их из строя непросто.

Командный пункт батальона Штегера смят неприятельскими танками. Конец! Штаба 3-го батальона 25-го полка больше нет. Оборону удерживаем лишь в западной части населенного пункта.

Командир 25-го полка штандартенфюрер Милиус получает приказ после отправки раненых оставить монастырь и занять позиции на окраине.

Я намереваюсь за ночь отвести остатки дивизии на восточный берег Орны.

И снова наш «Фольксваген» становится мишенью для англичан. Но мы с Эрихом Хольстеном благополучно пробираемся через городские развалины.

После возвращения из Арденнского монастыря отправляю в штаб корпуса донесение об обстановке и срочно запрашиваю разрешение отвести оставшуюся часть войск на восточный берег Орны. У меня нет ни малейших сомнений, что остатками соединения Кан нам не удержать.

Штаб корпуса отклоняет просьбу, ссылаясь на приказ фюрера — удержать город, чего бы это ни стоило! Все мои протесты и доводы, все попытки разъяснить бессмысленность дальнейших жертв остаются без ответа. Наш долг — погибнуть в Кане!

Вспоминаю своих бесстрашных бойцов, и во мне вскипает ярость. Четыре недели день за днем они обороняли этот город! И теперь от них требуют совершенно бессмысленного жертвоприношения!

Я просто не в силах выполнить этот заведомо невыполнимый приказ и приступаю к отводу войск из Кана. Тяжелые вооружения без промедления следуют на восточный берег реки. С наступлением темноты батальоны отводятся на окраину города. Их отвод обеспечивают малочисленные группы танков. Пока что в 3-м батальоне 25-го полка около 100 бойцов и унтер-офицеров, много офицеров погибло, ранено или пропало без вести.

Битва отгремела. Мы безмерно рады бездействию канадцев. Продолжи они свои атаки в темное время суток, это предрешило бы участь нашей дивизии. Канадцы смогли прорваться лишь к монастырю, что сильно затруднило отправку раненых. Незадолго до полуночи штандартенфюрер Милиус отдает распоряжение открыть огонь по монастырю, чтобы хоть так получить возможность довести задуманное до конца. Эта вынужденная мера — единственное средство вывезти наших раненых товарищей. Я даю соответствующее разрешение минометчикам. Враг вынужден отступить. Как только отправлен последний транспорт с ранеными, мы оставляем древние стены Арденнского монастыря.

Около полуночи штандартенфюрер Милиус докладывает о сдаче Арденнского монастыря. Выжившие перешли на новые позиции у окраины города.

Расчеты батареи 8,8-см орудий полегли на позициях в Кюсси. Гауптштурмфюрер Ритцель погиб в ходе рукопашной схватки прямо на позициях. Героическая гибель этих бойцов позволила обеспечить своевременную эвакуацию раненых.

Вскоре после полуночи я собрал всех командиров, чтобы сообщить им о решении сдать город в течение ночи и перейти на новые позиции восточнее Орны. По их лицам я понял, что мой приказ они восприняли с явным облегчением. Иных мнений не было — без боя оставить разрушенный до основания город.

В 2 часа ночи еду в 1-й батальон 25-го полка, дислоцированный на северо-восточной окраине Кана. Остатки батальона были вынуждены прорываться через расположение противника, оставляя за собой кровавый след. Потери подразделения ужасающие. Взвод оберштурмфюрера Шюнемана продолжает обороняться, засев в нескольких домах. Этим бойцам нет возможности отступить в тыл. После получения радиосообщения эта горстка вот уже двое суток держит оборону и впоследствии гибнет под ударами с воздуха штурмовиков.

Оставшихся в живых бойцов 1-го батальона 25-го полка нахожу в крохотном бункере на окраине города. Измотанные в боях солдаты вповалку спят мертвым сном. В боевое охранение вышли офицеры. В укрытие приходят бойцы и, отыскав чуточку свободного места, тут же заваливаются спать. Боже, какое счастье, что союзники ничего не предпринимают! Бойцы 12-й танковой дивизии СС на пределе сил. Им пришлось целый месяц без передышки сражаться на передовой, выносить все ужасы и лишения бесчеловечной войны.

В сражение шли молодые, цветущие, жизнерадостные парни, сегодня из-под исцарапанных пулями, грязных касок на меня направлены отрешенные взоры, я вижу посеревшие лица с впалыми щеками. Воплощение всемирной скорби и страданий — но не страдать им надо сейчас и не скорбеть, а срочно переправляться на восточный берег Орны. Вальдмюллер получил новый приказ об обороне и будит своих бойцов. Полусонные, они, пошатываясь, выбираются наружу и привычно вешают оружие и боеприпасы на шею. Они едва не падают — тяжелые пулеметные ленты тянут их вниз. Чертыхаясь, они подходят к тяжелым пехотным орудиям и разворачивают их в сторону дымящегося города. Оборона с севера обеспечена.

За время моего отсутствия 1-й офицер штаба дивизии тщетно пытался получить в штабе корпуса разрешение оставить Кан. Наконец, уже к 3 часам утра штаб корпуса все же разрешил.

Поскольку мы уже отступаем и тяжелые пехотные орудия движутся на новые позиции восточнее Орны, враг не заметил нашего отхода.

Новые позиции располагаются на участке железнодорожный вокзал Кана — изгиб Орны возле Флери-сюр-Орн. Войска измучены, нечего и пытаться обустроить новые позиции. После переправы через Орну и после того, как части и подразделения вышли на предписанные участки, бойцы тут же снова проваливаются в сон. Приходится рассчитывать только на своих товарищей, осуществляющих охрану на западной окраине города.

Утром позиции покидает и 2-я батарея 12-го зенитного

дивизиона СС, дежурившая ночью в Кане. Даже здесь, всего в нескольких сотнях метров восточнее Карпике, соприкосновения с неприятелем пока нет. Штаб дивизии выходит из Кана около 4 часов утра и вместе с командным пунктом направляется в Карсель. Ожидаем, пока нашу дивизию сменит 272-я дивизия. Новый КП дивизии расположился среди древних буков, дубов и вязов. Это аккуратное нормандское имение в окружении уютного старого парка, где есть все условия для нормальной работы и так необходимого нам отдыха. Вот только о самом отдыхе говорить не приходится. И все же я урываю несколько минут, чтобы окатить себя с головы до ног водой из ведер — истинное наслаждение.

В 8 утра я уже в войсках в южной части Кана. Бойцы и офицеры спят, как убитые, в садах на берегу Орны. Даже командиры рангом повыше позволили себе сомкнуть глаза. Что и говорить, войска исчерпали последние запасы сил.

Только ближе к полудню разведгруппы неприятеля выбираются к городу. Примерно в 12 часов последние бойцы боевого охранения 12-й танковой дивизии СС и 21-й танковой дивизии отходят для переправы через Орну. После этого командир 3-го батальона 26-го полка Ольбеттер, перейдя реку, подорвал последний мост. К вечеру мы обмениваемся с противником редкими выстрелами уже через воды Орны. Три дивизии союзников заняли северную часть Кана.

11 июля участок нашей дивизии принимает 272-я пехотная дивизия. Смена происходит спокойно, без каких-либо помех со стороны неприятеля, хотя союзники все же решили направить на наш участок несколько разведгрупп. Только это и заставило наших измученных бойцов все же подумать об обороне и соответствующим образом обустроить позиции.

С начала вторжения и до сдачи Кана 9 июля дивизия понесла тяжелейшие потери личного состава и техники. Около 20 % бойцов погибли, а 40 % ранены или пропали без вести.

Солдатскую доблесть молодых бойцов-мотопехотинцев лучше всего характеризуют слова вчерашнего противника: «12-я танковая дивизия СС, оборонявшая этот участок, сражалась с упорством и яростью, не виданными за всю кампанию».

От сдачи Кана до Фалезского котла

По завершении кровопролитных сражений за Кан 12-я танковая дивизия СС переброшена в район близ Потиньи, севернее Фалеза, для отдыха и пополнения личным составом. Артиллерийский полк и зенитный дивизион были переподчинены 272-й пехотной дивизии.

Поскольку ни о каком длительном отдыхе в прифронтовой полосе говорить не приходится, штабы мотопехотных полков были переведены в район Вимутье с задачей составить из вновь прибывшего пополнения и прошедших излечение в госпиталях бойцов маршевые роты.

Из остатков мотопехотных батальонов были сформированы две ударные группы. Часть танковых рот перебросили в район Ле Нюбура для отдыха. Впрочем, какой там отдых! Ускоренными темпами проводилась боевая подготовка частей и подразделений, планировались и утрясались вопросы войскового подвоза.

Я вызван для доклада в штаб 1-го танкового корпуса СС. Эрих Хольстен покинул меня на пару дней в связи с предстоящей ему операцией. На замену Эриху товарищи по службе пытались подсунуть мне одного старого вояку — Макса Борнхофта, не расставававшегося со мной с 1940 по 1943 год. Макс служил еще в нашем старом добром разведбате 1-й дивизии, вот его и собрались оттуда перевести. Мне же не было сказано ни слова — сюрприз есть сюрприз. И вот мы пожимаем друг другу руки после годичной разлуки.

По пути в штаб 1-го корпуса нас, конечно же, атаковали штурмовики. Прямое как стрела шоссе Фалез—Кан постоянно контролируется авиацией союзников. Хотя особого движения на нем нет — разве что вестовые иногда проезжают. А войсковой подвоз осуществляется только в темное время суток, не говоря уже о переброске войск.

Командный пункт 1-го корпуса расположился на участке местности, под защитой лесополос. С часовым опозданием докладываю командующему 1-м корпусом о прибытии. Я с удивлением вижу здесь нашего командующего группой армий «Запад» генерал-фельдмаршала фон Рунштедта. Командующий корпусом Зепп Дитрих и командующий группой армий сидят в тени и на чем свет стоит честят вмешательство верховного главнокомандования сухопутных сил в текущие дела. Пожилой фельдмаршал выражает 12-й дивизии особую признательность, с сожалением упомянув и серьезные потери, понесенные соединением, и несгибаемую волю к победе наших молодых

бойцов-мотопехотинцев. В нескольких словах он проводит параллель между молодежью Лангемарка с молодежью, сражавшейся за Кан. «Ваши солдаты продемонстрировали высокий боевой дух бойцов Лангемарка, однако куда опытнее их по части боевой подготовки и в первую очередь руководимы имеющими неоценимый фронтовой опыт офицерами и унтер-офицерами. Это просто кощунство — приносить в жертву обстоятельств таких прекрасных солдат».

За обедом я поражен откровенностью, с какой генерал-фельдмаршал и Зепп Дитрих оценивают способы ведения войны в Нормандии. За столом выясняется, что по всем вопросам, касающимся невозможности удержания обороняемых позиций, между мною, командующим корпусом и командующим группой армий «Запад» нет никаких разногласий.

17 июля дивизия поднята по тревоге — враг прорвал позиции 272-й пехотной дивизии на участке между Мальто и Вандом. В результате нашей контратаки враг отброшен и лишен возможности дальнейшего прорыва к Орне. В боях захвачено до 50 пленных.

Внезапно меня во второй половине дня вызывают в штаб 1-го корпуса для доклада генерал-фельдмаршалу Роммелю. Фельдмаршал выражает личному составу дивизии благодарность и сожалеет, что вследствие недостатка времени не имеет возможности лично встретиться с ее бойцами.

«В ближайшие дни следует ожидать наступления англичан южнее Кана. Цель наступления: разгром правого фланга, основного звена фронта в Нормандии для обеспечения возможности нанесения удара в сердце Франции. Войска будут сражаться, бойцы снова обречены гибнуть на позициях, но им все равно не помешать врагу — англичане, смяв наши позиции, через наши поверженные тела ринутся на Париж. Полное превосходство в воздухе неприятеля сведет на нет все наши тактические усилия. Штурмовики атакуют даже наших отдельно следующих по шоссе вестовых. Сосредоточение сил и средств на направлении главного удара, даже переброска небольших войсковых частей неизбежно обернутся тяжелейшими потерями. Вся сеть автодорог находится под круглосуточным контролем. И даже пара штурмовиков способна существенно замедлить переброску войск или даже сделать ее вовсе невозможной. Фельдмаршал, обеспечьте нас воздушным щитом, предоставьте в наше распоряжение соединения истребителей! Для нас не опасны наземные войска противника, но перед массой ВВС мы бессильны».

Последнюю фразу лучше было бы не произносить. Еще не договорив ее, я понял, что наступил на любимую мозоль.

Фельдмаршал взволнованно ответил мне:

«Кому вы это доказываете? Вы что же, полагаете, что я объезжаю войска с завязанными глазами? Сколько мне пришлось настрочить докладных. Еще в Африке я указывал на опустошительное воздействие штурмовиков, но господа там все лучше нас понимают. Так вот, моим докладным запискам не поверили! Нужно что-то делать! Необходимо кончать войну на Западном фронте! А что происходит на Восточном?»

Мы молча ходим взад и вперед, переваривая обсуждаемое, после чего фельдмаршал прощается с нами перед отбытием. Зепп Дитрих просит Роммеля быть крайне осторожным при передвижении по шоссе. И предлагает вместо небольшой командирской машины взять грузовик. Фельдмаршал с улыбкой махает рукой и уезжает. Вскоре после этого он получает ранение под Фуа де Монгомери.

Южнее Орны вокруг Кана располагаются пригороды Фобур де Восель и Коломбель. Там расположены современные промышленные предприятия, окруженные рабочими кварталами. Сразу же южнее их до древнего города Фалез родины Вильгельма Завоевателя, тянутся плодородные поля Нормандии.

Местность между этими двумя городами медленно поднимается и по обеим сторонам Потиньи превращается в возвышенность высотой 200 метров на уровнем моря. Местность изобилует высотами с возможностью обзора местности в северном направлении. Южнее цепи высот протекает река. Кан и Фалез связаны между собой шоссе № 158. Прямое как стрела шоссе тянется мимо зеленых возделываемых полей и только возле Потиньи делает небольшой поворот. По обеим сторонам шоссе разбросаны лесные массивы.

После овладения Каном Монтгомери намерен расширить плацдарм и захватить также высоты между Каном и Фалезом. Для осуществления этого замысла были подготовлены 8-й британский корпус в составе трех дивизий и 2-й канадский корпус в составе двух дивизий и танковой бригады. Поддержка наземных войск с воздуха должна была осуществляться силами 8-й американской воздушной армии и штурмовиками 2-й тактической воздушной армии.

И что же могли противопоставить мы этим превосходящим силам? 272-ю пехотную дивизию без единого танка и без противотанковой обороны, основательно потрепанную 21-ю танковую дивизию с остатками 16-й полевой дивизии люфтваффе и еще части 1-й танковой дивизии СС. Обе ударные группировки моей 12-й танковой дивизии СС находятся в резерве под Потиньи.

Германское командование ожидает широкомасштабного

наступления противника южнее Кана в ближайшие дни. Наступательную операцию под Мальто противник замышлял лишь в качестве отвлекающего маневра. С целью воспрепятствования прорыву противника в восточном направлении ударная группа 12-й танковой дивизии СС перебрасывается в район Лисье.

Вечером 17 июля встречаюсь с командующим 5-й танковой армии. Генерал Эбербах убежден, что до начала ожидаемого наступления нас отделяют считаные часы. Все силы на участке Кана приведены в состояние повышенной боевой готовности.

Ранним утром 18 июля южнее Кана содрогается земля — авиация союзников предварила наступление наземных сил, сбросив 7700 тонн бомб. Штурмовики атакуют артиллерийские позиции и дороги в нашем ближнем тылу.

Первые разрывы послужили для ударной группы сигналом к действию. Протирая глаза, бойцы вскакивают на броню танков. Вопросов они не задают. И не разговаривают. Они просто готовятся к очередной схватке с врагом.

У нас больше не остается никаких иллюзий. Офицеры и рядовой состав сознают всю бесперспективность борьбы. Они молча, но с твердой решимостью ожидают приказа пойти в бой.

Ударная группа готовится встретить противника по обеим сторонам шоссе Каньи — Вимон на участке мужественно сражающейся 12-й танковой дивизии. Вражеские танки остановлены у Френувиля. Неся тяжелые потери, неприятель не торопится взять реванш. В этих схватках отличился батальон танков «тигр» 12-й танковой дивизии.

Остаткам моей 12-й танковой дивизии СС следующей ночью предстоит принять участок 21-й танковой дивизии по обеим сторонам шоссе Каньи — Вимон.

Слева на соседнем участке («Лейбштандарта») 11-я британская танковая дивизия потеряла свыше 100 танков. Йохен Пайпер со своими «пантерами» хоть на один день, но все же помешал Монтгомери осуществить свои далеко идущие планы. Изобилующая высотами местность до сих пор в наших руках.

И это сражение по своему замыслу точь-в-точь походило на предыдущие. Все то же великолепное планирование, все те же огромные силы, а в результате инертная танковая атака. Ни порыва, ни динамики — ничего. До сих пор британские танки толкутся на изрытой воронками местности. Никакого сравнения с наступательным порывом «Легкой бригады» под Балаклавой во время Крымской войны! Вражеские танки, будто черепахи, ползут по местности — их кулак, их объединенная сила так и не была использована.

Дивизия немедленно приступает к обустройству позиций. Враг предпочел не продолжать наступление на участках дивизии. 20 июля я осмотрел позиции дивизии и обследовал вместе с командиром разведывательного батальона вторую позицию на высоте Вимон — Сен-Сильвен. Вновь обнаруженная позиция была тут же обустроена по типу опорных пунктов. Сплошную систему обороны нам уже не потянуть — просто не хватит имеющихся в распоряжении сил. Наша дивизия ныне эквивалентна по боеспособности усиленному полку.

Когда я около 19 часов возвращаюсь на КП дивизии, узнаю о покушении в ставке фюрера. (Как позже утверждалось, дескать, дивизия была приведена в готовность находившимся в Париже штабом, что никак не соответствует действительности — ни та, ни другая сторона не информировали нас. Так что, все сведения мы получали исключительно по радио.)

Упомянутое покушение никак не отразилось на взаимоотношениях частей вермахта и «Ваффен СС». Во фронтовых частях никаких разногласий не было — покушение было отвергнуто и теми, и другими. Участники покушения 20 июля не нашли поддержки в частях передовой. Да, войска страстно желали окончания войны и изыскивали средства и пути положить конец этой бессмысленной бойне, однако это отнюдь не означало, что они готовы нарушить солдатскую присягу.

Ранним утром 21 июля командующий ударной группой Вальдмюллер доложил мне, что генерал-фельдмаршал фон Клюге по неосмотрительности едва не переехал линию фронта на участке ударной группы и в данный момент осматривает передовую линию обороны.

Генерал-фельдмаршал фон Клюге пожелал самолично взглянуть на состояние войск, поэтому и избрал 12-ю дивизию СС.

Фельдмаршал детально выяснил обстановку и поинтересовался моим мнением на ее счет. Фон Клюге выразил благодарность за беспримерное мужество, проявленное молодыми бойцами, пообещав скорую замену пехотной дивизией.

Фельдмаршал произвел на меня впечатление человека решительного, без следа растерянности, хотя и не скрывал озабоченности критическим положением на фронтах Нормандии. Не стесняясь в выражениях, он осудил цепляние за отжившие свой век тактические приемы и методы на перепаханной бомбами земле Нормандии.

Фон Клюге пробыл на командном пункте нашей дивизии несколько часов, встретился с прибывшим командующим 5-й танковой армией генералом Эбербахом, а также командующим 1-

м танковым корпусом СС Дитрихом и командующим 21-й танковой дивизией Фойхтингером.

Осмотрев линию фронта, фон Клюге переслал Гитлеру исчерпывающий отчет о фактическом положении дел на фронте вторжения в Нормандии.

За последнюю неделю неприятель предпринял на участке дивизии несколько атак силами штурмовых групп. Служба радиоперехвата предупредила нас о возможности атаки союзников в районе шоссе на Вимон.

Совершеннейшей неожиданностью для нас явилось прибытие командующего бомбардировочной авиацией на Западном фронте генерал-майора Пельтца, посетившего нашу дивизию в целях подготовки всех вопросов взаимодействия сил люфтваффе и наземных частей. Части авиации будут совершать боевые вылеты с аэродромов базирования в Бельгии и Голландии. Офицеров наведения, по словам командующего, нет в наличии. Так что связь предполагается осуществлять лишь световыми сигналами. Наши самолеты будут подходить к фронту на бреющем полете. Впрочем, существует масса доводов не в пользу осуществимости подобных операций.

Несколько дней спустя, уже после проведения соответствующей воздушной разведки, одна из таких операций все же состоялась. В ней участвовали от 20 до 30 самолетов. В войсках никак не могли уразуметь, отчего не показывавшиеся здесь добрых два месяца немецкие самолеты вдруг появились в небе над Нормандией. Машины прошли над линией фронта на высоте около 50 метров. Вторая волна бомбардировщиков по недосмотру сбросила бомбы на позиции нашего 1-го батальона 25-го полка. Мы вместе с командующим бомбардировочной авиацией генералом Пельтцем имели счастье вместе укрываться от града собственных бомб. К счастью, все обошлось без потерь. После этого инцидента операции с привлечением сил авиации уже не предпринимались.

В ночь с 4 на 5 августа дивизию сменила 272-я пехотная дивизия, а нас решили отправить в район юго-восточнее Фалеза для отдыха. Но в свете последних событий этот приказ был благополучно отменен, и дивизию держали в готовности севернее Фалеза.

Тщетно дожидались мы пополнения. Единственное, чем нам помогли, так это добавили еще одну моторизованную противотанковую роту. Что же касается мотопехотных подразделений, они не получили ни единого человека.

Как-то прибыв в расположение 1-го корпуса, я с ужасом убедился, что все танковые дивизии, действовавшие до сих пор

восточнее Орны, уже переброшены западнее реки. 2-я танковая дивизия, 116-я танковая дивизия, 21-я танковая дивизия, 9-я танковая дивизия СС и 1-я танковая дивизия СС — всех их решили сосредоточить на западном берегу Орны. Восточнее Орны оставались лишь части 12-й танковой дивизии СС, то есть ровно 50 машин. Обе ударные группы 12-й танковой дивизии, таким образом, оставались единственным резервом нашей обороны восточнее Орны. Подобное оголение нашего фронта южнее Кана мне очень не понравилось. В случае повторного наступления союзников фронт германских сил неизбежно будет разорван на его восточном фланге и тем самым открыт путь к центральной части Франции. Нечего было и рассчитывать, что эти несчастные 50 танков резерва сумеют удержать 3 противостоящие нам танковые дивизии противника и столько же англо-канадских пехотных. Предвидя крушение нашего восточного фланга, мы стали готовиться к последнему сражению.

Вечером 6 августа 59-й британской дивизии удалось создать плацдарм на Орне в районе Тюри — Аркур. Ударной группе Краузе было приказано срочно ликвидировать плацдарм противника во взаимодействии с частями 89-й пехотной дивизии.

Ударная группа, наступая из Сен-Лорана, сумела очистить от неприятеля Форэ де Гримбоск. На выходе из лесистого района местности на прибрежную равнину у Орны ударная группа подверглась артобстрелу противника и не смогла продолжить наступление. Три господствующие над местностью высоты обеспечивали союзникам превосходный обзор.

Рано утром 7 августа я проехал в расположение ударной группы Краузе. Командный пункт находился в домике лесника в Форэ де Гримбоск. Раненых бойцов 89-й пехотной дивизии и ударной группы разместили в тени деревьев, где они дожидались отправки в тыл. Враг сосредоточил огонь своей артиллерии на шоссе и на опушке лесного массива южнее Гримбоска. Невзирая на огромное превосходство сил неприятельской артиллерии, нам удалось проникнуть в населенный пункт Гримбоск и уничтожить плацдарм противника. Но и наши потери оказались внушительными. К моему возвращению на командный цункт ударной группы Краузе я просто не видел ни одного бойца, которого не зацепило бы вражеским осколком или пулей. В условиях лесистой местности последствия артобстрела носят катастрофический характер.

Прежде чем нам удалось ликвидировать созданный противником плацдарм, произошло нечто такое, что отодвинуло наши заботы на задний план, потребовав срочного отвода сил ударной группы Краузе.

Естественно, для союзников не осталось незамеченным, что мы решили развернуть свои танковые дивизии на запад, оставив южнее Кана лишь 50 машин изрядно потрепанной 12-й танковой дивизии СС, да еще парочку пехотных дивизий. Так что стоило разгромить тщедушный фронт восточного фланга немцев, а затем со спокойной душой нанести удар через Фалез на южном направлении и обширным захватом сил американцев взять немецкие войска в Нормандии в кольцо и окончательно добить их.

4 августа Монтгомери отдал приказ 1-й канадской армии провести наступление на Фалез, тем самым ускорив разгром немцев.

Проведение наступления было поручено командующему 2-м канадским корпусом генерал-лейтенанту Саймондсу. Саймондс был самым молодым из командующих крупными соединениями канадских войск и, вне сомнения, самым одаренным и благородным противником. В Италии он недолго пробыл в должности командующего танковой дивизией, прекрасно разбирался в технике военного планирования. Вероятно, его можно считать самым выдающимся генштабистом канадской армии. Не берусь, правда, судить, был ли Саймондс опытным фронтовиком. Сражение за Кан наглядно продемонстрировало, что у канадцев не было по-настоящему опытного, незаурядного командира танковых войск. И это сражение они выиграли лишь за счет колоссального превосходства по части людских и материальных ресурсов. Но ни разу их командование так и не сподобилось на по-настоящему красивую, захватывающую операцию, требующую молниеносного принятия решений и умелого использования возможностей. Канадским полководцам явно недоставало инициативы, способности бросить танковый кулак в самую гущу поля битвы. Медленно, будто на ощупь, неизменно дожидаясь приказа свыше, брели канадцы на юг Франции.

В распоряжении генерала Саймондса имелись следующие силы:

51-я британская пехотная дивизия
1-я польская танковая дивизия
4-я канадская танковая дивизия
2-я канадская пехотная дивизия
33-я канадская танковая бригада
2-я канадская танковая бригада
3-я канадская пехотная дивизия (резерв)

Перечисленными силами генерал Саймондс намеревался разгромить оборону немцев и, прорвав немецкие позиции,

устремиться в Фалез.

По словам командующего 1-й канадской армии генерала Крерара, 8 августа 1944 года должно было стать для немцев еще одним черным днем, куда более масштабной катастрофой, чем разразившаяся 8 августа 1914 года восточнее Амьена.

План наступления генерала Саймондса предусматривал атаку в темное время суток без обычной артподготовки ударом шести протяженных и тесно сосредоточенных танковых колонн с последующим прорывом нашей, состоявшей из цепочки опорных пунктов, то ест, не сплошной, линии обороны. Силам пехоты, которым отводилась роль сопровождения, предстояло на броне танков атаковать уже вторую, предполагаемую линию нашей обороны. Ночное наступление предусматривало боевое применение и крупных соединений ночных бомбардировщиков. Вторая фаза наступательной операции начиналась введением в бой 8-й американской воздушной армии, ее задачей было проторить путь танковой армаде. Использование бомбардировочной авиации было запланировано на вторую половину следующего дня. Третья фаза-завершалась овладением Фалезом уже ближе к вечеру.

Поздним вечером 7 августа ударный кулак 2-го канадского корпуса вышел в район сосредоточения. Танки стояли почти вплотную друг к другу, образуя смертоносный наконечник исполинского копья, направляемого канадским командованием. Подобной всесокрушающей танковой мощи по человеческим меркам просто нет возможности противостоять, и всякий, кто попытался бы, неизбежно оказался бы раздавлен.

Наступление канадских сил задумывалось как окончательный разгром восточного фланга немцев в Нормандии. И слова Крерара были вполне справедливы. Однако бог войны распорядился по-иному. Невзирая на невиданное скопление техники, победил человеческий фактор. Попытавшаяся прорваться вперед танковая армада не устояла перед горсточкой презревших смерть бойцов. Объект наступления 2-го канадского корпуса был достигнут лишь восемью днями позже, чем намечалось. Только 16 августа руины Фалеза оказались в руках канадцев.

А как же все выглядело в тот день 7 августа на немецкой стороне? Семи крупным соединениям союзников, а это многие сотни танков, кроме того, сотни стратегических бомбардировщиков и штурмовиков, противостояла всего лишь 89-я пехотная дивизия. И эта дивизия не располагала ни одним танком, не имела ни тяжелых противотанковых вооружений, ни мобильных резервов. В роли артиллерийских тягачей выступали лошади, вследствие чего ей ничего не стоило пасть жертвой

любого контрманевра противника.

В качестве единственного резерва обороны восточнее Орны немецкое командование располагало всего лишь двумя ударными группами 12-й танковой дивизии СС. Но 7 августа ударная группа Краузе атаковала плацдарм под Тюри-Аркуром, находясь в 20 километрах от театра военных действий, где разворачивалось наступление канадцев. 12-я танковая дивизия, включая батальон танков «тигр», состояла из 50 машин. И больше ничего. Справедливости ради стоит упомянуть, что на подходе была 85-я пехотная дивизия, соединение уже достигло Трюна, но ввести его в бой ранее 10 августа не было никакой возможности.

После моего возвращения с плацдарма Тюри — Аркур дивизия передала в штаб корпуса подробнейший отчет об обстановке, недвусмысленно предостерегая командование от отвода последних танков из района южнее Кана. Мне стало известно, что вышестоящее командование намерено развернуть на запад и обе ударные группы моей 12-й танковой дивизии.

Незадолго до полуночи нарастающий шум и гул севернее Бретвиля возвестили о начале ожидаемого наступления союзников. На позиции 89-й пехотной дивизии обрушились тонны бомб. Разрывы заволокли небо багровым заревом. Весь фронт охвачен огнем!

Разрывы первых бомб и послужили для нас сигналом тревоги. На север отправляется разведка, пытаясь обнаружить связь с подвергшимися удару противника полками 89-й дивизии. Проходит час томительного ожидания, затем второй. Массированные авиаудары говорят нам куда больше, чем любой разведчик. Нет смысла скрываться от вездесущих бомбардировщиков и штурмовиков союзников. Ад для нас уже распахнул врата.

Еще до рассвета отправляю вестовых в Бретвиль, чтобы получить представление об изменившейся за ночь обстановке. На какую-то долю секунды заглядываюсь на зеленую листву деревьев, мне вспоминаются прогулки по лесным тропинкам спокойного лета 1942 года, когда мы находились здесь же на отдыхе. Но гул и рев фронта мигом возвращают меня на грешную землю.

В Урвиле встречаюсь с Монке, он вводит меня в курс обстановки. Позиции 89-й пехотной дивизии смяты противником, собственно, и дивизии с таким номером практически уже не существует. Под удар противника не попали лишь считаные опорные пункты. Эти непокоренные островки оказывают наседающим канадцам ожесточенное сопротивление.

С подразделениями на передовой нет вообще никакой связи.

Уцелевшие пока группы сражаются каждая сама по себе, рассчитывая исключительно на собственные силы. Наши мужественные солдаты бесстрашно противостоят грозно надвигающейся на них танковой армаде, то и дело вынуждая ее остановить ход.

По счастливой случайности местность эту я знаю как свои пять пальцев — именно здесь в 1942 году мне пришлось со своим старым добрым разведбатом заниматься боевой подготовкой. Знаю я и то, что высоты у Потиньи — господствующие над местностью, и что участок под Лезоном представляет собой естественную танковую преграду. Севернее Потиньи наступление канадцев неизбежно остановится, в противном случае участь 7-й и 5-й армий предрешена. С твердым намерением удержать участок у Лезона еду в направлении Бретвиль-сюр-Леза.

Бретвиль непроходим — в результате авианалета шоссе стало непроезжим. Приходится огибать поврежденный бомбами участок, свернув на поле. Так мы и пытаемся добраться до Сэнте. Сэнте — большое крестьянское подворье, непосредственно примыкающее к шоссе Кан-Фалез. Широкая дорога пустынна. Да и кому сейчас по ней ездить? 89-я пехотная дивизия действовала севернее Сэнте. Южнее этого населенного пункта и до самого Фалеза — зияющая пустота. Столь желанная цель союзников не обороняется никем.

В Сэнте обнаруживаю противотанковый взвод ударной группы Вальдмюллера. Вальдмюллер оставил здесь этот взвод не зря, перебросив его еще ночью. Сейчас населенный пункт под артобстрелом.

Не верю глазам — по обеим сторонам шоссе Кан-Фалез разрозненные группы немецких солдат в панике устремляются на юг. Впервые за все эти суровые годы смертоубийства мне приходится видеть бегущих с поля боя немецких солдат. Говорить с ними бесполезно, они все равно ничего не воспринимают — они только что чудом сумели избежать жуткой мясорубки и теперь с безумным видом ковыляют мимо куда глаза глядят.

В ужасе гляжу на неуправляемую стаю. И внезапно понимаю, что именно от меня, и ни от кого другого, зависит сейчас участь населенного пункта под названием Фалез, да и двух армий. Стоя в своем «Фольксвагене», велю водителю ехать в направлении Кана. По дороге мне попадается все больше и больше беспорядочно отступающих на юг солдат. Тщетно пытаюсь удержать рушащийся на моих глазах фронт. Кошмарные бомбардировки полностью деморализовали части 89-й пехотной дивизии. На дорогу ложатся снаряды противника, но им не остановить этот исход дивизии в южном направлении.

Выскакиваю из машины, становлюсь на дороге и пытаюсь обратиться к отступающим бойцам. Некоторые явно озадачены, даже останавливаются, окидывая меня недоверчивым взглядом, мол, и чего это взбрело ему в голову торчать посреди дороги с карабином в руках? Скорее всего, ребята считают, что я свихнулся, но потом, узнав меня, поворачиваются, жестами подзывают своих товарищей, и вскоре мы уже вместе организуем оборону на высотах Сэнте. Населенный пункт необходимо удержать во что бы то ни стало. И как можно быстрее.

В штаб Монке приезжаю только после бомбардировки. Сам Монке с удрученным видом сидит на развалинах и мотает головой — оглох. Есть потери.

Здесь же встречаюсь с командующим 5-й танковой армией генералом Эбербахом. Генерал пожелал самолично убедиться в том, каковы последствия наступления союзников, и принять решения по сложившейся обстановке.

Командующий предоставляет мне полную свободу действий и согласен с моей оценкой обстановки.

Губерт Майер между тем направил ударную группу Вальдмюллера в Бретвиль-де-Рабе, чтобы уже оттуда перебросить ее куда следует, в зависимости от конкретной обстановки.

Отдаю приказ следующего содержания:

1. Ударная группа Вальдмюллера, усиленная 1-м танковым батальоном и остатками 501-го батальона «тигров» (Витман), наносит неприятелю контрудар для овладения высотами южнее Сен-Эньена.

Рота сопровождения дивизии, усиленная 1-й противотанковой ротой (на самодвижущихся лафетах), наступая через Эстре, овладевает высотами западнее Сен-Сильвена.

Ударная группа Краузе, усиленная 2-м танковым батальоном (пока что наступающая на неприятеля с целью ликвидации его плацдарма под Гримбоском), выходит из схватки, занимает высоты западнее Потиньи и удерживает оборону между Лезоном и Лезом.

Я нахожусь на командном пункте дивизии в Потиньи вместе с ударной группой Вальдмюллера».

Вальдмюллера встречаю севернее Бретвиля-де-Рабе, и мы оба направляемся в Сэнте узнать, какова обстановка. «Тигры» Витмана уже находятся восточнее Сэнте и расположились за лесополосой, но пока в бой не вступают.

Противник обстреливает Сэнте, а открытая местность по-прежнему вне его огня. С северной окраины населенного пункта мы различаем севернее шоссе на Бретвиль-сюр-Лез плотные танковые колонны неприятеля. Танки стоят плотной группой. Та

же картина и южнее Гарселя, и на опушке леса юго-восточнее этого населенного пункта. При виде стальной армады у нас душа уходит в пятки. Мы никак не можем понять, что на уме у канадцев. Почему, ну почему такая масса танков и не думает продолжать наступать? И почему канадское военное командование дает нам возможность опомниться и принять соответствующие контрмеры? И прежде всего, почему в небе ни одного штурмовика? Одной только умело спланированной атаки штурмовиков с избытком хватило бы, чтобы добить остатки нашей 12-й танковой дивизии СС на шоссе № 158 и обеспечить беспрепятственное продвижение сил 2-го канадского корпуса. И тогда ничто не помешало бы канадцам еще вечером того же дня овладеть городом Фалез. Одному Богу ведомо, отчего это не произошло.

Нам с Вальдмюллером понятно, что тягаться с этой армадой нам явно не по плечу. Стоит им нас атаковать, и… На каждом перекрестке готовая к атаке танковая дивизия врага. В то же время нельзя позволить им перейти в наступление, необходимо хотя бы попытаться взять инициативу в свои руки.

Принимаю решение удерживать Сэнте уже имеющимися в этом населенном пункте силами, одновременно с этим бросить в наступление восточнее шоссе всех находящихся там наших солдат. Это неизбежно ошеломит противника. Цель наступления — лесной массив юго-восточнее Гарселя.

Поскольку расположенная южнее Сэнте огромная каменоломня исключает возможность танковой атаки, это направление не вызывает у меня опасений. Нам кровь из носу необходимо атаковать, чтобы выиграть время для участка Лезона. Атака назначена на 12 часов 30 минут.

Подытоживая план, мы с Вальдмюллером и Витманом замечаем бомбардировщик, совершающий облет участка и сбросивший сигнальные ракеты. Мы догадываемся, что самолет — своего рода летающий командный пункт, и я отдаю приказ немедленно атаковать: необходимо срочно убрать войска из зоны возможного бомбового удара. Еще раз пожав руку Михелю Витману, указываю ему на серьезность положения. Старина Михель по-мальчишески озорно улыбается мне и забирается в свой «тигр». До сих пор ему удалось подбить 138 вражеских танков. А сейчас? Увеличит ли он число своих побед или же сам станет жертвой?

Танки в хорошем темпе направляются на север. На большой скорости они проходят открытые участки местности, умело используя ее рельеф для атаки. За танками в атаку идут и пехотинцы, разреженным порядком они устремляются к цели. Я

нахожусь в окопе на северной окраине Сэнте в тот момент, когда артиллерия неприятеля открывает огонь на уничтожение по нашим атакующим танкам. Машина Витмана несется прямо в гуплу огня. Я знаю его тактику в подобных случаях. Она сводится вот к чему: только вперед и не зевать! Не останавливаться! Вперед! В самое пекло! Вижу, что и все остальные танки ринулись под стальной град. Нельзя дать врагу опомниться и перейти в контратаку. Мы должны спутать врагу карты. Вальдмюллер со своими пехотинцами следует за Витманом. Бесстрашные мотопехотинцы идут в бой за своими командирами.

И вот в разгар артобстрела мне что-то кричит один из пулеметчиков, тыча пальцем на северо-запад. Я враз лишаюсь дара речи — нёбо потемнело от армады огромных четырехмоторных бомбардировщиков союзников, приближающейся к нам. Усмешка моих бойцов заставляет меня на миг позабыть о грозящей опасности. Один молодой парнишка, судя по выговору, явно берлинец, кричит:

— Какая честь для нас! Черчилль направил сюда по бомбардировщику на каждого из нас!

Если этот мальчишка и ошибся, то лишь в одном — самолетов на небе куда больше, чем пехотинцев на земле!

Теперь спасение только одно: прочь отсюда, от этого населенного пункта, бегом в поле! Защитники Сэнте молниеносно покидают позиции и бегом устремляются на зеленые равнины вокруг городка и там дожидаются, пока четырехмоторные монстры избавятся от бомбовой нагрузки. Мы все точно рассчитали: союзники методично ровняют с землей один населенный пункт за другим. Все происходит очень быстро, вот уже к небу вздымаются клубы черного дыма. Не без злорадства мы наблюдаем, что и канадцам крепко достается от своих же авиаторов. По недосмотру самолетов наведения бомбы обрушиваются на головы наступающих канадцев. Генерал Келлер, командующий 3-й канадской пехотной дивизией, получает в ходе авианалета собственных сил тяжелое ранение.

Последние волны самолетов проносятся над атакующей ударной группой Вальдмюллера, так и не сбросив на нее ни единой бомбы. Пилоты атакуют указанные цели, даже не подумав, что обстановка может в считаные минуты кардинально измениться. А канадские танковые дивизии в этот момент решили обойтись без офицеров наведения, поэтому и повлиять на экипажи не могут. Теперь и до меня, наконец, доходит, почему передовые части канадцев не стали продолжать наступление, что дало нам возможность выиграть столь необходимое время и принять соответствующие контрмеры. Дивизии первого эшелона

канадцев стали жертвой явной недооценки ситуации, будучи крепко-накрепко привязанными к графику действий 2-го канадского корпуса. И соответственно упустили явную победу. Потому что танковое сражение из-за письменного стола не проведешь — сознающий ответственность командир всегда на передовой, всегда со своими бойцами. Только там он может оперативно принять единственно верное решение и нанести сокрушительный удар противнику. Танковая атака, разбитая на фазы, уподобляется кавалерийской, когда в разгар ее командир вдруг надумает задавать лошадям корм.

Боевое применение 8-й американской армии не позволило оказать влияние на контратаку. Ударная группа Вальдмюллера приближается к лесному массиву и вступает в бой с польскими пехотинцами. Свирепая танковая дуэль происходит между нашими «тиграми» и бронемашинами 4-й канадской танковой дивизии. Временами «тигры» просто не узнать. Меткий огонь артиллеристов сосредоточен на них и «пантерах». Между тем мы уже вновь занимаем наши недавно оставленные позиции в руинах Сэнте. Теперь этот населенный пункт подвергается атаке с севера, а также артобстрелу канадских танков. Благодаря умелому обеспечению флангов силами нескольких «тигров» группы Витмана «шерманы» предпочитают не приближаться к Сэнте. Примерно в километре мы замечаем интенсивное передвижение противника в направлении Бретвиль-сюр-Леза. Одна атака неприятеля за другой захлебываются у нашего фронта. Нам чудовищно везет — неприятель не провел ни одной массированной атаки. Рота сопровождения дивизии докладывает о местонахождении западнее Сен-Сильвена. Она сражается с передовыми частями 1-й польской танковой дивизии и уже успела вывести из строя не один вражеский танк. Поляки предпочитают отсиживаться в лесу возле Крамниля. Только потом мы узнаем, что эта схватка была для поляков боевым крещением.

Бой продолжается уже несколько часов. Южнее Сэнте устроен сборный пункт для раненых. Под огнем противника их отправляют в тыл. К вечеру убеждаюсь, что ни корпус, ни армия подкрепления присылать не собираются. Хотя на парочку «тигров» рассчитывать все же можно. Если бы только группе Краузе вовремя успеть в Потиньи и подготовить там промежуточную позицию! Но от Краузе вестей никаких.

Боевая разведка докладывает о падении Бретвиль-сюр-Леза. 2-я канадская пехотная дивизия под командованием генерал-майора Л. Фаулкса сумела одолеть сопротивление остатков 89-й дивизии. Нечего и говорить о какой-то согласованной и спланированной обороне населенного пункта. У защитников

Бретвиль-сюр-Леза не было противотанковой артиллерии, как и вообще артиллерии.

Бой севернее и восточнее Сэнте затягивается до наступления темноты. Это просто чудо, что канадцы, имея такие силы, просто не раздавили нас. Наши танки, переваливаясь с боку на бок, шествуют по раскисшей глинистой земле будто линкоры в открытом море. Наверняка наступавший неприятель проникся невольным уважением к их орудиям. 4-я канадская танковая дивизия под командованием генерала Китчинга так и не смогла одолеть горсточку бойцов-мотопехотинцев. Сэнте все еще в руках нескольких десятков безымянных защитников. После потери Бретвиль-сюр-Леза враг стоит глубоко во фланге ударной группы Вальдмюллера и героически обороняемого Сэнте. Поэтому 12-я танковая дивизия СС решает под покровом темноты перебросить ударную группу на участок Лезона и удерживать там позиции до прибытия 85-й пехотной дивизии. Защитники Сэнте и ударная группа Вальдмюллера без затруднений отходят от врага. Отход их прикрывают танки, потом машины направляются в лес у Шато-Кэне, где поступают в распоряжение дивизии.

Строго на юг от Сэнте встречаю командующего 89-й пехотной дивизией. Вероятно, этот день — самый тяжелый за всю военную карьеру генерала. Он все еще не может поверить, что от его дивизии осталось лишь несколько десятков бойцов. Вскоре после полуночи мы вместе уходим из Бретвиль-ле-Рабе. Таким образом, мы, танки прикрытия — последними из немецких военных покидаем 8 августа район боевых действий.

На командном пункте дивизии Губерт Майер докладывает, что ударная группа Краузе смогла выйти из боевого соприкосновения с противником под Гримбоском лишь к вечеру 8 августа и только сейчас вышла к указанным позициям.

Вид у мотопехотинцев и офицеров представляет собой удручающее зрелище. Начиная с 6 июня люди непрерывно в боях, сейчас они на пределе физических возможностей. Эти полутрупы готовы забыться мертвым сном, едва коснувшись нормандской земли.

Мы не раз за последние несколько недель говорили о бесперспективности продолжения сопротивления, проклиная войну и ужасы для человечества, с ней связанные. Но почему мы в таком случае не положим конец всему этому? Почему до сих пор продолжаем бессмысленно сопротивляться? Мы лихорадочно ищем ответ на этот вопрос. Офицеры и бойцы ясно понимают, что впереди нас ждет поражение. Но, невзирая на это, никто не помышляет сложить оружие и спасать себя. Политические цели союзников пугают куда сильнее, чем гибель на поле битвы.

Гибель давным-давно утратила присущие ей страхи — мы в ней усматриваем провидение Божье и тем самым избавление от всех тягот. И мы, свято веруя в необходимость до конца исполнить долг перед родиной, даже в этом безвыходном положении продолжаем борьбу. При свете свечи пишу поздравление своей младшей дочери — ей через несколько дней исполнится год.

Приказ по дивизии об обороне участка Лезона:

Ударная группа Краузе обороняет высоты севернее Мезьера и Рувра, включая высоту 132;

2 Ударная группа Вальдмюллера обороняет участок от высоты 140 до высоты 183 на шоссе Валез — Кан;

3-й батальон 26-го полка обороняет высоту 195 в 2 километрах севернее Потиньи силами всех собранных подтягивающихся остатков 89-й пехотной дивизии;

Танки 12-й танковой дивизии и 501-й корпусной батальон «тигров» под командованием командира 12-го танкового полка СС (Вюнше) сосредоточились в лесу у Кенэ до получения дальнейших распоряжений;

Артиллерия занимает позиции южнее Лезона с таким расчетом, чтобы контролировать весь участок дивизии;

Рота сопровождения дивизии остается в распоряжении дивизии в районе Потиньи;

Командный пункт дивизии располагается в 1 километре восточнее Потиньи у Тамбо-Де Мари Жоли.

Группа Ольбеттера во второй половине дня 8 августа расположилась для обороны на высоте 185. Численность группы существенно возросла за счет привлечения разрозненных остатков 89-й пехотной дивизии. Артиллерия заняла позиции также 8 августа в 22 часа. Около 3 часов утра командир танкового полка докладывает о том, что танки сосредоточены под Кенэ. От группы Вальдмюллера и штабной роты дивизии пока что сведений не поступало.

Еще до наступления рассвета я поднимаюсь на высоту Тамбо-Де Мари Жоли и вслушиваюсь в предутреннюю тишину. Пока что все спокойно и на участке Лезона, природа безмятежно дремлет. В бинокль изучаю покрытый высотами участок местности. У склона в отдалении на полях все спокойно, верхушки редких сосенок на гребне возвышенности уже золотят первые лучи солнца. Даже капли росы на травинках переливаются всеми цветами радуги, позволяя хоть на пару секунд отвлечься от страшной военной повседневности. Птицы, заливисто щебеча, приветствуют наступление нового дня.

Но эта безмятежность обманчива — я до сих пор не заметил ничего подозрительного, тем не менее я хорошо понимаю, что вот

в этом лесочке у Кенэ стоят наши «тигры» и «пантеры», готовые в любую минуту пойти в бой. Где-то там в некошеной пшенице застыли в напряженном ожидании сигнала к атаке мои боевые товарищи. Справа от меня грозно глядят в небо стволы 8,8-см пушек — и они дожидаются своих жертв.

Да и на неприятельской стороне та же картина — десятки орудий и минометов ощерились на нашу видавшую виды дивизию, и вот-вот загудят двигатели танков, может, уже в следующую секунду офицеры союзников отдадут приказ об атаке. Да, покой этот призрачен — вскоре его сменит исступленная пляска смерти.

Из долины показывается небольшой бронетранспортер разведки. Машина медленно следует в направлении высоты 140 и вот уже переваливает через вершину горы. Это трофейная английская модель, мы используем ее как связную машину.

Треск выстрела нарушает утреннюю тишину — связная машина обстреляна танком, укрывшимся на огневой позиции среди деревьев. Затаив дыхание, слежу за тем, что же будет дальше. Разведывательная бронемашина резко берет на юг и на предельной скорости несется через поля. Миновав довольно крутой спуск, она попадает под огонь неприятельского танка. Вот так дела! Каким образом на высоту смог пробраться вражеский танк? Предчувствуя недоброе, бросаюсь к полевому телефону и вызываю Вюнше.

Тот уже привел в готовность своих танкистов и дожидается возвращения оберштурмфюрера Майтцеля, отправившегося наладить связь с трофейным танком из ударной группы Вальдмюллера. Майтцель докладывает: «На высоте наших войск нет — она занята вражескими танками».

У меня мурашки ползут по спине. Если все так, как докладывает Майтцель, то ударная группа Вальдмюллера в полном составе испарилась. Исчезла без следа. Но такого быть не может. Во всяком случае, донесений от нее до сих пор не поступало.

Майтцель снова возвращается на разведмашине, чтобы все-таки убедиться, что к чему. Едва он переваливает через вершину горки, как в его машину попадает снаряд. Не успевает он выбраться наружу через верхний люк, как его тут же окружают пехотинцы противника и берут в плен.

Боевая разведка быстро вносит ясность. Ударная группа неприятеля овладела высотой и теперь господствует над местностью, над всей низиной у Лезона. Такое опасное положение следует немедленно ликвидировать — нам во что бы то ни стало необходимо удержать этот участок до подхода 85-й

пехотной дивизии. Дело в том, что участок у Лезона обеспечивает уникальную возможность для обороны севернее Фалеза. Короче говоря, вперед, и без лишних разговоров — высоту необходимо вырвать из рук союзников!

За исключением так называемой ударной группы Краузе, по численности это подразделение не дотягивает и до роты, находящейся на позициях восточнее высот 140 и 183, на противоположном от нас склоне горки нет ни единого немецкого солдата. И на шоссе Кан-Фалез всего парочка танков охраны на высоте Кенэ. Иными словами, Фалез снова оказался без действенной защиты.

Вюнше срочно собирает свои старые кадры танкистов, в двух словах объясняет им, что к чему, указывая на высоту 140. Наш замысел — атаковать ее с запада несколькими «тиграми» и 15 «пантер» пустить с востока. Пока наши «тигры» неторопливо выбираются из-за деревьев лесного массива и направляются к высоте, «пантеры» по тянущейся через долину дороге мчатся к участку Краузе, где им предстоит развернуться. Пока танки на марше, высота подвергается минометному и артиллерийскому обстрелу. Наша батарея 8,8-см орудий тщетно дожидается трофеев — вражеские танки не рискуют перевалить через вершину высотки. Два «тигра» сумели незаметно подобраться к противнику через густой кустарник и теперь у него во фланге. 8,8-см орудия выплевывают первые снаряды, и тут же два «шермана» с грохотом взлетают на воздух. Вражеские танки, заметив наконец наши «тигры», яростно поливают их огнем. В бою участвует 5 наших машин этого типа. Наши танкисты в полной мере используют превосходящую огневую мощь «тигров», поджигая все новые и новые танки союзников. В небо поднимаются хорошо знакомые клубы черного дыма.

Я вблизи группы «тигров» и внезапно замечаю первые танки батальона Юргенсена. Враг взят в клещи! Он сдавлен и с запада и востока. Умелое использование огневой тактики обеспечит нам победу! Мы обстреливаем каждый кустик, каждое деревце, любое подозрительное место. И так по всему склону высоты. Тут и там дымятся «шерманы» — сколько же их здесь?! Пехотинцев у нас нет, так что некому сейчас очистить от противника поросший деревьями северный склон цепи высот. Вот-вот должна подоспеть рота самокатчиков 85-й пехотной дивизии.

И тут в небе мы замечаем штурмовиков. Уж не по нашу ли душу они здесь? Или у них другие задачи? Становится страшно за разбросанные на открытой местности танки — наши машины для вражеских пилотов как на ладони. Самолеты, развернувшись, обрушиваются на ударную группу канадцев, не трогая ни

«тигров», ни «пантер». В считаные минуты все вокруг заволакивает дымом от разрывов снарядов, мелких бомб и подожженных танков. Наши «тигры» и «пантеры», воспользовавшись суматохой, быстренько овладевают высотой. Цепь холмов становится похожей на кладбище танковой техники.

Около 11 часов наблюдаю парочку полугусеничных бронетранспортеров. Выехав из лесу, они тут же спешат на север. Один из стоящих поблизости от меня «тигров» не имеет возможности пальнуть по ним — густые деревья мешают, и обоим бронетранспортерам удается улизнуть. Позже из показаний пленных узнаю, что один из бронетранспортеров перевозил в тыл раненого подполковника А. Дж. Хэя из полка «Алгонкин». А командир ударной группы союзников подполковник Д. Дж. Уортингтон погиб во второй половине того же дня.

Когда прибывает рота самокатчиков 85-й пехотной дивизии, танки продвигаются к просеке и оттесняют канадцев. В этой критической ситуации и с использованием сил авиации оказавшийся в руках врага оберштурмфюрер Майтцель выступает с мирной инициативой — прекратить огонь! При падении из башни Майтцель сломал руку и оказался вместе с канадцами под нашим ураганным огнем. Оберштурмфюрера перевязали и вообще, надо сказать, обходились с ним с рыцарским великодушием. Его идея была с благодарностью отклонена. Но, когда в результате атак с воздуха и артиллерийского огня потери канадцев стали катастрофически возрастать, предложение Майтцеля все же было принято.

Майтцель привел 21 канадского солдата и 2 офицеров на позиции ударной группы Краузе. Около 15 часов оберштурмфюрер с группой из 23 канадцев явился на командный пункт дивизии. Среди пленных оказался капитан Ренуик из 28-го танкового полка (полк «British Columbia»). И мы с этим Ренуиком добрых полчаса делились мнениями о бессмысленности войны. Капитан произвел на меня положительное впечатление. О текущих боевых действиях он не сказал ни слова. Из допросов пленных и из бесед канадцев с Майтцелем выяснилось следующее.

Наша контратака днем 8 августа сумела остановить наступление противника. В результате этого он решил перейти к обороне у Сен-Сильвена (1-я польская танковая дивизия) и под Сэнте (4-я канадская танковая дивизия). В попытке вновь овладеть инициативой 4-я канадская танковая дивизия, 28-й танковый полк (полк «British Columbia») и 2-я пехотная рота полка «Алгонкин» решили атаковать высоту 195 северо-западнее Потиньи ночью. Это дало бы возможность прорвать узкое дефиле

между Лезоном и Лезом и обеспечило бы стремительный прорыв. Но вследствие потери ориентировки в темное время суток ударная группа овладела незанятой высотой 140, а не 195. Майтцеля спрашивали насчет какого-то там «большого асфальтированного шоссе», которое искали и не могли найти канадцы. Таким образом, танковая группа неприятеля обошла группу Вальдмюллера, намеревавшуюся захватить высоту 140. Вальдмюллер оказался оттеснен на восток и стал дожидаться наступления темноты, чтобы потом уже спокойно выбраться к позициям своих. В аналогичной ситуации оказалась и рота сопровождения дивизии, которую обошли поляки.

Ночью уцелевшие солдаты канадской ударной группы сумели пробиться к частям 1-й польской дивизии.

Успех в обороне последних двух суток обернулся для нас тяжелыми потерями, хотя противник понес куда большие. Только 9 августа мы узнаем, что наш бесстрашный боевой товарищ Михаэль Витман провел свою последнюю танковую атаку. Находясь в головном танке, он вместе со своим героическим экипажем сумел подбить восточнее Сэнте несколько «шерманов», потом повел свою танковую группу на север. Отчаянная попытка ввести в бой танки все же замедлила наступление 4-й канадской танковой дивизии, лишив ее наступательного порыва и тем самым дала нам возможность организовать оборону Лезона. Михаэль Витман погиб так, как и жил, — пример бесстрашного и вдохновляющего бойцов командира, он до последней капли крови сражался как настоящий вояка-пруссак, сознающий долг солдата. Подожженные танки врага и пламя, охватившее его «тигр», ознаменовали финал последней его битвы и гибель верного и мужественного солдата. Воспоминания о Михаэле Витмане вечно останутся в наших сердцах.

Ударная группа Краузе в боях за ликвидацию плацдарма Тюри-Аркур понесла серьезные потери и теперь по численности сравнялась с мотопехотной ротой, да и то недоукомплектованной.

За ночь ударная группа Вальдмюллера и рота сопровождения дивизии выходят на свои позиции и занимают предусмотренный участок. И эта ударная группа поредела — теперь это рота, не больше. Если бы только данный участок могла взять на себя 85-я пехотная дивизия! Мы, те, кто еще остается в составе 12-й дивизии, едва на ногах держимся. Еще одно наступление канадцев означало бы для нас катастрофу — все, мы выдохлись окончательно. Последние два с половиной месяца высосали из нас все соки. Даже желанная ночь, и та не дарует покоя. Над высотой 195 бушует огненный шторм, ряды группы Ольбеттера

редеют на глазах. В ряды бойцов наступающего противника летят трассирующие снаряды наших танков охранения. Едва забываешься коротким сном, как снова — глухие разрывы гранат, отчаянные вопли защитников. Какой уж тут сон! Пехотный полк «Argyll and Sutherland of Canada» атакует высоту 195.

Добравшись до этой высоты, вижу, как Ольбеттер поднимает своих бойцов в контратаку. Враг прорвал нашу состоящую из цепочки опорных пунктов оборону и вот-вот овладеет высотой. Наши бойцы набрасываются на пехотинцев врага, в результате решительного натиска противник отброшен назад, в темноту. С помощью танков удается удержать завоеванный с таким трудом рубеж. Враг наверняка понес тяжелые потери: в предрассветной мгле он угодил под фланговый огонь наших танков, стоящих на позициях в лесу Кюни. Его попытка штурмом овладеть господствующей высотой обернулась неудачей. И в этом случае меньшинство помешало большинству осуществить задуманное.

Несколько часов спустя 1-я польская танковая дивизия предпринимает новую попытку контратаковать в районе Мезьера. Танковая дивизия поляков, обойдя группу Краузе, стремится перейти Лезон у местечка Конде.

За день до этого группа головных танков была остановлена нашими артиллеристами — 9 польских танков так и остались стоять у позиций немецких противотанковых орудий, догорая до самого утра. Но шальным снарядом оказался уничтожен и расчет противотанкового орудия.

Теперь путь для польских танкистов был свободен. А у нас просто не осталось сил воспрепятствовать их переходу через Лезон. Но и силы поляков были на излете, поэтому они и решили повернуть на север.

Танки спешно перебрасываются с высоты 195 на правый фланг дивизии — лишить поляков возможности нанести нам фланговый удар. С полдесятка машин несутся по разбитой дороге с запада на восток. Смогут ли? Успеют ли?

Нам везет. Прямо к группе головных танков поляков выдвигается только что прибывшая противотанковая рота под командованием оберштурмфюрера Хурдельбринка. Это первое боевое соприкосновение с противником истребителей танков, вооруженных длинным 7,5-см орудием «пантеры» на ходовой части «тигра» типа IV. За короткое время уничтожено 40 машин 1-й польской танковой дивизии. Только оберштурмфюрер Хурдельбринк лично подбил 11 танков. Прорыв удалось предотвратить.

Правый фланг дивизии в ходе дня 11 августа берут на себя части 85-й пехотной дивизии. Наконец-то можно снять с позиций

ударную группу Краузе.

До того как группа Вальдмюллера успевает передать свой участок, она атакована в лесу у Кенэ 8-й канадской пехотной бригадой. И эта атака успешно отбита с тяжелыми потерями для канадцев.

12 августа 12-я танковая дивизия СС все же передает позиции на участке Потиньи 85-й пехотной дивизии.

Несколько сотен молодых, совершенно измученных в боях бойцов-мотопехотинцев выстояли в неравной борьбе с превосходящим по численности и материальному оснащению противником. Двум прибывшим с отдыха, свежим танковым дивизиям и пехотной бригаде так и не удалось сломить волю к сопротивлению 17–18-летних солдат и победить их.

В послевоенной литературе неудачи 2-го канадского корпуса принято списывать на счет наличия сети сплошных траншей на позициях и подразделений ПВО 3-го противовоздушного корпуса под командованием генерал-лейтенанта Пикерта. Такой подход в корне неверен. Была подготовлена всего одна «позиция», состоящая из окопов на высоте у Сен-Сильвена-Бретвиль-сюр-Леза, которая в случае организованного отступления 89-й пехотной дивизии могла быть использована в качестве запасной. Ход боевых действий на 8 августа даже дилетанту докажет, что использовать «подготовленные позиции» возможности не было. Кто же, в таком случае, занимал упомянутые «позиции»? Уж не те ли две сотни бойцов ударной группы Вальдмюллера? И эти так называемые «позиции» уж никак не могли повлиять на ход сражений. У нас просто не было столько людей, чтобы рассовать их по таким позициям. Далее следует упомянуть, что части 3-го противовоздушного корпуса были равномерно распределены по всему фронту в Нормандии и в первую очередь орудия использовались для борьбы с эскадрильями бомбардировщиков союзников. С начала вторжения англо-американских сил и до Фалезского котла на участке 12-й танковой дивизии СС не было ни одного зенитного орудия, которое использовалось бы для борьбы с танками противника. Утром 8 августа я сам лично видел последнюю батарею противовоздушного корпуса южнее Бретвиль-сюр-Леза. И эта батарея затем была переброшена на позиции западнее Фалеза.

Несомненно, 8,8-см орудия сослужили бы нам добрую службу для обороны против танков, но они подчинялись командованию сил люфтваффе, а не командованию сухопутных дивизий.

Неуспех 2-го канадского корпуса объясняется, прежде всего, неопытностью командования обеих участвовавших в наступлении дивизий, их нерешительностью в вопросах боевого применения

танковых сил. Опытный командующий-танкист в первый же день наступления в рамках операции «Totalize» привел бы 4-ю канадскую танковую дивизию к победе. Атаки местного значения 9–10 августа совершенно необъяснимы, как необъяснимо и промедление, имевшее место 8 августа.

Наша дивизия выходит на отсечные позиции между Перьером и Фалезом. 85-й дивизии переподчинены несколько танков «тигр» 502-го батальона СС для боевого применения по обеим сторонам Потиньи.

Обстановка на западном участке фронта в Нормандии мне до конца неясна, однако не внушает сомнений, что не сегодня завтра линию фронта на участке Сены придется сдвинуть. Для длительной обороны у командующего группой армий «Запад» нет ни войск, ни материального обеспечения. С полуразбитыми пехотными дивизиями, довольствующимися конной тягой, невозможно успешно действовать против прекрасно оснащенных современных танковых дивизий противника.

Но пока этого не произошло, все штабы и костяк потрепанных в боях частей 12-й танковой дивизии СС, а также всевозможные интендантские части перебрасываются в район Эвре и Бернэ. Проводится подготовка для переброски не участвующих в боях частей и подразделений на восточный берег Сены.

Уцелевшие бойцы ударной группы Вальдмюллера приданы ударной группе Краузе. 13 августа боевая численность дивизии такова:

20 танков (включая и самоходные противотанковые установки);

1 взвод бойцов-мотопехотинцев на бронетранспортерах;

1 разведывательный дозор на бронеавтомобилях;

300 бойцов-мотопехотинцев;

1 батарея 8,8-см зенитных орудий — 4 орудия;

1 батарея 3,7-см зенитных орудий на самодвижущихся лафетах — 9 орудий;

1 рота 2-см зенитных орудий на самодвижущихся лафетах (14/26);

1 батарея тяжелых полевых гаубиц;

1 батарея 10-см орудий.

Смена позиции проходит неравномерно — отсутствуют тягачи. Со вчерашнего дня нет подвоза боеприпасов для артиллерии. Использовать огневую мощь в полной мере мы не имеем возможности.

Боеспособность 12-й танковой дивизии СО в целом составляет 500 бойцов, унтер-офицеров и офицеров.

Мы все сознаем, что все завершится либо нашей гибелью,

либо пленом, но никто и не помышляет о прекращении сопротивления. Тезис о безоговорочной капитуляции Германии, принятый в Касабланке, гонит всех нас в бой. Разумеется, эту войну Германия проигрывает, но фронт необходимо удержать. Союзники должны усвоить, что нереальный принцип «безоговорочной капитуляции» здесь не сработает и что для переговоров с нами следует избрать иную основу.

Фанатиков среди моих боевых товарищей не было и нет, они хотят выжить и вернуться домой, по возможности, не калеками. Нет, нет, не фанатизм придает нам силы для дальнейшей борьбы, как это утверждает враг! Мы просто не имеем права сложить оружие до тех пор, пока чувствуем, что можем сражаться во имя нашей родины.

За день 13 августа штаб дивизии получает некоторое представление об обстановке на данный момент. Положение наших войск плачевно. Между Аржентаном, Фалезом и высотами Трюна и Шамбуа явно намечается обширное кольцо окружения, куда неизбежно угодят разгромленные немецкие дивизии. Явно просматриваются и готовые сомкнуться клещи. Единственная дорога, на которую еще можно рассчитывать, — шоссе, ведущее через Трюн и за ним крутыми изгибами взбирающееся на подъем. Но даже сейчас это шоссе не выручит нас, поскольку не подходит для отвода войск. Наскоро сколоченные из остатков частей и подразделений пехотные дивизии с их гужевой тягой неизбежно послужат помехой для пока еще сохраняющих подобие мобильности танковых частей. Катастрофа неумолимо приближается.

В ночь на 14 августа мы, в конце концов, получаем возможность хоть немного выспаться. Для многих моих верных боевых товарищей это последняя спокойная ночь в кругу своих. Глухие раскаты канонады — отзвуки бушующего западнее сражения долго не дают нам уснуть, но, в конце концов, усталость берет свое.

14 августа с утра я вместе с Вюнше, Краузе и Ольбеттером еду на участок северо-западнее Фалеза для определения новой линии обороны. Высота 159 севернее Фалеза — господствующая, и мы решаем расположить на ней ряд опорных пунктов. Далее наш «фронт» отмечен и другими заметными пунктами восточнее высоты 159 и до реки Див около местечка под названием Жор.

Мы не верим в «миролюбие» канадцев и сразу же приступаем к оборудованию опорных пунктов. Как следует из оценки обстановки в целом и рельефа местности, наступления союзников следует ожидать на участке между Жором и Фалезом. Канадцы образуют северное полукольцо окружения, а южное создается

американцами в районе Аржентана. Как только оба полукольца сомкнутся, для обеих немецких армий это будет означать начало борьбы не на жизнь, а на смерть. С учетом этого я и мобилизую своих боевых товарищей на последнее и решающее сражение. И я не удивлен, что они воспринимают сказанное как нечто само собой разумеющееся. Они все прекрасно понимают, что иного исхода быть не может.

Около 14 часов вновь переживаем уже выпадавшее на нашу долю. Сотни «галифаксов» и «Ланкастеров» превращают позиции 85-й пехотной дивизии в братскую могилу. Артиллерия и противотанковые вооружения смяты, уничтожены бомбами. Наступление против 85-й пехотной дивизии проводится силами 1-й польской танковой дивизии, 4-й канадской танковой дивизии и 3-й канадской пехотной дивизии.

Танки 2-го канадского корпуса выстроились как на парад — каре к каре. Танкисты ждут приказа своих командиров. А командиры используют тактику асфальтового катка — они рассчитывают просто раздавить обороняющихся. Отчего канадцы решили избрать именно такую, инертную тактику, мне до сих пор не ясно. Вместо того чтобы бросить на противника разрозненные группы танков, давая им возможность для маневра, для использования огневой мощи в полной мере при подавлении оборонительных позиций противника, они заставляют их, переваливаясь с боку на бок, тащиться по заболоченной местности. В результате бездарно растрачивается драгоценное время, а проку — ноль.

Оснащенные самым современным оружием канадские дивизии вечером первого дня наступления севернее своих намеченных целей. И на этой фазе наступления канадцы предпочитают использовать танки исключительно для непосредственной поддержки пехотинцев. Ни огневая мощь, ни мобильность в полной мере не используются.

Канадское командование каким-то образом обходится без долгосрочного планирования. Не было ни одной наступательной операции, где присутствовала бы оригинальность решения, присущая по-настоящему одаренному полководцу. Их планирование сводится к массовому использованию крупных сил уничтожения. И никогда еще разгром находящихся в обороне дивизий не приводил к значительному прорыву. Как только авангард наталкивался на яростно обороняющегося вне пределов зоны уничтожения, он сразу же терял инициативу и начинал распыляться, увязая в мелких схватках. И весь ход боевых действий только подтверждает мою точку зрения.

Во второй половине дня ближе к вечеру первые танки

канадцев атакуют слабо обороняемые позиции севернее Фалеза. Атака сил 4-й канадской танковой дивизии и 3-й канадской пехотной дивизии захлебывается, натолкнувшись на сопротивление нашей некогда непревзойденной по части боеспособности 12-й танковой дивизии СС. Боевой дух 500 бойцов-мотопехотинцев переламывает ход наступления двух неприятельских дивизий. Высота 159 остается в руках горстки бойцов.

Ночью объезжаю все опорные пункты фронта и объясняю моим ребятам положение двух наших армий. Теперь они знают, что им поручена оборона северного крыла вытянутой, словно шланг, линии и что от их упорства впрямую зависит возможность благополучного отвода наших измотанных в боях частей и подразделений.

На рассвете 20–30 человек из 85-й пехотной дивизии добираются до опорного пункта высоты 159 и, не дожидаясь приказа, занимают оборону. Под покровом ночи этой группе удалось незаметно миновать позиции противника. Мы на своем «Фольксвагене»-вездеходе встретили несколько отставших от остальных бойцов, среди них был и один раненый.

Канадцы продолжают наступать. Скоро высота 159 уподобляется кипящему котлу. Снаряд за снарядом вгрызаются в землю, оголяя некогда поросшую деревьями горку. Наши танки стоят в засаде, дожидаясь, пока из-за пелены дыма выползет стальная стена бронированных чудовищ противника. И вот — первые вражеские танки уже дымятся на подходах, а вражеские пехотинцы норовят вжаться в землю от вездесущего прицельного огня наших пулеметов. Неужели у нас еще остаются нервы? Неужели нас еще можно считать людьми? А ведь мы уже просто не слышим ни разрывов, ни бесконечного воя мин и снарядов. Но зато любое шевеление, малейшее движение на той стороне заставляет нас затаить дыхание. Что это там? Не танки? Уж не повторяется ли вчерашний спектакль? Или секунду спустя над нами залязгают гусеницы? Но ничего похожего не происходит. Вражеские танки предпочитают держать дистанцию — не идут на наши позиции, и все. Так и остаются на подступах к высоте 159.

У Жора и Перьера противник проводит серию атак, пытаясь овладеть переходом через Див.

Немногие боеготовые танки уже переброшены на наиболее серьезные участки, благодаря умелым действиям их экипажей атаки врага захлебываются.

Значительный вклад в успех обороны внесли артиллеристы 3-го дивизиона, случайно обнаружившие небольшой склад боеприпасов в районе Фалеза — так что теперь снаряды

экономить не приходится. Позиции севернее Фалеза остаются в руках наших бойцов.

Задолго до восхода солнца мы уже готовы встретить врага восточнее Фалеза. Логика нашего противника для нас непостижима. С какой стати пускать на ветер такую уйму бомб и снарядов только ради разгрома несчастной 12-й танковой дивизии СС? Вполне достаточно пустить на нас и по нам танки на полном газу, и все — можно считать, что нас нет. Но враг не предпринимает ничего подобного. До второй половины дня мы успешно отражаем все атаки. В боях за высоту 159 гибнет командир 2-го батальона 12-го танкового полка штурмбанфюрер Принц. И снова на моих глазах гибнет мой еще один старый боевой товарищ. Мы с Принцем, начиная с 1940 года, прошли все поля сражений. Он погиб при артобстреле.

Штурмовики союзников атакуют лесной массив Буа-дю-Руа, вгоняя ракету за ракетой в полусгоревший лес. Самолеты подбивают и несколько наших танков восточнее высоты 159. Между Версенвилем и высотой 159 встречаю Макса Вюнше, который докладывает о том, что на нашу высоту надвигаются танки неприятеля. Макс Вюнше уезжает. И вдруг меня пронзает страшная, жгучая боль, кровь заливает лицо. Инстинктивно отпрыгнув в сторону, я оказываюсь позади моего вездехода. Осколок снаряда попал мне в голову, разорвав кожу на ней. Тупо оглядываю дорогу и не вижу нашего вездехода. Машина исчезла. Нет нигде и Макса Борнхефта — я один. Но ни на минуту я не задумался о том, что меня бросили. Мои товарищи меня никогда не бросят.

Танки приближаются. Ползу вдоль по кювету, стремясь уклониться от направления вражеской атаки. «Шерманы» уже ведут перестрелку с нашими танками, стоящими на более выгодной позиции на склоне. Макс Вюнше уж об этом позаботился. У меня над головой свистят танковые снаряды.

Не верю глазам — Макс Борнхефт возвращается. Мчится вниз по дороге, невзирая на огонь, чтобы вызволить меня отсюда. Я отчаянно машу ему. Дорога видна хорошо, она проходит как раз поперек неприятельского фронта. Перед машиной Макса и позади нее ложатся снаряды, но моему водителю они, похоже, нипочем. Макс останавливает вездеход, и я, оттолкнувшись руками от дна кювета, вскакиваю в машину. На бешеной скорости доезжаем до спуска. Нас встречает Макс Вюнше, это он корректировал огонь танкистов. Мне срочно подбривают волосы на голове, делают пару уколов, и я снова руковожу боем.

Упорно защищаемая высота 159 переходит в руки неприятеля только во второй половине дня. Оставшиеся в живых наши бойцы

отходят на участок От.

Оберштурмфюрер Хаук (командир танковой разведгруппы) докладывает об атаках 1-й польской танковой дивизии под Жором. Поляки пытаются овладеть переходом через реку. Все атаки отбиты. Во второй половине дня части 2-й канадской пехотной дивизии прорываются в Фалез. 6-я бригада под командованием бригадного генерала Янга, наконец, сумела овладеть городом Вильгельма Завоевателя. Но в превращенном в руины городе не утихают бои.

С наступлением темноты дивизия оставляет оборонительный рубеж и отходит к участку От. Новая линия обороны протянулась через Морто на Дамленвиль и до Фалеза.

День 17 августа начинается с новых атак 1-й польской танковой дивизии на Жор. 3-я батарея 12-го зенитного дивизиона почти вся уничтожена. Смертельно ранен командир батареи унтерштурмфюрер Хартвиг, оставшиеся бойцы оттеснены на восток.

Неприятель, перейдя Див, наступает на юго-восток. Теперь на пути в Трюн и Шамбуа у 1-й польской танковой дивизии уже нет ни одного сплоченного соединения. Фалезский котел можно захлопнуть.

Разведгруппа Хаука во второй половине дня уничтожена. Сам командир, оберштурмфюрер Хаук раненым попал в плен, но каким-то образом сумел бежать и сообщить в дивизию об угрозе ее правому флангу. Крупные танковые силы неприятеля маршем идут на Трюн.

В Фалезе продолжают отчаянно сражаться еще около 60 бойцов дивизии. Шестьдесят измотанных в боях, обессиленных солдат и офицеров, не знавших отдыха с 6 июня, противостоят 6-й канадской бригаде. Два «тигра» — основа, костяк этой группы образцовых солдат. Поздно вечером двое молодых солдат доставили последнее донесение обреченного на гибель отряда. Отряд погиб в ту же ночь в развалинах «Ecole Superieure».

Остатки дивизии яростно сражаются между Дивом и Неси (8 км юго-восточнее Фалеза у шоссе Фалез—Аржентан). В Неси два подбитых «тигра» сдерживают натиск танкового авангарда 53-й британской пехотной дивизии. 19 августа около 2 часов ночи оба «тигра» окончательно уничтожены. Оберштурмфюрер Майтцель вместе с оставшимися в живых бойцами попал в плен. Все члены экипажа «тигров» получили ранения.

В ночь с 18 на 19 августа мы избавляемся от уже ненужной нам передвижной радиостанции и других транспортных средств, оставив себе парочку вездеходов, бронетранспортеров и тягачей.

Перед самым рассветом командный пункт дивизии вблизи

Неси подвергается атаке пехотинцев на броне танков. Мой вестовой падает, сраженный пулей в живот. Мы забираем юношу с собой. Под прикрытием темноты с остатками ударной группы Краузе мы пробиваемся к югу и южнее железнодорожной линии обустраиваем новый рубеж охранения.

Штаб группы Вюнше ночью случайно попадает на позиции неприятеля и почти в полном составе оказывается в плену. Самого Макса Вюнше и еще двоих офицеров берут в плен лишь шесть дней спустя.

Около полудня на командном пункте появляется командующий 84-м армейским корпусом генерал Эльфельд вместе со своим начальником штаба подполковником фон Кригерном. Наша дивизия лишена связи с вышестоящим командованием.

Штаб 85-й пехотной дивизии (генерал-майора Фибига) по распоряжению армейского командования решает теперь транспортные вопросы, и ее командующему поручено взять на себя остатки нашей 12-й танковой дивизии.

В кольце окружения обстановка ужасная. Отступающие солдаты разгромленных немецких армий беспомощно взирают на проносящиеся по небу бомбардировщики союзников. Уже нет смысла и укрываться от их бомб. Стиснутые на узком участке, мы все скопом единая мишень для них. Все до единого лесные массивы переполнены обезображенными трупами лошадей и ранеными бойцами. Со смертью сталкиваешься на каждом шагу. Мы словно на ладони. Орудия 4-й канадской и 1-й польской дивизий имеют возможность бить по нам прямой наводкой. Куда ни пальни, обязательно в кого-нибудь да попадешь.

Совершенно случайно мы набредаем на командный пункт 7-й армии, расположившийся во фруктовом саду в нескольких километрах юго-западнее Трюна. Мы вместе с командующим отправляемся в штаб армии. Дороги непроезжие, они забиты моторизованными частями, гужевыми повозками пехотных дивизий. Повсюду горящие грузовики, взрывающиеся в огне боеприпасы.

Штаб 7-й армии мы находим в траншее позади крестьянского хозяйства. Наш уважаемый генерал-полковник Хауссер, усевшись на краю траншеи, изучает карту. Вместе с командующим тут же его начштаба полковник фон Герсдорф, подполковник штаба фон Шюге и майор штаба Гудериан.

Внезапно гремит взрыв — взлетел на воздух грузовик с боеприпасами. Полковник фон Герсдорф ранен. Но раздача приказов на этом не прерывается — полковник фон Герсдорф остается на месте.

Генерал-полковник Хауссер приказывает ночью выходить из окружения.

Прорыв из кольца окружения намечено проводить на рассвете силами 1-й танковой дивизии СС в районе Шамбуа, а 3-я парашютно-десантная дивизия, не открывая огня, попытается выйти из окружения под Сен-Ламбером. Остаткам 12-й танковой дивизии СС приказано удерживать северо-западную оконечность котла, а затем присоединиться к 3-й парашютно-десантной дивизии.

Пожав на прощанье друг другу руки, мы расстаемся. Командующий единственным здоровым глазом очень серьезно смотрит на меня — один глаз он потерял в боях под Москвой.

И снова мы вынуждены лавировать среди разрывов, постоянно укрываться. В каменоломне под защитой отвесных скал притаились бесчисленные солдаты.

Внезапно снаряд попадает прямо в группу пехотинцев. Многие солдаты погибают на месте. Одному фельдфебелю отрывает правую ногу выше колена. Мы пытаемся успокоить его, притиснув к скале. Кричим, призывая санитаров, но наши крики тонут в грохоте разрывов.

В какой-то лачуге мы находим командующего 2-м парашютно-десантным корпусом Майндля и командующего 3-й парашютно-десантной дивизией генерал-лейтенанта Шимпфа. Десантники обсуждают с нами детали выхода из окружения предстоящей ночью. Выход из окружения бойцов 3-й парашютно-десантной дивизии будут обеспечивать два танка «тигр».

Валясь с ног от усталости, добираемся до КП 12-й танковой дивизии СС. Поскольку ни о каком боевом планировании или управлении при выходе из окружения речи быть не может — все дороги забиты и вестовым в пункты назначения не добраться, решено поделить дивизию на две группы.

Пока еще имеющиеся в наличии моторизованные части попытаются выйти из окружения через Шамбуа под командованием Дрешлера, командира артиллерийского полка, передвигаясь в тылу 1-й танковой дивизии СС.

Штаб дивизии, передаваемый под командование генерала Эльфельда, и остатки ударной группы Краузе следуют за 3-й парашютно-десантной дивизией. Я решил поделить нашу группу на несколько подгрупп с тем, чтобы каждая из них могла действовать сообразно сложившейся ситуации. Орудия, для которых тягачи отсутствуют, намечено взорвать около полуночи.

Ближе к полуночи собираю все находящиеся в кольце окружения части на одном из крестьянских дворов. Подвижный дозор находится в составе 3-й парашютно-десантной дивизии. Так

как он до сих пор не вернулся и со стороны Сен-Ламбера шума боя не слышно, предполагаем, что десантникам удалось благополучно пробиться, и снимаемся с места. Генерал Эльфельд, подполковник фон Кригерн и Губерт Майер следуют во главе нашей колонны, которую я веду в Шамбуа. Мы вынуждены передвигаться напрямую, а не по дорогам — последние все равно забиты. Артиллерия неприятеля ведет беспокоящий огонь. Повсюду, куда ни глянь, отсветы пожаров, сопровождаемые периодическими взрывами — взлетают на воздух боеприпасы. Солдаты бредут, отупело глядя под ноги. Из-за царящего в кольце окружения хаоса крайне трудно ориентироваться.

С рассветом мы оказываемся западнее Шамбуа, где встречаем танковую группу 1-й танковой дивизии СС. Танкисты как раз собрались атаковать противника. Мы присоединяемся к ним в качестве пехотинцев сопровождения. Вскакиваю на корму одной из машин, по-свойски хватаю сидящего на броне пехотинца за ремень, чтобы не слететь с танка, и… в ужасе отпускаю. Боец мертв. Изрешечен осколками. Враг поливает нас огнем из противотанковых, танковых и артиллерийских орудий. Я лишен возможности управлять бойцами — танки, не выдержав огня противника, пятятся назад.

И снова собираемся в ивняке у русла реки Див и решаем перебираться на другой берег. Оказавшись там, собираю группу пехотинцев. Вся местность между Шамбуа и Трюном усеяна трупами солдат. Враг, засев на скалах, обстреливает всех находящихся в кольце окружения. Большинство погибших — солдаты подразделений снабжения пехотных дивизий, из-за гужевых повозок так и не сумевшие выбраться из котла.

Генерал Эльфельд и фон Кригерн пропадают без вести. Просто не сумели вовремя присоединиться к нам. Во избежание хаоса выстраиваю увеличившуюся группу за крестьянским подворьем. Вблизи большие группы наших солдат без оружия направляются в сторону противника — только так они представляют себе выход из окружения, но офицеры и часть солдат все же предпочитают присоединиться к нам. Но мы берем с собой только тех, кто в состоянии обеспечить себя хоть каким-то оружием. И большинство с пониманием относятся к моему решению.

Я знаю каждое деревце и каждый кустик здесь, между Шамбуа и Трюном — в этих населенных пунктах до вторжения союзников были дислоцированы части моего полка. Поэтому и решаю возглавить колонну. Бернгард Краузе ведет вторую часть нашей группы. Всего нас человек двести.

Губерт Майер, оберштурмфюрер Кельн и мой верный Михель

следуют вместе со мной. Нам предстоит быстро перейти через шоссе Трюн — Шамбуа. По дороге то и дело проносятся вражеские танки. Теперь наши оставшиеся в кольце окружения танки бесполезны — через русло Дива им не перебраться.

Во фруктовых садах, лесополосах, у стен домов — повсюду тела наших погибших товарищей. Все они были расстреляны танками 4-й канадской танковой дивизии. Удастся ли нам выбраться из стального кольца окружения? Враг занял высоты и спокойно обстреливает прилегающую местность, включая дороги.

Михель снимает с головы белую повязку. Этот храбрый казак из Днепропетровска считает: «Сейчас с повязкой нельзя, слишком уж заметно, потом достану другую».

С пистолетом в руке короткими перебежками передвигаюсь от одного укрытия к другому. Траншеи кое-где почти доверху забиты телами погибших. Видимо, тут поработали танки.

На полях и в лесополосах стоят брошенные грузовики. Мы осторожно приближаемся к откосу. Над головами свистит пулеметная очередь. Неужели попали между двух танков? Расстояние между ними метров 150, оба палят напропалую в кольцо окружения. Чуть вправо от нас ползет танкетка и вдруг исчезает из виду. И тут мы стремглав мчимся между двух живых изгородей на восток. Нам вслед молотит пулемет. Но нас уже не остановить. В несколько секунд мы врываемся на позиции канадцев. Все происходит почти беззвучно, только свист пуль да редкие разрывы гранат. Вот уже скоро перемахнем через линию ограждений. Я задыхаюсь, пот заливает глаза, рана на голове саднит, но останавливаться — значит погибнуть. Кольцо должно быть прорвано!

Вдруг метрах в тридцати от нас откуда ни возьмись британский «шерман». Губерт Майер орет мне что есть мочи — я же как оголтелый несусь прямо под танковые пулеметы. И не я один — все мы, словно белки или зайцы, прыгаем и скачем. Наше счастье, что живые изгороди хоть как-то скрывают нас от глаз противника. Нет, не могу больше! Слишком уж бурные выдались эти последние денечки. Губерт Майер, взяв на себя командование, призывает бойцов следовать за ним, и вскоре я остаюсь позади всех. Оберштурмфюрер Кельн и Михель со мной. В ушах щебетанье пулеметных очередей. Вижу на лице Михеля слезы бессилия — оттого, что я не поспеваю за ним. «Командир, давай же, давай, за мной! — то и дело повторяет он. — Еще сто метров, и все!»

Вдвоем с ним мы перебегаем луг. Я уже и не пытаюсь укрыться, просто бреду на восток. Потом падаю в придорожную канаву — здесь дожидаются меня мои товарищи. Немного погодя,

мы перемахиваем шоссе и взбегаем на протянувшуюся на северо-восток от Шамбуа цепочку высот. Молча смотрим оттуда на оставшееся позади кольцо окружения, проклиная тех, кто запросто отдал на заклание две армии.

После сдачи Кана возникла тема сокращения линии фронта на Сене. Мы считали, что преждевременный уход из западной части Франции осуществим и что создание «позиций на Сене» возможно. В конце концов, и за Сеной есть с кем сражаться, а танковые дивизии могли бы за это время отдохнуть и получить пополнение.

Идем по гребню высот. Но и здесь нас достают отдельные снаряды противника. Поскольку совершенно не знаем обстановки, мы настраиваемся на соединение с нашими частями лишь за Сеной.

Южнее Вимутье набредаем на посты боевого охранения танкового разведбатальона 2-й танковой дивизии СС. На командном пункте полка СС «Германия» узнаем, что полк наступает на Шамбуа и вместе с другими частями и соединениями пытается прорвать кольцо окружения. В силу ограниченности средств наступление захлебывается, но 21 августа оно успешно продолжено. Эта операция открывает возможность вырваться из котла многочисленным моторизованным и обычным группам войск. Видимо, полк при подготовке наступления сумел в точности выяснить обстановку.

Во второй половине дня 20 августа частям моторизованной группы дивизии также удается выйти из котла, а остальные ее части выходят на следующий день. Но артиллерия вследствие этого лишается значительного числа тяжелых орудий. Батарее 3,7-см орудий удается выйти практически в полном составе. Командир батальона связи штурмбаннфюрер Пандель гибнет при попытке спасти ценную для нас передвижную радиостанцию.

Сражение в Нормандии завершено.

Вновь немецкий солдат показал пример действий за пределами человеческих сил. Он ничем не заслужил ужаснейшего поражения в Фалезском котле. Солдаты, унтер-офицеры и офицеры выполнили свой долг до конца.

Причины поражения следует искать не в неспособности солдата. Солдат испил свою горькую чашу до дна по милости тех, кто азартно колдовал над штабными картами.

То, что немецкий солдат продемонстрировал в Нормандии, навеки обеспечило ему место в истории.

Лучше послушать, что говорит неприятель о молодых бойцах 12-й танковой дивизии.

«Только они и заслуживают военных наград в этой битве,

именно они, эти типы из СС. Любому из них не глядя можно вешать на грудь «Крест Виктории». Конечно, это свора ублюдков, но воюют они что надо! Мы в сравнении с ними — жалкие приготовишки» — вот слова одного солдата-пехотинца.

«Лишь немногие дивизии — неважно, союзные или же немецкие — смогли бы повторить то, что совершила 12-я танковая дивизия СС», — продолжает тот же боец.

Я уже не раз, исходя из обстановки, указывал на то, что тактика канадских частей маневренностью не отличается и они выигрывают лишь использованием численно превосходящих сил. В особенности это проявилось во время проведения операций «Totalize» и «Tractable». В ходе упомянутых операций канадцы не только утратили инициативу, но и упустили явную возможность до основания разгромить немецкие части.

2-й канадский корпус сражался против 12-й танковой дивизии СС с 4 августа. А это соединение между тем в реальности едва ли достигало численности нормального боеспособного батальона. Вот здесь и было упущено драгоценное время. Для удержания северного фланга котла и оказания давления на и так стиснутых со всех сторон немцев с избытком хватило бы одной-единственной канадской дивизии. Остальные три дивизии, включая превосходно вооруженные танковые, самое позднее 16 августа смогли бы захлопнуть крышку котла под Трюном и Шамбуа. Наши войска были не в состоянии прорвать это кольцо.

Поступи канадское командование именно так, вполне вероятно, что не было бы и Арденнского сражения. Ибо все танковые дивизии, задававшие тон в Арденнском сражении, сумели столь быстро привести в порядок потому, что опытный ее боевой костяк все же сумел выйти из окружения на участке между Трюном и Фалезом. А выход из окружения стал возможен лишь вследствие инертности, нерешительности канадского командования.

Мне представляется, союзники, проанализировав тактику 4-й канадской танковой дивизии, все же сделали выводы, потому что в упомянутой дивизии решили сменить командование. Но неужели бригадный генерал Кичинг единственный виноватый? Ведь канадцы сражались не с марсианами — их разведка работала неплохо, в особенности воздушная — самолеты-разведчики постоянно кружили над нами.

И майор Карри, возглавлявший авангард канадцев, получил свой «Крест Виктории» вполне заслуженно. 19 августа майор Карри сумел прорваться до самого Сен-Ламбера-сюр-Див, тем самым блокировав выход из котла для наших отступающих частей. Эта группа на самом деле внесла свой вклад, за что ей и

ее бойцам, как живым, так и павшим, наше солдатское почтение.

Во второй половине дня 20 августа я на командном пункте 1-го танкового корпуса докладываю о выходе частей дивизии из окружения. Нас здесь уже похоронили, поэтому встретили с небывалым радушием. Докладывая, я не мог совладать со слезами — ведь тысячи моих боевых товарищей навеки остались на полях Нормандии.

Обстановка такова, что западнее Сены нет устойчивого фронта, а восточнее ее нет соответствующим образом обустроенных оборонительных позиций. Одним словом, перспективы катастрофические. Одна надежда на «Западный вал».

С радостью узнаю, что направленные ранее на отдых части нашей дивизии успешно отразили натиск врага на линии Лейль — Вернель — Дре, предотвратив создание нового кольца окружения западнее Сены. Следует отметить, что упомянутые части действовали целиком и полностью на свой страх и риск. За это штурмбанфюрер Г. Бремер удостоился «дубовых листьев» к Рыцарскому кресту.

Оперативная группа (первый эшелон штаба) дивизии через Ле Небур добирается до Лувье, именно оттуда намерена осуществлять управление пока еще боеспособными частями дивизии.

Прорвавшиеся со стороны Дре и Вернеля американские танковые части досаждают арьергардными боями, пока наши вышедшие из окружения силы осуществляют переход через Сену у Руана. Первый эшелон штаба без потерь переправляется через реку возле Эльбефа.

В Руане являюсь к командующему группой армий «Запад» фельдмаршалу Моделю. Фельдмаршал воспринимает сложившееся положение без каких-либо иллюзий, считая, что для укрепления Западного фронта нам необходимо от 35 до 40 дивизий. Так как мы оба понимаем, что упомянутые 40 дивизий взять неоткуда, нам остается уповать лишь на «Западный вал».

Наскоро сколоченная ударная группа дивизий удерживает Эльбеф до 26 августа. После отхода из района обороны ударная группа блокирует излучину Сены южнее Руана у Форе-де-ла-Лонда, тем самым обеспечивая возможность отрыва от противника.

В Форе-де-ла-Лонд наши бойцы в последний раз ведут бои с канадцами. 2-я канадская пехотная дивизия задержана на данном участке до 26 августа. Во второй половине дня 29 августа ударная группа под командованием В. Монке окончательно отходит.

После двух суток пребывания в районе Ёевэ дивизия перебрасывается в район Ирсона — нечего и помышлять об

отдыхе вблизи линии фронта. Мы передвигаемся маршем только в темное время суток, минуя обагренные кровью поля сражений Первой мировой войны, через которые мы вихрем пронеслись на запад летом 1940-го. Наша маршевая колонна представляет собой жалкое зрелище. Один целый грузовик или тягач тащит сразу несколько поврежденных.

В Ирсоне дивизия переподчинена командующему танковыми войсками «Запад» генералу Штумпфу. Генерал лично пожелал убедиться, в каком состоянии находится соединение, и передает мне известие о награждении меня «мечами» к «дубовым листьям» Рыцарского креста.

Дивизия сразу же приступает к переформированию и довооружению разгромленных частей. Все необходимое должно поступить из Вердена и Метца.

Потери личного состава, вооружений и техники ужасают. Потери личного состава достигли 80 % от первоначального. Даже части снабжения, и те пострадали от потерь — следствие воздушных атак штурмовиков союзников.

Дивизия потеряла в боях более 80 % танков, а при отступлении — до 70 % разведывательных бронемашин и бронетранспортеров, 60 % артиллерийских орудий и 50 % транспортных средств.

В несколько дней такие потери, само собой, не компенсировать. Но иного выхода нет — как можно скорее соединение должно снова воевать.

Обстановка как в районе Ирсона, так и в целом особых поводов для восторгов не дает. Снабженческие части и вообще все не участвующие непосредственно в боевых действиях структуры оперативно перебрасываются восточнее Мааса.

31 августа американцы вышли к Суассону и Лаону и продолжают наступать на северо-восток. Ударная группа дивизии сдерживает продвижение американских частей в ночь с 1 на 2 сентября у Таона. Между тем в дивизию прибывает и группа Монке.

Поскольку существует прямая угроза удара противника в тыл дивизии, соединение отходит на северо-восток и у Анора занимает полосу заграждения. Приходится выигрывать время — необходимо дать возможность нашим пехотинцам перебраться через Маас. При следовании на эти позиции кавалер Рыцарского креста командир 3-го батальона 26-го полка Эрих Ольбеттер наезжает на мину, подложенную на дороге партизанами. В результате взрыва он лишился обеих ног и в ту же ночь скончался в госпитале в Шарлевиле. И снова я потерял верного боевого товарища, с которым плечом к плечу сражался с 1939 года. Эрих

был отчаянным воякой и образцовым командиром.

В ночь на 2 сентября мы вместе с остатками 116-й танковой дивизии удерживаем заградительные позиции под Бомоном. Под Филипвилем дивизия под натиском неприятеля вынуждена отступить к Флоренну. Уже на подходах к Флоренну от выпущенной вражеским снайпером пули погибает командир 2-го батальона 25-го полка гауптштурмфюрер Гейнц Шротт.

«Славная» борьба так называемых партизан была не чем иным, как коварным убийством из-за угла. Духовные предтечи партизанской войны — они и были истинными военными преступниками в этой войне. Именно они — враги человечности, взывающие к самым низменным инстинктам. Мне ни разу не пришлось сражаться с партизанами, как не пришлось испытать на себе жгучую ненависть к немцам со стороны бельгийцев и французов, о которой без умолку тараторят сейчас. Напротив, я могу лишь судить о самых добрых отношениях наших войск и населения занятых нами территорий. И в особенности это относится к испытавшей столько невзгод Нормандии.

Так называемые партизаны подняли голову тогда, когда угрозы для их существования уже не стало. Они не вели организованных боевых действий, предпочитая коварно поодиночке убивать немецких военнослужащих. С военной точки зрения их деятельность не сыграла сколько-нибудь важной роли. Но духовные инициаторы этого противоправного метода ведения войны добились того, что немецкие войска вынуждены были перейти к репрессивным мерам в отношении местного населения, что, в свою очередь, способствовало укоренению взаимной ненависти между народами на долгие времена. Нельзя отрицать и того, что союзники своим либеральным отношением к «партизанам» в немалой степени способствовали упрочению коммунизма в Европе. Без коварных акций «бесстрашных» партизан в оккупированных районах не было бы и повода для «процессов над военными преступниками».

4 сентября мы в районе Ивуара перешли через Маас для обустройства позиций за этим участком. Дивизии достался участок Годьен-У, а участок по обеим сторонам Динана заняла 2-я танковая дивизия СС.

Численность дивизии — 600 бойцов, которые поделены на две ударные группы. Боеготовых танков больше нет, а поврежденные находятся в ремонтных мастерских в Люттихе. Для вполне боеготовой батареи тяжелых полевых гаубиц отсутствуют боеприпасы. В качестве противотанкового оружия используем одну-единственную оставшуюся у нас батарею 8,8-см зенитных орудий, находящуюся на позиции у пересечения дорог западнее

Спонтена.

Американцы сразу же предпринимают попытку форсировать Маас под Годеном и у Ивуара, но отброшены, неся большие потери. Зато им удается создать плацдарм в районе У, войти в лесной массив и там закрепиться. В результате нашей контратаки плацдарм ликвидирован еще до наступления темноты 6 сентября.

Объезжаю участок дивизии, обсуждаю с Милиусом и Зибкеном вопросы продолжения обороны Мааса. В перелесках наши машины часто становятся объектом партизанских атак. Потерь, правда, у нас нет. Однако мы обнаруживаем шесть трупов — бойцов охранного батальона Люттиха. Они были коварно убиты во время привала.

Между Спонтеном и Динаном обстреляна наша разведгруппа. Кем — установить так и не удалось.

В ночь с 5 на 6 сентября американцам удалось перейти Маас у Намюра и восстановить неудачно подорванный мост.

Военный комендант Намюра перебрался на восток, не поставив об этом в известность соседние участки. Так что теперь американцам открыт путь в тыл защитников Мааса.

Около 11 часов разведгруппа разведывательного батальона наталкивается на шоссе Намюр — Сини на передовые отряды американских войск.

Меня «обрадовали», сообщив о случившем, едва я вернулся с командного пункта от Зибкена. Сначала мне это показалось настолько диким, что я не поверил, но уже в 11.15 получил соответствующее подтверждение от другой разведгруппы.

Сразу же поднимаю по тревоге подразделения и отдаю приказ с боями отступать к Урту. Отход возможен лишь с наступлением темноты. Надо торопиться! Неподалеку от Дюрнала могут быть американцы. Добраться до скрещения дорог в Дюрнале — дело нескольких минут. А нам как воздух нужен этот перекресток — им воспользуется для своевременного отхода первый эшелон штаба.

Первый эшелон штаба мгновенно исчезает в направлении Дюрнала. Направляю подразделение по какой-то узенькой дорожке через лес прямиком к Дюрналу.

Уже на подходах к Дюрналу Майер просит меня передать командование головной группой гауптштурмфюреру Хейнцельману. Подзываю к себе Хейнцельмана. У первых домов Дюрналя нас обгоняет машина.

Населенный пункт расположен в глубокой впадине. По левую сторону улицы протянулась каменная стена высотой метра в полтора, за ее восточным углом дорога описывает кривую.

Как всегда, стою в машине и пытаюсь мысленно угадать, что

нас ждет за поворотом. Глянув поверх стены, различаю главную дорогу из центра городка к пригородам и в Намюр.

И тут ору во всю глотку — предупредить Хейнцельмана. Но поздно! Гремит выстрел, снаряд попадает в первую машину. Из-за поворота выезжает американский танк.

В считаные секунды обстановка меняется. Мало радости вдруг оказаться на вездеходе-«Фольксвагене» перед танковой колонной.

Повернуть некуда. Танк медленно едет дальше. Имея подобный опыт «общения», знаю, что командир машины решил воспользоваться уникальной возможностью и просто-напросто раздавить гусеницами первый эшелон нашего штаба либо в упор расстрелять его. Так что прочь с дороги, да поскорее!

Словно в воду, прыгаю через ворота во двор, перемахиваю проволочную оградку, отделяющую двор от сада, но… Вот так сюрприз! Я в ловушке! Сбежать за выстроившимися в ряд домами не получится — двор упирается в склон горы и вдобавок обнесен высокой стеной. Едва взглянув на нее, понимаю, что мне ее не осилить, если я не желаю превратиться в мишень для американцев.

Необходимо где-то скрыться, но где? Единственная возможность — в курятнике! Уже собираюсь перемахнуть проволочную ограду, но тут Макс Борнхефт вовремя меня удерживает. Теперь мы оба в ловушке. Отсюда, из этого сарайчика, нет возможности проследить за противником. Придется дожидаться темноты.

Вдруг со стороны улицы слышатся громкие крики — местное население выражает восторг американцам. Слышу, как проезжают танки. В соседнем доме кто-то оживленно переговаривается, слышу фамилию — Кельн. Оберштурмфюрер Кельн. Что-то не припомню, когда видел его в последний раз — он значится в списке потерь.

Между тем уже 14 часов, по крыше постукивают капли дождя. Нет, я здесь больше не выдержу. Я должен знать, что творится снаружи. Прижимаясь к полу, подползаю к проволочной ограде. Едва добравшись до угла сарая, переживаю, наверное, самый драматичный момент за всю войну.

Вижу, как к забору подходят партизаны и начинают расспрашивать о чем-то пожилого крестьянина. Вероятно, о том, не видел ли он случаем у себя во дворе немецких солдат. Тот качает головой. Стиснув зубы, я лежу всего в нескольких метрах от партизан. Подойдя к забору вплотную, они изучают склон горы. Может, это мои последние минуты? Пальцы намертво обхватили рукоятку пистолета. Нет, так просто я им не дамся.

Единственное мое укрытие — густые заросли крапивы.

Но тут в соседнем дворе раздаются крики. Партизаны поворачивают головы. Один из моих товарищей схвачен. Ему точно конец. Мы с Максом почувствовали себя увереннее, сюда партизаны вряд ли вернутся, вроде все обыскали и никого не нашли, да еще и дождь зарядил. Минуты тянутся как часы. Мы безумно рады ненастью. Но, заметив кур, понимаем, что радоваться нечему. Птицы не торопятся в их оккупированное нами жилище. Ничего доброго это нам не сулит, поскольку старушка-крестьянка понять не может, что приключилось с ее подопечными, и пытается загнать кур в курятник. А те — ни в какую.

Крестьянин, просунув голову в курятник, недоуменно оглядывает его. Не следовало ему быть таким любопытным — секунду спустя он уже сидит на старой бочке в самом темном углу и в ужасе смотрит на дула наших пистолетов. Только этого нам и не хватало. Наше положение здорово усложнилось, потому что на очереди и его жена. Женщина явно забеспокоится и пожелает узнать, куда запропастился ее муженек.

Решаем отпустить старика с миром. Тот обещает молчать и не пытаться призвать на помощь партизан. Едва мы его отпускаем, как он исчезает.

Разумеется, мы его клятвенные заверения молчать и не думаем принимать всерьез. Едва он ушел, как мы забираемся на высокую стену, спрыгиваем вниз и… приземляемся как раз у командного пункта партизан!

Ничего подобного я и ожидать не мог. Трудно и предположить худший вариант. Партизаны разместились в котельной церкви, в ее подвале. Молодой паренек, стоя у двери в подвал, смакует первую американскую сигарету.

По лестнице поднимаются вооруженные до зубов партизаны. Мы, словно, мыши успеваем юркнуть куда-то за угол, потом перебегаем через церковный двор и оказываемся на кладбище, где находим убежище за могильными камнями. Но и тут мы не остаемся надолго, снова бежим, пока не оказываемся ни больше ни меньше, как в навозной куче в самом углу погоста. Отсюда уже бежать некуда. Я проворно забрасываю Макса старыми, высохшими венками и прошу его проследить за входом в церковь. А сам собираюсь переместиться за близлежащие кусты.

И тут слышу жуткий вопль. Так кричат в минуту смертельной опасности. Едва повернувшись, замечаю на лестнице двух полицейских, наставивших на меня оружие. Я мгновенно выхватываю свой пистолет и всем своим видом показываю, что, мол, стоит им шевельнуться, и я превращу их в решето. Оба явно

сдрейфили и, побросав винтовки, разбежались. Прочь отсюда! Добежав до южной окраины кладбища, снова вижу направленный на меня ствол карабина. Мужчина сначала с недоуменным видом стоит в дверях, а потом, видя, что бегу прямо на него с пистолетом в руках, пускается бежать. Понятно, нас окружили — старик все же выдал нас. Перескочив через кладбищенскую стену, лечу несколько метров и приземляюсь на деревенской дороге. Макс, кряхтя и сопя, следует за мной.

Бог ты мой, и откуда только такая прыть взялась? На что только способен бывает человек в минуту смертельной опасности! Дорога идет вверх. Кажется, что легкие вот-вот лопнут. На бегу слышу, как вскрикивает Макс. Поворачиваюсь и пару раз выпаливаю из пистолета вдоль дороги непонятно в кого. Вижу лежащего на земле Макса. В него попали. А вот храбреца, по нему стрелявшего, мои выстрелы заставили искать укрытие. Оглядываюсь и как раз вовремя замечаю у выезда из деревни двоих партизан. Они явно охраняют выезд. Ну, и куда мне теперь? Взгляд мой падает на низенькую дверь, прижатую камнем. Незаметно для партизан укрываюсь за дверью.

Едва дыша, сижу в сарае и гляжу наружу через щели между досками. Несколько минут спустя появляются партизаны. Бегая взад и вперед, осматривают каждый куст, заглядывают везде. Видимо, никак не могут взять в толк, куда я подевался, и переругиваются по этому поводу.

Один из партизан громко кричит мне выходить и обещает соблюдать права военнопленных и передать меня американским военным. Я на эту удочку не попадаюсь.

Чувствую, как пистолет у меня в руке прибавил в весе. Когда-то давно мы с товарищами поклялись друг другу живыми в плен не сдаваться. Это было в России, а там было не до шуток, там было все серьезнее некуда. Вот и настал мой час! Патрон дослан в патронник, и еще один торчит в обойме. Ну, что? Выполним клятву? Или же она оставалась в силе только на Восточном фронте? А здесь? Неужели здесь иные правила в ходу? Одна за другой текут минуты. Невольно гляжу на кусок металла в руке. На долю секунды в памяти всплывают лица жены, детей… Трудно, ох как трудно принять такое решение! А партизаны всего-то в паре метров от моего убежища. Отчетливо вижу их лица, на одних запечатлелась жестокость, другие, напротив, выглядят, как самые обычные штатские, лишь по необходимости взявшие в руки оружие.

Их предводитель вновь предлагает мне сдаться. Рядом с ним стоит мальчишка, лет, наверное, четырнадцати. Наверняка его сын. У мальчишки в руках карабин.

И вдруг мальчишку будто осенило — он, что-то лопоча, показывает на дверь и на камень. Дело в том, что рядом с камнем кусок земли остался сухим. Стало быть, камень сдвинули с места совсем недавно. Отец снова требует от меня сдаться по-хорошему.

Партизан стреляет прямо через дверь и просит у своих товарищей парочку ручных гранат. Потом стреляет еще и еще, пули разбивают доски в щепы, заставляя меня искать угол подальше от входа.

Не выдержав, кричу старшему:

— У меня ваш сын на мушке! Понял? Сдержишь обещание?

Отец инстинктивно прижимает мальчика к себе, после чего повторяет обещание обходиться со мной гуманно.

Ну, вот и все. Единственное, на что остается надеяться, так это на то, что сюда подоспеют мои товарищи и вызволят меня. Бросаю обойму в один угол, пистолет в другой. Что же за странное чувство обреченности? Видимо, это и есть плен.

Медленно приоткрываю дверь и, выйдя наружу, подхожу к предводителю группы партизан. Кое-кто из них готов тут же наброситься на меня. На меня направлен, наверное, с десяток стволов. Все кругом молчат. Не обращая внимание на оружие, пытаюсь встретиться взглядом с отцом мальчишки. Тот жестом велит опустить оружие. Недовольно ворча, его товарищи повинуются приказу. Мне приказано следовать к церкви. По пути партизанский вожак рассказывает мне, что, дескать, побывал в эту войну в Германии на принудительных работах, но, поскольку там отношение к нему было вполне нормальным, мстить ему не за кого и не за что, вот поэтому он и не собирается выступать в роли предводителя банды убийц. Хотя, добавляет он, иногда нелегко бывает удержать молодых парней не шлепнуть «фрица» на месте.

Макс Борнхефт так и лежит на дороге. У него рана в верхней части бедра. Доставляем его в полицейский участок, где ему делают обезболивающий и противостолбнячный уколы. Сельский врач — сама готовность помочь и услужить. Даже желает Максу скорого возвращения домой.

Один из полицейских извлекает из кармана наручники и защелкивает их у меня на запястьях. Острая боль пронзает руки. Партизаны с ухмылкой глядят на меня. Все!

Дальнейшая судьба 12-й Танковой дивизии СС

(записано Губертом Манером) (представлено в сокращении — прим, перев,)

После того как Курт Майер оказался в плену, потеря командующего, которого бойцы дивизии знали лично, а не только по имени, была воспринята ими как тяжелая утрата. Тем более что личный состав не знал о дальнейшей судьбе бригаденфюрера Майера.

Офицеры штаба дивизии, оставшиеся в живых и не попавшие в плен после знаменательной встречи с американцами в Спонтене, с наступлением темноты скрылись в небольшом лесном массиве на окраине городка. Партизаны, догадавшись, что они находятся именно там, попытались уговорить их сдаться, но никаких конкретных мер для захвата штабистов предпринять не решились. Офицеры слышали, как в Спонтен входит американская техника, потом слышали перестрелку, предположив, что в ней участвует их славный командующий дивизией, но ничего конкретного о его судьбе, разумеется, не знали, да и знать не могли.

Наконец, ночью они случайно (поскольку не имели карты местности) набрели на бойцов ударной группы Зибкена и рассказали ему об инциденте в Спонтене. Было решено отправить разведгруппу в этот населенный пункт. Группе со слов местного жителя удалось выяснить, что партизанами был захвачен какой-то высокий офицерский чин с орденом на шее. Его якобы нашли на дороге раненного в ногу, потом жандармы увезли его. У бойцов дивизии появилась надежда, что их командир жив.

Командование остатками дивизии принял первый офицер штаба. Ударная группа 25-го полка по-прежнему оставалась в подчинении штаба корпуса. Остатки же дивизии сняли с фронта и направили на отдых в Вестфалию, в горы Зауэрланда.

Согласно списку личного состава выяснилось, что в 12–1 танковой дивизии СС при первоначальном списочном составе в 20 000 человек (включая прибывших на замену) выбыли около 10 000, среди них 21 офицерский чин.

Дальнейшее комплектование дивизии осуществлялось из числа случайных военнослужащих: из остатков других разгромленных в боях моторизованных и танковых частей, из

наземных частей люфтваффе, военно-морских подразделений и даже из бойцов в беспорядке отступавших частей.

В декабре 1944 года дивизия участвовала в неудачном наступлении в районе Айфеля.

В начале 1945 года соединение снова было переброшено во Францию, где участвовало в наступлении у Арденн.

В начале февраля 1945 года после очередного переформирования 12-я дивизия была переброшена в Венгрию, где до начала мая 1945 года сражалась с частями Красной Армии. В первых числах мая было принято решение о переброске ее за демаркационную линию, с тем чтобы избавить личный состав от русского плена. 8 мая 1945 года дивизия маршем отправилась в плен к союзникам.

notes

Примечания

1

Имеются в виду англо-американские войска. — Здесь и далее прим. переводчика.

2

От автора fb2 версии — Статья отсутствует в бумажной версии, но я решил вставить её в файл, для лучшего понимания личности «Panzermeyer»-а

3

БМР — боевая машина разведки.

4

Оберштурмфюрер — эсэсовское офицерское звание, соответствующее обер-лейтенанту (старшему лейтенанту) вермахта.

5

Унтерфюрер — обобщающее эсэсовское звание младших командиров, соответствующее унтер-офицерам вермахта.

6

Так автор называет Вацлавскую площадь в Праге.

7

Обершарфюрер — эсэсовское звание, соответствующее фельдфебелю вермахта

8

Штурмбанфюрер — эсэсовское звание, соответствующее майору вермахта.

9

Гауптштурмфюрер — эсэсовское звание, соответствующее гауптману (капитану) вермахта.

10

Гауптшарфюрер — эсэсовское звание, соответствующее оберфельдфебелю в вермахте

11

Кронштадт — ныне г. Брашов (Румыния).

12

Херманнштадт — ныне г. Сибиу (Румыния).

13

Оберштурмбаннфюрер — эсэсовское звание, соответствующее званию подполковника вермахта.

14

Унтерштурмфюрер — эсэсовское звание, соответствующее лейтенанту вермахта

15

Сошник — зд. — металлическая пластинка у лафета артиллерийского орудия, препятствующая откату орудия в момент выстрела

16

Роттенфюрер — эсэсовское звание, соответствующее примерно ефрейтору вермахта

17

Руки вверх! (англ.)

18

«Брен» — вооружения, в частности, танки англо-чешского производства (марка «Брен» происходит от слияния двух сокращений: «Вгпо» и «England»).

19

Ольмюц — ныне г. Оломоуц (Чехия).

Ратибор — ныне г. Рацибуж (Польша).

21

Бойтен — ныне г. Бытом (Польша).

22

Устилуг — город (с 1940 г.) на Украине, Волынская обл., на р. Зап. Буг, при впадении в нее р. Луга, в 12 км от ж.-д. ст. Владимир-Волынский. 2,4 тыс. жителей (1991). Музей пограничной славы, Дом-музей И.Ф. Стравинского. У. известен с 1150 г.

23

Рыцарский замок Фогельзанг — военно-учебное заведение СС. Всего существовало 4 так называемых Рыцарских замка: в Гроссинзее, Зонтхофене, Фогельзанге и в Мариенбурге. В каждом из них насчитывалось 1000 учащихся, которые назывались юнкерами. В каждом из четырех Рыцарских замков учащиеся проводили по году. В Гроссинзее они занимались боксом, верховой ездой и планеризмом. В Зонтхофене основными предметами были скалолазание и лыжи. В Фогельзанге — общая физическая подготовка. В Мариенбурге — окончательная идеологическая обработка в духе национал-социализма.

24

Кан — город и порт на севере Франции, в Нормандии, на р. Орн, близ берега пролива Ла-Манш, с которым К. связан судоходным каналом. Административный центр департамента Кальвадос. 114 тыс. жителей (1968), после разрушения в 1944 году К. был перестроен.